

И.Н. КСЕНОФОНТОВ

**ГЕОРГИЙ ГАПОН:
ВЫМЫСЕЛ
И ПРАВДА**

И.Н.КСЕНОФОНТОВ

**ГЕОРГИЙ ГАПОН:
ВЫМЫСЕЛ И ПРАВДА**

№1
БН-5757

сх

Москва
РОССПЭН
1996

11

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 96-01-16137

КСЕНОФОНТОВ И.Н.

Георгий Гапон: вымысел и правда. — М.:

К 86 Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),
1996. — 320 с., ил.

Имя Г.Гапона навсегда связано с началом революции 1905-1907 гг. в России. В прошлом о нем говорилось как об агенте охранки и сегодня эта оценка по-прежнему господствует. Автор рассматривает этот вопрос и на него дает свой вариант ответа. Исследуются связи Гапона с различными революционными партиями России, его контакты и деятельность за границей, Гапон характеризуется как политическая личность на основе трех периодов его жизни — до 9 января 1905 г., в эмиграции и в последние месяцы перед смертью. Первым заподозрив Азефа в двурушничестве, Гапон тем самым подписал себе приговор: охранка спасала своего важного осведомителя. Гапон, по мнению автора, не был агентом охранки, по своему складу постоянно стремился выделиться и быть первым, что определяло логику его поведения — азарт и, зачастую, непредсказуемость поступков, граничащих с авантюрой.

ЕГО ЗНАЛИ НИКОЛАЙ II, ПЛЕХАНОВ, ЛЕНИН, АЗЕФ, ЖОРЕС, КЛЕМАНСО...

В истории личности священника Георгия Гапона, шедшего 9 января 1905 года во главе десятков тысяч петербургских рабочих к царю в Зимний дворец, а 28 марта 1906 года повешенного по обвинению в предательстве этими же рабочими на даче в Озерках под Петербургом, много неясных, загадочных, а порою и темных страниц, пока еще не получивших, на наш взгляд, убедительного толкования в литературе. Последнее объясняется прежде всего тем, что многие годы эта страница нашей истории освещалась по весьма примитивному и очень удобному шаблону: поп Гапон — агент царской охранки, а потому и представляет из себя обыкновенного провокатора. И все, что не укладывалось в эти рамки, не могло получать выхода на страницы печати и научных исследований. Сегодня имеются сдвиги в освещении этой темы, в печати появляются статьи, авторы которых с различных политических позиций касаются событий 9 января, роли Гапона в рабочем движении тех лет¹. Однако цельных работ о жизни и деятельности Гапона нет и, думается, что и по сей день в данном конкретном вопросе нашей истории мы не далеко ушли от прошлых оценок, базируя их в основном на материалах российского охранного отделения и партии эсеров, то есть тех организаций, которые как раз и не были заинтересованы в объективном освещении всех фактов, связанных как с самим Гапоном, так и вокруг него.

Деятельности Гапона порой придают какой-то детективный характер, что не соответствует действительности. Отсутствие в таком случае объективности в изложении позволяет замалчивать неприятные факты и моменты из истории политических

организаций и структур власти старой России, заменять «одну» правду «другой». И в итоге мы по-прежнему остаемся в неведении того, почему имя Гапона более года будоражило Россию и Европу. Мы не знаем, был ли он на самом деле предателем или искренне находился на стороне рабочих 9 января 1905 года, честный ли он человек или просто авантюрист, который лишь по стечению обстоятельств стал калифом на час.

Обращаясь к нашему прошлому начала века, мы должны делать это не ради праздного любопытства или освещения очередного «белого пятна», как это сейчас стало модно квалифицировать, а с целью восстановления истинного хода событий того далекого времени. Для более полного, а главное — точного, их воспроизведения на основе уже имеющихся в нашем распоряжении фактов, материалов, оценок. А они позволяют дать более полную характеристику деятельности Гапона и его личности, более всестороннюю, чем это было сделано ранее. Ведь Гапона одноцветно, как прежде, «не нарисуешь». До 9 января 1905 года, в эмиграции, в последние месяцы жизни — вот «три» Гапона, в каждом из которых что-то «свое», и в то же время во всех «трех» есть что-то «общее». И здесь, вероятно, будет полезно глубже и аналитичнее «использовать» тот круг лиц, с которыми встречался Гапон, которые знали его и позднее писали о нем.

В самом деле, ведь Гапон был известен членам святейшего Синода России, включая всесильного Победоносцева, многим министрам Николая II и приближенным к нему лицам, руководителям царской охраны за границей и в стране.

С Гапоном были знакомы видные российские революционеры — представители различных социалистических течений — Ленин, Плеханов, Мартов, Троцкий, Луначарский, Дан, Гоц, Засулич, Азеф, Савинков, Чернов, Дейч, Брешко-Брешковская, Аксельрод...

Его знали Максим Горький, матрос-потемкинец Матюшенко, художник Верещагин, князь-анархист Хилков...

За границей Гапона принимали видные политические деятели, мастера культуры, представители науки — Жорес, Клемансо, Анатолий Франс, Мирбо, Надар, Бертло...

Все они, конечно, по-разному оценивали взгляды и деятельность Гапона, давали ему взаимоисключающие характеристики. Вместе с тем, многие из них видели в нем своего рода индивидуальность, определенный типаж, который обладал своим, если

можно так сказать, внутренним жестом, имел присущие только ему манеры и речь, что в целом и определяло особую логику поведения Гапона в ходе связанных с его именем событий.

Возможно, кому-то может показаться, что стоит ли сегодня заниматься личностью Гапона, ведь это давно прошедшее время, или, как говорят, «плюсквамперфект». К тому же многие философы не раз напоминали нам — например, Г.Спенсер, — что «никакой век не в состоянии написать своей собственной истории»². Нам представляется, что нет необходимости возражать против этих известных истин. Более того, с ними хотелось бы выразить согласие.

Однако в то же время необходимо и сказать, что историю тем не менее надо начинать писать сегодня, восстанавливая с этой целью ее отдельные не до конца ясные страницы, не выбрасывая из них никаких имен и воздавая каждой личности должное. Сказанное имеет прямое отношение и к Гапону, личность которого оказалась навсегда связанной с событиями начала первой революции в России. И освещать его роль в них надо с позиций правды, а не конъюнктуры. Думается, что замечательно выразился на этот счет Константин Симонов. «Надо, чтобы история была в нашем сознании действительно историей, — писал он. — Нельзя выковыривать из нее только изюминки, как пятилетний ребенок из булки»³.

Именно с таких и только с таких позиций автор и делает попытку ответить на вопросы относительно личности Георгия Гапона и показать его роль в событиях начала первой российской революции в предлагаемой читателям книге.

Глава первая

ВТОРОЙ ЗУБАТОВ?

За два дня до шествия рабочих к Зимнему дворцу, то есть 7 января 1905 года, петербургская газета «Новости» поместила беседу своего сотрудника с Гапоном. Так Россия впервые узнала его биографию. С тех пор ее излагали на страницах многих газет, журналов и книг. И как водится в случае, когда речь идет о личности, о которой нельзя сказать однозначно, по-разному трактовались отдельные факты из жизни Гапона. Скажем, уже после его насильственной смерти появились высказывания, в которых доказывалось, что по своему происхождению он был евреем¹. Видимо, в российской действительности все более давали себя знать такие факторы, как расширение деятельности черносотенного «Союза русского народа», поражение декабрьского восстания в Москве, первые еврейские погромы. Словом, Россия вползала в полосу махровой реакции.

Но это еще было впереди. А пока же из всей той суммы сведений, которыми мы располагаем на сегодняшний день, вырисовывается следующая картина о происхождении и первых годах жизни нашего героя.

Георгий Аполлонович Гапон² — уроженец Полтавской губернии, села Беляки, что раскинулось по обеим берегам Воркслы, Кобелякского уезда — родился в 1871 году; отсюда же были родом и его родители — казак-отец и крестьянка-мать, которые не были богатыми, но и не относились к беднякам.

Отец его образования не имел, начальные знания получил от местного пономаря. Он был, судя по словам Гапона, честным, добрым и отзывчивым человеком, хорошо знал людей и крестьянскую жизнь, среди сельчан пользовался большим ува-

жением, о чем красноречиво говорит тот факт, что в течение 35 лет подряд его выбирали волостным писарем.

Мать Гапона также не имела никакого образования, читать научилась у своего отца — глубоко верующего человека, была очень набожной женщиной и много времени проводила за чтением религиозных книг. Она знала много народных песен, хорошо пела их.

Таким образом, с детства Гапон воспитывался в крестьянской семье, по мере своих сил помогал по хозяйству, видел многие несправедливости жизни, слышал о них от своего отца, через мать и деда активно приобщался к религии. Словом, здесь, в семье, начиналось формирование взглядов Гапона, его жизненных убеждений: трудолюбие и религия, с одной стороны, и несправедливости и тяготы жизни — с другой. Потом это все будет сопутствовать Гапону на его пути, заставляя искать выход из складывающихся обстоятельств.

Семи лет он пошел в сельскую начальную школу, учился хорошо, и местный священник рекомендовал родителям продолжить образование ребенка. В дальнейшем, будучи за границей, Гапон в своей автобиографии напишет, что выбор для него карьеры духовного лица определялся двумя обстоятельствами: материальным обеспечением и возможностью не только самому попасть «на небо», но и помочь в этом своим близким. Думается, что решающим в этом вопросе для крестьянской семьи был прежде всего материальный фактор. К тому же и поддержка местного священника, обратившего свое внимание намышленого мальчика, была обеспечена: церковь всегда проявляла заботу о подготовке кадров священнослужителей, опекала и поддерживала тех молодых людей, особенно проявивших способности в учебе, которые готовы были посвятить себя служению богу. Другими словами, перед Гапоном была в это время только одна, причем во многом гарантированная, дорога к продолжению образования — это духовная семинария в Полтаве, куда было решено его и отправить.

Поскольку он хорошо сдал вступительные экзамены, то был принят во второй класс. Судя по автобиографии Гапона³, в Полтаву он был послан не сразу после окончания учебы в начальной школе, а его пребывание в духовном училище затянулось на целый ряд лет. Так, Гапон, рассказывая о своей жизни, пишет, что в последнем классе училища ему было 15 лет⁴. В свою очередь один из воспитателей семинарии, Иван Михай-

лович Трегубов, вспоминал впоследствии, что в конце 80-х годов он имел среди своих учеников и Георгия Гапона, которого знал 15-17-летним юношей⁵. А вот указ святейшего Синода России от 30 июля, относящийся к 1898/1899 учебному году в духовной академии в Петербурге, называет дату окончания Георгием Гапоном полтавской семинарии 1893 год⁶.

В чем тут дело? Почему учеба Гапона в Полтаве продолжалась столько лет?

Гапон вспоминал, что в своей крестьянской одежде, со своими «мужицкими манерами» он нелегко входил в коллектив учащихся семинарии, состоящий в основном из детей священнослужителей и дьяконов. Словом, уроки социального неравенства продолжались, но с той лишь разницей, что теперь Гапону приходилось испытывать их на себе. Естественно, что Гапон платил своим обидчикам, как он пишет, «их же монетой»⁷.

Учился он хорошо, много общался с преподавателями-толстовцами И.Б.Фейрманом и И.М.Трегубовым, порою высказывал свои взгляды как по религиозным, так и общежитейским вопросам, порицая лицемерие и ханжество, царившие в действительной жизни несправедливости. Иван Михайлович Трегубов так вспоминает о своем ученике тех лет: «Это был юноша умный, серьезный, вдумчивый, хотя очень живой. Он всегда был одним из первых учеников, отличался исполнительностью и большою любознательностью. Он читал очень много и интересовался всякими вопросами. Я давал ему разные книги, которые имелись в училищной библиотеке, и, между прочим, запрещенные сочинения Льва Толстого, ходившие тогда в рукописях...»⁸

Разумеется, взгляды Гапона, его высказывания не оставались тайной для семинарского начальства. Гапону пригрозили лишением правительственной стипендии, но в ответ он заявил, что сам отказывается от ее получения. Надо полагать, что все это в какой-то момент закончилось для него плачевно. Во всяком случае, В.Г.Короленко в своей статье «9 января 1905 года», говоря об этом периоде учебы Гапона в Полтаве, писал: «Страстная, импульсивная натура и склонность к шероховатой несдержанной правдивости создавали ему много затруднений, и он был исключен»⁹. Видимо, это произошло на последнем курсе семинарии. Оказавшись «свободным», Гапон, чтобы содержать себя, стал давать уроки в домах богатых людей, местного духовенства. При этом он близко знакомился с их жизнью, взглядами, наблюдая одновременно нищету и болезни среди

простых людей, давящий на них гнет постоянных забот. В итоге, как напишет потом сам Гапон, он «все яснее видел противоречие между евангельским учением и обрядами и догматами церкви»¹⁰. Очевидно, все это вызвало у него душевный кризис и надлом, который он тяжело пережил: долго болел — сначала тифом, потом, как пишет Гапон, «воспалением мозга».

Во время болезни к нему приезжал отец, который, конечно же, разговаривал с сыном и, безусловно, дал ему какие-то житейские советы. Не исключено, что в это же время к судьбе Гапона проявил внимание и полтавский епископ Иларион, знавший, естественно, как о нем, так и о его «деле». В.Г.Короленко высказывает следующее предположение о развитии событий вокруг Гапона после исключения последнего из семинарии: «Но затем, повидимому, он пережил столь же порывистые приступы смирения, которые привлекли к нему благосклонное покровительство покойного полтавского епископа Илариона (епископ скончался в январе 1904 года, а Короленко писал это в январе 1905 года — авт.). Он был опять принят в семинарию...»¹¹

Надо сказать, что хотя Гапон довольно успешно закончил в 1893 году Полтавское духовное училище, однако, последний год учебы он, по его словам, все более задумывался над тем, сможет ли быть священником. Возможно, поэтому он менее прилежно стал относиться к занятиям в семинарии и, наоборот, больше времени уделять посещению бедняков и больных. Разумеется, это сказывалось на его успеваемости, равно как и на отношении к нему со стороны начальства семинарии. И когда подошло время выпуска из семинарии, в отношении Георгия Гапона вновь разразился скандал.

Все началось как-то неожиданно. Надо полагать, что частые отсутствия Гапона на занятиях последнего года обучения в семинарии не позволили ему достаточно хорошо подготовиться по одному из основных предметов — догматическому и нравственному богословию. Зная, что он не имеет никакой надежды получить на экзамене хорошую отметку по этому предмету, Гапон пришел к преподавателю В.Щеглову и стал настаивать на том, чтобы тот оценил его знания по данному материалу на четверку. Этот инцидент был в дальнейшем зарегистрирован в журнале учебного комитета при святейшем Синоде России за № 249 от 14 июля 1898 года при поступлении Гапона в духовную академию в Петербурге; в нем концентрировалась вся предшествующая анкетная информация об абитуриенте¹².

О чем же в ней говорилось? Из нее следовало, что Гапон не думал продолжать дальше свое образование в области богословия, что он предполагал поступать в университет, ибо хотел лечить людей, что для этого ему было нужно закончить семинарию с дипломом первой степени. Ради этого он «позволил себе грубую выходку» по отношению к преподавателю полтавской семинарии В.Щеглову, говорилось в материалах учебного комитета о Гапоне, угрожая последнему в противном случае погубить и себя и его. Шантаж, видимо, не возымел действия, и Гапон в день экзамена по догматическому и нравственному богословию направляет ректору духовной семинарии письмо, извещая последнего о том, что по причине расстройства физических и душевных сил он не может экзаменоваться по данному предмету.

Такова история еще одного срыва Гапона, которая закончилась для него весьма прискорбно: специальным постановлением педагогического собрания правления Полтавской семинарии от 9(22) июня 1893 года за этот поступок «звания студента семинарии священник Гапон не удостоен»¹³. В итоге он оказался окончившим курс обучения с дипломом второй степени и со сниженной оценкой по поведению, а его поступки дали повод руководству семинарии считать Гапона не имеющим расположения к духовному званию.

Здесь мы позволим себе несколько отвлечься в сторону. Читатель, возможно, обратил внимание, что мы стараемся скрупулезно указывать точную дату тех или иных событий, связанных с Гапоном и вокруг него. Мы будем делать это и впредь, рассказывая о его жизни и деятельности строго хронологически, буквально, когда это будет возможно, по месяцам и дням, поскольку такой подход, как нам кажется, позволит более четко и ясно показать причины и следствия, отделяя их друг от друга, равно как отделяя вымысел от правды и правду от вымысла. Только таким образом можно показать действительное место Гапона в тех событиях начала XX века, с которыми его навсегда связала История.

Итак, летом 1893 года Георгий Гапон был выпущен из стен Полтавского духовного училища. Сан священника его пока не ожидал, прихода ему также никто не предлагал. Надо было как-то устраиваться в жизни. В Полтаву к Гапону снова приехал отец, чтобы, видимо, и остудить угловатый и резковатый характер сына, и приободрить его. Гапон стал опять давать уроки, некоторое время служил земским статистиком в Пол-

гавской губернии. Последнее дало ему возможность близко познакомиться с разными сторонами жизни крестьян. Цифровые данные, которые он собирал по губернии, наглядно свидетельствовали о бедственном положении сельских труженников. Кругозор Гапона расширялся, он читал попадавшую ему в руки запрещенную литературу, до него доходили сведения о революционерах, которые, как он впоследствии вспоминал, «все свои способности, все благосостояние и даже жизнь отдавали на служение народу», и я уважал это просвещенное и самоотверженное меньшинство¹⁴.

И здесь в жизни молодого Гапона вновь происходит поворот. Давая уроки в доме одного состоятельного горожанина, Гапон через свою подопечную знакомится с ее подругой, дочерью полтавского купца. Молодые люди подружились, высказывали взаимное желание служить народу, строили планы на будущее. Под ее влиянием Гапон согласился с тем, что помогать ближним лучше в рясе священника, нежели в мундире чиновника. И они договорились о том, что поженятся, а Гапон всерьез будет думать о карьере священнослужителя. Все это происходило через год после выпуска из стен духовной семинарии, то есть в 1894 году¹⁵.

Однако осуществить задуманное молодым оказалось нелегко: родители невесты, особенно ее мать, воспротивились этому браку. Понять их «купеческий» отказ было можно: ведь, кроме внешности, у жениха чего-либо особенного за душой не было, капиталов каких-либо не предвиделось. Надо отдать должное невесте — она решительно воспротивилась мнению родителей и заявила им, что от своего выбора не отступится. Как бы дальше решилось это дело, сказать трудно, если бы на сцену вновь не выступил епископ Иларион.

Гапону пришлось обращаться за помощью к своему благодетелю, рассказав ему как о своих сердечных делах, так и о своем желании стать священником и получить приход, по возможности, на родине. И здесь мы наблюдаем, как Гапон под воздействием жизненных обстоятельств начинает успешно осваивать «науку» лавирования ради достижения поставленной перед собой цели. Он уже умеет убеждать собеседника, привлекать его на свою сторону, находить веские аргументы для обоснования своей точки зрения. Во всяком случае, епископ Иларион говорил с матерью невесты и убедил ее дать согласие на брак своей дочери с Гапоном, которому он, Иларион, обещал свое покров-

вительство. Молодые поженились, а спустя год Гапон, который с помощью епископа сначала побыл некоторое время дьячком, затем, как он вспоминает, «один день дьяконом», был рукоположен в священники¹⁶. Это произошло приблизительно в 1895 году.

Итак, епископ Иларион сдержал свое слово. Более того, он нашел место в Полтаве: Гапон стал священником кладбищенской церкви. Душевное отношение к людям, особенно бедным, нестандартное несение службы, отсутствие какой-либо алчности и, конечно, внешние данные нового церковнослужителя делали свое дело: кладбищенская церковь хотя и не имела своего прихода, но молящихся с каждым разом приходило в нее все больше, и церковь уже не могла вместить всех.

Авторитет Гапона среди окрестного населения рос, а это, в свою очередь, порождало и зависть к нему со стороны других священников, которые хотя и имели приходы, но теряли часть верующих, предпочитавших обращаться со своими просьбами к новому батюшке. Естественно, что Гапону, хотя архиерей, епископ Иларион, и благоволил к нему, приходилось вступать в конфликты как со своими коллегами, так и с церковным начальством-духовной консисторией, не раз штрафовавшей его за выполнение просьб верующих из приходов других священников.

Будучи священником в Полтаве, Гапон уже начинает четко отрабатывать линию поведения в отношении людей. «Свою жизнь и поступки, — писал он позднее, — я старался согласовать с тем, что я говорил в своих проповедях; на свое призвание я смотрел не как на способ наживаться и довольствоваться тем, что мне давали, и этого одного, не говоря о других причинах, было достаточно, чтобы привлечь ко мне народ»¹⁷.

Надо сказать, что в качестве священнослужителя Гапон придерживался этих принципов всегда. И в этом смысле епископ Иларион не ошибся в нем: Гапон умел привлекать к себе верующих, умел зажигать их, и они вручали ему свои души, верили ему, любили его.

Прошло два года, как Гапон служил священником. Ему нравилось положение духовного наставника людей, и он все больше входил во вкус своей новой должности. У него уже было двое детей — дочь Мария и сын Алексей. Но судьба вновь устраивает испытание Гапону. После рождения мальчика жена Гапона очень серьезно заболела, ее силы стали таять, жизнь в ней угасала. В начале 1898 года она умерла.

Состояние крайне возбудимого Гапона в это время было

чрезвычайно угнетенное. Сначала он даже думал переменить место, уйти в монахи. Поддерживало его, видимо, одно. Читатель, конечно, помнит, что у него с женой еще до свадьбы была договоренность о духовной карьере. И Гапон стал задумываться о духовной академии в Петербурге. Однако для этого у него было очень серьезное препятствие: мешал полученный им документ об окончании полтавской семинарии. Содержащаяся в дипломе Гапона отметка о его поведении практически закрывала ему дорогу в академию. К тому же нельзя было не принимать в расчет и то обстоятельство, что начальство семинарии подвергло вообще сомнению возможность для Гапона быть священником.

Словом, трудности у него были большие, и он вновь обратился за советом к архиерею Илариону, который обещал помочь ему в этом деле. В Петербург в учебный комитет при святейшем Синоде на Гапона были посланы уже известные нам отчасти документы из полтавской духовной семинарии, его оценки за время обучения в ней и ходатайство Илариона. Последнее было послано через всесильного обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева, который бывал в Полтаве и знал архиерея Илариона. Одновременно Гапон заручился и протекцией одной дамы, очень богатой полтавской помещицы, которая рекомендовала его В.К.Саблеру, бывшего тогда товарищем обер-прокурора, то есть ближайшим помощником опять-таки того же Победоносцева. Безусловно, эта поддержка Гапону имела для него такое же решающее значение, как и ходатайство архиерея Илариона.

Итак, летом 1898 года Гапон тронулся в Петербург. Ехал он через Москву, в которой ненадолго остановился, побывал в Сергия-Троицкой лавре, осмотрел первопрестольную и в июле приехал в столицу, остановившись на Адмиралтейской набережной в собственном доме полтавской помещицы, давшей ему рекомендательное письмо к Саблеру. По прибытии в Петербург Гапон нанес ряд важных для его дальнейшей карьеры визитов: прежде всего он посетил Саблера, который посоветовал Гапону для решения своих вопросов встретиться с председателем учебного комитета отцом П.А.Смирновым, являвшимся одновременно настоятелем Исаакиевского собора, а затем побывать на приеме у Победоносцева. Гапон скрупулезно следовал советам Саблера. Он виделся в Синоде со Смирновым, был на приеме в Царском Селе у Победоносцева, который уже

знал о Гапоне от епископа Илариона. Победоносцев также сказал Гапону, чтобы он посетил отца Смирнова на дому в Царском Селе и передал тому его желание видеть в Синоде благоприятный отзыв о Гапоне. Смирнов в свою очередь посоветовал побывать у председателя Синода митрополита Палладия, что и было сделано Гапоном.

Итогом всех этих хождений Гапона по церковным инстанциям было решение о допуске его к экзаменам для поступления в духовную академию. Рекомендации влиятельных духовных и гражданских лиц сделали свое дело. В журнале учебного комитета от 14 июля 1898 года за № 249 о характеристике Илариона в отношении Гапона говорилось следующее: «Преосвященный Иларион дал отзыв, как о пастыре искренно-благотворительном, ревностном в проповеди слова божия, назидательном и учительном на внебогослужебных собеседованиях, собиравших к нему множество слушателей, хотя церковь его и бесприходна»¹⁸. Наверное, лучшего ходатайства за Гапона трудно и представить. Ведь в нем выражалось главное, за что церковь прежде всего и ценит своих людей: большое доверие верующих к конкретному священнослужителю. И через пару недель, 30 июля, святейший Синод издал указ, в котором говорилось: «По ходатайству преосвященного полтавского о разрешении вдовому священнику Полтавской епархии Георгию Гапону, окончившему в 1893 году курс в полтавской семинарии по 2 разряду, держать приемные испытания в академию, приказали: во внимание к одобрителному отзыву преосвященного Илариона о служебной деятельности вдового священника кладбищенской Всехсвятской г. Полтавы церкви Георгия Гапона, а также имея в виду, что священник Гапон в выпускном свидетельстве имеет по успехам и поведению баллы, установленные для студента семинарии, разрешить правлению СПб. Д. Академии допустить священника Гапона к приемным испытаниям для поступления в число студентов 1-го курса»¹⁹.

В связи с «учебным» делом Гапона обратим внимание на один момент. Его прошение о поступлении в духовную академию рассматривалось учебным комитетом при святейшем Синоде раньше, чем оно было заслушано самим Синодом. По сути дела, в комитете уже были подготовлены все необходимые материалы для положительного решения Синодом вопроса о Гапоне. Здесь, безусловно, сыграли свою роль высоко положительные рекомендации Гапона как священнослужителя. Вместе

с тем и хождение самого Гапона по лестницам церковной иерархии, резко отрицательно обрисованные им в автобиографии, стали для него, тем не менее, весьма полезными, поскольку он приобрел очень весомые связи с верхами церкви. А устанавливать эти связи, производить впечатление на собеседников Гапон умел.

Итак, допущенный к экзаменам Гапон сдал их, как он писал в автобиографии, «блестяще». Получив персональную стипендию, он стал студентом, поселился в здании академии и приступил к занятиям. Он полагал, что в стенах академии найдет ответ о смысле жизни, сможет свободно, не стесняемый никакими предрассудками, искать истину, словом, приобрести то, что помогло бы ему служить правде и народу. Однако его ждало очень скорое разочарование. Гапон видел, что большинство студентов мало интересуется религиозными и нравственными истинами, учение носило формальный и схоластический характер, изучался не дух, а буква священного писания, многие преподаватели не соответствовали своему назначению.

Гапон старался серьезно относиться к тем сочинениям, которые иногда задавались студентам и которые интересовали академическое начальство. Однако, уже по поводу первой его работы, Гапону было сказано, что он должен не рассуждать относительно евангелия, а лишь учить мысли святых отцов. Когда же Гапон в другом сочинении попытался затронуть вопрос о положении рабочего класса и о необходимости общения между церковью и народом, то эта тема вообще была забракована, а ее автору сделали еще большее внушение — пригрозили исключением из академии²⁰.

Как-то петербургский архиерей Вениамин, слышавший от преосвященного Илариона о Гапоне, пригласил последнего на проповедь для рабочих в целях повышения их нравственности. Вероятно, это был для Гапона первый непосредственный контакт с большой массой фабричных людей, заполнивших церковь и слушавших священника, говорившего им о заповедях и страшном суде. По их угрюмым лицам, на которых лежала печаль страданий, Гапон чувствовал, что их не удовлетворяет проповедь, что они нуждаются в поддержке. Поэтому на следующем таком же собрании Гапон высказал мнение, что предварительным условием нравственного и религиозного воспитания рабочих является улучшение экономических условий их жизни, а для этого необходима организация фабричных для

взаимной поддержки и действий. Однако, выступая перед рабочими, Гапон сознавал, что не смог указать пути к действительному улучшению их судьбы.

И он снова впадает в отчаяние от того, что ничем не может помочь народу, который призван наставлять. Угнетает Гапона, видимо, также и то, что духовная академия, куда он так стремился попасть, не оправдывает его надежд. Гапон перестает участвовать в миссионерской деятельности, начинает задумываться о монашестве, у него снова нарастает душевный надлом, который сказывается на его здоровье. Гапон заболевает, его болезнь удостоверяется врачом академии Д.Пахомовым²¹. В результате он не сдает своевременно положенных сочинений и экзаменов. Его оставляют на повторительный курс. А сам он получает отпуск и с помощью своих друзей, а также при поддержке академии уезжает для поправки здоровья в Крым.

В Крыму он сначала останавливается в предместье Ялты, часто бывает в городе, где наблюдает резкие контрасты между богатством и бессмысленной роскошью, с одной стороны, и вопиющей бедностью и запустением — с другой. Гапон познакомился здесь с епископом таврическим Николаем, который предложил ему жить в Балаклавском Георгиевском монастыре. Гапон посещал Балаклаву и везде видел, по его словам, роскошь и нищету, а соседние монастыри, в которых он побывал, характеризовал как «питомники порока и рассадники народного суеверия»²².

Однако свежий воздух, близость моря, встречи с интересными людьми делали свое дело. Гапон постепенно восстанавливает свое здоровье и душевное равновесие, он уже не думает об уходе в монастырь, а, наоборот, желает вернуться в мир. Большое влияние на него оказали беседы с художником В.Верещагиным, призывавшего Гапона, как и некоторые другие его новые знакомые из числа интеллигенции, снять рясу и употребить свою энергию на более полезную работу, которой очень много в этом мире. Современники так рисуют портрет Георгия Гапона тех лет: «На вид о.Георгий имел в то время лет около тридцати. Среднего роста, стройный, ловкий, о.Георгий обладал недюжинной физической силой. Черты его очень смутлого лица, окаймленного густыми, волнистыми волосами и бородой цвета воронова крыла, были правильны и красивы. Особенно хороши были на этом лице черные мягкие глаза, с прекрасным разрезом и густыми совершенно черными ресницами. Обладая

недурным голосом, о.Георгий охотно и помногу пел и чаще всего — песни на слова Шевченко, которого он очень любил читать вслух. Темперамент о.Георгия был типичный малорусский: впечатлительный, особенно к красотам природы, мягкий, нежный и в то же время пылкий, решительный, увлекающийся и гордый. Он был очень податлив на ласку, но задевать свое достоинство, самолюбие не позволял никому, не взирая на ранги»²³.

Гапон вернулся в Петербург с новыми силами и надеждами 2 ноября 1899 года²⁴. Около года он пробыл в Крыму. «Я решил продолжать свои занятия в духовной академии с тем, — напишет позднее Гапон в своей автобиографии, — чтобы, получив там ученую степень, поступить на такое место, которое позволило бы мне всецело посвятить себя работе среди рабочего класса столицы. Занятиям в академии я решил отдавать ровно столько времени, сколько необходимо, чтобы выдержать экзамены, а остальное время посвящать сближению с рабочими»²⁵. Таковы были планы Гапона. Думается, что это было началом того восхождения, вершиной которого стало 9 января 1905 года.

Итак, Гапон сознательно поставил перед собой цель, которой решил добиваться. Но для этого ему надо было прежде всего войти в русло учебного процесса академии, причем начинать опять с первого курса. И, вернувшись в Петербург, Гапон прежде всего обратился к руководству академии с просьбой освободить его от написания первого семестрового сочинения, поскольку таковое было им подготовлено еще в предыдущем учебном году. Принимая во внимание, что его прошлое сочинение было подготовлено удовлетворительно, совет академии освободил Гапона от повторного написания этой работы.

Вскоре после начала занятий, 28 декабря 1899 года²⁶, Гапона для беседы пригласил Саблер. Последний, узнав о возвращении Гапона, предложил ему участвовать в проповедях в церкви Скорбящей Божьей Матери, в которой Саблер был церковным старостой. Церковные власти намеревались организовать там «Общество ревнителей разумно-христианского проведения праздничных дней»²⁷. Церковь эта находилась в Галерной Гавани, часто подвергавшейся наводнениям и населенной бедной. В этом же квартале располагались Балтийские верфи, многие другие промышленные предприятия. И Гапон стал выступать в церкви Скорбящей Божьей Матери перед местным населением с проповедями о долге, о счастье. Интерес к нему со стороны паствы быстро рос, в помещении часто собиралось по

две и более тысяч человек, и здание их не вмещало.

Гапон, конечно, понимал, что за словами должны следовать дела. Желая хоть чем-то помочь людям, посещающим его проповеди, улучшить свою жизнь, он обдумывает план организации братства для взаимной помощи. Идея была одобрена настоятелем церкви Скорбящей Божьей Матери, благосклонно отнесся к ней архиерей-ректор академии, знали об этом и рабочие. Но претворить в жизнь этот план не удалось из-за отказа высшей церковной иерархии, в частности Саблера. Безусловно, сказалось здесь ревностное отношение части духовенства к успехам Гапона среди прихожан, росту его авторитета среди них. Но главное, думается, заключалось в другом, в сути плана Гапона, который предоставлял рабочим возможность быть независимыми от церковной иерархии. Вот что об этом потом напишет Гапон: «...вся суть моего плана была в том, что это будет постоянная организация и все управление будет всецело в руках самих рабочих и что это воспитает в них самоуважение и уверенность в возможности кооперации»²⁸.

Потеряв надежду претворить в жизнь свою идею о братстве взаимопомощи, Гапон отказывается продолжать проповеди в церкви Скорбящей Божьей Матери. Но контакты с рабочими, особенно Балтийской верфи, оказались полезными Гапону, поскольку расширяли его познания жизни, приобщали его к другим формам работы среди масс. Тогда Гапон, как вспоминал он впоследствии, «еще не думал о необходимости политических реформ и говорил рабочим, что трудовой организацией они добьются лучших результатов для себя, чем столкновением с правительством»²⁹. В письмах этого периода знакомым он сообщает о своих беседах с простым народом. Так, в одном из них, от 19 января 1900 года, Гапон пишет, что изучает славянофильство, читает в частности А.С.Хомякова³⁰, интересуется вообще движением 40-х и 60-х годов 19 века, что ему «хочется узнать отношение» Тургенева к движению 60-х годов³¹.

Неплохо идут у Гапона и занятия в академии: на второй курс, а это уже был 1900 год, он переводится под номером 25 из 65 студентов³². На этом курсе Гапону предложили быть главным священником во втором приюте Синего Креста — отделении Общества попечения о бедных и больных детях. Оно находилось в рабочем квартале. Одновременно его пригласили проповедовать Священное Писание в Ольгинском доме для бедных — Детском приюте трудолюбия святой Ольги. Послед-

нее заведение было примечательно тем, что оно находилось под покровительством императрицы. Начав работать в этих двух детских приютах, Гапон очень скоро завоевал расположение своих подопечных. Кроме того, желая доискаться до причин бедности, он посещал ночлежные дома, петербургские притоны, рабочие кварталы, где любил и умел разговаривать с людьми. В установлении контактов с ними ему помогали ряса священника, своеобразная речь, задушевный тон. В своей автобиографии Гапон писал: «Они нашли во мне друга, я же нашел, что даже на этом «дне», где все человеческое было забито и искажено, сила искреннего доброжелательства могла возродить даже тех, кто считался безвозвратно потерянным»³³.

Разумеется, эта последняя своеобразная деятельность священника не могла не дойти до властей и не заинтересовать полицию. Петербургским градоначальником в то время был генерал-лейтенант Н. В. Клейгельс, и Гапону как-то было предложено явиться к нему в канцелярию. Между ними состоялся разговор, в котором Гапон объяснил причины своего интереса к беднякам, а генерал, не усмотрев в этом «политики», проявил к сказанному определенную заинтересованность. Через некоторое время Гапон подал Клейгельсу доклад о необходимости устройства рабочих домов в городах и рабочих колоний в деревнях, в которых посредством труда возвращали бы обществу людей, попавших на «дно» жизни. Другими словами, в докладе Гапона речь шла о полной реформе рабочих домов, которыми в то время ведал генерал Максимович и покровительствовала сама императрица Александра Федоровна. Надо сказать, что, помимо критики существующих рабочих домов, Гапон разработал проект о кооперативе безработных и о предоставлении ему подрядов на общественные работы, а также о земледельческих исправительных колониях для детей.

Копию своего доклада Клейгельсу Гапон переслал Максимовичу, которому эти проекты понравились, и он в свою очередь распорядился отправить один отпечатанный экземпляр Тансону. Последний был начальником императорской канцелярии, имел прямое отношение к комитету попечительства, будучи его вице-председателем, и, разумеется, рассказал о докладе Гапона императрице, которая возглавляла этот комитет. Благожелательное отношение к проектам Гапона со стороны высоких инстанций определялось прежде всего тем, что во всех предлагаемых им учреждениях церковь всегда фигурировала как центр

религиозного и нравственного влияния на работных людей. И Александра Федоровна пожелала обсудить доклад в своем присутствии и пригласить Гапона на заседание комитета для дачи пояснений.

Все перипетии этого дела доходили, конечно, до Гапона. Внимание высокопоставленных особ к его докладу воодушевляло Гапона, наполняло его радостью и ожиданием исполнения задуманного. От этого голова могла вскружиться у кого угодно. И Гапон, безусловно, не был исключением, все это льстило его самолюбию. Гапон, например, с гордостью пишет в одном из писем этого периода, что на устройство при церкви, где он выступает с проповедями, читального зала с электрическим освещением отпущено 51 тысяча рублей, главным образом по линии морского ведомства³⁴. Дела у Гапона, казалось бы, идут неплохо. Сам он живет в это время на Васильевском острове по Большому проспекту, на 22 линии в доме № 11³⁵. Отсюда ему было недалеко ходить и до прихода Синий Крест, который также находился на 22 линии Васильевского острова. Гапон живет один, вдовствует. А его дети, Мария и Алексей, находятся у родителей Гапона³⁶.

Однако время идет, а проекты Гапона никто не обсуждает. Да и не собирается этого делать. Тем не менее Гапон, этот незаурядный священник-провинциал, заинтересовал собой не только академическое начальство, но и некоторые салоны петербургского аристократического общества. Он начал входить в моду, для него открылись двери гостиных ряда титулованных особ. Гапон знакомится с С.П.Хитрово, вдовой покойного гофмаршала Хитрово, бывшего русским посланником в Японии, со статс-дамой ее величества Е.А.Нарышкиной, с другими лицами, часто бывавшими при дворе. Все эти новые связи Гапон стремится использовать не ради личной выгоды, а прежде всего в целях претворения в жизнь своих планов, помощи обездоленным и бедным.

Между тем параллельно деятельности в приютах и выступлениям Гапона с проповедями перед рабочими продолжается его учеба и в академии. В 1901 году он переводится на 3 курс под № 47 из 59 студентов³⁷. Учится Гапон, как видно из этих данных, хуже, чем на 2 курсе. Объясняется это, безусловно, тем, что он все больше внимания уделяет своей работе вне стен академии, все сильнее втягивается в дела, предсказать исход которых заранее никто не мог.

В приюте Синего Креста Гапона избирают заведующим. Академическое начальство и митрополит петербургский и ладожский Антоний довольны Гапоном. В качестве руководителя приюта ему приходилось иметь дело с председателем комитета всех приютов сенатором Н.М.Аничковым, большим любителем пожить в свое удовольствие за счет казны. В подпитии Аничков часто и много рассказывал Гапону о различных махинациях, о своих похождениях, о нравах, царящих во дворце. В свою очередь Гапон, поверив первоначально в искренность и достоверность рассказываемого Аничковым, говорил последнему о своих планах работы среди нещадно эксплуатируемого народа, о своем желании как-то объединить рабочих и помочь им в улучшении их жизни.

Общаясь с фабричным людом, Гапон, по его словам, пришел к убеждению, что «если сплотить всю эту массу рабочих и научить ее, как отстаивать свои интересы», то это оказало бы огромное влияние «на улучшение условий труда в России»³⁸. Именно в этот период Гапон получает предложение от княгини М.А.Лобановой-Ростовской, являвшейся председательницей Петербургского комитета Российского общества Красного Креста для оказания помощи увечным воинским чинам и их семьям, стать священником в столичном отделении этой организации. Предложение было весьма лестным, и Гапон его принимает, решая одновременно отказаться от места в Ольгинском приюте. Последнее было, видимо, связано с личными мотивами: одна из воспитанниц ему нравилась. О решении Гапона оставить Ольгинский приют и стать священником в организации Красного Креста митрополит Антоний знал и в принципе его одобрил.

Однако начальство приюта было против ухода Гапона, опасаясь, что это может вызвать сокращение паствы. Назревал конфликт, который подогревался и Аничковым. Последний прежде всего не мог простить Гапону ту критику, которая содержалась в его докладе Клейгельсу по поводу приютов. Гапон, как известно, прямо писал, что они содержатся плохо и не соответствуют своему назначению. Аничков, интерпретируя свои разговоры и застольные беседы с Гапоном, довел до сведения охранного отделения о его якобы революционных взглядах, противоречащих существующему строю. Кроме того, с ведома Аничкова и не без его участия стали распространяться и слухи о не совсем нравственном поведении священника Гапона в от-

ношении воспитанниц Ольгинского приюта. А повод для того, чтобы посудачить вокруг этой грязной сплетни, был, если иметь в виду заинтересованное, как мы уже сказали выше, отношение Гапона к одной из воспитанниц — Александре Уздалевой.

Все это, разумеется, начало опять сказываться и на учебе Гапона. Имеются сведения о том, что он обращался к совету академии с прошением об оставлении его на повторное обучение на 3 курсе, представил даже медицинское заключение на этот счет, но совет постановил «отклонить его просьбу за отсутствием законных оснований к ее удовлетворению», хотя, как мы уже знаем, аналогичная его просьба на первом курсе не считалась незаконной и была удовлетворена³⁹.

А конфликт вокруг Гапона между тем разрастался. Летом 1902 года отношения руководителей приюта и Гапона обострились до предела. 2 июля он даже выступил перед паствой с речью, направленной против приютского начальства. Приблизительно в это же время охранное отделение через чиновника особых поручений при департаменте полиции Н.Н.Михайлова вышло на Гапона в связи с информацией, полученной от Аничкова. Михайлов имел беседу с Гапоном, рассказавшего о своей работе среди фабричных. Чиновник охранного отделения, по словам Гапона, отнесся к нему «с большим вниманием и дружелюбием, высказав при этом свое сочувствие освободительному движению»⁴⁰. Заметим здесь, что Н.Н.Михайлов был опытным работником охраны, «специализировавшимся» на работе среди оппозиционных групп либерального толка, проповедовавших борьбу с правительством «на легальной почве».

В итоге всех этих накопившихся страстей, связанных, если так можно сказать, с делом Гапона, последний, будучи человеком эмоциональным и не всегда уравновешенным в своих поступках, по характеру вспыльчивым и резким, решил «хлопнуть дверью». Не поставив в известность ни приютское и ни академическое руководства, не испросив их разрешения, Гапон уехал в Полтаву, захватив с собой окончившую курс воспитанницу приюта Александру Уздалеву.

К слову сказать, до самой смерти Гапона она оставалась его гражданской женой; от совместной жизни с Сашей, как обычно все называли вторую жену Гапона, они имели двух детей⁴¹. Уехав с ней в Полтаву, Гапон, по всей вероятности, познакомил ее со своими родителями, с детьми от первого брака. Не исключено, что он получил и родительское благословление.

Покинув Петербург, Гапон не сдал экзаменов за 3 курс, и расплата за все его деяния последовала незамедлительно. 17 июля 1902 года он был официально освобожден от должности настоятеля Ольгинского приюта, а затем и исключен из числа студентов духовной академии. По словам Гапона, все это произошло тогда, когда митрополита Антония временно замещал епископ нарвский Иннокентий, к которому и поступили в это время от недругов Гапона все жалобы на него. Правда, здесь надо добавить, что вернувшийся к исполнению своих обязанностей митрополит Антоний утвердил решение совета академии об исключении Гапона.

Прежде чем продолжить рассказ о Георгии Гапоне, остановимся коротко на двух моментах лета 1902 года, характеризующих в некоторой степени его личность. Очень много написано и сказано о том, что освобождение от должности в Ольгинском приюте и исключение из студентов академии было связано с безнравственным поведением Гапона. Думается, что если бы это было так, то на его учебе и карьере священника можно было бы сразу поставить крест: Гапон тогда еще ничего из себя не представлял, и петербургский высший свет, только открывавший для него свои гостиные, вряд ли ему это простил бы. Характерно, что о безнравственности Гапона в связи с делами лета 1902 года стали писать и говорить только после его смерти, когда, полагаем, надо было замести следы и спасти честь мундира, опорочивая опального попа. В дальнейшем мы еще не раз будем возвращаться к вопросу «кто и что был Гапон», а пока относительно этих конкретных событий скажем следующее.

Хотя старинная русская поговорка и гласит, что «нет такого человека, чтоб без греха век прожил»⁴², однако о безнравственности Гапона в истории с воспитанницей Ольгинского приюта говорить не приходится. Бывший в ближайшем окружении Гапона и работавший с ним в течение двух лет И.Павлов, который впоследствии первым обвинил его в провокаторстве, так писал об этой истории. «Имющиеся в печати указания, — подчеркивал он, — на случай взятия несколькими родителями своих детей из приюта можно истолковывать различно и даже в пользу Гапона: как протест против его ухода, так как детей брали после этого. ...Тот факт, что он взял из приюта молоденькую девушку и жил с нею, как с женою, факт, поднявший столько шуму в некоторых «высокопоставленных кругах», по моему мнению, говорит лишь в пользу Гапона»⁴³. По материа-

лам приюта за 1902 год явствует, что имелось 9 случаев взятия воспитанниц родными, что происходило это в августе-сентябре, то есть тогда, когда Гапон был уже освобожден от должности⁴⁴. Истинной причиной увольнения, кроме зависти и сплетен в отношении Гапона, было, несомненно, то, что церковь не могла и не имела права одобрить гражданский брак священника с воспитанницей.

Что же касается исключения Гапона из числа студентов духовной академии, то здесь дело обстояло много прозаичнее. Он ведь, действительно, не сдал ни одного предмета за 3 курс, уехал без разрешения в Полтаву. Естественно, что такое его поведение, несмотря ни на какие связи Гапона с «сильными мира», вряд ли могло быть одобрено начальством академии. Достаточно было лишь повода, и ершистый Гапон его дал летом 1902 года. Никакого обоснования исключения Гапона тогда не было сделано. А вот уже позднее, как говорится, задним числом, в материалах за 1902/1903 учебный год, то есть тогда, когда Гапон уже закончил академию, в докладе секретаря совета академии говорится, что «по определению совета академии от 16 сентября 1903 года за № 3, утвержденным 21 сентября, студент 3 курса священник Георгий Гапон был уволен, как не сдавший переходных экзаменов по 6 предметам и не представивший в том объяснений»⁴⁵.

Почему же понадобилась такая запись в документах академии, да еще сделанная значительно позже происшедших событий? В некоторых изданиях о Гапоне говорится, что это остается загадкой, в других — содержится намек, будто Гапон, дескать, к этому времени уже состоял на службе в полиции. Полагаем, что тут нет никакой загадки, равно как и неправомерно будет связывать этот момент из биографии Гапона с началом якобы его деятельности в интересах охранного отделения. Дело обстояло, на наш взгляд, гораздо проще.

Уехав из Петербурга в Полтаву, Гапон, как это уже случилось с ним и еще не раз будет происходить, вскоре немного поостыл, пришел в себя и не исключено, что и посоветовался со своими старыми полтавскими знакомыми на предмет, а что же теперь дальше он будет делать. В итоге, через сравнительно небольшой промежуток времени, Гапон снова появился в Петербурге. Занятия в академии уже начались, и Гапон обращается к митрополиту Антонию с просьбой разрешить ему вернуться в стены духовного учебного заведения.

И здесь, как нам думается, не исключено, что Гапон, прежде чем обратиться к митрополиту, побывал у Михайлова на службе — в департаменте полиции с просьбой поддержать его прошение о возобновлении учебы в академии — ведь, по словам Гапона, у него сложились хорошие отношения с Михайловым во время встречи с ним «по делу об Ольгинском прикоте». Во всяком случае о таком визите Гапона к Михайлову поведал филер Петербургского охранного отделения некий Евгений Зайцев, который после Февральской революции был заключен в тюрьму и, давая показания о своей работе, коснулся и посещения Гапоном охранки именно в этот период; при этом филер говорил, что Гапон прибыл открыто и, не стесняясь посторонних, требовал встречи с Михайловым⁴⁶.

Словом, в итоге митрополит Антоний 16 октября 1902 года положил на прошение Гапона резолюцию: «Разрешается священнику Гапону для зачисления в студенты академии на IV курс держать экзамены по тем предметам, по коим вследствие болезни он не сдавал, теперь же, сроком до 15 ноября»⁴⁷.

И совет академии — в несколько необычное время, конечно допускает его к экзаменам по 6 несданным им предметам, по которым Гапон получает неплохие отметки: по патриотике — 4, пастырскому богословию — 4,75, истории и обличению русского раскола — 4, истории и разбору западных исповеданий — 3,75, русской церковной истории — 4 и священному писанию ветхого завета — 4; средний балл за 3 курс ему вывели 4,088, и Гапон был принят на 4 курс академии⁴⁸.

Теперь о двух моментах в связи с этой историей. Церковь во всем любила порядок. И уж если Гапона допустили к экзаменам, приняли на 4 курс, и он в конце концов окончил академию, то надо было, пусть даже почти и год спустя, но зафиксировать причины происшедшего. Так, на наш взгляд, и появилась уже в сентябре 1903 года в документах академии запись о том, что Гапон отчислен с 3 курса академии из-за несдачи экзаменов по 6 предметам.

И второе. В дальнейшем во многих изданиях будут писать о том, что Гапона приняли обратно в академию при поддержке охранного отделения, тем самым прозрачно намекая на его прямую связь с полицией. При этом чаще всего ссылаются на высказывание крупного жандармского чина того времени А.Спиридовича. Последний, думается, дал правильную оценку деятельности Гапона, и мы еще к этому вернемся. А сейчас

лишь о нашем конкретном случае, по поводу которого А.Спиридович писал следующее: «...Гапона уволили из академии из-за какого-то недоразумения, но затем вновь приняли не без протекции со стороны охранного отделения, которое уже тогда знало Гапона и покровительствовало его работе среди бедного люда, находя его собеседования полезными»⁴⁹. В своей книге А.Спиридович посвящает Гапону немного страниц — около 12. И нигде автор даже не намекает на то, что Гапон был агентом охранки. Речь идет о другом: деятельность Гапона среди фабричных устраивала в целом полицию, ибо его проповеди не содержали ничего угрожающего существующему строю. Ведь информация об этом поступала от всех шпииков и филеров, которые всегда присутствовали на проповедях Гапона, собиравших тысячи людей. Поэтому и департамент полиции, и церковная иерархия усматривали пользу именно в этой деятельности Гапона, и ему, конечно же, не нужно было иметь каких-то особых связей с полицией при решении своих учебных проблем, равно как и для охранного отделения России, которое располагало специалистами высшей квалификации в области своей деятельности, Гапон как агент департамента полиции не представлял, как думается, никакого интереса. Гапона ценили как проповедника добра и любви среди широких народных масс, ценили за его умение привлекать к себе массы. И мы переходим сейчас к этой странице его жизни и деятельности.

Уже говорилось о том, что к Гапону в период его конфликта с начальством Ольгинского приюта приходил ответственный чиновник охранного отделения Михайлов, выяснявший характер его деятельности среди паствы. Вскоре после восстановления Гапона в академии Михайлов вновь пришел к нему для разговора, после которого они оба приехали на Фонтанку, где размещался департамент полиции. Здесь впервые произошла встреча Гапона с 38-летним Сергеем Васильевичем Зубатовым, переведенным в августе 1902 года из Москвы в Петербург, чиновником особых поручений при департаменте полиции и возглавившим Особый отдел.

Зубатов, его жизнь и деятельность — это интересная тема для исследования, которая, на наш взгляд, пока еще не получила объективного освещения в трудах отечественных историков. Здесь же мы будем касаться этой личности, занимающей в нашей истории свое место, лишь постольку, поскольку она помогает нам раскрывать личность Гапона.

В юности Зубатов был среди московских народовольцев, но вскоре стал сотрудничать с полицией, а когда эта связь была раскрыта, перешел на службу в охранку, где быстро выдвинулся и возглавил ее московское отделение. Зубатов был автором смелой для России тех времен — на рубеже XIX и XX столетий — идеи: овладеть нарастающим рабочим движением путем экономических уступок ему и отстранить революционные партии от руководства рабочими массами. Делать это предполагалось, разумеется, при негласном содействии полиции, но под ее контролем. Воспринял эту идею и московский обер-полицмейстер Д.Ф.Трепов, знал о ней и генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович. Можно сказать, что Зубатов и Трепов были основателями так называемого «полицейского социализма», который в просторечии мы называем еще и «зубатовщиной». Вместе с тем надо сказать и о том, что сама по себе эта идея уже давно имела хождение в международном рабочем движении, она проникла, естественно, и в российское.

К тому времени, о котором мы сейчас ведем речь, эти взгляды уже получили довольно широкое распространение в рабочей среде. Зубатову удалось привлечь на свою сторону немало бывших революционеров, например, видного народовольца Л.А.Тихомирова, бундовку М.В.Вильбушевича, пошедшего на службу в охранку М.И.Гуровича, Г.И.Шаевича... «Полицейский социализм» записал уже на свой счет ряд успехов: в 1901 году в противовес «Бунду» была создана «Еврейская независимая рабочая партия», тогда же в Москве сторонники Зубатова организовали «Общество взаимного вспомоществования рабочих механического производства», в феврале 1902 года в Москве была организована мощная манифестация возложения венка к памятнику Александра II при участии в ней тысяч рабочих.

Словом, политика приручения пролетариата с целью отвлечения его от политической борьбы, к которой он призывался революционными партиями, набирала темпы, прежде всего во второй столице. Надо полагать, что эти успехи и обеспечили в августе 1902 года перевод Зубатова в Петербург, чему в решающей степени, конечно, способствовала его аттестация Треповым и великим князем Сергеем Александровичем перед министром внутренних дел В.К.Плеве. Такова вкратце та обстановка, в которой осенью 1902 года и произошла первая встреча Гапона с Зубатовым, очень хотевшим, разумеется, заполучить в число своих сторонников влиятельного в ряде петербургских

рабочих районов священника. Это и была главная причина, заставившая недавно прибывшего в Петербург Зубатова пригласить через Михайлова к себе для разговора Гапона. Тем более, что Зубатов ведь тоже занимался «рабочим» вопросом, и значит он мог рассчитывать на интерес к себе и своим делам со стороны Гапона.

А именно к этому-то Зубатов и стремился, хотя в 1912 году Сергей Васильевич в своих воспоминаниях об этой первой встрече с Гапоном немножко лукавит, представляя дело таким образом, будто у него никакой заинтересованности в нем вообще не было, и он пошел лишь навстречу просьбам третьих лиц. Так, Зубатов писал, что по прибытию в Петербург «местная администрация настоятельно стала убеждать» его «познакомиться с протежируемым» сю «отцом Георгием Гапоном, подавшем в градоначальство записку о желательности организации босяков», что «странность темы не располагала» его «ни к ознакомлению с запиской, ни к знакомству с автором», что «тем не менее» его «с Гапоном все-таки познакомили»⁵⁰.

Наивно, конечно, слышать такое от высокопоставленного чиновника охранного отделения, да к тому же и вообще незаурядной личности. Но оставим это на совести Зубатова, понимая его положение: даже уже будучи в опале, он не выдает профессиональных тайн.

Итак, Зубатов встретился с Гапоном. Беседовали они у Зубатова и на другой день. Познакомился Гапон в эти дни и с доверенным лицом Зубатова московским рабочим И.С.Соколовым, который вместе с В.И.Пикуновым, С.Е.Устюжаниным, Ушаковым и некоторыми другими как раз в это время разворачивал в Петербурге работу по организации московского зубатовского двойника — «Общества взаимного вспомоществования рабочим механического производства», организованного в ноябре 1902 года. Гапон, кстати, был приглашен совершить богослужение на ближайшем собрании общества и дал на это согласие.

В беседах с Гапоном Зубатов рассказывал о своей деятельности в Москве по организации фабричных людей, развивал свои известные взгляды на рабочий вопрос, подчеркивая при этом, что он сначала выступал за интересы рабочих, находясь в революционном лагере, но затем понял, что этот путь ложный. Гапону прямо было предложено присоединиться к той деятельности, которую он, Зубатов, и его сторонники начали проводить среди петербургских рабочих. Гапон ответил, что подума-

ст, что на рождественские праздники он поедет в Москву и познакомится там на месте с деятельностью рабочих союзов, после чего и решит, как ему быть с предложением Зубатова.

В первопрестольную Гапон прибыл в декабре 1902 года. В поездке его сопровождал И.С.Соколов, который и познакомил Гапона с председателем московского зубатовского общества М.Ф.Афанасьевым. Они виделись. По словам Гапона, Афанасьев был из рабочих, но жил в роскошных апартаментах и имел слугу. Афанасьев рассказывал о работе союза, куда входили механики, красильщики, текстильщики, пуговичники, парфюмеры, кондитеры, табачники — словом, представители, как мы сейчас сказали бы, легкой промышленности. Изучая «опыт» союза, Гапон встречался и с его бывшими членами, в частности с одним из своих учеников в прошлом и с неким журналистом. Последний открыто говорил Гапону, что союз, организованный полицией, делает все для отвлечения рабочих от политики, что многих его наиболее активных членов, занимающихся просвещением трудящихся, организаторы союза напрямую «подводят» под аресты, что все это заставило его, журналиста, а также профессора-экономиста московского университета И.Х.Озерова, согласившихся сначала читать лекции рабочим, вскоре уйти из этой организации. Внимательно слушая собеседников, Гапон, надо полагать, все это наматывал себе на ус.

6 января 1903 года Гапон присутствовал на богослужении в Вознесенском соборе, где были многие московские высшие чины во главе с обер-полицмейстером Д.Ф.Треповым. По словам Гапона, обстановка парадных мундиров и собственных присутствующих произвела на него удручающее впечатление: не этого он ожидал увидеть в столь великий день для каждого православного.

Итогом поездки Гапона в Москву стал его письменный доклад Зубатову с весьма негативной оценкой деятельности московского рабочего союза и с мнением о том, что единственный путь улучшения условий рабочего класса — создание независимых и свободных союзов⁵¹. Тексты доклада Гапон послал также Клейгельсу и митрополиту Антонию. В последнем Гапон высказывал мнение, что участие духовенства в таком движении лишь дискредитирует церковь⁵². Клейгельс и митрополит высказались против проводимой Зубатовым политики в рабочем движении.

И это было понятно. Набиравшая «темпы» российская буржуазия с самого начала встретила враждебно деятельность Зу-

батов в рабочем движении Москвы, и в Петербурге об этом не могли не знать. Дело в том, что фабриканты предпочитали говорить с рабочими с позиции силы, а не уступок, тем более экономических — российская буржуазия была еще молода и неопытна, а потому и не могла оценить всей важности для нее раскольнической деятельности зубатовцев в рабочем движении.

А в нем в отдельных районах страны, где уже действовали или начинали разворачивать действия зубатовские рабочие организации (Москва, Петербург, Минск, Одесса), шел противоречивый процесс, пугавший буржуазию и ставивший в двойственное положение правительство. Ведь именно с ведома последнего с целью отвлечения рабочих от политической борьбы в центре и на местах создавались зубатовские организации.

Рабочие пошли в них, чтобы защищать свои интересы. Но как только трудящиеся начинали борьбу, она сразу же выходила за допускаемые правительством пределы, и зубатовские организации проявляли неспособность решить действительно жизненные для рабочих вопросы. Словом, в жизни все происходило, как в той старинной русской поговорке, когда стоячему с сидячим было трудно найти общий язык⁵³.

И наш герой, Георгий Гапон, оказывается в центре — во всяком случае, не на обочине — всех этих происходящих в самой жизни процессов. У него много идей, переварить которые трудно, особенно тогда, когда не знаешь истинных целей всех участвующих в движении сил, хотя о чем-то можно и догадываться, а на другое — иметь свое, так сказать, боковое зрение, которое нередко уводит и в сторону. В этот-то водоворот и втягивался священник Гапон, подталкиваемый в него не только своим положением в жизни — студента духовной академии и пастыря человеческих душ, но и своими честолюбивыми замыслами в этой жизни. И для нас, конечно, важно при изучении фактов, свершившихся в то время, при оценке явления, имевшего место тогда, правильно расставить акценты, воздать каждому свое место в историческом процессе. Возможно, высказанное здесь не всех удовлетворит, кому-то покажется спорным, а для кого-то и вообще окажется неприемлемым. Но мы сохраняем надежду, что в любом случае будет дана «пища» для дальнейших размышлений над этой интересной страницей нашей истории, которая уже давно перевернута.

Итак, Гапон возвратился из Москвы в Петербург, имея на зубатовскую рабочую организацию свою точку зрения, которую

он и изложил, как мы уже сказали, в докладах Зубатову, Клейгельсу и митрополиту Антонию. Думается, что с этого последнего момента и начинается, если так можно образно сказать, «восхождение» Гапона к той «вершине», с которой его все увидели не только в России, но и за ее пределами.

После подачи своих докладов наверх Гапон все чаще встречается с Зубатовым и Соколовым, его знакомят с некоторыми вожаками и приверженцами зубатовского движения — с руководительницей «Еврейской независимой рабочей партии» Марией В. Вильбушевич, деятелем этой же партии и организатором зубатовского рабочего союза в Одессе Г. И. Шалевичем, с заметной фигурой петербургского политического сыска М. И. Гуровичем⁵⁴, который, в частности, «освещал» охранке деятельность в Петербурге «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и марксистских кружков. Познакомили Гапона также с одним из вождей сионистского движения в России И. Б. Сапира, с чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода В. М. Скворцовым и другими из окружения Зубатова или близко стоящих к нему лиц.

Разумеется, не из каких-то там альтруистических побуждений Зубатов вводил Гапона в круг людей из своего ближайшего окружения как из числа деятелей рабочих союзов, так и из видных лиц политического сыска России. Среди последних знакомыми Гапона стали Е. П. Медников, А. С. Скандраков. Гапон был нужен Зубатову, был нужен как человек, уже знающий фабричных и их жизнь, хорошо принимаемый ими, имеющий с ними самые дружественные контакты. Мы уже указывали и считаем нелишним сказать еще раз, что впоследствии Зубатов о своих связях с Гапоном будет вспоминать несколько свысока, с какими-то полунамесками, стремясь отодвинуть себя в сторону, но как бы стоять тем не менее над всеми, делать вид, что он и не знал-то ничего о Гапоне, будто тот и не особенно-то его интересовал. «Побеседовав со мной, — писал Зубатов, — он обычно кончал речь просьбою «дать ему почитать свеженькой нелегальщинки», в чем никогда отказа не имел. Из бесед я убеждался, что в политике он достаточно желторот, в рабочих делах совсем сырой человек, а о существовании литературы по профессиональному движению даже не слышал. Я сдал его на попечение своему московскому помощнику (рабочему), с которым он затем не разлучался ни днем, ни ночью, ночуя у него в комнате и ведя образ жизни совсем аскетический, питаюсь чер-

ным хлебом и маслинами. Тут выяснилось, что Гапон-вдовец и у него есть дети, состоит студентом С.-Петербургской духовной академии, пользуется покровительством пожилых знатных дам, градоначальника, митрополита и близких последнему лиц. Каждое утро вместе с моим московским приятелем Гапон являлся ко мне на квартиру (перед моим уходом на службу) для выяснения якобы своих теоретических разногласий со спутником. Все мои слова он заносил в записную книжку, так что обратил даже внимание этим моих родных, но я не придавал сему обстоятельству никакого значения, полагая, что это даже к лучшему: скорее усвоит себе должные взгляды на дело»⁵⁵.

Мы не будем вступать здесь в полемику с именитым сыщиком, давшим такую характеристику Гапону, но и не можем согласиться с Зубатовым, представившим его будущим поколениям как какого-то неуклюжего простачка. У Зубатова, думается, говорит уязвленное самолюбие: ведь Гапон-то в целом «провел» его, а признаться в этом незаурядному российскому жандарму не хочется. Вот и «смягчает» многое Зубатов, кое-где тихонечко искажает факты, перемешивает их, смещает акценты. Конечно, Зубатов в момент написания статьи (1912 год) о своих встречах с Гапоном имел «преимущество»: он знал, что Гапона уже нет в живых. Но он не знал, видимо, как Гапон, будучи за рубежом (1905 год), изложил в печати свои контакты с ним, как он характеризовал их.

А Гапон думал обо всем этом совершенно по-другому. Он прекрасно сознавал, для чего нужен Зубатову. Но взгляды Гапона на свою роль среди рабочих расходились с мнением Зубатова по этому вопросу. Полагаем, что Гапон к этому моменту определился в выборе «своего» пути и во взаимоотношениях с Зубатовым и его ближайшим окружением, начинал исподволь реализовывать ту линию поведения среди фабричных, которая, как он считал, может привести к созданию подлинного рабочего союза, независимого от хозяев и властей. Себя, разумеется, он видел впереди такого союза.

Вместе с тем Гапон понимал, что отношения с Зубатовым и его людьми дают ему свободу действий, помогают устанавливать новые и укреплять старые связи с сильными мира сего. Он продолжал приглядываться к «работе» зубатовцев, видел, что их успехи связаны прежде всего с официальной поддержкой властей. Естественно, у него возникало желание использовать этот «опыт» в целях, которые он ставил перед собой, ведя

проповеди среди рабочего люда. Вот почему Гапон хитрил, тянул время, уклонялся до определенной поры с ответом на предложение Зубатова о сотрудничестве, не давал пока на это своего согласия. И здесь мы на время оставим Гапона — проповедника и обратимся к Гапону — студенту.

Шла весна 1903 года. Приближались экзамены в духовной академии. Для Гапона это был заключительный курс учебы. Он усиленно готовился к экзаменам, тем более что, как и на предыдущих курсах, Гапон не очень-то жаловал академические лекции: значительное количество времени у него по-прежнему уходило, так сказать, на «общественные» дела. Академию он окончил под номером 35 из 52 студентов, по второму разряду⁵⁶. Гапон написал и кандидатское сочинение — «Современное положение прихода в православных церквях, греческой и русской». Другими словами, тема была взята им не из священного писания. Любопытен отзыв по поводу гапоновского сочинения, данный доцентом академии иеромонахом Михаилом: «Работа небольшая (70 стр.) и написана компилятивно большей частью. Признается однако вполне удовлетворительною для степени кандидата богословия»⁵⁷.

Итак, академия была позади, а впереди Гапона ждала неплохая жизненная перспектива, но он отказался от двух заманчивых предложений: одно от ректора — постричься в монахи и сделать карьеру, а другое от митрополита Антония — занять профессорскую кафедру в одной из провинциальных семинарий⁵⁸. Гапон остался в Петербурге, и мы теперь знаем почему — он обдумывал вопрос о включении в ту область деятельности, которой занимался Зубатов и его люди. Разумеется, Гапон преследовал при этом свои цели. Был ли он готов к миссии проповедника, возлагаемую самим на себя? Если не принимать во внимание «высокие материи», а руководствоваться лишь стандартами и мерками той житейской среды, которая окружала Гапона, того общества, в котором он жил и к которому принадлежал, то на этот вопрос можно ответить положительно. Почему мы так думаем?

Известно, что память человека обычно носит «избирательный» характер: он, как правило, обращает внимание на то, что кажется ему наиболее значительным. И в этом плане почти все современники Гапона сходятся на целом ряде черт его поведения. Фигура Гапона сложная и к ней не подойдешь с прямолинейной меркой. Тем не менее определенная повторяемость ка-

ких-либо оценок говорит об устойчивости той или иной линии в характере личности.

Вот, например, перед нами Гапон-юноша, студент. Нас сейчас не интересует, кто были его родители и как он учился, хотя, конечно же, это тоже накладывало свой отпечаток на формирование характера. Способный, нервный и легко возбудимый молодой Гапон любил, как говорится, играть роль, быть на виду, отличаться от других. Об учебе Гапона в школе мы имеем сравнительно мало данных. Что же касается академии, то их предостаточно. Постоянно меняющееся настроение, проявляемое нередко легкомыслие, различного рода замыслы и увлечения по переустройству быта угнетенных и обездоленных, — все это не укладывалось в обычные рамки жизни учащегося. К тому же Гапон часто нарушает дисциплину, весьма неаккуратен в посещении занятий, вызывает своим поведением неудовольствие и даже подозрительность начальства. Однако при всем при этом Гапон всегда умел каким-то ему одному ведомым способом и поладить с тем же начальством, и, когда это ему было крайне необходимо, изыскать и воспользоваться высокой протекцией для урегулирования возникших по отношению к нему каких-либо неурядиц. Словом, ему все сходило с рук, и он это умел как-то достигать. Таких людей каждый нередко наблюдает в окружающей нас жизни.

Сотоварищ Гапона по академии священник М.С.Попов вспоминал впоследствии, что студенты не любили его за практичность и мелочность⁵⁹. Все это мы можем понять: Гапон жил на стипендию. Но вот другое замечание Попова уже дает пищу для размышлений: Гапон, благодаря пронырливости и плутовству, обладал способностью «устраиваться» сам и «устраивать» свои дела, при этом его мало беспокоили способы и средства достижения цели. Гапон ухитрялся всегда жить один, хотя студенты академии проживали в общежитии по 10-15 человек⁶⁰. Попов отмечает и такие черты характера Гапона, проявившиеся в академии, как честолюбие и карьеризм, с одной стороны, и красноречие, симпатичный голос, гипнотизирующие глаза и артистичность натуры — с другой. И не случайно, конечно, что проповеди Гапона, о чем в академии все знали, имели успех среди прихожан, что среди академического начальства утвердилось мнение: Гапон способен возбуждать толпу и наэлектризовать ее и конкурировать с ним в этой области нелегко.

И здесь одно маленькое частное, но, как нам кажется, весь-

ма важное замечание. В свете вышеизложенного все приводимые в печати как тех далеких, так и последовавших затем лет факты о «высокопоставленных дамах» высшего света, благоволивших к Гапону, о ежедневно ими присылавшихся ему букетах цветов, — все это и другое нечто подобное становится понятным и объяснимым: священник Гапон, о незаурядных проповедях которого по Петербургу ползли слухи, будоражил воображение высшего света, привыкшего к сенсациям, жаждущего их и нежелавшего пребывать в обстановке «пресной» жизни.

Наконец, еще одна характерная черта, проявившаяся в поведении Гапона во время учебы в академии, в период деятельности в приютах. Мы имеем в виду прежде всего его отношения с прихожанами, с народом. Они просты и естественны: Гапон не брезгует физической работой, колет сам дрова, играет с ребятишками в лапту, скачет вместе с ними, особенно заботливо обращается с бедными, словом, поражает окружающих своей добротой и душевностью. На все это обращал внимание сам многоопытный Зубатов. Наблюдая за Гапоном того времени, он видел, что его отношения с рабочими «были отличные: рабочих подкупала простота «батюшки», который нередко во время пикников, после выпивки и закуски, принимал участие в пении, а потом и в плясках, подобрав пары подрясника»⁶¹.

Таким был окончивший академию Гапон, который вполне осознанно шел на претворение в жизнь своих планов относительно организации рабочих. При этом мы, рассматривая данный период в жизни и деятельности Гапона, должны априори исходить из той парадоксальной ситуации, которую он сам создавал. Ведь в самом деле, что получалось. Гапон имел к этому времени крепкие и совершенно открытые контакты с охранным отделением по вопросам рабочего движения, и в то же время он вынашивал собственные планы действия в нем, видя, естественно, себя во главе обездоленных рабочих масс. Другими словами, Гапон опять-таки сознательно шел на то, чтобы под прикрытием охранного отделения проводить в рабочем движении свою, задуманную им линию, то есть был готов при случае провести охранку за нос. Одна деталь: восьмая глава автобиографии Гапона названа им самим «Я заменяю Зубатова»⁶² (в современных изданиях книги Гапона ей дан другой заголовок).

И в этом раскрывалась еще одна черта личности Гапона: честолюбивый и склонный к авантюризму в достижении своих целей, он сплошь и рядом был неискренним в отношениях с

людьми, при чем неважно, кто они были — друзья, товарищи, просто прпутчики или противники. Для православного Гапона как нельзя более подходил девиз иезуитов: цель оправдывает средство.

Мы оставили Гапона после окончания им духовной академии, когда, отказавшись от предложений ректора и митрополита Антония, он продолжал обдумывать вопрос о сотрудничестве с Зубатовым. Однако надо было и на что-то существовать. Поскольку Гапон принял решение остаться в Петербурге, то и вопрос о дальнейшей работе для него был быстро решен: Гапон из числа многих кандидатов получил вакантное место священника в Петербургской пересыльной тюрьме по ходатайству митрополита Антония, который помог ему также на первое время и деньгами⁶³. В одном из своих писем первой половины 1903 года Гапон писал, что в Петербурге будет только до июня месяца, а затем поедет в родные места, где не был уже продолжительное время⁶⁴. Но события распорядились судьбой Гапона по-другому.

Вскоре после его возвращения из Москвы было, наконец, и формально разрешено действовать зубатовскому рабочему союзу в Петербурге. Как мы помним, Гапон перед отъездом в Москву давал согласие на богослужение при официальном открытии этого союза. И вот это время наступило. Гапон присутствовал при акте, но не в ризе священника, так как не мог участвовать в богослужении, о котором его просили. Почему он так поступил? Гапон объясняет в своей автобиографии это тем, что не хотел запятнать себя. Думается также, что причина кроется и в той «игре», которую он начал, зная о большой заинтересованности в нем Зубатова и его людей.

Союз был открыт на Выборгской стороне в рабочем квартале, где зубатовцы начали проводить собрания, читать для рабочих лекции. Гапон активного участия в них не принимал, но иногда заглядывал в помещение союза, дабы посмотреть, что там делается. Однако на этих лекциях по просьбе Гапона бывали его друзья — рабочие из Галерной Гавани, которые и поставляли ему информацию о происходящем там. Очевидно, в эти весенние недели Гапон и начинает претворять в жизнь свой план организации рабочих. Во всяком случае один из авторов материалов о гапоновщине упоминает о ходатайстве уполномоченных от рабочих, датированное 13 марта 1903 года, с просьбой разрешить Гапону произнести речь на их собрании⁶⁵. Конечно, это не та большая рабочая организация, которая бу-

дст создана Гапоном, но это уже первые, пока еще маленькие, шажки на пути к ее образованию. Может быть, Гапон «чувствовал» или догадывался о приближении краха Зубатова? Ведь именно в это время на юге страны проходила организованная зубатовцами экономическая стачка, переросшая затем в политическую забастовку. У истоков стачки стояло доверенное лицо Зубатова — Шаевич, который был арестован и при котором были найдены документы, свидетельствующие о его связях с Зубатовым.

Последний, разумеется, был от этого не в восторге: крупные владельцы заводов и фабрик уже не первый месяц «точили зубы» на Зубатова и жаловались на него верхам страны, их совершенно не устраивало, что стачки на их предприятиях проходят фактически с ведома властей, в данном случае Зубатова и тех, кто ему покровительствует. Не случайно, что тогда же Зубатов в один из многочисленных визитов Гапона к нему вновь ставит вопрос о сотрудничестве, предлагая на этот раз написать для министра финансов Витте материал о работе союза, стремясь убедить последнего в том, что проводимая им, Зубатовым, линия в рабочем движении и соответствует общей политике государства. Стремясь в этих своих действиях заручиться поддержкой набиравшего силу Витте, Зубатов шел на это без ведома своего главного шефа — министра внутренних дел Плеве, прекрасно зная об остром соперничестве между ними в борьбе за влияние на государственные дела.

А у Гапона в это время, как он сам пишет, «зрела мысль оказать такое влияние на рабочие союзы, устроенные Зубатовым, которое совершенно парализовало бы усилия тайной полиции... и самому направить их на другой путь»⁶⁶. И Гапон дал согласие написать материал для Витте, но не как член зубатовского союза, а как частный наблюдатель. Здесь-то и произошел один эпизод, который потом станет интерпретироваться всеми как переход Гапона на содержание охранки, то есть, по-просту говоря, его вступление на путь платного агента полиции. Дело в том, что после окончания разговора относительно записки для министра финансов Зубатов предложил Гапону, как последний сам об этом пишет, за эту работу 200 рублей. Гапон взял только 100 рублей, сказав, что первая сумма для него слишком велика. По нашему мнению, этот факт лишь еще одно свидетельство полного безразличия Гапона к моральной стороне избираемых им средств достижения поставленной це-

ли, и не более того. Тем не менее надо сказать, что Зубатов излагает этот же имевший место эпизод по-другому. Он говорит, что предложил Гапону ежемесячную денежную помощь в 100 рублей, узнав от рабочих о его серьезных материальных затруднениях⁶⁷.

Между тем Гапон подготовил для Витте записку, о которой его просил Зубатов. Датированная апрелем 1903 года⁶⁸, она содержала информацию о мирных собраниях рабочих, которые могли быть полезными в экономическом развитии государства. Доклад этот, несмотря на все усилия Зубатова, не дал ему желаемого результата. Дела же зубатовских организаций были весьма неутешительными. В Москве еще не забыли их конфликта с Гужоном — французским подданным, который был вынужден искать защиту у посла. Не лучше была обстановка для них и в Петербурге. В этих весьма нелегких условиях для Зубатова Гапон, наконец, дает согласие на сотрудничество с ним в рамках рабочего союза. При этом Гапон указывает, что он пошел на этот шаг под воздействием своих ближайших сподвижников, пятеро из которых — один из них Иван Васильевич Васильев — посетили его 8 мая 1903 года в академии, где стали доказывать «необходимость примкнуть к зубатовской организации для того, чтобы использовать ее в своих целях»⁶⁹. На следующий день, 9 мая, этот разговор был продолжен на квартире одного из рабочих, Варнашева, где, помимо его, Гапона и Васильева, были также А.Е.Карелин и С.Кладовников⁷⁰. Гапон согласился с доводами своих товарищей, и тогда ими был организован из 5 человек тайный комитет. В него, кроме Гапона, вошли: бывший большевик Карелин, беспартийные Варнашев и Васильев, меньшевик Д.В.Кузин⁷¹.

В этой связи будет нелишним, надо полагать, посмотреть, как Гапон определил вставшую перед ним и его сподвижниками задачу по организации рабочих и как он сам расценивал данное им Зубатову согласие на сотрудничество. «Мне было очевидно, — вспоминал Гапон, — что настоящие революционеры имели мало влияния на народные массы только потому, что могли действовать только тайно и в ограниченных кругах рабочих, т.к. остальная масса была им недоступна. ...Я полагал, что, начав организацию рабочих для взаимной помощи под покровительством властей, я могу одновременно организовать и тайные общества из лучших рабочих, избранных для этой цели, которых я воспитаю и которыми я буду пользоваться как миссионерами, и таким образом мало-помалу направлю всю орга-

низацию к желаемой цели. Когда мои собственные люди заменят назначенных по указанию полиции лиц и заслужат уважение и доверие всех рабочих, у меня будет группа помощников, готовых руководить народом в нужный момент. Я знал, что... меня заподозрят в измене, но моя любовь к рабочим осилила мои колебания»⁷².

Сняв на лето маленькую комнатку на 19 линии Васильевского острова и резко ограничив ежедневные расходы, Гапон приступил к реализации своего плана организации рабочих. Трудно сказать, чем закончился бы этот шаг Гапона и долго удалось бы ему вести двойную игру, если бы не закат карьеры Зубатова, последней точкой в которой стала забастовка на юге, уже упомянутая нами выше. Ровно год пробыл Зубатов в Петербурге, откуда его убрали в августе 1903 года. Конечно, не Зубатов был виноват в развернувшейся на юге политической забастовке: рабочее движение развивалось и шло своей дорогой. При сдаче дел, вспоминал позже Зубатов, он узнал якобы от принимавшего их, что Гапон и от него получал такие же деньги. Зубатов из этого сделал вывод, что власти, не доверяя его деятельности в рабочем движении, приставили к нему Гапона. А мы можем еще раз сказать, что в этом весь Гапон.

После ухода Зубатова, его детище — петербургская организация осталась в неопределенном положении. Гапон вспоминал, что в августе 1903 года к нему опять пришла депутация из пяти рабочих — членов тайного комитета и предложила ему взять дело в свои руки, и в конце августа Гапон «приступил к такой организации рабочих обществ»⁷³, в которой нашли бы воплощение его идеи в этой области. Вокруг Гапона уже была сплочена к этому времени небольшая группа близких и преданных ему лиц, интеллигентных рабочих, состоящая как из членов его тайного комитета, так и из числа отобранных им лично во время бесед людей, на которых, по его мнению, он мог бы опираться в своей деятельности среди рабочих.

Начались организационные будни. Имеются сведения, что сторонники Гапона первое свое собрание провели в трактире «Выборг» на Выборгской стороне⁷⁴. Сначала повели речь о столовых трезвости. В ходе бесед на эту тему ближе узнавали друг друга и сходились Гапон, Карелин, Варнашев, Кладовников... Гапон подал мысль об открытии своей чайной, и большинство его поддержало. И тогда здесь же, на Выборгской стороне, попыскивали и сняли на Оренбургской улице, дом 23 более подхо-

дящее помещение, в котором и организовали чайную, игравшую роль клуба⁷⁵. Гапон дал на снятие помещения 350 рублей, сказав, что они получены им от одного купца⁷⁶. Однако, думается, что без полиции здесь не обошлось, которая, усматривая в Гапоне как бы прямого «наследника» зубатовского дела, но только в области культурно-просветительной работы, стала опекать создаваемую им рабочую организацию. А это соответствовало и планам самого Гапона: использовать любые возможности, предоставляемые ему официальными властями, в том числе и их денежные средства. Так, в справке петербургской охранки мы читаем: «30 августа 1903 года была открыта чайная, первоначальное оборудование которой обошлось 400 рублей»⁷⁷.

Итак, 30 августа 1903 года помещение для рабочих было открыто, и с этого дня здесь стала систематически проводиться культурно-просветительная работа, и таковой она была в этой организации с самого начала. С открытием чайной к группе Гапона более активно подключились Кузин, Васильев, Иноземцев. Помещение на Выборгской стороне Гапон очень любил, так как считал этот клуб началом всего своего большого дела. Здесь часто собирались близкие к Гапону люди, отсюда было недалеко и до его квартиры, где также они нередко устраивали свои заседания. По воспоминаниям Варнашева, когда Гапон первоначально бывал здесь, «он часто помогал рабочим деньгами, 5-10 рублей, ибо касса еще не действовала, а нуждающиеся всегда имелись, давал советы и ходатайствовал по их просьбам»⁷⁸. Начальный район деятельности Гапона был преимущественно на Выборгской стороне. Когда он узнавал о каких-либо притеснениях рабочих, то шел к мастеру или фабричному инспектору, стремясь уладить дело миром.

30 августа 1903 года, когда проходило первое заседание клуба-чайной, которое можно назвать, думается, учредительным собранием будущего гапоновского общества, присутствовало немного людей — 15-20 человек⁷⁹. Среди них были Н. Степанов, И. Васильев, Ф. Горбачев, С. Кладовников, С. Устюжанин, И. Зимин, Ф. Маслов, А. Семенов, В. Смирнов, А. Лехвонен, Н. Варнашев; это были люди в возрасте 30 и чуть более лет⁸⁰. Они имели профессии, неплохо зарабатывали. Это — ткач И. В. Васильев, обойщик В. Смирнов, токарь-металлист Н. М. Варнашев, старший мастер В. А. Иноземцев...⁸¹

На первом же заседании был избран на три месяца председатель, или заведующий клубом-чайной — им стал Н. Варнашев.

Секретарем избрали И.Васильева, заведующим буфетом — С.Устюжанина и заведующим библиотекой — Н.Степанова⁸². Заведующий клубом-чайной никакой платы не получал: он работал на фабрике. Помещение было открыто с 7 часов вечера до 12 ночи, а по субботам клуб открывался с 2 часов дня. В буфете продавались только чай и минеральные воды, крепкие напитки были запрещены. В клубе было несколько маленьких комнат и большой зал для собраний, в котором заседали три раза в неделю. Два раза в неделю в клубе обсуждались книги и статьи по рабочему вопросу, причем выступавший Гапон нередко касался политических и экономических проблем. Собрания всегда начинались и кончались молитвой. Приходивших в помещение со стороны встречали очень дружелюбно. Рабочие сами следили за порядком, контролировали буфет, всю работу клуба. Словом, авторитет клуба рос, и он быстро завоевал доверие окрестного населения.

Одновременно рос и авторитет самого Гапона. Любопытны те портретные характеристики, которые давали Гапону люди из его ближайшего окружения при первых же с ним встречах. Он в это время уже приближался к тридцатипятилетнему рубежу, был смуглым, похожим на цыгана человеком с черной бородой и такими же усами. Рабочий И.И.Павлов о своей первой встрече с Гапоном впоследствии писал: «Росту он был среднего, худощав, сложения нежного, женственного; смуглый брюнет, с тонкими продолговатыми, довольно правильными чертами лица, обрамленного пушистыми волосами, с пушистыми небольшими усами и небольшой бородой — Гапон мог считаться очень красивым и во всяком случае оригинальным и интересным с внешней стороны. Но лучше всего у него были глаза — глубокие, казавшиеся чернотемными, как ночь, — они были замечательно выразительны, если в них всмотреться по-пристальнее...»⁸³. В свою очередь Варнашев, познакомившийся с Гапоном в середине лета 1903 года, так обрисовал свое впечатление о нем при первом знакомстве: «Брюнет — со смуглым лицом. Длинные черные волосы, такие же усы и небольшая окладистая бородка. Красивое, энергичное лицо. Черные глаза сверкали сочувствием и вниманием ко всем окружающим. Всем своим существом он старался ободрить, подтолкнуть каждого желавшего что-нибудь сказать. Темой разговора — все та же взаимопомощь и объединение»⁸⁴. Наконец, Карелин, знавший Гапона с весны 1903 года, вспоминал о своем первом впечатле-

нии: «Замечательный это был священник: черный, стройный, голос у него был баритон, симпатичный, а главное глаза. Таких глаз я никогда больше не видал. Священник мог смотреть так, что трудно было выдержать его взгляд, по полчаса не спуская с вас своего взора, глаза его точно заглядывали в душу, в самую глубину души, будили совесть человеческую. Замечательный был священник. Это был Гапон»⁸⁵. И еще одна зарисовка атеиста Карелина, который, говоря о красивом баритональном голосе и артистических жестах Гапона, писал: «Он служил, как артист. Ведь не веришь сам во все это, а как слушаешь его, хочется слушать»⁸⁶.

Деятельность клуба-чайной проходила, конечно, под надзором полиции, агенты которой регулярно посещали помещение и бывали здесь на каждом большом заседании. Например, 7 сентября 1903 года состоялось уже четвертое после открытия собрание⁸⁷. Бывший на нем агент доносил в департамент полиции, что обсуждались три вопроса: о хранении первоначального денежного фонда кассы взаимопомощи, которую собирались создавать; о распределении прибыли от чайной клуба; о выдаче пособия нуждающимся товарищам по организации⁸⁸.

Деятельность клуба проходила пока, так сказать, явочным порядком, никакого разрешения властей на этот счет у его устроителей не было. Естественно, что это таило в себе опасность в любой момент быть закрытым. Понимая это и видя, что работа идет неплохо, ширится актив клуба, Гапон стремится придать всей деятельности более устойчивый, а главное — законный характер, то есть в повестку дня встает вопрос об оформлении нарождающейся организации. В сентябре 1903 года он начинает разработку ее устава, а во второй половине октября уже рассматривает его в узком кругу своих сторонников. В характере Гапона при проведении в жизнь своих идей было, как говорится, «нажимать на все педали». Видимо, поэтому он 14 октября направляет директору департамента полиции А.А.Лопухину большой доклад, в котором обрисовывает цели создаваемой организации рабочих⁸⁹. В этом документе, получившем огласку лишь в 1925 году, в частности, говорилось: «Задачу своей деятельности кружок ответственных лиц видит в благородном стремлении, под руководством истинно русских образованных людей и духовенства, вырабатывать трезвый, в христианском духе свой взгляд на жизнь и положение рабочего, а также упорно и при том на собственном примере прово-

дять в жизнь и в среду рабочих идею взаимопомощи и тем способствовать улучшению условий труда и жизни рабочих без насильственного нарушения порядка и законности в своих отношениях к хозяевам и правительству»⁹⁰. Весь тон этого материала был вполне благопристойный и верноподанный, а потому не мог вызвать пока у полиции каких-либо подозрений.

Одновременно Гапон пишет записку по вопросу о необходимости иметь устав рабочей организации и министру внутренних дел Плеве, которому препровождает документ через Клейгельса, как того требовали установленные правила: градоначальник обязан был знать все происходящее в городе. Гапон был у него на приеме и беседовал по этому вопросу, а вскоре по тому же делу побывал и у директора департамента полиции Лопухина. Последний спрашивал у Гапона о делах рабочего клуба и, узнав, что в клубе нет библиотеки и он нуждается в книгах и газетах, поинтересовался, сколько для этого надо средств. Через некоторое время Гапон получил из министерства внутренних дел около 60 рублей «со строгим предписанием подписываться только на консервативные газеты»⁹¹.

К началу ноября 1903 года разработка устава рабочей организации была закончена. Во избежание каких-либо подозрений со стороны полиции решили не именовать организацию «обществом», а назвать ее «Собранием русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга». «Наш тайный комитет, — вспоминал о рождении организации Гапон, — мы, чтобы не возбуждать подозрений, назвали Собранием Петербургских рабочих»⁹². В первом параграфе устава определялись цели организации, которая учреждалась: «а) для трезвого и разумного препровождения членами «Собрания» свободного от работ времени с действительной для них пользой как в духовно-нравственном, так и в материальном отношениях; б) для возбуждения и укрепления в среде членов-рабочих русского национального самосознания; в) для образования и развития в них разумных взглядов на обязанности и права рабочих и, наконец, г) для проявления членами «Собрания» самодеятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих»⁹³.

Важным был второй параграф устава⁹⁴, в котором излагались средства достижения целей «Собрания». Среди них были борьба с пьянством и азартными играми, покупка книг и оборудование читален и библиотек, организация музыкальных и хоровых кружков, а также лекций, вечеров и концертов. Среди

предлагаемых средств были и экономические мероприятия, в частности, создание похоронной кассы, организация других видов взаимопомощи, открытие чайной, потребительской лавки.

Говоря о подготовленном уставе, надо подчеркнуть, что в нем с самого начала закладывались основы культурно-просветительной деятельности «Собрания» и никакой другой. И второе, что хотелось бы отметить, в разработанном уставе отсутствовали какие-либо положения о возможности вмешательства «Собрания» во взаимоотношения рабочих с предпринимателями, хотя в продолжавших пока еще существовать зубатовских организациях в Москве и Одессе предусматривались на этот счет кое-какие меры защиты интересов фабричных.

В дни, когда устав был подготовлен, из создаваемой новой организации по единодушному решению были выведены люди из окружения Зубатова, а также его ставленники, которым запретили даже появляться в помещении «Собрания»⁹⁵. Все это в основном были активные организаторы зубатовского рабочего союза в Петербурге — И.С.Соколов, В.И.Пикунов, М.А.Ушаков и М.Б.Красивский⁹⁶.

9 ноября 1903 года 17 членов «Собрания» пришли на прием к градоначальнику и передали ему устав организации, который вручал сам Гапон, а Клейгельс, не дожидаясь утверждения устава министерством внутренних дел самолично разрешил новой организации проводить заседания⁹⁷. Этот жест градоначальника носил, конечно, символический характер: «Собрание» фактически действовало уже третий месяц. Тем не менее предварительное разрешение Клейгельса явно говорило о том, что власти благосклонно отнеслись к созданию новой организации, полагая, видимо, что она сумеет гораздо лучше взять в свои руки рабочее движение в Петербурге, нежели это сделали зубатовские союзы.

Здесь будет, вероятно, к месту заметить, что в создании устава «Собрания» и в его «продвижении» по различным бюрократическим инстанциям, прежде всего через министерство внутренних дел, участвовали не только Гапон и его ближайшее окружение, но и целый ряд других весьма влиятельных лиц. Это протонерей Ф.Н.Орнатский, активно действовавший в обществе трезвости и в одном из зубатовских союзов, а также возглавлявший «общество распространения просвещения в духе православной церкви»; это В.А.Грингмут — редактор «Московских Ведомостей» и будущий организатор черносотенного

«Союза русского народа»; это, наконец, Богданович — генерал от «православия, самодержавия и народности»⁹⁸.

Три месяца устав находился в министерстве внутренних дел, которое утвердило его лишь 15 февраля 1904 года. Плеве, видимо, не сразу решился на этот шаг, поскольку прошло совсем немного времени после устранения Зубатова, политика в рабочем движении которого вызвала неудовольствие властей. Гапон потом писал, что устав был утвержден «в очень искаженном виде»⁹⁹.

Действительно, по предложению департамента полиции министерство внутренних дел внесло в устав ряд поправок. Так, по вопросу о лекциях было добавлено, что «лекции рабочим, особенно по рабочему вопросу», происходят «обязательно в присутствии представителя от полиции»¹⁰⁰. Одно из уточнений в уставе, касавшееся пособий, гласило, что «в случае стачек из капитала взаимопомощи «Собрания» не могут быть выдаваемы пособия»¹⁰¹. Существенным было и добавление к уставу положения о том, что библиотека и читальня должны находиться под контролем лиц, «утверждаемых в сем звании градоначальником»¹⁰².

Особо хотелось бы обратить внимание на одну деталь в уставе, которая первоначально закладывалась в него, но в инстанциях была, так сказать, урезана. На это до сих пор как-то мало обращалось внимания. Речь идет о том, что деятельность «Собрания» была рассчитана на всероссийский масштаб, но при утверждении устава ее ограничили рамками только Петербурга¹⁰³. Надо полагать, что власти, «обжегшись» на Зубатове, решили пока не рисковать, а посмотреть, что получится из гапоновского дела в столице. Тем не менее в отношении Петербурга Плеве действовал более решительно. По особой инструкции он предоставил Гапону такое право, какого не имел сам градоначальник: Гапон мог свободно и самостоятельно, не испрашивая разрешения властей, открывать отделения своего «Собрания» по всему Петербургу¹⁰⁴.

Итак, устав «Собрания» был утвержден, и Гапона назначили председателем общества¹⁰⁵. Но до этого оно, как известно, уже почти полгода действовало открыто. Вокруг Гапона постепенно складывалось нечто вроде руководящего ядра организации. Среди окружавших Гапона лиц все более заметную роль начинали играть А.Е.Карелин и Вера Марковна Карелина — муж и жена. По профессии печатник Карелин в начале 90-х годов входил в «брусневскую группу» — одну из первых российских социал-демократических организаций¹⁰⁶. Его жена также рабо-

тала в социал-демократических кружках. Супруги Карелины ввели в клуб целый ряд людей, которых они знали и которые доверяли им: бывший в помощниках у Зубатова Д.В.Кузин, И.М.Харитонов, Я.Иванов, А.Усанов, В.А.Князев, В.А.Иноземцев¹⁰⁷. Эта группа в той или иной мере вносила в организацию левые настроения. По словам И.Павлова, самым преданным и ближайшим лицом к Гапону становился Васильев, добросовестный и аккуратный работник¹⁰⁸. Карелин свидетельствует, что до утверждения устава постоянными посетителями чайной было 70-80 человек¹⁰⁹. Это были, как вспоминает И.Павлов, в основном печатники и квалифицированные металлисты, интересы которых в клубе представлял Карелин¹¹⁰.

Своих связей с полицией, с высокопоставленными лицами Гапон ни от кого не скрывал. Об этом знали многие члены «Собрания» — Варнашев, Васильев, Карелин, Кузин, другие рабочие, которым Гапон открыто говорил, что знаком с Зубатовым, градоначальником, Плеве...¹¹¹. Гапон совершенно спокойно относился к получению денег от охраны, в частности на расходы по клубу и для «Собрания»¹¹², не видя ни малейших оснований оправдываться в чем-либо и перед кем-либо.

Не усматривали, видимо, в этом ничего зазорного и сами рабочие. Во всяком случае Н.П.Петров, вспоминая, как он по этому поводу упрекал бывшего зубатовского помощника Кузина, услышал в ответ, что «только таким путем мы, рабочие, можем объединиться»¹¹³. Словом, здесь мы снова касаемся вопроса о контактах Гапона с полицией. Речь при этом надо вести, на наш взгляд, о двух моментах этого вопроса. О факте контактов Гапона с правительством и охранкой, с одной стороны, и о характере этих связей — с другой. Если первое не подлежит сомнению и никем не отрицается, включая и самого Гапона, то второе, под которым обычно подразумевается его провокаторская деятельность, документальных подтверждений не находит, никто привести точных данных на этот счет не может. Варнашев, говоря о доверительных отношениях по этому вопросу между Гапоном и его окружением, вспоминал: «Масса же не разбиралась в служебном положении лиц. Она твердо знала, что без сношения с властями в таком деле нельзя сделать шага. В полной мере сознавала те трудности, которыми обусловлена организация, и справедливо отдавала должное Гапону, видя в нем единственного человека, который все сможет»¹¹⁴.

И в самом деле, рабочие видели, что клуб работал, что здесь можно было почитать газеты, послушать лекцию, обменяться мнениями о прочитанном и прослушанном. В декабре 1903 года состоялся первый музыкальный вечер¹¹⁵. Естественно, что все это вызывало рост доверия к Гапону со стороны рабочих. Особенно быстро эта тенденция стала набирать силу, когда властями был утвержден устав. Не будем забывать также, что это произошло вскоре после начала в январе 1904 года войны между Россией и Японией, и самодержавию надо было позаботиться о спокойствии хотя бы в столице. По воспоминаниям современников, начиная с марта 1904 года авторитет Гапона и доверие к нему довольно прочно утверждаются и среди руководства «Собрания», ближайшего окружения Гапона. Произошло это после одного события, которое имело место на его квартире и которое было названо впоследствии первым «зерном» будущей «петиции»¹¹⁶.

В середине марта 1904 года на квартире Гапона собрались А.Карелин, Д.Кузин, И.Васильев и Н.Варнашев. Гапон, как вспоминает Варнашев, показал им «лист бумаги, исписанный красными чернилами, и, предлагая обсудить содержание, прочел его»¹¹⁷. Материал состоял из трех пунктов, в каждом из которых было по несколько параграфов: первый пункт содержал меры, с помощью которых можно было бы преодолеть бесправие и темноту русского народа; второй — меры для борьбы с народной нищетой, и третий — меры против угнетения труда капиталом¹¹⁸. Документ этот присутствующие обсудили, и возражений он никаких не вызвал. В целом это был как бы зародыш будущей петиции, а пока же он стал программой руководителей «Собрания».

После утверждения устава гапоновская организация начала работу в апреле 1904 года в своем первом помещении на Выборгской стороне в уже известном нам доме № 23 по Оренбургской улице, где находилась чайная, игравшая роль клуба¹¹⁹. Именно здесь 11 апреля состоялось официальное открытие «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г.С.-Петербурга»¹²⁰. Все было обставлено очень торжественно: присутствовало 150 человек, в том числе новый петербургский градоначальник И.А.Фуллон, переведенный в столицу с должности начальника жандармов в Царстве Польском; со стены, с положенного ему места, на присутствующих взирал портрет Николая II; выступали ораторы-рабочие; троекратно с энтузиазмом

пропели «Боже, царя храни» и прокричали «ура!»; по единодушному требованию отправили телеграмму министру внутренних дел с почтительнейшей просьбой повергнуть к стопам обожаемого монарха, «выходить» на которого непосредственно было непринято, всеподданнейшие чувства рабочих, одушевленных ревностною любовью к престолу и отечеству; была произнесена прочувственная речь об отношениях к рабочим фабричных инспекторов; после церемонии открытия играла музыка и танцевали; в заключение фотографировались группой — вместе стояли Фуллон и Гапон, рядом другие руководители «Собрания» и рабочие; на следующий день все петербургские газеты сообщили об открытии «Собрания» и поместили снимки с этого торжества¹²¹. Словом, все как и полагается в подобных случаях.

Когда «Собрание» формировалось, Гапон встречался с митрополитом Антонием, пытаясь через него привлечь к торжественному открытию своего детища ректора духовной академии епископа Сергия, которого он сам, видимо, не решался пригласить, помня свое слишком «вольное» пребывание в стенах этого церковного учебного заведения. Из этого ничего не вышло, поскольку митрополит был против того, чтобы Гапон как священник и член церкви возглавлял «Собрание» и вообще говорил о неприемлемости его участия в этом деле, считая, что задача церкви заботиться о духовной стороне жизни народа, а не о материальной.

Разумеется, эти «разногласия» между Гапоном и митрополитом не означали, что первый был против основ существующего строя. Отнюдь нет. Гапон был воспитан в духе своего времени так, как это делали тогда в отношении всех без исключения слов общества, без какого-либо, говоря сегодняшним языком, иморализма в этом вопросе, который не допускался даже в мыслях, не говоря уж о делах. Вспомним лозунг «за Царя и Отечество»: на первом месте всегда была верность престолу, а уж на втором — Отечеству. Напомним также, что писал о Гапоне А.Спиридович, который, надо полагать, разбирался в людях и умел давать им характеристики. «Он любил царя безотчетно, — подчеркивал эту черту в Гапоне высокопоставленный чин российской охраны, — и считал, что через него можно достигнуть всего, что только нужно народу»¹²².

Гапон считал, как он сам пишет в своей автобиографии, что задачей церкви является помощь народу делами, улучшение его материального положения, что если церковь не сблизится с на-

людом, то она скоро останется без паствы¹²³. Другими словами, Гапон, хотя и знал, что многие рабочие его организации против вмешательства духовенства в свои дела, тем не менее не отделял церковь от народа. Любопытен в этом смысле эпизод, связанный с обсуждением рисунка печати «Собрания». Варнашев вспоминал, что на ней, кроме текста названия организации, были изображены также эмблемы труда — наковальня, молот, клещи, шестерня, угольник и ... крест, против включения которого возражали рабочие, но настаивал Гапон, говоривший, что крест символизирует самопожертвование, и он остался на печати «Собрания»¹²⁴.

Итак, организация рабочих производилась Гапоном с согласия властей, предполагавших найти в нем второго Зубатова, но более гибкого. И в дальнейшем, когда возникали конфликты между организованными Гапоном рабочими и работодателями, власти вставали на сторону первых, а если неорганизованными трудящимися и хозяевами, то — на сторону вторых. Тем самым власти как бы заботились об авторитете гапоновских отделов.

После официального открытия «Собрания» в министерстве внутренних дел для министра Плеве была подготовлена докладная записка, в которой давалась оценка первых шагов деятельности этой организации. В ней, в частности, отмечалось, что «в день официального открытия «собрания»... священник Гапон и члены «собрания», с глубокой признательностью оценивая благожелательность правительства по отношению к рабочим, выразившуюся в учреждении «собрания», просили министра внутренних дел повергнуть к стопам его императорского величества их верноподданные чувства любви и преданности»¹²⁵. И далее в записке подчеркивалось: «Относительно деятельности «собрания» с.-петербургский градоначальник неоднократно свидетельствовал министру, что «собрание» строго держится намеченных его уставом задач и является твердым оплотом против проникновения в рабочую среду превратных социалистических учений»¹²⁶. Как следует из дальнейшего, Плеве внял этому докладу и 20 мая 1904 года удостоил «Собрание» высочайшей благодарности¹²⁷.

А «Собрание» между тем решало свои организационные вопросы¹²⁸. Его председателем избрали Васильева, секретарем — Кузина и казначеем — Карелина. Все они были членами правления, в которое вошли также Варнашев, Кладовиков, Вера Марковна Карелина. Гапон не являлся членом правления, но

считался как бы руководителем общества, бесспорно был его душой. Официальное невхождение Гапона в руководство «Собрания», хотя в своей автобиографии он утверждает обратное, было, видимо, связано с тем, что Гапон не мог не учитывать официального мнения отцов церкви на этот счет.

К моменту открытия «Собрания», то есть к началу апреля 1904 года, круг сторонников Гапона был пока все еще невелик, но уже возрос примерно до 100 человек, и все они активно пропагандировали идеи общества, хотя политику недолюбливали и являлись сторонниками мирного профессионального движения¹²⁹. Объяснялось это тем, что члены «Собрания» верили в возможность борьбы за экономические интересы рабочих без предварительного завоевания для них политических прав. Относительно последних они и не ставили вопроса, будучи уверенными, что власти благожелательно относятся к интересам фабричного люда. Мы уже говорили выше, что эти люди были солидными рабочими с хорошим материальным достатком, и это, конечно, накладывало свой отпечаток на их классовое и политическое развитие, определяло их точку зрения на цели и задачи «Собрания».

Из членов общества к этому времени сложилась и небольшая конспиративная группа человек в 10, которые регулярно собирались у Гапона на квартире, где имели возможность в более доверительной обстановке обсуждать интересовавшие их вопросы, устраивать читку нелегальной революционной литературы, которую Гапон доставал благодаря своим связям с чинами охраны¹³⁰. Эта группа была настроена консервативно, что отчасти обуславливалось некоторой солидностью ее членов, их семейным положением, неплохим материальным достатком. Так, Варнашев вспоминал: «Заработок сто рублей в месяц в механическом производстве не представлял диковины. Я, например, как токарь зарабатывал, в небольшой мастерской, от ста до двухсот рублей в месяц»¹³¹.

Гапон писал в своей автобиографии, что после официального открытия «Собрания» к ним на первом же вечере присоединились 73 человека¹³². Конечно, это было пока еще немного, но рост организации начинался. Так, в апреле 1904 года членские взносы уплатило 170 членов «Собрания», а к концу месяца оно уже насчитывало 300 человек¹³³. Впоследствии Гапон так характеризовал эти начальные шаги организации: «Наконец-то у меня была твердая почва под ногами для осуществления моих

планов. Я всецело отдался организации и развитию союза...¹³⁴. Нервного и экспансивного, с горящими черными глазами аскета Гапона в эти дни можно было часто видеть на проводимых собраниях. Его беспокойную, мятушуюся фигуру знали все. Гапон организовывал различные учебные кружки для рабочих, старался привлечь для чтения лекций в них специалистов. Например, в «Собрании» выступали помощник присяжного поверенного М.А.Финкель — по истории культуры и по экономическим вопросам, будущий крупный советский ученый П.И.Преображенский — по геологии, редактор «Тюремного Вестника» Ф.Н.Малинин — по истории литературы, Н.Строев (С.Я.Стечкин) — по текущим вопросам¹³⁵. Большое внимание уделял Гапон сбору взносов, которым занимались сами рабочие, стремился не допустить здесь никаких злоупотреблений. Надо сказать, что Гапон продолжал исполнять должность священника в пересыльной тюрьме, где он получал жалованье около 2 тысяч рублей, которые отдавал на дело «Собрания», довольствуясь лишь минимальными расходами на личные нужды и имея, как он писал позднее, одежду «в лохмотьях»¹³⁶. Гапон ходил к начальству на фабрики и в мастерские ходатайствовать за рабочих. В его маленькой квартире по Церковной улице на Васильевском острове часто далеко за полночь толпился народ.

Гапон теперь знаком с новым градоначальником Фуллоном, к которому иногда приходит опять-таки просить за рабочих путем воздействия на работодателей. Первоначально Фуллон отнесся к «Собранию» предубежденно, полагая, что революционеры будут иметь возможность действовать и выступать там вполне легально. В этих своих опасениях градоначальник был, безусловно, прав. К сожалению, социал-демократия в этот период очень плохо распорядилась предоставившимися ей возможностями открытого проникновения в рабочее движение Петербурга, о причинах чего мы еще будем говорить в дальнейшем.

В контактах с Фуллоном Гапон, по всей вероятности, сумел внушить последнему мысль: приходящие в «Собрание» рабочие сами поймут, что лучше примкнуть к законному образу действий, нежели встать на путь нелегальной борьбы. И снова надо сказать, что это предположение было правильным: авторитет «Собрания» продолжал возрастать. В данном случае, к прискорбию социал-демократии, срабатывала вечная, как мир, истина: сердца, не занятые одними, не мешкая, займут другие.

Несколько слов о Фуллоне, от которого теперь в значитель-

ной степени будет зависеть деятельность «Собрания». Граф С.Ю.Витте характеризует его в своих воспоминаниях человеком «порядочным во всех отношениях, крайне воспитанным, милым, но совершенно чуждым и полицейскому духу, и полицейским присамам, и полицейскому характеру»¹³⁷. Можно только предполагать, но, думается, что Гапон очень быстро распознал эту черту в характере Фуллона и сумел использовать ее в своих целях. Любопытно, что поддержки Фуллоном своего дела Гапон добился благодаря ходатайству за него перед градоначальником жандармского генерала А.С.Скандракова и агента охранки М.И.Гуровича¹³⁸. В этой связи Гапон вспоминал: «Мало-помалу Фуллон стал благосклоннее ко мне, и мне удалось получить от него обещание, что ни один рабочий из Союза не будет арестован, т.к. это подорвало бы в корне доверие к делу и вынудило бы меня отказаться от него»¹³⁹.

В начале мая 1904 года Гапон обращает свое внимание на Путиловский завод, где трудилось 13 тысяч человек, посылая туда верных ему людей с целью подготовить условия для создания своей организации¹⁴⁰. К концу этого месяца 50 рабочих-путиловцев обратились с просьбой помочь им создать объединение, аналогичное существовавшему на Выборгской стороне¹⁴¹. Гапон, который являлся официальным представителем этого отделения «Собрания», сдав дела своим помощникам, энергично взялся за организацию нового отделения. Конечно, он понимал, что в этом деле не обойтись без поддержки властей, к которым Гапон уже обращался за помощью — к департаменту полиции, к градоначальнику — и получал ее, в том числе и материальную. С другой стороны, и власти, безусловно, были заинтересованы в том, чтобы путиловцы предпочли бы социал-демократии организацию Гапона, к которой они начинали питать доверие, понимая, что приход рабочего к Гапону есть его отход от социалистов. Например, полковник охранного отделения, некий Кременецкий, докладывал наверх, что «собрание русских рабочих начинает ясно обрисовываться, как благожелательный общественный элемент»¹⁴². В еще одной справке охранки¹⁴³ прямо говорилось, что, «присматриваясь к деятельности собрания, невольно начинаешь верить в его жизнеспособность, в его могущее быть весьма благотворным влияние на рабочую массу: опыт жизни самого собрания, хотя и краткосрочный, служит тому порукой»; и далее здесь же указывалось, что «собрания являются первым шагом — гнездом для

создания благожелательного русского рабочего элемента, стремящегося на легальной почве улучшить свое положение».

Таким образом, поле деятельности Гапону в отношении путников было предоставлено. И он энергично начал действовать.

За Нарвской заставой по Петергофскому шоссе был подыскан и законтрактован на 3 года дом № 42 с залом на 2 тысячи человек, оборудование которого, согласно данным столичной охранки, обошлось в 360 рублей, из коих 150 были отпущены особым отделом департамента полиции, а 210 — охранным отделением Петербурга¹⁴⁴. Открытие этого нового помещения, которое стало с тех пор именоваться первым отделом «Собрания», состоялось 30 мая 1904 года, и на нем, откликаясь на приглашение Гапона, вновь присутствовал генерал Фуллон, восседавший вместе с Гапоном за большим столом.

Все происходило опять очень торжественно. Гапон в своем выступлении, обращаясь к собранию, говорил: «...оно не должно забывать, что наш Союз разрешен нам Правительством»¹⁴⁵. Выступил перед рабочими и Фуллон. «Я счастлив видеть вас на этом дружеском и разумном митинге, — подчеркивал генерал. — Я солдат. В настоящее время родина наша переживает тяжелое время благодаря войне с храбрым врагом на далекой окраине. Чтобы с честью выйти из этого испытания, вся Россия должна объединиться и напрячь все свои силы. В единении сила»¹⁴⁶. Ответом Фуллону был гром аплодисментов зала, и он в хорошем расположении духа покинул заседание, а Гапон, вновь обратившись к собравшимся, стал говорить о необходимости единения между всеми рабочими.

Надо сказать, что при градоначальнике Фуллоне процесс открытия новых отделений «Собрания» принял более широкий характер. Связано это было и с благожелательной позицией Фуллона в отношении «Собрания», и с поддержкой со стороны полиции. Так, вскоре после открытия первого отдела в одном из документов охранного отделения подчеркивалось: «В настоящее время было бы своевременно открытие 2-го отдела собрания за Нарвской заставой, и осуществление этого задерживается лишь благодаря отсутствию средств (около 400 руб.), нужных для оборудования чайной»¹⁴⁷. В июне это отделение, или так называемый второй отдел «Собрания» был открыт; размещившийся в старинном каменном доме № 35 по 4-й линии, он стал обслуживать рабочих Василеостровского района; деньги на его оборудование были вручены лично Гапону, которого с

этой целью пригласили в охранный отдел столицы¹⁴⁸.

Отделы собрания успешно развертывали свою работу. Например, к концу июня 1904 года Нарвский, первый отдел, к которому примыкали в основном путиловские рабочие, насчитывал уже 700 человек¹⁴⁹. В этот начальный период деятельности отдела Гапон агитировал рабочих взять в свои руки потребительские общества на предприятии, где фабричным в лавках продавали плохие, но дорогие товары, которые вводили их в долги. Свободно приходившие на рабочие собрания и выступавшие там социалисты, главным образом из числа студентов, успехом, по словам Гапона, не пользовались.

Гапон умел и стремился использовать любого, кто мог быть полезен в достижении поставленной им перед собой цели. Это было, несомненно, его сильной стороной. Мы, разумеется, не касаемся сейчас вопроса о том, на какие цели он при этом направлял свои усилия, свои «пробивные» способности. На память тут приходит характеристика Гапона Н.П.Петровым, который в 1907 году вспоминал о нем: «Весь склад и манеры его прямо вам говорят, что это человек хитрый, пронырливый, неискренний и скользкий»¹⁵⁰. Конечно, не всегда Гапону удавалось «чисто» срабатывать «в свою пользу». Бывали и осечки. И осечки очень болезненные для его самолюбивого характера. Не случайно поэтому он предпочитает кое-какие эпизоды из своей деятельности в рабочем движении излагать в автобиографии в искаженном виде, умалчивая действительные причины некоторых событий. Об одном из таких эпизодов мы и хотим коротко рассказать. Тем более, что эта осечка — неудача Гапона из разряда тех, контекст которой, как нам кажется, мало кому известен.

Летом 1904 года Гапон, воодушевленный первыми успехами своего начинания в Петербурге, попробовал вновь оживить принцип всероссийского характера своей организации. Этот принцип, как мы знаем, был при утверждении устава изъят из него: министерством внутренних дел Гапону разрешалось действовать только в столице. Но достижения в развитии «Собрания» кружили Гапону голову, он хочет большего — создать отделения своей организации в других городах России. С этой целью он 19 июня приезжает в Москву, ставя перед собой задачу распространить идеи и принципы «Собрания» на продолжавшие существовать зубатовские организации¹⁵¹. Другими словами, Гапон хотел вырвать эти рабочие союзы из-под опеки

властей и поставить их под свой контроль. В донесении от 6 июля 1904 года министерству внутренних дел от управления московского генерал-губернатора, которым, как известно, был великий князь Сергей Александрович, по поводу пребывания Гапона в Москве говорилось, что он без разрешения полиции посещал собрания союзов, расспрашивал об их деятельности, «причем, нисколько не стесняясь присутствием рабочих, позволял себе критиковать организации рабочих города Москвы, доказывая их крайне малоуспешную деятельность, зависящую от узких рамок существующих уставов обществ взаимопомощи»¹⁵².

Миссия Гапона во вторую столицу окончилась, как и следовало ожидать, неудачей. Ни Д.Ф.Трепов, ни великий князь, которые, как мы помним, поддерживали начинания Зубатова, не отказывались пока от его идей, а потому и не могли оставить без последствий попытки Гапона подорвать контроль московских властей над рабочими союзами, созданными Зубатовым. В итоге полицией было предложено Гапону покинуть Москву и ограничить свою деятельность Петербургом.

Однако Гапон не успокоился и из Москвы тронулся в Харьков, где также его ждала неудача. Ее подробности нам неизвестны. Из Харькова Гапон переезжает в Киев. Видимо, он решил воспользоваться тем, что хорошо знавший его Клейгельс был в это время назначен сюда генерал-губернатором¹⁵³. Прибыв в Киев, Гапон тут же явился к начальнику охранного отделения Спиридовичу и сказал, что он действует якобы с ведома Лопухина и просит поддержки в создании в городе легальной рабочей организации¹⁵⁴. Естественно, что Спиридович отказал Гапону, не имевшему никаких письменных подтверждений того, что он действует по поручению Лопухина. Уже позднее, когда киевский шеф охранного отделения был в столице и доложил своему петербургскому коллеге об этом случае, выяснилось, что никаких полномочий Гапону не давалось, и Лопухин, как вспоминает Спиридович, «возмутился нахальством и ложью Гапона»¹⁵⁵. В этом киевском эпизоде весьма наглядно проявилась вся авантюристичность натуры Гапона.

Не добившись ничего в деле реализации своих планов в Москве, Харькове и Киеве, Гапон пытался действовать и в Полтаве, но также безуспешно. Тогда Гапон решил, как он сам вспоминал, что будет разумнее заняться укреплением рабочих организаций в Петербурге, нежели напрасно растрачивать силы на провинцию¹⁵⁶. Однако перед возвращением в столицу он заехал

в деревню к отцу, чтобы обговорить с ним некоторые личные вопросы¹⁵⁷. Из-за расходов на отделения «Собрания» у Гапона не было лишних денег, необходимых ему для того, чтобы нанять гувернантку к двум детям от Уздалевой, его второй жены. По просьбе Гапона отец согласился заложить дом и землю и, получив деньги, 750 рублей отдал сыну. 15 июля 1904 года пришло известие об удачном покушении эсеровских боевиков на министра внутренних дел Плеве. Гапон срочно возвращается в Петербург, он огорчен убийством Плеве, так как через него намеревался добиться получения средств на устройство училищ для рабочих¹⁵⁸. Война с Японией продолжалась, успехов в ней Россия не достигала, и убийство Плеве в этом смысле могло принести лишь дополнительные социально-политические трудности для правительства. Именно поэтому оно вскоре несколько подновило свой курс, предоставив обществу право подавать петиции на имя царя о желательных улучшениях в государственном управлении, что было охарактеризовано в прессе как наступление эпохи «доверия» и даже «весны»¹⁵⁹.

Возвращение Гапона в Петербург совпало и с появлением определенного рода трений между отделами «Собрания», о чем Гапону писали члены его тайного комитета. Думается, что все это было связано с тем подспудным противоборством, которое начинало проявляться внутри организации между различными точками зрения на характер будущей деятельности «Собрания». Для понимания того, о чем здесь идет речь, остановимся несколько подробнее на работе «Собрания». Уже много месяцев работал клуб на Выборгской стороне, разворачивали свою деятельность первый и второй отделы «Собрания». У Гапона даже появилась мысль об издании своей газеты¹⁶⁰.

Власти и полиция пока вроде бы не имели претензий к деятельности отделов, проводивших свою работу в лояльных рамках. Вот, например, судя по протоколу, как проходило 6 июня 1904 года собрание в первом отделе, что за Нарвской заставой¹⁶¹. Начали с молитвы «Царю небесный», затем заслушали ответ царя на посланную ему телеграмму при официальном открытии «Собрания» 11 апреля. Потом выступил один из ответственных руководителей «Собрания», призвавший рабочих, «соединяясь вместе, иметь оборону от иноверцев, всячески старающихся вредить русскому единению». Далее говорилось о том времени, когда «существовали патриархальные отношения между рабочим и хозяином», рассматривалась прави-

тельственная политика в отношении рабочего класса в разных странах — в Англии, России, Германии.

Возвратившийся в Петербург Гапон осмотрелся и, оценив обстановку, устроил 19 сентября в большом зале дома Павловой, в одном из лучших столичных помещений, вечер, на который пришли более тысячи рабочих, многие с женами и детьми¹⁶². На вечер были приглашены известные артисты, в зале играл духовой оркестр из рабочих, присутствовал генерал Фуллон. Гапон был хорошим психологом, он не мог не понимать, что расширение деятельности «Собрания», подключение к нему многих новых сотен рабочих неизбежно вызовет появление и левых настроений в организации. В душе Гапон этого не хотел и не стремился к этому, хотя в своей автобиографии и утверждает обратное. Но это все задним числом. Конечно, он искренне желал помочь рабочим улучшить свою жизнь, но достичь этого надеялся путем, который был нереален. И в этой раздвоенности его личности заключается, как нам кажется, вся трагедия Гапона.

Вот и этим вечером в Павловском доме он надеялся, вероятно, несколько приглушить вызревающие в организации левые настроения. Гапон понимал, что простым рабочим, особенно их женам, конечно же, льстило, что они находятся в великолепном помещении на своем собственном вечере, что перед ними выступают известные артисты, что к ним прибыл сам петербургский градоначальник Фуллон собственной персоной. А подтекст этого вечера у Гапона и, разумеется, у властей просматривается очень явственно: все это рабочим можно иметь совершенно законным путем и без каких-то там политических выступлений и забастовок, надо лишь не слушать смутьянов в лице всяких революционеров, социалистов и студентов.

Надо сказать прямо, что расчет Гапона устройством этого вечера поднять авторитет «Собрания» был верен, и к нему стали поступать просьбы от рабочих об открытии в разных концах Петербурга новых филиалов организации¹⁶³. Сочувственное отношение Фуллона к гапоновским начинаниям благоприветствовало росту «Собрания», который особенно усилился с осени 1904 года. Они открывались один за другим: в октябре было уже 9 отделов с 5 тысячами членов, платившими взносы, в ноябре — 11 и 9 тысяч рабочих в них, 12-й отдел был создан в конце 1904 года в Сестрорецке¹⁶⁴. Другими словами, в течение неполных последних четырех месяцев года было создано 10 но-

вых отделов «Собрания», и их общее число достигло 12; они охватывали все районы столицы, а также Колпино и Сестрорецк, находились в важнейших рабочих кварталах Петербурга¹⁶⁵. Эти отделы были следующие — Выборгский, Василеостровский, Нарвский, Невский, Коломенский, Петербургский, Московский, Рождественский, Гаваньский, Колпинский и на Обводном канале, а также в Сестрорецке¹⁶⁶. К концу 1904 года все эти отделы «Собрания» насчитывали уже до 20 тысяч членов, из коих 7-8 тысяч платили взносы¹⁶⁷. Гапон в связи с этим писал впоследствии: «...если бы мы могли действовать еще несколько месяцев без помехи, то, вероятно, что к нам примкнули бы все рабочие всего Петербурга»¹⁶⁸.

Так ли это было бы на самом деле или нет, сегодня уже никто не скажет, но одно и ныне бесспорно — авторитет «Собрания» был велик, к его отделам рабочие тянулись. И это тоже было понятно, особенно с позиций более позднего времени. Ведь фактически рабочий вопрос общество того времени мало замечало, забывало о нем. Что же касается простых рабочих, то им зачастую было не до политики, когда всю жизнь кладешь исключительно на борьбу даже не с нуждой, а просто с нищетой. И поэтому «Собрание», его отделы были для них, говоря языком А.Н.Островского, «светлым лучом в темном царстве».

Спустя полгода после официального признания организации отделы «Собрания» стали приносить доход, что позволило открыть потребительские лавки и чайные¹⁶⁹. Гапон регулярно выступал перед рабочими, проводил с ними беседы. В августе-сентябре 1904 года эти беседы излагались в «Русской Газете»¹⁷⁰, редактором которой был уже известный нам Н.Строев (С.Я.Стечкин), выступавший перед членами отделов по текущим вопросам; газета эта стоила недорого — одна копейка за номер и, конечно, покупалась многими. В отделах проходили и собрания женщин, всю работу среди которых вела В.М.Карелина¹⁷¹. Гапон, безусловно, проводил огромную работу среди фабричных. И хотя он все успехи «Собрания» приписывает в своих воспоминаниях только себе, его заслуги в деле объединения рабочих бесспорны. Одаренный даром слова, что многими, думается, незаслуженно отрицается, нервный и увлекающийся, он увлекал за собой и других, действуя своими экзальтирующими речами на сердца простых и неопытных слушателей. А поскольку выступать тогда открыто перед рабочей аудиторией имело возможность не много приличных ораторов, тем более

из числа социалистов, то, следовательно, и конкурентов-то у Гапона было в этих условиях немного, а практически их и вообще-то у него не было.

Деятельность открывавшихся по всему Петербургу в течение 1904 года отделов «Собрания» имела сначала, как мы уже указывали, вполне невинный характер. Новые люди принимались в отделы по рекомендации двух членов «Собрания», новички вносили небольшую вступительную плату, а затем, как и все, платили ежемесячные взносы. Фабричные собирались в свои отделы для отдыха после дневной работы, беседовали о своих нуждах, выясняли возможности материальной помощи. В хороших и больших помещениях, где находились отделы, были библиотеки, устраивались платные музыкальные и танцевальные вечера. Всеми вопросами работы отделов, включая и соблюдение порядка во время вечеров, ведали специальные люди, избираемые самими рабочими. А.Е.Карелин вспоминал: «У рабочих была страшная охота заниматься. И чем только они не занимались. Кто математикой, кто русским языком, а кто и иностранными языками. На что они были им, не знаю, а занимались и этим. Занимались музыкой и даже гимнастикой»¹⁷². Словом, отделы были, в нашем понимании, клубами, небольшими дворцами, с хорошо поставленной в них культурно-просветительной работой.

Естественно, что полиция не беспокоила отделы «Собрания», хотя оно уже объединяло в своих рядах значительную часть петербургского пролетариата. Она довольствовалась пока тем, что на всех заседаниях и вечерах «Собрания» всегда присутствовали филеры, аккуратно докладывавшие наверх о происходящем в отделах. Потом это обстоятельство стали трактовать таким образом, будто любое выступление в отделах против политики правительства грозило оратору неприятностями, что Гапон, дескать, специально «засвечивал» в помещениях «Собрания» революционно настроенных рабочих и социал-демократов. Сторожил гапоновской организации И.Павлов по этому поводу позднее писал: «Утверждения, что были случаи арестов после смелого выступления в отделах, не имеют оснований, так как фактически ни один такой случай, сколько мне известно, ни разу не был подтвержден»¹⁷³. Интересно и высказывание на этот счет другого основателя организации Н.Варнашева, который, отдавая дань заслугам Гапона, так писал о его деятельности в «Собрании». «Какими способами удавалось Гапону вну-

шить властям доверие к «Собранию» и в дальнейшем совершенно ослабить надзор за последним, — подчеркивал Варнашев, — утверждать не решаюсь. Но то и другое было достигнуто не вдруг, а как бы завоевывалось исподволь, незаметно. Эту постепенность объясняется мое затруднение дать определенный ответ. Одно ясно и несомненно для меня: работа в этом направлении была для Гапона очень не легкая. Это устанавливаю очень отчетливо по тому ощущению неловкости, которое испытывал, видя Гапона усталым, измотавшимся, за целый день околачивания порогов у властей, и неуверенного в успехе»¹⁷⁴.

Итак, «Собрание» набирало силу. Власти благоволили к Гапону и его организации. Фуллон во всем доверял ему, не раз встречался с ним. В начале декабря 1904 года градоначальник присутствовал на открытии еще одного отдела — Коломенского, расположенного на Шлиссельбургском тракте¹⁷⁵. Настроение присутствующих было настолько лояльное, что когда Гапон окончил окропление нового помещения святой водой, рабочие, приложившись после молебна к кресту, целовали затем руку Фуллона и просили его сфотографироваться вместе с ними¹⁷⁶. Гапон пишет, что он был возмущен этим поступком рабочих, но сдержал себя. Когда же Фуллон уехал, то Гапон стал выговаривать рабочим, призывая их сохранять собственное достоинство и самоуважение.

Надо сказать, что такого вот рода поведение Гапона в отношении рабочих высоко ценилось ими. Гапон никогда не жалел ни времени, ни сил на беседы с людьми. Осторожно, но настойчиво он подбирал себе среди них таких товарищей, на которых мог бы вполне положиться, которые могли бы вместе с ним работать над осуществлением общего плана. Гапон, и надо отдать ему должное, стремился расшевелить рабочую массу, поднять ее на борьбу за свои человеческие права. И для этого он имел, как нам кажется, определенные данные. Несмотря на то, что многие современники Гапона дают ему резко негативную характеристику, тем не менее никто ведь не станет отрицать и того, что многие другие, знавшие Гапона, высказываются о нем с противоположных позиций. Вероятно, все же при оценке личности Гапона нам придется всегда делать поправки, имея в виду политические симпатии и антипатии его оппонентов. Ну и, конечно же, непредвзятость. Непредвзятость ни при каких обстоятельствах. В противном случае искажение правды неизбежно. Так вот с точки зрения тех, кто тесно и близко об-

щался с Гапоном, отмечали, что он обладал личным обаянием, умел в обращении с рабочими всегда сохранять товарищеский тон. И поэтому не случайно, что среди рабочих у Гапона всегда было много восторженных и страстно преданных ему людей, готовых пойти за него в огонь и в воду.

Разумеется, не все было так гладко и в отделах, и в организации в целом, как это, может быть, кому-то показалось из нашего рассказа. Власти, правда, пока не вмешивались, но они не могли не видеть, а тем более «не слышать», что «Собрание» начинало понемногу выходить за пределы намеченной в уставе деятельности. Конечно, мало-помалу Гапон сближался с наиболее сознательными рабочими из отделов. Этот достаточно тонкий слой близких к Гапону лиц находился во главе и «Собрания», и отделов. Так, председателем Нарвского отдела был В.А.Иноземцев, вместе с которым это отделение как бы курировали от «центра» Филиппов и Рудак; делами Василеостровского отдела заправляли Карелин и Усанов, Коломенского — И.Харитонов, Петербургского — Н.Степанов, Рождественского — С.Кладовиков, Невского — Н.П.Петров...¹⁷⁷ Уже многие руководители «Собрания» носили дружеские клички: Варнашева окрестили «наместником», Карелина — «министром финансов», Кузина — «министром внутренних дел»; последнего Н.П.Петров называет «фискалом» Гапона, указывая, что, как он думает, именно благодаря Кузину Гапон относился к нему доверительно¹⁷⁸.

И все же, несмотря на эту «патриархальность» во взаимоотношениях между руководителями отделов и в среде гапоновского окружения, «Собрание» в целом, включавшее в себя уже многие тысячи рабочих, начинало серьезно «леветь». Первоначально, когда работа велась в одном-двух отделах, тесный круг лиц, связанных с Гапоном, действовал в общем-то без особых разногласий между собой: последний мог их всех контролировать, равно как и они его. А среди простых рабочих, собранных воедино, в случае каких-либо недоразумений брала верх ряса Гапона. Однако те, кто группировались вокруг супругов Карелиных, стояли в определенной оппозиции к Гапону. Их называли «штабными», и они все более недоверчиво относились к нему, видя, что, когда пришлось разбрасываться в работе по многим отделам, Гапон старается освободиться из-под их опеки, начинает гнуть какую-то свою линию, для чего стремится проводить в отделы своих людей.

«Штабные» и другие более сознательные рабочие, все они в большинстве своем в той или иной мере прошли партийную

школу, но по тем или иным причинам к партиям не примыкали. Несомненно, что отдельные лица из этого числа рабочих с партийной окраской, входили в «Собрание», являясь членами каких-либо партий, и содействовали проведению в нем политической пропаганды. Однако в целом характер движения, развивавшегося в отделах и постепенно начинавшего выходить за их стены, был все-таки беспартийным. Основная масса рабочих, входившая в «Собрание», относилась к партийным, вне зависимости от их политической окраски, как и вообще к интеллигенции с определенным недоверием.

Так вот именно из «штабных» и формировалась «оппозиция» Гапону, которая следила за его тактикой и оказывала на него влияние, и Гапону становилось все труднее проводить какую-либо свою линию, не считаясь с ее мнением, он все более следовал тому, что говорила эта группа. О чем здесь идет речь?

Мы уже упомянули, что деятельность отделов начинала постепенно выходить за рамки устава. В чем это проявлялось конкретно? Как известно, во время заседаний в отделах исполняли «Боже, царя храни». Но приблизительно где-то в октябре 1904 года петь его, по словам Гапона, перестали¹⁷⁹. Разумеется, не Гапон был инициатором этого прекращения.

Далее. По уставу «Собрания» его членами могли быть только рабочие «непреренно русского происхождения и христианского вероисповедания»¹⁸⁰. Поначалу иноверцев не только не принимали в «Собрание», но даже вообще удаляли с заседаний. Однажды это, например, сделал лично Варнашев (одни авторы говорят, что это произошло в отношении петербургского сторожила рабочего немца, другие — рабочего эстонца) и в такой форме, что своим обскурантизмом смутил даже Гапона¹⁸¹. Здесь поэтому будет уместно остановиться на изменении отношения Гапона к еврейскому вопросу. Вот что об этом писал в своих воспоминаниях И. Павлов. «На еврейский вопрос, — подчеркивал он, — Гапон смотрел так, как подобает современному человеку и в особенности социалисту, но также лишь в теории, а на практике он евреев не любил и проводил тенденцию, что в «Собрание» евреев допускать не следовало, хотя и оговаривался, что до поры до времени. И в этом отношении, надо правду сказать, что оказался более последовательным, чем в каком-либо другом случае, так как, когда «Собрание» уже стало разворачивать свою широкую деятельность, — это спустя уже около года своего существования, — он не раз говорил, что на-

ступила пора привлекать евреев к общей работе и что теперь общие усилия очень желательны, — это он говорил без всякого постороннего понуждения»¹⁸². В конце 1904 года евреев уже принимали в члены «Собрания», и они были в различных отделах¹⁸³. Словом, мы видим, что Гапон чутко улавливал изменение как обстановки в обществе, так и настроений в «Собрании» в связи со значительным расширением его деятельности в Петербурге.

Наконец, необходимо остановиться на том, как отделы «Собрания» начинали относиться к продолжавшейся войне с Японией. Первоначально особого интереса к ней в отделах не проявляли, хотя и желали, естественно, победы русскому оружию. Но время шло, побед не было, наоборот, война обнажала все новые болевые точки в области политики и дипломатии царизма, в экономике и военном деле России. Критика язв режима, недостатков существующего строя стала выплескиваться на страницах газет и журналов, в речах ораторов на собраниях и заседаниях различных буржуазно-либеральных обществ. Естественно, что все это не могло пройти мимо «Собрания», не найти отклика в отделах. Об этом вспоминают и сам Гапон, и Варнашев, и Павлов. Последний, например, в связи с критикой войны с Японией и характером пропаганды на этот счет писал: «Был намечен кружок наиболее развитых рабочих, который выработал, под руководством Гапона, целый план действий. На обязанности этого кружка лежало внимательно следить за газетными статьями и отмечать самые животрепещущие и наиболее отвечающие моменту. Затем статьи эти сообща обсуждались, распределялись роли и по намеченному плану с надлежащим освещением или прочитывались целиком, или излагалось их содержание на рабочих собраниях...»¹⁸⁴

В отделах хорошо воспринимались газеты «Наша Жизнь» и «Наши Дни», часто выражавшие по текущим вопросам внутренней и внешней политики взгляды оппозиционно настроенных групп общества¹⁸⁵. В отделениях «Собрания» пропаганда и агитация среди рабочих в связи с нараставшим критическим настроением российского общества велась, как вспоминал впоследствии Н. Варнашев, по двум направлениям¹⁸⁶. Во-первых, проводилась мысль, что дальше так жить нельзя, что царя окружают и обманывают продажные министры и поэтому ему надо дать в помощь народных представителей. Во-вторых, подчеркивалось, что рабочие тоже должны сказать свое мнение,

присоединив его к голосу других сословий. А выразить это надо хотя бы в форме резолюции, но сделать так, чтобы правительство не смогло замолчать и скрыть высказанное рабочими.

После убийства Плеве новым министром внутренних дел в августе 1904 года был назначен князь П.Д.Святополк-Мирский. С его приходом связывают перемены в отношениях правительства к кругам либеральных помещиков и буржуазии. Конечно, причиной перемен была не фигура самого Святополка-Мирского, а назревание в стране революционного кризиса и неудачи царизма в войне с Японией, что и усилило оппозиционное брожение в этих слоях. Что же касается нового министра внутренних дел, то он просто официально стал проводить линию на некоторое ослабление охранительной политики правительства. Была объявлена частичная амнистия, смягчена цензура, разрешили проведение земских съездов. В России это время стали называть, о чем, кстати, пишет и Гапон, периодом «весны»¹⁸⁷, а самого П.Д.Святополка-Мирского именовать даже министром «общественного доверия». Именовали его еще — это время — и «банкетной кампанией» в связи с тем, что в Петербурге, Москве, в других крупных городах России отмечали 40-летие введения судебных уставов путем устройства с разрешения властей банкетов, где представители либеральной оппозиции произносили речи о необходимости конституции, предоставления свобод, принимали резолюции с ходатайством о проведении некоторых политических реформ. Например, в Петербурге, несмотря на запрещение правительства, 6-8 ноября 1904 года проходил съезд земских деятелей, принявший в своих заседаниях резолюцию о необходимости проведения в жизнь принципов: неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний и союзов, равенства в правах, изменения положения крестьян, участия в законодательстве народного представительства как особого выборного учреждения¹⁸⁸. Затем в Петербурге же, 20-21 ноября 1904 года, состоялось собрание присяжных поверенных и их помощников¹⁸⁹. Не допущенные в помещение Окружного суда, они собрались в Городской думе, где вынесли резолюцию о необходимости введения народного представительства. В резолюции также подчеркивалось, что без признания за всеми гражданами равных прав, без гарантии неприкосновенности личности и жилища, без свободы совести и вероисповедания, свободы печати, собраний и союзов невозможна правильная организация отправления правосудия. Ха-

рактрно, что именно в этот период, в ноябре 1904 года, Святополк-Мирский выступил с проектом реформ, предусматривавших включение в Государственный совет и выборных представителей от земств и городских дум.

Такова была та атмосфера, которая формировалась в общественном сознании России к концу 1904 года. Разумеется, все это не могло пройти стороной и не отразиться на работе отделов. Наоборот, складывавшаяся в стране обстановка самым прямым и непосредственным образом вызвала брожение и в умах членов «Собрания», подталкивала их к более активным действиям в борьбе за свои права, вовлекала в этот поток и самого Гапона, ставя его перед необходимостью определяться и делать выбор своего дальнейшего пути: с народом или в стороне от него. Для Гапона начинался трудный путь восхождения на Голгофу.

Глава вторая

СВЯЩЕННИК НАЧИНАЕТ РЕВОЛЮЦИЮ

В период так называемой весны Святополка-Мирского и под влиянием общего подъема в стране начали устанавливаться первые контакты руководителей «Собрания» и его отделов с либеральной интеллигенцией, ряд представителей которой имели отношение к различным группам и течениям социал-демократии, прочно связаны с историей нашей страны. Карелин впоследствии вспоминал, что в начале ноября 1904 года, в субботу, на квартире Гапона собрались он, Гапон, Кузин, Варнашев и Васильев¹. Присутствовали также муж и жена — С.Н.Прокопович и Е.Д.Кускова, В.Я.Яковлев (В.Богучарский) и другие либеральные деятели. Все они придерживались той точки зрения, что выступать за улучшение своего положения рабочий класс должен на легальной основе и в рамках существующей системы. В целом это не расходилось и с взглядами самого Гапона.

Интеллигенцию на квартиру Гапона привел Кузин, и эта их встреча с представителями «Собрания» являлась своего рода совещанием для выработки позиции на предмет выступления. Руководители «Собрания», говоря своим гостям о том, что земские деятели выступают с петициями, задавали им вопрос — что в этих условиях делать рабочим, как поступать им? С большой речью выступил Прокопович, предложивший «Собранию», по словам Карелина², в общем-то социал-демократическую программу, понимаемую, разумеется, с его точки зрения, то есть легального марксизма и «экономизма». Руководители «Собрания» сразу же сказали, что за такой программой рабочие отделов не пойдут. И речь здесь шла, конечно, не о качестве социал-демократических предложений, а прежде всего об отсут-

ствии пока авторитета у этого политического течения в целом среди рабочих «Собрания».

Далее Карелин вспоминает, что в ответ Гапон выдвинул идею выступления рабочих со своей петицией, и с этого момента начинается агитация за то, чтобы «предложить свое с пизов», или, как продолжает Карелин, — «мы глухо внедряли идею выступления с петицией на каждом собрании в каждом отделе»³. И в то же время Карелин подчеркивает, что с наступлением так называемой «весны» руководители «Собрания» все чаще стали спрашивать у Гапона, не пора ли и им выступить с петицией, на что последний поначалу отвечал сдержанно, не соглашаясь с этой идеей. Другими словами, Гапон в начале ноября 1904 года всем своим нутром почувствовал, что далее он отнекиваться уже не сможет, не теряя авторитета среди своего ближайшего окружения. В противном случае, — и, думается, Гапон это понимал, — он рисковал остаться в стороне.

Читатель, конечно же, помнит, что еще в марте 1904 года проклюнулись, так сказать, первые ростки будущей петиции. В ноябре того же года, в период «банкетной кампании», эта идея уже стала витать в воздухе. В своей автобиографии Гапон обо всем этом пишет так: «На одном из совещаний с интеллигентными либералами я спросил их, каким образом рабочие могут содействовать борьбе. Те посоветовали мне, чтобы и рабочие с своей стороны написали петицию правительству; но я не верил, чтобы она имела успех, если не будет сопровождаться большой рабочей забастовкой»⁴. Думается, что тезис Гапона об обусловленности успеха петиции забастовкой «придуман» им, как говорится, постфактум, ибо он никогда дотоле даже и не помышлял о такой форме борьбы, как стачка. В действительности же Гапон был согласен с идеей петиции, но не властям, то есть правительству, а ... царю, самодержцу. И он об этом тут же далее пишет: «В это время я еще верил в добрые намерения царя ... Некоторые конституционные права мне казались абсолютно необходимыми. Я представлял себе царя чрезвычайно добрым и благородным и считал, что если обратиться к нему непосредственно с такой просьбой, то он немедленно ее исполнит»⁵. В марте 1904 года, как мы знаем, Гапон высказывал эту же идею. Говоря о петиции в ноябре, Гапон имеет в виду ту же самую мысль — идти к царю. Правда, последних слов он пока не произносит. Речь идет лишь о том, чтобы никто не навязывал петицию рабочим со стороны, ибо они должны ее раз-

работать сами. Это умение Гапона своевременно сориентироваться в обстановке позволяла ему быть на острие событий.

Итак, зародившаяся в марте идея петиции, вновь прозвучавшая в ноябре, стала с тех пор постепенно пробивать себе дорогу. Вокруг Гапона и руководителей «Собрания» все чаще появляются представители либеральной интеллигенции, о некоторых из которых мы уже упомянули. Где-то в ноябре-декабре 1904 года Гапон сближается с Горьким и рядом других прогрессивных писателей, в отделах «Собрания» в этот период «крутятся» люди из газет и журналов, в частности Старцев, Н.Стровев (С.Я.Стечкин), Н.Симбирский, А.И.Матюшенский⁶.

28 ноября 1904 года на квартире у Гапона собрались 32-35 человек: председатели всех отделов, «штабные», другие руководящие и доверенные лица «Собрания»⁷. По предложению Гапона заседание впервые открыл Варнашев; Гапон чувствовал себя весьма растерянным⁸. Зная о характере вопроса, который предстояло обсуждать, так сказать, штабу «Собрания», Гапон отдавал себе отчет в том, что времена противоправительственных действий неумолимо надвигались и избежать их, не выходя из игры, у него практически никакой возможности не было, равно как и до предела сузились для него границы лавирования. Отсюда и настроение Гапона: надо было принимать решение при обсуждении программ того, вспоминал потом Гапон, «что мы называли рабочей петицией»⁹.

Гапон писал также, что все участники этого собрания «торжественно поклялись хранить полную тайну»¹⁰. Что именно держать в секрете, этого Гапон не разъясняет. На собрании ведь просто было принято решение о выступлении. Относительно же шествия к царю не было сказано ни слова, равно как не был дан и ответ о том, когда выступать и в какой форме это делать¹¹. Варнашев потом вспоминал, что «разошлись с решением — как содержание петиции, так и способ подачи ее разработать Гапону»¹². Надо полагать, что это, наравне с решением о выступлении, и была та тайна, которую участники заседания обязались хранить.

И опять у Гапона в этом месте его автобиографических записок просматривается неверие в петицию, а, может быть, и нежелание идти на конфликт с правительством. Он пишет: «Хотя требование обществом реформ и разрасталось в колоссальных размерах, но мне казалось, что наша рабочая петиция должна быть подана только в один из критических моментов,

вроде падения Порт-Артура, поражения эскадры Рождественского, казавшегося неизбежным, но и при таких обстоятельствах необходимо было поддержать ее соединенными усилиями рабочего класса»¹³.

Здесь у Гапона мы наблюдаем искажение истины. Если еще можно, хотя и с огромной натяжкой, согласиться с тем, что Гапон уже почти за три недели до падения Порт-Артура ждал этого момента и хотел его использовать в качестве толчка для выступления масс, то его слова относительно поражения эскадры Рождественского являются, думается, сознательным сокрытием им действительного развития событий. Ведь эскадра Рождественского в это время еще только выходила из Балтийского моря и до Цусимского сражения оставалось более пяти месяцев (май 1905 года). К слову сказать, Гапон и узнал-то о поражении русской эскадры из зарубежной печати, когда находился уже за границей, но пока еще даже и не приступал к написанию своей автобиографии.

Дело обстояло гораздо прозаичнее. По вопросу о петиции, форме ее подачи руководители «Собрания» не имели общей точки зрения. Гапон, а также Кузин и Варнашев связывали начало активных действий масс с ожиданием нашего крупного поражения в войне с Японией¹⁴. В свою очередь группа «штабных» во главе с Карелиным и Васильевым настаивали на скорейшем выступлении¹⁵. Гапон, балансируя между этими двумя взглядами, склонялся к первому из них. В автобиографии же Гапон просто старается «подать» себя по-приличнее, и ничего более.

Наступил декабрь 1904 года. Вести с русско-японского театра военных действий были неважными. Революционное брожение в стране нарастало. Гапон вспоминал в связи с этим: «В начале декабря я созвал председателей отделений Союза на совещание, чтобы выработать содержание петиции... Я сознавал, что правительство только в том случае отнесется серьезно к поданой нами петиции, когда мы будем грозить ему поддержать ее забастовкой всего рабочего населения Петербурга. Все согласилось с моим мнением и занялись выработкой плана пропаганды»¹⁶. Гапон пишет, что после этого заседания он лично не видел необходимости спешить. Однако неожиданно произошло то, что резко ускорило весь ход событий.

Приблизительно в середине декабря 1904 года с Путиловского завода мастером Тетявкиным были уволены четверо рабочих вагонных мастерских — Федоров, Уколов, Субботин и

Сергунин¹⁷. На заводе работали 13 тысяч человек, здесь действовала сильная организация Гапона; двое из уволенных были ветеранами завода, а двое других трудились уже по 7 лет, и все четверо были членами «Собрания»¹⁸. Дирекция завода, разумеется, знала, кого она увольняла: рассчитывая рабочих, им сказали, что «Собрание», надо полагать, их поддержит¹⁹. Последнее позволяет высказать мысль о том, что не являлось ли увольнение рабочих заранее обдуманном шагом дирекции Путиловского завода? Естественно, что тут же возникает другой вопрос: а для чего это было нужно администрации?

Дело в том, что рост влияния «Собрания» начинал тревожить владельцев фабрик и заводов, в том числе и Путиловского, где производили пушки крупного калибра и пулеметы, хозяева получали большие прибыли от выполнения военных заказов и им не очень-то хотелось иметь дело со строптивой гапоновской организацией у себя на предприятии. Такое же положение складывалось и на многих других заводах и фабриках Петербурга, на которых трудилось немало рабочих, являвшихся членами «Собрания» или сочувствующих этой организации. Поэтому с целью подрыва ее влияния и внесения раскола в ряды рабочих старые «зубатовцы» — А.М.Ушаков, Д.В.Сторожиков, В.И.Пикунов — под покровительством фабричного инспектора Литвинова-Фалинского еще в середине осени 1904 года образовали «Санкт-Петербургское общество взаимопомощи механических рабочих», которое с согласия хозяев предприятий, где работали члены гапоновского «Собрания», пытались создавать на них свои организации²⁰. Влиянием они не пользовались, рабочие к ним относились недоверчиво.

Вот почему и возникает подозрение в том, что увольнение администрацией Путиловского завода четверых рабочих было провокационным и преследовало двоякую цель: с одной стороны, посмотреть на реакцию «Собрания» по поводу увольнения его членов, а с другой — подтолкнуть рабочих на выступление и в случае их поддержки «Собранием» скомпрометировать последнее в обстановке ведения войны с Японией перед правительством. Провокационный характер увольнения путиловских рабочих подчеркивается в ряде публикаций с указанием даже на то, что этот пробный шар со стороны администрации Путиловского предприятия был «результатом общего совещания директоров некоторых заводов»²¹.

Как же развивались события дальше? Мы постараемся проследить их, конечно, по возможности, максимально точно, рас-

смаатривая шаг за шагом ход событий. Это необходимо прежде всего потому, что как Гапон в своей автобиографии, так и авторы других источников привнесли сюда много хронологической путаницы.

Итак, рабочие, действительно, обратились за поддержкой к «Собранию». Поначалу Гапон сделал попытку кончить это дело миром. Дело в том, что он знал на заводе мастера Иогансона и, рассчитывая на свои с ним хорошие отношения, просил его принять обратно уволенных рабочих, но этот шаг Гапона успехом не увенчался²². В дни, когда, Гапон, не желавший, видимо, обострять отношения с хозяевами завода, действовал сам, на его квартире 12 декабря 1904 года собрались председатели отделов²³. По словам присутствовавших на этом заседании В.Иноземцева и В.А.Янова, там вновь зашла речь о рабочей петиции²⁴. Об этом говорил, в частности, выступавший на собрании помощник присяжного поверенного М.А.Финкель, читавший, как мы знаем, лекции для рабочих по истории культуры и экономике, а также консультировавший членов «Собрания» по юридическим вопросам²⁵. Финкель подчеркивал, что студенты свои требования поддерживают демонстрациями, земцы, юристы и другие общественные деятели подают петиции с изложением своих требований, и только рабочие остаются в стороне. Орагтор в связи с этим предложил руководителям «Собрания» присоединиться к тому или иному способу заявления о своих требованиях, ибо в противном случае, говорил Финкель, о рабочих никто и не вспомнит, и они останутся ни с чем.

В последующие дни руководители «Собрания» неоднократно говорили между собой по поводу уволенных рабочих, но каких-либо конкретных шагов в этом плане пока не предпринимали. Личное же заступничество Гапона, как мы сказали, тоже ни к чему не привело. И тогда он решил действовать уже официально, направив рассчитанных рабочих к директору завода С.И.Смирнову и к фабричному инспектору Чижову, но и этот новый шаг не дал никаких результатов.

Гапон пишет, что 19 декабря 1904 года он собрал представителей всех отделов «Собрания» для обсуждения создавшегося положения²⁶. И снова никаких определенных решений на этом заседании принято не было. Вероятно, Гапон продолжал верить в то, что ему лично удастся погасить конфликт. Во всяком случае, как Гапон впоследствии вспоминал, утром 21 декабря он с четырьмя уволенными рабочими пошел к фабрич-

ному инспектору Чижову²⁷. И хотя они, по словам Гапона, растались по-хорошему, однако результат был прежним.

Пришло известие о сдаче Порт-Артура²⁸, российское общество забурлило. Что касается конфликта на Путиловском заводе, то здесь последующие три дня прошли тихо. «Тихими» они были и для «Собрания»: приближалось Рождество. В этот праздник в каждом отделе были устроены елки, на которых побывало более 5 тысяч детей, в том числе сироты и подкидыши, приводимые членами «Собрания»; каждому ребенку подготовили маленький подарок, а сиротам раздавали материю на платье²⁹.

После Рождества, накануне Нового года, вопрос об уволенных товарищах и о позиции в этой связи «Собрания» вновь резко обострился. Время шло, а каких-либо решений, касающихся конкретных действий в защиту прав не только уволенных, но всего рабочего люда, не принималось. Тогда по инициативе вагонной мастерской путиловского завода, прежде всего Александра Ребрантова, 27 декабря 1904 года в помещении Василеостровского отдела было собрано заседание «Собрания»³⁰. Зимним морозным вечером здесь собралось до 350 человек, в зале находились корреспонденты ряда газет, были приглашены представители революционных партий — точно известно, что эсеры присутствовали. Главный вопрос повестки дня — увольнение четырех рабочих, которое было признано несправедливым. После долгих и жарких споров было принято следующее постановление: «1) Признать ненормальным положение труда и отношение к нему фабрично-заводской администрации, а в частности — мастеров и их произволом; 2) обратиться через представителя «Собрания» и особую депутацию с требованием к администрации Путиловского завода об увольнении виновного и грубо обращающегося, как засвидетельствовано всеми рабочими, мастера Тетявкина, и о принятии обратно уволенных членов «Собрания» на завод; 3) обратиться с жалобой к градоначальнику и фабричной инспекции с тем, чтобы подобного рода случаи не имели место; 4) если же это законное требование не будет принято во внимание, то заявить правительственной администрации, что за дальнейшее спокойное течение жизни среди петербургских рабочих «Собрание» не ручается»³¹.

Заключительная часть постановления была, таким образом, очень решительной и не обещавшей властям спокойной жизни. Видимо, поэтому Гапон и был поначалу против такого постановления, тем более, что на этом же собрании, по словам

А.Е.Карелина, согласились и по другому вопросу: немедленно подать властям петицию с заявлением о рабочих нуждах³². Гапон считал, что время активных действий еще не настало, что с петицией ничего не получится, хотя в автобиографии он пишет совершенно противоположное. Тот же Карелин вспоминал, что Гапон был особенно против петиции, подача которой могла, по его словам, сорвать стачку в поддержку уволенных товарищей. Собрание же по этому вопросу фактически разделилось поровну, и Карелин настаивал на том, чтобы Гапон проголосовал за это решение, считая, что позиция последнего может оказаться определяющей. Поворот произошел после выступления одного рабочего, который сказал: «Зубатовцы оправданы теми забастовками, которые затем приняли политическую окраску; зубатовцы оправдали себя, смыли пятно, лежавшее на них. Нас тоже называют провокаторами, Гапона чуть ли не охранником, мы этой петицией смоем незаслуженное пятно»³³. Вопрос был в итоге решен положительно, Гапон также голосовал за петицию.

На заседании договорились сформировать три делегации по 7-9 человек в каждой и направить их к градоначальнику, директору завода и фабричному инспектору — к Фуллону, Смирнову и Чижову соответственно³⁴. В связи с посылкой делегаций договорились собраться после Нового года, 2 января, для обсуждения результатов ходатайств³⁵. Таким образом, и на этом собрании вопрос о том, когда выступать и в какой форме, пока не решался. Никто не высказывался и о необходимости идти с петицией к царю.

28 декабря 1904 года Гапон во главе делегации из 9 человек пришел к генералу Фуллону, который поначалу пожелал видеть его одного. Во время беседы Фуллон с сомнением высказался о последнем пункте принятой рабочими накануне резолюции, в котором заявлялось, что если их требования не будут удовлетворены, то «Собрание» снимает с себя ответственность в случае нарушения спокойствия в столице. Тем не менее Фуллон после того, как он принял и выслушал всех рабочих-членов делегации, обещал сделать все, что в его силах, для удовлетворения предъявленных требований.

В этот же день, 28 декабря, делегация во главе с Архангельским была у фабричного инспектора Чижова³⁶. Последний отвел руководителя делегации на том основании, что он представитель прессы, а не «Собрания», а депутатам сказал, что по ус-

таву их общество не уполномоченно выступать в качестве поверенного за отдельных потерпевших, которые могут и сами придти к нему завтра, то есть 29 декабря. Уже после этого Чижов имел в частном порядке беседу с Архангельским как представителем прессы. Что касается делегации к директору Путиловского завода, то она в этот день, 28 декабря, Смирновым не принималась.

Результаты переговоров с Фуллоном и Чижовым были вечером того же дня доложены на экстренном собрании представителей всех отделов, на котором присутствовало, по различным данным, от 230 — до более 300 человек; на собрании опять были и представители революционных партий³⁷. На заседании решили в случае надобности объявить забастовку сначала на Путиловском заводе, а если в течение двух дней требования рабочих не будут удовлетворены, распространить стачку на другие заводы и фабрики Петербурга. Тогда же поручили Гапону написать петицию, а последний, давая на это согласие, говорил собравшимся, что если он будет арестован, то на его место пусть избирают Васильева или Варнашева³⁸. По некоторым данным, подписи под петицией решили даже собирать раньше, чем она будет готова³⁹.

29 декабря 1904 года директором Путиловского завода Смирновым была принята и делегация. Ее возглавлял председатель правления «Собрания» И.В.Васильев. Впоследствии, будучи за границей, Гапон говорил представителям Бунда, что в делегацию от Путиловского завода к начальству он «назначил» двух еврейских рабочих⁴⁰. Смирнов встретил делегацию грубо, говорил о незаконности вмешательства «Собрания» в дела завода, и все кончилось тем, что Васильев и рабочие, прервав переговоры, ушли. Такая манера обращения с рабочими была свойственна инженеру путей сообщения С.И.Смирнову, которого на заводе ненавидели; в дни Февральской революции 1917 года он был убит⁴¹.

В этот же день, 29 декабря, Гапон посетил фабричного инспектора Чижова, сказав, что хочет говорить с ним наедине. В своей автобиографии Гапон об этом визите не упоминает. Вот что произошло в ходе их взаимной беседы, о которой в письме министру финансов сообщил сам Чижов⁴². Когда посторонние удалились, Гапон стал излагать Чижову основы той организации, представителем которой он являлся. При этом Гапон, подчеркивая, что он не имеет ничего общего с Зубатовым и его

сторонниками, требовал прекратить покровительственное отношение Чижова к зубатовскому обществу взаимопомощи рабочих механического производства, которое существовало на Путиловском заводе, и заключить союз с организацией его «Собрания» на предприятии. В противном случае Гапон угрожал Чижову неприятностями через суд и печать, а также посредством возмущения рабочих. По словам Чижова, Гапон даже не исключал возможности того, что фабричные могут и убить инспектора⁴³.

После неудавшейся встречи делегации со Смирновым последний подготовил документ, который на следующий день, 30 декабря, был вывешен на Путиловском заводе в виде объявления к его рабочим⁴⁴. В нем Смирнов изложил свою встречу с делегацией, отверг обвинение в неправильном решении администрации завода вопроса о четырех рабочих, не согласился с вмешательством «Собрания» во внутренние дела предприятия, расценив это как нарушение организацией своего собственного устава, и указал в заключение, что все это будет доведено до сведения градоначальника Петербурга, что он и сделал.

Приближался Новый год. Каким он будет? Николай II накануне его писал в своем дневнике: «Да благославит Господь наступающий год, да дарует он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое безмятежное житие»⁴⁵.

Что касается войны и мира, то это надо было еще ждать. А вот надежда на «безмятежное житие» была иллюзорной, ибо события надвигались. Накануне Нового года, писал потом Гапон, «я в последний раз ходил к Смирнову, три часа убеждал его принять рабочих, чтобы избежать забастовки, но безуспешно»⁴⁶. Таким образом, мирные ходатайства всех делегаций рабочих о восстановлении уволенных на заводе закончились ничем. Администрация на уступки не шла, и забастовка, которая согласно решению «Собрания» предполагалась на случай, если требования рабочих не будут удовлетворены, стала неизбежной.

1 января 1905 года Гапон на собрании представителей предложил начать забастовку на Путиловском заводе на следующий день⁴⁷. Как помнит читатель, когда формировали и посылали делегации, то договаривались заслушать их отчеты 2 января⁴⁸. В этот день в Нарвском отделении «Собрания» состоялось экстренное совещание, на котором присутствовало более 600 человек от отделов, от Путиловского и других петербургских заводов, а также представители ряда революционных партий;

председательствовал рабочий пароходно-механической мастерской Путиловского завода В.Иноземцев⁴⁹. Все выступавшие высказывались за то, чтобы пролетариат поддержал своих уволенных товарищей. Было воскресенье, и совещание приняло решение потребовать от администрации принять обратно на завод четверых рабочих и уволить мастера Тетявкина⁵⁰, в противном случае в понедельник, 3 января, объявить забастовку. До 6 часов вечера воскресенья, 2 января, вспоминал И.Павлов, в Нарвском отделе ждали ответа, но его не последовало, и тогда к 8 часам утра 3 января Путиловский завод стал⁵¹.

Официально знаменитая январская 1905 года забастовка путиловцев началась с 9 часов утра 3 января: 12.600 человек прекратили работу⁵². По отдельным источникам, ее начало было связано с необычной акцией: ненавистного мастера Тетявкина посадили в мешок, погрузили на тачку и выкатили за ворота⁵³. Итак, путиловцы забастовали. Вышедший к ним Смирнов пытался погасить конфликт уговорами, но из этого ничего не вышло. Тогда директор завода заговорил о том, что он мог бы принять делегацию рабочих и рассмотреть их претензии, но последние заявили, что они имеют теперь и другие требования и пошлют делегацию, если «отец Гапон будет в ней участвовать»⁵⁴. Смирнов категорически не согласился с этим, подчеркнув, что именно Гапон «и есть враг рабочих», который ведет «их к гибели»⁵⁵.

О каких других требованиях шла при этом речь? Дело в том, что на собрании в Нарвском отделе 2 января, когда решался вопрос о забастовке, Гапон своим «штабным» говорил, как он «видит» дальнейшее развитие событий: после начала забастовки предъявляются более широкие требования дирекции Путиловского завода; если в течение 2-х дней они не удовлетворяются, то к стачке подключаются другие предприятия столицы; далее хозяевам опять дается 2 дня, а затем, в случае надобности, бастует весь Петербург⁵⁶. Гапон даже сказал, по словам И.Павлова, что этот примерный план развития событий известен через него Святополку-Мирскому и Фуллому⁵⁷.

Последнее, на наш взгляд, говорит за то, что Гапон был «не готов» идти на большой конфликт с властями, что он, пожалуй, не ожидал такого поворота событий, которые начинали захлестывать его, что он надеялся держать их под своим контролем, а они уже вырывались наружу. Словом, Гапон и хотел браться «за гуж», который, конечно же, был для него «не дуж».

и боялся этого, колебался, но его уже начинал вовлекать в водоворот событий могучий поток приходящих в движение заводских масс. Известно, например, что 3 января 1905 года у министра финансов В.Н.Коковцева проходило совещание фабрикантов и промышленников столицы с участием фабричных инспекторов⁵⁸. Вопрос, который был вынесен на обсуждение, это меры по прекращению забастовочного движения на предприятиях Петербурга. Иначе говоря, конфликт на Путиловском заводе и возможность его распространения на другие предприятия начинал не на шутку тревожить власти.

Между тем стачка путиловцев продолжала развиваться. Гапон, который с начала забастовки был дома, к часу дня 3 января прибыл, но не на завод, как он пишет в автобиографии, а в Нарвский отдел, привезя с собой пакет дополнительных требований⁵⁹. Они были подготовлены им и его окружением из руководства «Собранием», но после дискуссии в Нарвском отделе существенно дополнены и расширены. В итоге эти дополнительные требования из 9 пунктов выглядели следующим образом⁶⁰. Оплату труда за срочные работы производить по взаимному соглашению «между начальством и делегатами от рабочих»; учреждение постоянной заводской комиссии из представителей администрации и рабочих для разбора всех жалоб, и «без согласия комиссии» никто не может быть уволен; установление 8-ми часового рабочего дня, но решение этого вопроса отложить до разработки соответствующего законодательства; увеличение поденной платы женщинам до 70 копеек в день; отмена сверхурочных работ, кроме добровольного на то согласия, но при этом за двойную плату; улучшение вентиляции в кузнечных мастерских; увеличение платы чернорабочим до 1 рубля в день; никто из забастовщиков «не должен пострадать»; «время забастовки должно быть» рабочим оплачено. Думается, что главным пунктом здесь было требование об учреждении постоянной комиссии из выборных от рабочих, которая совместно с администрацией разбирала бы все их претензии.

Все эти требования, которые Гапон называет петицией, было решено переписать и «распространить ее по всем фабрикам и заводам в городе»⁶¹. Расчет Гапона здесь был простой: на крупных предприятиях столицы были отделения «Собрания». В таком же направлении начал действовать и образованный забастовочный комитет для помощи всем стачечникам вне зависимости от их принадлежности к тому или другому отделу ор-

ганизации. У ворот заводов и на митингах производился сбор денежных средств в помощь бастующим, что, как помнит читатель, не разрешалось уставом «Собрания». Гапон по этому поводу пишет: «С этого дня наплыв новых членов Союза стал страшно увеличиваться, и мы решили между собой, хотя это и противоречило утвержденным правилам устава, чтобы все поступления шли на расходы по забастовке. Помощь забастовщикам выдавалась не денежная, а припасами. Все отделения Союза несли массу чая, сахара, хлеба, картофеля для раздачи забастовщикам»⁶².

Итак, стачка набирала обороты, а главное она вот-вот должна была перекинуться на другие предприятия Петербурга. 3 января градоначальник Фуллон звонит Гапону, и между ними происходит телефонный разговор⁶³. Фуллон говорил, что он виделся с Витте, от которого добился возвращения на завод одного рабочего и обещания принять обратно еще двоих, что, поскольку остается нерешенным вопрос только об одном рабочем, он просил Гапона приложить усилия к прекращению стачки. Ответ последнего гласил, что теперь, когда предъявлены дополнительные требования, это уже сделать невозможно. Гапон сказал, что он может лишь посоветовать администрации Путиловского завода устроить совещание с председателями отделов «Собрания» и делегатами от забастовщиков. При этом Гапон просил Фуллона гарантировать их всех от ареста, равно как и его, Гапона, которого рабочие обязательно пригласят участвовать в таком совещании, и градоначальник в этом дал обещание.

Наступило 4 января 1905 года. Представители путиловцев распространяли свою петицию к администрации завода по другим столичным предприятиям, которые начинали присоединяться к их забастовке, выставляя аналогичные требования. 4 января стал Франко-Русский судостроительный завод, выполнявший крупные военные заказы. В этот день правительство через Гапона делает еще одну попытку погасить начавшее распространяться по столичным предприятиям забастовочное движение.

Как мы знаем, Гапон продолжал работать в пересыльной тюрьме, где получал хорошее содержание. Тюремная администрация была довольна его деятельностью как священника среди заключенных. Власти оказывали Гапону доверие. Так, его заранее пригласили на открытие новой тюрьмы в Царском Селе и на богослужение по этому поводу 7 января в главном тюремном управлении, но поскольку забастовка расширялась,¹ то Гапона вежливо предупредили, что торжественное богослужение

откладывается⁶⁴. Одновременно, 4 января, Гапона вызвал к себе начальник главного тюремного управления А.М.Стремоухов⁶⁵. Присутствовал также инспектор тюрем. Стремоухов сказал, что ему поручено уговорить Гапона убедить рабочих прекратить забастовку. При этом Стремоухов предупредил, что в противном случае Гапон может лишиться места священника в пересыльной тюрьме. Договориться не удалось, Гапон оставил за собой, как он пишет, «свободу действий»⁶⁶.

В этот же день, вечером, Гапон во главе с рабочей делегацией из 100 человек ожидали на заводе Смирнова для вручения ему своих новых требований⁶⁷. Переговоры с директором начались в 6 часов вечера и после длительных дебатов окончились безрезультатно⁶⁸. Сразу же после переговоров, вспоминал Гапон, я отправился на митинг, где доложил собравшимся об их результатах; рабочие были возмущены отказом директора удовлетворить их требования и решили твердо стоять на своем⁶⁹. Гапон опять имел разговор с Фуллоном, повидимому, это было в тот же день и по телефону, и градоначальник сказал, что он ничего больше в пользу забастовщиков сделать не может⁷⁰. И последнее о событиях 4 января 1905 года. По некоторым источникам, Гапон, будучи в этот день на Путиловском заводе и ожидая вместе с рабочими директора, выступал перед ними и одобрительно отзывался о социал-демократическом лозунге — «Долой самодержавие!»⁷¹.

И здесь, как нам кажется, есть прямой резон остановиться на вопросе, связанном с действиями социал-демократии в эти дни.

Говоря о забастовке путиловцев сегодня, мы можем, не слишком впадая в преувеличение, сказать, что развитие как самой стачки, так и ее распространение на другие предприятия Петербурга, — все это происходило в значительной мере стихийно, без целенаправленного руководства движением, и Гапон, по сути дела, шел за развивающимися событиями. В результате, когда вспыхнула январская забастовка на Путиловском заводе, то ни Гапон, ни его «Собрание» не были готовы к этому конфликту, как не были к нему готовы и руководства социал-демократических организаций различных политических направлений. О причине последнего в январе 1917 года скажет Ленин, выступая в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи с докладом о революции 1905 года⁷². Он подчеркнет, что социал-демократия того времени была очень слабая⁷³.

Надо прямо сказать, что социал-демократия решила включиться в движение лишь в конце 1904 года, то есть тогда, когда во всех отделах «Собрания» уже насчитывалось около 15 тысяч членов, и именно они-то и выступили прежде всего в защиту четверых уволенных путиловских рабочих⁷⁴. Разумеется, это отнюдь не значит, что социал-демократия вообще не искала никаких путей к сближению с Гапоном и его отделами, не имела никаких связей с ним и «Собранием». Говорить так или просто даже полагать, было бы неправильным.

Уже с октября 1904 года петербургские социал-демократы начали контактировать с Гапоном и другими руководителями «Собрания», старались убедить Гапона в том, что для достижения поставленных его организацией целей необходимо иметь политическую программу действий, а не только выступать на экономической почве⁷⁵. Однако Гапон не хотел слушать этого, и его оставили в покое. Возможно, здесь сказались те обстоятельства, что социал-демократы считали «Собрание» организацией зубатовского толка, относились к нему весьма подозрительно, поначалу вообще игнорировали его. Вспомним, что ведь рабочие из окружения Гапона неоднократно в своих воспоминаниях говорили об обвинении его в провокаторстве и связях с полицией. Так, И. Павлов рассказывал, что он за время знакомства с Гапоном четыре раза видел его плачущим от упреков в провокаторстве⁷⁶. Тот же Павлов об одном из таких случаев вспоминал, что когда однажды на собрании кто-то из рабочих обвинил Гапона в непонятных связях с охранкой, то он «взошел на трибуну и сказал удивительно горячую и единственную свою хорошую речь, и, не выдержав до конца, разрыдался...»⁷⁷

Одним словом, если говорить об отношении социал-демократических организаций к Гапону и его отделам, то они в целом пропустили момент, когда эти рабочие союзы стали принимать определенный революционный характер. Гапон под влиянием происходящих событий и под давлением своих «штабных» быстро «переучивался». Он, во-первых, не мог не видеть, что наиболее верных ему людей среди его окружения не так уж и много — Варнашев, Кузин, Васильев., а другие тянут свою линию, для многих других руководителей «Собрания» он, Гапон, только ширма их противоправительственной деятельности. «В настоящее время для нас не так существенно, — говорил, например, Карелин И. Павлову, — Гапон или кто другой стоит у нас во главе, для нас необходимо выйти из подпо-

ня на свет, найти новые пути для организации при современном положении вещей»⁷⁸.

Гапон «персучивался» самой жизнью и «поддавался» на изменения в своей первоначальной тактике. Было время, когда представителей различных партий и политических течений вообще не допускали в отделы, но общее революционизирование всего российского общества с неизбежностью привело к тому, что их, наоборот, стали усиленно приглашать на заседания и митинги в отделениях «Собрания», предоставлять им возможность высказываться по обсуждаемым проблемам. А происходило это потому, что под воздействием социал-демократической и либеральной прессы рабочие гапоновских союзов включали в свои требования не только экономические, но и политические. Гапон этого опять-таки не мог не видеть и шел вслед за развивающимся движением.

Он сравнительно быстро приспособлялся к обстановке, чего нельзя было сказать, к сожалению, о социал-демократах. И если Гапон умудрялся все же в общем и целом «держаться» инициативу в своих руках и быть у рабочих признанным руководителем в эти дни и недели, то петербургская социал-демократия не поспевала за событиями. Приходится только удивляться прозорливости Ленина, который, будучи в это время в Женеве, в новогоднем номере большевистской газеты «Вперед», характеризуя положение в России на пороге 1905 года, писал: «Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариат»⁷⁹. Пройдет несколько дней, и эта ленинская оценка будет наглядно подтверждена.

Что же касается социал-демократии в столице, то здесь положение было сложное, если не сказать — просто тяжелое. Вот что писал о состоянии социал-демократии в Петербурге в 1904 году известный советский государственный и партийный деятель, историк, автор многих работ по истории партии и революционного движения в России В.И. Невский (Ф.И. Кривобок) ⁸⁰. «...К концу 1904 г. единой соц.-демократической организации в Петербурге, — подчеркивал он, — уже не было». Существовало три группы, каждая из которых «вела свою самостоятельную работу, имела технику, издавала листки и, без со-

мнения, старалась привлечь на свою сторону рабочих», борьба за которых «между этими группами велась ожесточенная». И Невский заключает: «Силы соц.-демократов были распылены и растрчивались на фракционную борьбу. Борьба велась за рабочих, а между тем никто особенно широких связей с рабочими не имел». Да и большевиков-то в Петербурге тогда было всего около 300 человек⁸¹.

Аналогичную характеристику состояния социал-демократического движения в Петербурге в это время дает и один из лидеров меньшевизма Л.Мартов (Ю.О.Цедербаум). В своей истории РСДРП он пишет: «Как это ни странно, но революционные организации столицы проглядели тот рост и, вместе с ростом, то постепенное перерождение основанных Г.Гапоном легальных рабочих организаций, которые уже к началу осени 1904 года сделало их своего рода рабочими клубами, а не простыми лишь обществами взаимопомощи, какими они являлись при своем зарождении. Причиной этого частью было то, что гапоновские «отделы», в отличие от зубатовских обществ 1902-1903 гг., не взяли агрессивной политики против рабочего движения»⁸². В итоге, резюмирует Мартов, когда в конце декабря 1904 года на почве местного конфликта на Путиловском заводе гапоновские отделы открыто начали борьбу с общим фронтом фабрикантов и заводчиков, то это застало социал-демократию врасплох. Она в это время продолжала ожесточенно сражаться между собой, в лице большевиков и меньшевиков, и за рабочих, среди которых не имела пока особо крепких позиций.

Петербург в это время имел три социал-демократические организации: Петербургский комитет РСДРП с преобладанием большевиков во главе с С.И.Гусевым, меньшевистская Петербургская группа при ЦК РСДРП, возглавляемая Сомовым, и примиренческий ЦК РСДРП⁸³. Как же они все себя вели в эти забастовочные дни? Так, когда в середине декабря на Путиловском заводе были уволены четверо рабочих, и Гапон и его «Собрание» сразу же заинтересовались этим делом, никто из социал-демократических организаций не отозвался на этот начавшийся конфликт. Некто Серебров, который по линии большевиков вел партийную работу в Нарвском отделе гапоновского общества, вспоминал в 1922 году дни январской 1905 года забастовки путиловских рабочих⁸⁴. Когда путиловцы забастовали, писал он, то партийное руководство сначала считало, что «ничего серьезного пока нет» и надо овладеть положением, ве-

для работу в забастовочном движении, но вскоре «выяснилось, что события разворачиваются гораздо шире, чем предполагали наши верхи».

Конечно, петербургская социал-демократия пока еще не имела никакого опыта работы в легальных рабочих организациях, наподобие гапоновских отделов, и тактику их использования выработывала, что говорится, на ходу. Однако это несколько не оправдывает социал-демократов, включая и большевиков, не сумевших за частностями увидеть главное, серьезно запоздавших со своим подключением к движению масс, не отказавшихся своевременно от комплекса подозрительности в отношении тех форм рабочих организаций, которые находились под покровительством властей. Иными словами, переход от нелегальной к легальной работе среди масс давался социал-демократии с большими трудностями и издержками.

Среди тех, кого большевики посылали работать в гапоновских отделах, были Е.М.Ярославский, П.П.Румянцев, Н.В.Дорошенко, В.В.Липшиц, Е.М.Быков, О.М.Генкина, А.П.Серебровский, А.Л.Харик, В.А.Шелгунов⁸⁵. 27 декабря 1904 года на заседании представителей всех отделов «Собрания» и при участии социал-демократов, когда было решено послать делегатов к Фуллону, Смирнову и Чижову, присутствовал и выступал большевик Н.Г.Полетаев⁸⁶. 2 января на экстренном заседании Нарвского отделения общества выступал большевик В.А.Шелгунов⁸⁷. Кстати, тогдашний секретарь Петербургского комитета РСДРП С.И.Гусев (Я.Д.Драбкин) был в товарищеских отношениях с Шелгуновым и, когда в своих письмах в Женеву информировал Ленина о работе организации, как-то рассказывал Владимиру Ильичу в одном из таких посланий, что во время пребывания Шелгунова в тюрьме к нему в камеру приходил Гапон и вел с ним беседы⁸⁸. Упомянем также, что среди делегатов, которых путиловцы послали на другие столичные предприятия, чтобы рассказать о происшедшем на заводе, ознакомить со своими требованиями и призвать поддержать их забастовку, были большевики Н.Г.Полетаев и В.В.Буянов⁸⁹.

Только 4 января 1905 года меньшевистская Петербургская группа при ЦК РСДРП обратилась с прокламацией к рабочим Путиловского завода, а большевистский Петербургский комитет РСДРП опоздал еще на одни сутки — его прокламация по поводу стачки путиловцев и с призывом к рабочим других фабрик и заводов присоединиться к бастующим была датирована 5

января, то есть тогда, когда уже стали 4 января Франко-Русский и 5 — Семянниковский (Невский литейно-механический) заводы⁹⁰. Конечно, прокламации меньшевиков и большевиков ставили вопрос гораздо шире, чем это делал Гапон. В социал-демократических листовках экономические вопросы увязывались с общим политическим положением страны, выдвигались требования предоставления свобод и созыва Учредительного собрания.

Но были и существенные различия между этими двумя листовками. Меньшевики, поддерживая требования путиловцев, одновременно высказывали не совсем лестное отношение к гапоновскому «Собранию», а большевики, наоборот, вообще не упоминали о нем ни единым словом, как будто его и не существовало в природе, и стачка путиловцев не его рук дело⁹¹. В большевистской прокламации шла полемика с директором Смирновым, никаких конкретных требований к администрации завода не выдвигалось, но зато содержалась угроза обратиться «ко всем петербургским рабочим», дабы «дружно бороться против наших врагов — капиталистов и правительства»⁹².

Вполне естественно, что эти две социал-демократические прокламации, написанные в таком духе, не могли захватить умы и сердца широких рабочих масс. Меньшевистская — потому что в ней сквозило враждебное отношение к организации Гапона, пользовавшейся огромным авторитетом у рабочих, который в эти январские дни все более возрастал, а большевистская — потому что не выдвигала никаких конкретных предложений, отвечавших обстановке на Путиловском заводе.

Читатель, конечно, помнит, что в своем рассказе о стачке путиловцев мы остановились на 4-ом января. Как же развивались события дальше? 5 января 1905 года забастовал, как мы уже сказали, Семянниковский завод. «Собрание» и его отделы все более становились центром нараставшего движения, которое начинало принимать форму всеобщей стачки. В помещениях отделов с утра до вечера проходили собрания, толпились люди. В этот день Гапон, полагая, видимо, что все же можно покончить с конфликтом мирным путем, опять побывал вместе с депутацией в правлении Путиловского завода и вновь без какого-либо успеха. В своей автобиографии Гапон об этом своем посещении администрации завода умалчивает. Тогда же министр финансов Коковцев докладывал царю, что в столице с 3 января начались забастовки, во главе которых стоит «Собрание», руководимое Гапоном, что требования рабочих неприем-

лсмые; Николай II ознакомился с этим докладом⁹³.

И здесь мы вплотную подходим к вопросу об истории петиции рабочих Николаю II. Когда зародилась мысль идти к царю, как она выкристаллизовывалась, кто был автором петиции? На этот счет существуют различные мнения, но в целом при ответах на подобные вопросы вырисовывается следующая картина.

По словам А.Е.Карелина, идея идти с петицией о рабочих нуждах к царю зародилась на заседании 27 декабря 1904 года, что подтвердил позднее на допросе в жандармском управлении и председатель того собрания Вл.Иноземцев⁹⁴. В свою очередь журналист Святловский, который в это время часто общался с руководством «Собрания», утверждает, что эта идея родилась 2 января 1905 года на экстренном собрании в Нарвском отделе⁹⁵. В одной из работ о Гапоне 30-х годов говорится, что спор между ним и «штабными» идти или нет к царю с петицией шел где-то между 1 и 3 января, что супруги Карелины, Харитонов, Иноземцев и Павлов настойчиво требовали от Гапона выступить с такой петицией⁹⁶. Пусть читателя не удивляет тот факт, что среди перечисляемых нами имен нет Варнашева: с 1 по 5 января он был болен⁹⁷.

Невольно возникает вопрос: почему Гапона надо было уговаривать идти к царю? Ведь эта мысль принадлежала ему задолго до кровавого январского воскресенья 1905 года. Но потом он ее почему-то оставил, стал относиться к этой мысли отрицательно, считал положение настолько изменившимся, что такой шаг в новых условиях расценивал уже как безрассудный. Однако его «штабные», которые, как мы уже отмечали, не во всем доверяли Гапону, видя, как он начал возражать против мысли идти к царю и увлеченные общим массовым подъемом движения, также стали высказываться за эту идею. И Гапон, который постоянно хотел быть в центре событий, а если еще точнее — в центре внимания, не мог, разумеется, «уступить» кому-то свою идею. Поэтому, когда 4 января 1905 года на одном из многолюдных собраний было высказано предположение, что заводчики возможно и пошли бы на уступки, но не могут этого сделать без разрешения правительства, по мнению которого требования рабочих чрезмерные и необходимо вмешаться в конфликт для обуздания их «аппетита», Гапон и бросает в массы фабричных эту свою мысль: если администрация откажется удовлетворить требования рабочих, то надо идти искать правды у самого царя⁹⁸.

Теперь коснемся вопроса об авторстве петиции. Здесь мы тоже сталкиваемся с разногласиями мнений. Одни говорят, что петиция гапоновских отделов «Собрания» вышла из-под пера либеральной буржуазии, а затем была несколько изменена близким к Гапону журналистом А.И.Матюшенским⁹⁹. Другие, например Н.П.Петров, полностью приписывают ее авторство именно А.И.Матюшенскому¹⁰⁰. А.Е.Карелин же, наоборот, считает неверным, будто Матюшенский написал петицию, основные положения которой, по его мнению, уже давно рождались в отделах, и полагает, что к ней что-то может и прибавил М.А.Финкель, но, как он подчеркивает, «твердо думаю, что последний набросок петиции принадлежит Гапону. ...Кроме Гапона ее мог бы написать только Горький»¹⁰¹. Называют и социал-демократов, принимавших участие в совещаниях с Гапоном¹⁰².

Говоря о петиции, было бы неверным, представляется, полагать, что Гапон не имеет отношения к ее авторству, что петицию составлял якобы его какой-то ближайший сподвижник, который советовался, дескать, с одним из министров, с Витте и с тем же А.И.Матюшенским¹⁰³. И многое другое на этот счет. Нам думается, что петиция это плод коллективного творчества, и Гапон имеет к ней, конечно, самое прямое и непосредственное отношение. В основу ее легли те резолюции, которые исподволь и постепенно вырабатывались близкими к Гапону лицами, а также кружком его «штабных». Любопытно в этом плане воспоминание некой Варвары Авчинниковой, которая приводит разговор журналиста с Гапоном незадолго до шествия к царю. Вот он, со слов В.Авчинниковой¹⁰⁴.

— Отец Георгий, кто писал эту петицию? — учтиво спросил какой-то корреспондент, стоя перед ним в слегка наклоненной позе интервьюера, приготовляясь записать ответ его.

— А что? Хорошо написано? Я писал и рабочие. Сообща писали.

Правда, потом в своих записках Гапон приписывает все авторство себе. «Ни один из составленных проектов, — подчеркивал он, — не удовлетворил меня, но позднее, руководясь этими проектами, я сам составил петицию, которая и была напечатана»¹⁰⁵.

Что же представляла из себя сама петиция? Ее большая преамбула и концовка были составлены в духе верноподданничества, верности престолу и отечеству, отражали настроения либеральной буржуазии и интеллигенции¹⁰⁶. В заголовке петиции

говорилось: «Всподданнейший адрес рабочих Петербурга, предназначенный к поднесению его величеству...»¹⁰⁷ И начиналась она словами, из которых следовало, что пришедшие с петицией ни в коем случае не связывают образ и личность царя с теми, кто их угнетает и порабощает. Царь, по мнению авторов петиции, в этом участия не принимает. «Государь! — заявлялось в ней. — Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга, разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать»¹⁰⁸.

Изложив далее те тяготы и невзгоды, которые им приходится терпеть от хозяев, чиновников и правительства, податели петиции подчеркивали: «Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов»¹⁰⁹. И в этой связи петиция содержала призыв к царю: «Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение»¹¹⁰.

Таким образом, в этом изложенном нами куске петиции есть, с одной стороны, надежда, хотя и слабая, на то, что у царя можно еще найти правду и защиту, а с другой — сознание того, что так дальше жить невозможно, что тем или иным путем надо изменить положение.

И в этой связи в петиции подчеркивалась необходимость формирования народного представительства, которое помогало бы царю в управлении страной. Народ как бы предлагал себя в поддержку трона. «Не отталкивай его помощь, — призывала петиция царя, — прими ее, повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих пред-

ставителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, для этого повели, чтобы выборы в Учредительное Собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов»¹¹¹.

Далее в петиции говорилось, что созыв Учредительного Собрания это главная просьба народа к царю, но она не единственная, и эта «одна мера все же не может залечить всех наших ран», что «необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России»¹¹².

И здесь петиция состояла как бы из трех разделов. В шести пунктах первого из них указывались меры против невежества и бесправия русского народа: немедленное освобождение всех «пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки»; «немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести»; обязательное образование за государственный счет; ответственность министров перед народом; равенство всех перед законом; «отделение церкви от государства»¹¹³.

Во втором разделе в четырех пунктах содержались «меры против нищеты народной»: замена косвенных налогов прогрессивным подоходным; отмена выкупных платежей, дешевый кредит и «постепенная передача земли народу»; выполнение военных заказов в России, а не за ее пределами; прекращение войны¹¹⁴.

Один из лидеров гапоновской организации Янов на допросе в жандармском управлении показал, что только вечером 7 января Гапон вставил в текст петиции требования свободы слова, печати и отделения церкви от государства (первый раздел) и требование прекращения войны (второй раздел)¹¹⁵.

И, наконец, третий раздел, в котором содержались «меры против гнета капитала над трудом», изложенные в семи пунктах: «отмена института фабричных инспекторов»; создание на предприятиях постоянных выборных комиссий из рабочих, разбирающих вместе с администрацией жалобы отдельных работников, и невозможность увольнения рабочего без санкции этой комиссии; немедленная свобода деятельности профессиональных рабочих союзов; «8-ми часовой рабочий день, и нормировка сверхурочных работ»; немедленная «свобода борьбы труда с капиталом»; немедленное установление нормальной за-

рабочной платы; немедленное и «непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих»¹¹⁶.

И после изложения всех этих требований и нужд петиция заканчивалась призывом и отчаянной просьбой к царю. «Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, а имя твое запечатлешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее»¹¹⁷. Заметим здесь, что заявление умереть на площади в случае отказа царя помочь рабочим объективно звучало как возможная угроза революционными действиями.

Какую оценку можно дать этому документу? Если отбросить наивную веру рабочих в доброго царя-батюшку, то содержание и характер включенных в петицию требований, просьб и пожеланий составляют, на наш взгляд, сильную сторону этого материала, что, безусловно, способствовало сплочению вокруг него широких рабочих масс столицы. Следует сказать также, что изложенный выше документ представляет из себя уже окончательный вариант петиции, которая в процессе ее обсуждения практически до самого конца редактировалась как Гапоном, так и представителями всех отделов «Собрания». Поэтому текст материала в чем-то подвергался незначительным изменениям, в чем-то дополнялся и детализировался. После последней редакции петиция по распоряжению В.М.Карелиной была перепечатана некоей Павловой; работа шла в доме на Гороховой улице, где и было подготовлено 12 экземпляров этого документа: 11 — для отделов «Собрания», а один Гапон оставил себе; этот материал с подписью Гапона находится в Музее Революции в Санкт-Петербурге¹¹⁸. В своих записках Гапон говорит о 15 копиях петиции: 11 — для отделов, «одна на лучшей бумаге для государя», по одной министрам внутренних дел и юстиции и одна для Гапона, которую он якобы отдал корреспонденту одной английской газеты¹¹⁹.

5-6 января 1905 года петицию стали читать по отделам, и с этого момента Гапон начал лично агитировать за нее, выступая на многочисленных собраниях и митингах рабочих¹²⁰. В эти

дни Гапон разъезжал по отделам, в каждом из которых произносил речи по 4-6 раз, поскольку в некоторых отделениях помещения не могли вместить сразу всех желающих, и люди терпеливо ждали на улицах своей очереди самим услышать о петиции и высказать свое отношение к ней¹²¹.

А стачка между тем разрасталась, в нее включались новые тысячи рабочих. По приблизительным подсчетам охранного отделения, если 4 января бастовало около 15 тысяч человек, то 5 и 6 — до 26 тысяч¹²². «Собрание» и его отделы становились центром нарастающего движения, которое начинало принимать форму всеобщей стачки. Отделы уже не ограничивались только, так сказать, идейным руководством забастовкой, но и старались также организовать помощь рабочим деньгами и продуктами. Начиная с 6 января, «Собрание» стало выплачивать семейному рабочему пособие в размере 70 копеек в сутки, что, кстати, как, конечно, помнит читатель, противоречило утвержденному властями уставу организации¹²³.

5 января, выступая в Нарвском отделе, Гапон опять говорит о необходимости апеллировать к царю, если требования рабочих не будут удовлетворены фабрикантами и заводчиками, но пока остается неясным, в какой форме это должно быть сделано¹²⁴. Все эти дни при Гапоне неотлучно находился Д.Кузин, который был при нем добровольным и личным секретарем, и делопроизводителем, и сторожем, или, как мы сейчас сказали бы, охранником, личным телохранителем¹²⁵. Тогда же, 5 января, на одном из митингов с Гапоном познакомился будущий организатор его убийства инженер-технолог Петр Моисеевич Рутенберг. Впоследствии, описывая чтение в отделах петиции, он подчеркивал, что в помещения пускали по сменам, каждая из которых была в несколько тысяч человек, «а за Невской заставой Гапон должен был выйти под открытое небо, взобраться на бочку с водой и читать петицию при свете фонаря»¹²⁶. Увлеченный стихией толпы, писал Рутенберг, Гапон «заговорил ее языком, стал выражать ее желания»¹²⁷. «С пятого числа, — вспоминал в свою очередь А.Е.Карелин, — мы стали читать петицию на собраниях рабочих в отделах. Какое было настроение у рабочих, видно из того, что люди, слушая ее, складывали пальцы, как для клятвы, и поднимали руки. У людей было что-то чистое, хорошее, то, что на всю жизнь остается»¹²⁸.

Как мы сказали выше, форма подачи петиции пока еще была неясна. Договорились лишь о том, что она адресуется царю.

И вот 6 января к 12 часам дня к Гапону на квартиру приехал за петицией Варнашев¹²⁹. Там он застал Тана (Н.А.Тан и В.Г.Тан, по всей вероятности, это все псевдонимы крупнейшего русско-го и советского этнографа В.Г.Богораза), уже известного нам Богучарского и Матюшенского, которого Варнашев в это время еще не знал. Последний, по словам Варнашева, работал над петицией. Варнашев вспоминает о разговоре, который произошел между ним и Гапоном. Тот отвел Варнашева в соседнюю комнату и спросил его мнение на предмет того, что он думает, если они пойдут подавать царю петицию всем миром, известив заранее его и кого следует, что, допустим, в воскресенье народ соберется у Зимнего дворца с желанием увидеть царя и никого (кольше. «В первый момент, — говорит Варнашев, — я был ошеломлен — такую дикою мне показалась эта идея»¹³⁰. И далее он продолжает: «Высказал ли идею шествия Гапон кому до меня, не знаю, но дата 6-го января, когда я это услышал от него, для меня несомненна; она связана у меня с выстрелом из крепости по царской палатке снарядом во время Крещенского водосвятия»¹³¹. Ту же дату, 6 января, называет и В.А.Янов в своих показаниях полиции¹³².

Коротко об упомянутом Варнашевым выстреле «из крепости по царской палатке». О чем здесь идет речь? Во время крещенского водосвятия на Неве, проходившего в присутствии царя, приехавшего в первый раз за всю зиму в столицу, одно из орудий батарей, расположенной на другом берегу Невы прямо против Зимнего дворца, выстрелило не холостым зарядом, а картечью, которая поразила помост около царского павильона, попала на набережную, задела фасад Зимнего, в результате чего один гороховой, по иронии судьбы носивший фамилию Романов, был ранен, а знамя морского корпуса оказалось пробитым; Николай II едва дождался окончания церемонии и уехал в Царское Село¹³³.

Приведем здесь свидетельства об этом инциденте, который в эти забастовочные январские дни наделал много шума в Петербурге и породил массу слухов. В дневниковой записи за этот день С.Р.Минцлова, часто бывавшего во дворце, читаем: «6 января. Яковлев (Николай Матвеевич, бывший командир броненосца «Петропавловск»), только что вернувшийся из дворца с Крещенского парада, сообщил, что во время салюта с Васильевского острова — там были посталлены гвардейские батареи — вдруг зазвенели и посыпались в зале, где он стоял, стекла и

куски люстры. На полу он нашел потом крупную картечину. На улице в толпе произошел переполох, оказались раненые. По ошибке ли, или преднамеренно какое-то орудие вместо холостого зарядахватило по Иордани, где находился государь, картечью. Бедняги артиллеристы, поплатятся жестоко!»¹³⁴ Официальное следствие, говорилось потом в «Правительственном вестнике», установило, что выстрел картечью произошел «по недосмотру» артиллеристов¹³⁵.

И еще одно свидетельство — из дневника А.В.Богданович, жены известного в Петербурге генерала Е.В.Богдановича; оно приведено в сочинениях Л.Троцкого¹³⁶. Вот что она записывала в этот день: «Сегодня во втором часу был телефон от Зилоти с сенсационною новостью, что во время Иордани, в ту минуту, когда митрополит погружал крест в воду, раздался обычный пушечный салют, и оказалось, что одна из пушек, которые стреляли, была заряжена картечью. Одна пуля ранила городского, затем были разбиты два стекла в окнах Зимнего дворца. Царь в это время находился в павильоне, где совершалось богослужение, царицы сидели у окна во дворце. Царь немного растерялся, а царицы не поняли, в чем дело.

Кусок стекла попал в голову Авелану, а другой — Зилоти. Говорят, что все эти дни в Петербурге шел слух, что 6-го будет покушение на царя, а если оно не удастся, то будет 12 января. Говорят, что из Швейцарии уехали сюда анархисты с целью убить царя, что об этом дано было сюда знать».

Видимо, до Гапона этот инцидент тоже дошел. Во всяком случае в этот же день, 6 января, он довольно решительно действует на созванном им собрании представителей отделов, проходившем на Васильевском острове, где многие выступавшие настаивали на включение в петицию наравне с экономическими и политических требований, что и было принято большинством голосов, к которым присоединился Гапон¹³⁷. Тогда же было окончательно решено идти рабочим из всех отделов к Зимнему дворцу, где и подать царю петицию о своих нуждах. Днем подачи петиции и шествия к Зимнему назначили воскресенье, 9 января. Собираться у отделов решили с утра, чтобы всем тронуться в путь в 10 часов и к 2 часам дня подойти к площади перед Зимним дворцом. Определенного плана действий у Гапона не было. «Что выйдет? — отвечал он на поставленный ему вопрос, — а, ей богу, не знаю. Должно быть, что-нибудь здоровое (крупное), но что именно, не могу сказать. А, может быть, и ничего не выйдет, кто это теперь разберет»¹³⁸.

Мысль идти к царю была молниеносно подхвачена многими десятками тысяч рабочих: «К царю, к царю! Искать правды!» С 7 января в отделах стали собирать подписи под петицией, которую продолжали читать рабочим¹³⁹. Все были заняты предстоящим шествием, Гапон проникался настроением толпы, с утра до позднего вечера произносил зажигательные речи, электризуя ими еще сильнее своих слушателей, собиравшихся в отделах нередко со своими семьями. Сотни добровольных помощников помогали Гапону доводить петицию до рабочих, агитировали за нее, разъясняли ее положения. Вот, например, одно из выступлений рабочего в поддержку петиции: «Товарищи, отец Георгий Гапон говорит так: нас душат со всех сторон. Это делает и правительство, и капиталисты. Нам нужно думать, как освободиться от этого двойного ярма. Для того, чтобы бороться с теми и другими, нужно организовать. Об этом говорил отец Георгий Гапон. Но организовать нам не дадут при полицейском строе. И вот отец Георгий Гапон говорил, что нужно прежде всего завоевать свободу союзов, свободу слова и печати, и стачек. Добиться всего этого, как говорил отец Георгий Гапон, мы можем только через Учредительное Собрание. А что такое Учредительное Собрание? Отец Георгий Гапон говорил, что мы должны в нем видеть прежде всего средство для борьбы с капиталом...»¹⁴⁰ В такой доходчивой форме и шла агитация за петицию в отделах.

Между тем к вечеру 7 января в Петербурге бастовало уже более 130 тысяч рабочих, промышленная жизнь столицы замерла, в рабочих районах бесперывно шли многотысячные собрания, город оказался без освещения, не вышли многие газеты¹⁴¹. По сути дела Петербург впервые «узнал», что такое всеобщая забастовка. Кстати, в этот день газета «Новости» поместила беседу своего корреспондента с Гапоном, рассказала читателям его биографию, и Гапон стал теперь известен практически всем¹⁴². Фамилия у него была короткая, четкая, резкая; про такие говорят: забыть трудно, запомнить легко.

7 января поздно вечером по инициативе Гапона за Невской заставой состоялась встреча представителей «Собрания» (кроме Гапона, был председатель Невского отдела Петров) и социал-демократических организаций, от которых в основном были меньшевики¹⁴³.

Гапон призвал социал-демократов поддержать забастовку и присоединиться к шествию рабочих к Зимнему дворцу. Надо

полагать, до Гапона дошли сведения о том, что на ряде митингов выступавшие социал-демократы (большевики, меньшевики, эсеры) не рекомендовали идти с петицией к царю, говорили о возможных трагических последствиях этого шага, и Гапон, видимо, хотел убедить их в обратном. Во всяком случае на этом совещании он просил социал-демократов не вносить в движение, пока оно мирное, ничего революционного, наподобие красных флагов, символизирующих революцию, антиправительственных возгласов и призывов, он уверял присутствующих, что царь примет депутацию и кровопролития не будет, а вот если начнут бить, тогда руки всем и будут развязаны. На это социал-демократы согласились, тем более, что «вся масса была настроена мирно». Гапон выразил также сомнение в стойкости рабочих из отделов и просил социал-демократов поставить своих людей в последних рядах колонн, чтобы они являлись своего рода сдерживающим элементом во время шествия.

Надо сказать, что попытки социал-демократов вмешаться в ход событий, отговорить рабочих от шествия к царю не увенчались успехом и были заранее обречены на неудачи по причинам, о которых мы уже говорили выше. Социал-демократы были расколоты, они не пользовались серьезным влиянием среди рабочих, постоянно запаздывали с оценкой происшедшего. Вот что вспоминал, например, Д.Гимер, один из очевидцев собрания «всех революционных организаций» столицы за Невской заставой в селе Смоленском 5 января¹⁴⁴. «Из речей, произнесенных там, — писал Д.Гимер, — мне запомнилась только одна, произнесенная каким-то большевиком. Он говорил о том, что Гапон это ворона, но белая ли ворона — это еще вопрос, что белая ворона явление очень редкое и потому мы не должны доверять Гапону, но и он, подобно всем, находил нужным примкнуть к движению. Видно было, и в этом надо сознаться, что Гапон дал нам мат, и все мы, и большевики, и меньшевики, и эсеры были поставлены перед необходимостью так или иначе участвовать в назревающих помимо нас событиях под страхом надолго потерять кредит в массах»¹⁴⁵.

Думается, что сказано это хотя и сурово, но предельно точно. События, действительно, шли помимо социал-демократии. Послушаем еще одного свидетеля — инженера П.М.Рутенберга, видного эсеровского боевика. «Я видел всю стихийность развертывавшихся передо мной событий, — подчеркивал Рутенберг в своих записках, — все бессилие революционных пар-

гий и интеллигенции оказать какое бы то ни было влияние на них, не мог понять позиции правительства, допуская все это на свою же, так мне казалось, гибель»¹⁴⁶.

А теперь посмотрим, как оценивали обстановку большевики, в частности, руководитель столичной организации Гусев. В своем письме к Ленину в Женеву¹⁴⁷, написанное, видимо, в два приема, 5 и 6 января 1905 года, он указывал: «Положение с проклятым Гапоном, который приобрел большую популярность, благодаря тому, что ему разрешают свободно устраивать собрания рабочих (в несколько тысяч) и говорить там не только профессионального характера речи, а также и политические»¹⁴⁸. И далее Гусев продолжает: «Этот о.Гапон — несомненный зубатовец высшей пробы. Хотя прямых данных к этому не имеется, но уже один тот факт, что Гапона за его речи не арестуют и не высылают... говорит лучше всяких данных. Кроме того, о.Гапон не упускает случая, чтобы так или иначе дискредитировать с.-д. Затем, эти собрания, о которых идет речь, организованы по инициативе Русского Собрания, которое устроило в Петербурге 11 отделов; каждую неделю происходят собрания, на которых обсуждаются нужды рабочих. Конечно, рабочие стекаются со всех сторон. О.Гапоном увлекаются не только серые рабочие, но даже сознательные рабочие с.-д., даже организованные, больше того, даже некоторые юные интеллигенты из с.-д. организации допускают мысль, что о.Гапон «идеалист». Теперь положение таково, что или «идеалист» из охранного отделения или с.-д. Кроме Гапона, с рабочими теперь заигрывают все. ...разоблачение Гапона и борьба с ним будут положены в основу спешно организуемой нами агитации»¹⁴⁹. И далее Гусевым делается приписка к этому письму: «События развиваются со страшной быстротой. Гапон революционизировал массу. Забастовка расширяется и, вероятно, станет всеобщей. На воскресенье Гапон назначил шествие к Зимнему дворцу для подачи петиции с требованиями, вполне соответствующими программе-минимум (политической части). Гапон предполагает, что будет 300.000 чел., и предлагает запастись оружием. Личность Гапона не выяснена. Вероятно, это наивный идеалист, которым пользуются все и, думаю, особенно реакционная клика»¹⁵⁰.

Информация о происходящей в Петербурге подготовке шествия к царю содержится и в письме Гусева Ленину от 8 января, в котором говорится также о намерении социал-демократов

идти вместе с рабочими к Зимнему дворцу¹⁵¹.

Приведя эти выдержки из письма Гусева к Ленину, в котором автор говорит о популярности Гапона, его деятельности в Петербурге, о предполагаемом шествии рабочих к Зимнему дворцу, о необходимости разоблачения Гапона, не можешь отделаться от чувства какой-то неудовлетворенности, проистекающей от того, что социал-демократия, включая и большевиков, совершенно не владела ситуацией даже накануне 9 января. В самом деле, на гапоновских собраниях очень часто присутствовали большевики, в том числе и член тогдашнего руководства Петербургским комитетом РСДРП П.П.Румянцев, которому комитет поручил связаться с Гапоном, и Румянцев ежедневно бывал на собраниях, но официально его руководством ему было не разрешено там выступать, и что этим достигалось — остается совершенно непонятно¹⁵².

Естественно, что в таких условиях, когда социал-демократы не решались выступать на гапоновских собраниях, когда политика превалировала в их речах над призывами вести борьбу за удовлетворение насущных нужд рабочих, когда лозунги о свержении самодержавия вообще еще не воспринимались фабричными, отвечавшими в ответ, чтобы агитаторы царя-батюшку не трогали, — в этой обстановке Гапон мало считался с социал-демократами, не исключая, разумеется, и большевиков. Характерно, что когда Гусев по постановлению Петербургского комитета РСДРП должен был 7 января встретиться на квартире Рутенберга, с которым они в студенческие годы были однокурсниками по Технологическому Институту, с Гапоном, то последний просто не явился на эту встречу, не без оснований полагая, что его опять начнут уговаривать удержать рабочих от шествия к царю¹⁵³. Кстати, судя по словам уже упомянутого нами Сереброва, который вел партию в Нарвском отделе «Собрания», рядовые большевики узнавали от своих руководителей очень несвоевременно о предполагаемом шествии к Зимнему дворцу, когда было уже поздно что-либо предпринимать. «В ночь на 8 января, — писал Серебров, — нам сообщают о намерении Гапона вести народ к царю»¹⁵⁴. В этот день, 8 января, Гусев пошлет еще одно письмо Ленину, в котором проинформирует его о выступлениях социал-демократов на собраниях рабочих с разъяснением бесполезности подачи петиции царю и необходимости вооруженного восстания, а также сообщит о намеченной социал-демократами тактике: идти вместе с

людьми к Зимнему дворцу с целью превратить шествие рабочих в грандиозную демонстрацию¹⁵⁵.

И еще о 8 января. Имеющиеся данные говорят за то, что Петербургский комитет РСДРП выпускал листовки и 6, и 7 января, но он не высказывал в них своего отношения к петиции рабочих царю¹⁵⁶. И только 8 января, когда идея идти искать правды у царя захватила сотни тысяч людей, когда эту петицию уже подписали многие десятки тысяч рабочих, когда уже во всех отделах «Собрания» заканчивалось проведение необходимых организационных мероприятий к шествию, когда трезвые охлаждающие речи социал-демократов встречались просто-напросто резко враждебно, только тогда Петербургский комитет РСДРП впервые официально высказался по поводу петиции рабочих царю¹⁵⁷. Подчеркнув, что требования петиции уже давно выставляла РСДРП и призывала рабочих «к решительной борьбе за них», что «все эти требования означают — *низвержение самодержавия*», что поэтому напрасно «обращаться к царю с этими требованиями», что «добровольно царь вместе с огромной шайкой всяких великих князей, придворных чинов, министров, губернаторов, жандармов, попов и шпионов не откажутся от своих прав, от своей власти... Такой дешевой ценой, как одна петиция, хотя бы и поданная полком от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу. ...В воскресенье перед Зимним дворцом, если только вас туда пустят, вы увидите, что вам нечего ждать от царя. И тогда вы поймете, что никто со стороны не принесет вам помощи, что только сами вы можете завоевать себе свободу»¹⁵⁸.

И еще одна листовка, также датированная 8 января, была выпущена в этот день Петербургским комитетом РСДРП — к солдатам об основных требованиях рабочих, изложенных в их петиции к царю, и с призывом не стрелять в народ. «Солдаты! В воскресенье народ пойдет к царю требовать свободы, — говорилось в заключение этой прокламации. — Но царь не хочет давать свободы и пошлет вас с ружьями и пушками против народа. Он прикажет вам стрелять в народ. Он может приказать вам бить стачечников. Отказывайтесь стрелять и бить ваших братьев, не слушайтесь офицеров, переходите на нашу сторону»¹⁵⁹.

Безусловно, две последние листовки Петербургского комитета РСДРП от 8 января содержали правильные оценки положения, но это было слабым утешением, ибо разъяснения обстановки и призывы к рабочим были запоздалыми, вслед событиям, которые, как поезд, давно ушли вперед. Социал-демократия изменить положение уже не могла, даже если бы и бросила на это все свои наличные силы. События полностью направлялись Гапоном и его людьми, отделами «Собрания». В четвертом номере за 1905 год газета «Вперед» поместила письмо от 7 января одного из тогдашних лидеров большевиков. Он писал: «Только столкнувшись лицом к лицу с стачечной стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность партии. Результат ее тот, что мы, Спб. организация, совершенно бессильны перед стихийным рабочим движением. Стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается крутом, чтобы понять, до чего мы бессильны. Ведь теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листов, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от пола Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько сотен листов, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе...»¹⁶⁰. Это была точная картина происходившего в столице, равно как и реальная оценка сил и возможностей социал-демократии, включая и большевиков.

Авторитет Георгия Гапона в эти дни в глазах сотен тысяч народа был гигантский, просто сказочный. Он всюду поспевал, ежедневно выступал десятки раз, его всюду возили и вместе с тем тщательно охраняли от каких-либо посягательств властей, полиции. Думается, что в этой накаленной обстановке вряд ли кто бы решился ополчиться против Гапона — такого смельчака просто разорвали бы, независимо от того, кто он: представитель власти или оппонент Гапона, никакая борьба против которого была невозможна. Каждое слово Гапона воспринималось как откровение, как непреложная истина, каждое его движение буквально ловилось десятками тысяч глаз. Гапон «вел» массы, но огромные волны этих же масс увлекали его за собой. Движение приобретало какой-то нереальный характер. Взоры сотен тысяч людей, как замороженных, приковывались к фантастической фигуре священника-вождя, превращавшегося в дик-

татора, самое простое слово которого делалось законом и было способно повести толпы народа туда, куда хочет их предводитель.

Имеются десятки свидетельств, подтверждающих необычность складывавшейся ситуации. Уже упомянутый нами Д. Гимер следующим образом передает свое впечатление от слушания читаемого текста петиции Гапоном и другими лицами. «Я слушал Гапона, — пишет он, — читавшего и объяснявшего петицию, поражаясь его громадным демагогическим талантом и его организаторской волей, подчинявшей себе наших ребят настолько, что, например, тов. Сухов, студент Политехникума, сильный большевистский агитатор, когда читал после Гапона, по его отъезде, «петицию» новым толпам рабочих, то невольно воспроизводил все жесты Гапона, подражал его интонации, говорил с его южным акцентом»¹⁶¹.

Наэлектризованность толпы достигает своего апогея 7 и 8 января, когда в отделах «Собрания» была развернута гигантская работа по агитации за петицию рабочих царю. «С раннего утра до поздней ночи в этих отделах, — писал об этих днях Невский, — толпились рабочие, мужчины и женщины, старики и дети; масса народа не помещалась в зданиях, тысячные толпы стояли на улице. Внутри помещения руководители читали петицию, разъясняя ее рабочим. Когда одна толпа, наполнявшая зал, выслушивала петицию и объяснения, какие давались ораторами, и выходила, ее сменяла другая, чтобы затем уйти, дав место третьей, и так иногда в течение круглых суток. Рабочие слушали, хором выражая свое согласие с теми требованиями и дополнениями, какие читались ораторами, вносили поправки и дополнения, и с каждым часом их настроение становилось все сознательнее, левее и решительнее»¹⁶².

В связи с последними словами Невского надо сказать, что в настроении огромных масс поначалу были разные мнения: было и такое, что идти к царю с петицией это, дескать, идти против бога, самого царя и его воли. Однако очень быстро в сознании рабочих пресвалировала только одна идея — идти к царю с петицией. Тот же Невский в газете «Вперед» писал: «Возбуждение страшное. Оратор рабочий чуть ли не в 10-й раз читает петицию перед все меняющимися рядами слушателей (зал собрания вмещает до 700 человек и весь он битком набит) и обращается все с тем же вопросом: «Смеют ли полиция и солдаты не пустить нас, товарищи?» — «Не смеют!» — гремит ему в ответ гул 700 голосов. «Товарищи, — продолжает оратор, — луч-

ше умереть нам за наши требования, чем жить так, как жили до сих пор». — «Умрем!» — несется ответ. — «Все ли клянетесь умереть?» — «Клянемся». — «Кто клянется, пусть подымет руку». Сотни рук дружно поднимаются в воздух. «Товарищи, а тем, кто клянется умереть сегодня, а завтра струсит, не пойдет с нами...» — «Проклятие!» — гремит толпа¹⁶³.

Когда читаешь эти строки, то становится ясным, что в эти дни происходило, по сути дела, присягание рабочих на верность заключительным строкам их петиции к царю: «У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу...»¹⁶⁴ Думается, что в нашей истории мы вряд ли найдем еще такой небольшой по времени отрезок революционного подъема огромных народных масс, где бы их готовность умереть за свободу и обновление жизни была бы пронизана таким торжественным религиозным настроением. По словам очевидцев, вечером 8 января в Шлиссельбургском отделе, помещение которого не могло вместить желающих, Гапон вышел на двор к толпе и при свете фонаря вместе с председателем отдела читал и толковал петицию, говорил о бесправии рабочих и делал это так, что у многих «слезы катились по лицу» и раздавались «отчаянные крики: «Помрем на площади!»¹⁶⁵

В связи с этим возникает вопрос: почему Гапону и его людям из отделов удалось в какие-то считанные два-три дня привести сотни тысяч людей в состояние не только религиозного экстаза, но и высочайшего духовного подъема, достигнуть большого революционного накала. Вероятно, тут дело не только в Гапоне, хотя как личность, обладающую даром определенного воздействия на людей, мы не можем его сбрасывать со счета. Но, помимо этого, есть и еще ряд факторов, которые необходимо принимать во внимание, отвечая на поставленный выше вопрос. Речь идет о том, что без определенного периода предварительного революционного воздействия невозможно было бы, чтобы стотысячные рабочие массы вышли под руководством гапоновской организации с такой петицией, которая фактически содержала в себе требования революционных партий, и чтобы в течение 2-3 дней эта петиция была бы покрыта десятками тысяч подписей. Для того, чтобы это стало возможным, нужна была предварительная работа по взрыхлению почвы в течение определенного периода, и петиция, таким образом, стала логическим результатом и завершением такой деятельности. А здесь и бесправие народа, и его темнота, и все-

сторонняя отсталость России, и война с ее тяготами и поражениями, и уже зашедшее далеко разложение царизма и всей околопрестольной верхушки, и, конечно, какая-то активность революционных партий. Это и есть те факторы, которые, подспудно вызревая, в одночасье перевернули всю российскую жизнь и подбросили Гапона на такой пьедестал.

Мы уже говорили, что Гапон убеждал и рабочих, и социал-демократов в безопасности их шествия к царю. Но верили ли в это сам он и его люди? Думается, что нет, не было у них такой уверенности. Вряд ли Гапон и другие полагали даже, что их допустят вообще до площади. Отсюда, возможно, и такая лихорадочная возбужденность у Гапона и руководителей отделов в последние дни и часы перед шествием к Зимнему дворцу, возбужденность, которой они, по всей вероятности, подбадривали сами себя перед неизвестностью: осознали, что добром это кончиться не может, но в то же время и знали, что уже поздно, и нет такой силы, которая удержала бы рабочих от осуществления овладевшей ими идеи — идти к царю за правдой.

О том, что Гапон и руководители отделов и «Собрания» в целом не были до конца уверены в мирном исходе шествия, это подтверждают Карелин, Павлов и другие¹⁶⁶. Один из очевидцев с Василеостровского отдела, который присутствовал при чтении петиции, вспоминал: «Когда чтение петиции было закончено, председатель задал рабочим вопрос: «А что, товарищи, если государь нас не примет и не захочет прочесть нашей петиции, — чем мы ответим на это?» Тогда, точно из одной груди, вырвался могучий потрясающий крик: «Нет тогда у нас царя!», и как эхо повторилось со всех концов: «нет царя!.. нет царя!...»¹⁶⁷ И так говорили не только в этом отделе. Другими словами, у рабочих на всех этих собраниях было такое настроение, что, кстати, видно и из содержания самой петиции, словно они обращаются к царю как к последней для себя возможности добиться правды и справедливости, и, следовательно, если они и здесь не найдут защиты, то им тогда и царь не нужен, ибо придется надеяться только на свои собственные силы. В своих записках и Гапон подтверждает, что на собраниях рабочих, проходивших 8 января, раздавались возгласы: «Не надо царя, если он не захочет нас выслушать»¹⁶⁸.

До сих пор мы рассказывали о происходящем в отделах, в среде революционных партий, в рабочем движении Петербурга. Видимо, настало время посмотреть на события и с другой сто-

роны, со стороны властей, правительства, как они воспринимали и оценивали нарастающее обострение обстановки, когда счет уже шел не просто на дни, а на часы. 7 января в департамент полиции поступили сведения о том, что «с утра забастовали все крупные фабрики и заводы столицы, и, кроме того, прекратили работу и некоторые мелкие производства, частью самостоятельно, частью по принуждению забастовавших», общее число которых, по официальным данным, составляло не менее 150 тысяч человек¹⁶⁹.

До 7 января тактика правительства в отношении забастовок, охвативших уже практически весь Петербург, заключалась в том, чтобы не вмешиваться в их ход. Возможно, власти полагали, что забастовки носят экономический характер и пока их последствия не опасны. Во всяком случае предложение градоначальника Фуллона арестовать Гапона и главных его сподвижников не нашло поддержки у Святополка-Мирского. Это явствует из записки, составленной уже в марте-апреле 1905 года. Столичный градоначальник Дедюлин, сменивший на этом посту Фуллона, подготовил ее по поручению Д.Ф.Трепова, ставшего к указанному времени генерал-губернатором Петербурга. Дедюлин писал, что Фуллон считал необходимым «подвергнуть задержанию» Гапона и «главных его пособников в отделениях» организации, но Святополк-Мирский к такому шагу «отнесся отрицательно, опасаясь возбудить этой мерою недовольство рабочих не только к фабричной администрации, но и к Правительству»¹⁷⁰.

Утром 7 января Гапон по вызову посетил министра юстиции Н.В.Муравьева и просил его в ходе разговора принять меры к тому, чтобы шествие рабочих к царю не закончилось трагедией¹⁷¹. В этот же день Гапону последовал вызов и со стороны церковных властей¹⁷². Вот что писал в своей записке по этому поводу Дедюлин: «Равным образом и высшая духовная власть сохраняла до последних дней совершенно пассивное отношение к агитаторской деятельности священника Гапона и только в пятницу 7-го января последовало распоряжение о вызове его для объяснений к епархиальному начальству, но вызов этот, хотя и был доставлен по назначению того же числа, успеха не имел: Гапон не явился»¹⁷³. Тогда же Гапон хотел повидаться со Святополком-Мирским, но последний его не принял¹⁷⁴.

Для петербургских властей лишь 7 января стало, видимо, ясно, что стачка носит отнюдь не только экономический характер, как это предполагал поначалу Святополк-Мирский, а уже

пошла в русло крупного политического движения, не наблюдавшегося до сих пор в столице. Петиция рабочих царю по каналам охранного отделения, конечно же, попала в руки властей, и они имели представление о характере требований рабочих. Кстати, в своих записках Гапон подчеркивает, что при встрече с Муравьевым он вручил ему экземпляр петиции и был удивлен, когда последний ему сказал об уже имевшейся у него копии этого документа¹⁷⁵.

Поэтому, когда вечером 7 января у министра внутренних дел Святополка-Мирского было созвано совещание, на котором присутствовали министр юстиции Муравьев, министр финансов Коковцев, возглавлявший петербургскую жандармерию товарищ министра внутренних дел генерал-майор К.Н.Рыдзевский (вскоре он возглавит карательные экспедиции по подавлению революционного движения в Витебской, Могилевской и Минской губерниях), директор департамента полиции Лопухин, командир расквартированного в столице гвардейского корпуса князь С.И.Васильчиков и петербургский градоначальник генерал Фуллон¹⁷⁶, то уже по составу заседавших было ясно: власти начали обдумывать положение и решать вопрос, что делать с шествием рабочих, как поступить с ним. Муравьев доложил присутствующим о своем утреннем разговоре с Гапоном, подчеркнув, что он, как писал в своей записке Дедюлин, «считает его ярым революционером»¹⁷⁷. Фуллон снова поставил на совещании вопрос о необходимости ареста Гапона, но все «пришли к заключению, что арест Гапона нежелателен»¹⁷⁸.

И все же ввиду чрезвычайности складывавшегося положения в тот же вечер состоялось совещание у генерала Фуллона при участии командира гвардейского корпуса князя Васильчикова и других военных чинов, на котором было признано необходимым для поддержания порядка в столице разбить ее на 8 районов, определить в каждый из них отряд войск из конных и пехотных частей под командованием назначенных начальников, создать общий резерв на площади перед Зимним дворцом, где расположить штаб-квартиру¹⁷⁹. В связи с малочисленностью войск в столице здесь же было решено распоряжением штаба войск гвардии и Петербургского военного округа немедленно вызвать дополнительно конные и пехотные части Петергофа, Пскова и Ревеля; на следующий день войска прибывали также из Царского Села, Гатчины и Новгорода¹⁸⁰.

Между тем весь Петербург уже знал о воскресном, 9 января, шествии рабочих с петицией к царю. Подготовка его шла от-

крыто в течение нескольких дней на массовых собраниях в от-делах и возле них, и власти ни в малейшей степени не делали ничего, чтобы помешать этому. Более того, на собраниях-митингах присутствовали нижние чины полиции, не говоря уже о филерах, и никто из них также не рассматривал подготовку к шествию с петицией к царю как какую-то незаконную акцию. Естественно, рабочие были убеждены, что полиция имеет указание не препятствовать его организации. Наконец, Гапон, другие руководители «Собрания» и отделов всегда были на примете у жандармерии и полиции, которые знали их всех и могли в любой подходящий для себя момент «изъять» организаторов шествия, но не делали этого, что укрепляло уверенность рабочих в безопасности мирной акции к царю.

Словом, сами рабочие, равно как и жители города смотрели на заранее объявленное шествие к Зимнему дворцу не как на революционную демонстрацию, а как на полурелигиозный крестный ход. В возможность трагического исхода пока мало кто «внизу» верил. Так, крайний реакционер и член черносотенного «Русского собрания» доктор Дьячков писал впоследствии по этому поводу: «Картина была такова, что у меня, как у человека православного, преданного самодержавному государю, любящего родную историю и предания старины о единении самодержавного царя с преданным ему народом, не оставалось никакого сомнения, что стрелять не будут, стрелять не посмеют»¹⁸¹.

Наступило 8 января 1905 года. Рабочие продолжали готовиться к шествию, принимая все меры к тому, чтобы оно было мирным. С присутствующих на собраниях революционеров различных партий брали честное слово в том, что они не будут выбрасывать красных флагов, а Гапон, перед тем, как попросить их не вмешиваться со своими лозунгами в шествие, в то же время отдал им должное за защиту интересов рабочего класса¹⁸². Всех присутствующих на собраниях предупреждали, чтобы в колоннах не было пьяных, дома были оставлены даже перочинные ножики, чтобы с собой брали хоругви и портреты царя и царицы, а на белом материале писали бы — «Солдаты, не стреляйте в народ»¹⁸³. Поскольку предполагалась передача петиции царю, то из всех отделов было выделено до тысячи человек наиболее верных и преданных делу рабочих¹⁸⁴. Они должны были в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств составить особую охрану государя, если бы таковой соизволил лично выйти к народу на площадь. В обязанность этих же людей входило и наблюдение во время движения за поряд-

ком в колоннах, ибо было известно, что в них будет немало детей, женщин и пожилых людей. В отделах все знали о порядке шествия. Так, в Нарвском отделе на заборе висело крупно написанное синим карандашом объявление: «В воскресенье, 9 января, в 2 часа дня, рабочие и жители г.Петербурга соберутся на Дворцовой площади для подачи государю петиции. Рабочим Нарвского района собираться здесь, у отдела, в 10 часов утра»¹⁸⁵.

Однако настораживало и другое. Накануне шествия в рабочих районах города в ограниченном количестве были расклеены небольшие белые листки с коротким объявлением градоначальника, составленном весьма туманно. В них говорилось: «В виду прекращения работ на многих фабриках и заводах столицы, С.-Петербургский градоначальник считает долгом предупредить, что никакие сборища и шествия таковых по улицам не допускаются и что к устранению всякого массового беспорядка будут приняты предписываемые законом решительные меры. Так как применение воинской силы может сопровождаться несчастными случаями, то рабочие и посторонняя публика приглашаются избегать какого бы то ни было участия в многолюдных сборищах на улицах, тем самым ограждая себя от последствий беспорядка»¹⁸⁶.

Несомненно, Гапона оповестили о листках-объявлениях градоначальника, и это его серьезно насторожило. Видимо, все же полагая, что стрелять по шествию рабочих не будут, он тем не менее решает предпринять определенные предупредительные шаги. Вот что говорится по этому поводу в «Записках жандарма» А.Спиридовича¹⁸⁷. По словам последнего, 8 января Гапон пошел к Муравьеву (значит, это был уже второй визит Гапона к министру юстиции; первый, как мы знаем, состоялся 7 января), а тот отправил его к Святополку-Мирскому, который Гапона вообще не принял, распорядившись направить его к Лопухину. К тому Гапон сам не пошел, «заявив, что он боится говорить с ним и что он будет теперь действовать по собственному усмотрению»¹⁸⁸. И далее Спиридович пишет: «Когда Лопухин узнал от Мирского, что последний уклонился принять Гапона, он понял, какую громадную оплошность сделал министр, и предпринял шаги, чтобы исправить ее. Он обратился к митрополиту, думая через него раздобыть Гапона и поговорить с ним, но Гапон не пошел на призывы митрополита. Он, только что искавший случая переговорить с представителями власти, теперь упорно уклоняется от них. Все это было очень двойст-

венно и неясно. Гапон, как зарвавшийся азартный игрок, шел, что называется, очертя голову»¹⁸⁹.

Этот эпизод, рассказанный Спиридовичем, воспоминаниями других современников не подтверждается. Но у нас нет оснований и не верить ему, поскольку в этом событии опять-таки очень выпукло «виден» весь Гапон. Кровопролития он не хочет, но последние часы перед шествием к царю все больше и сильнее говорят за то, что оно возможно. И Гапон, пытаясь что-то предпринять против этого надвигающегося тревожного и уже неминуемого, действует здесь как тот мотылек, летящий на огонь, а не в огонь. Гапона влечет здесь азартное и, может быть, неизвестное, неизведанное, и во главе он, честный и незапятнанный.

Гапон предпринимает новые шаги: он пишет 8 января письмо министру внутренних дел Святополку-Мирскому, который, как мы знаем из слов А.Спиридовича, его не принял, и царю¹⁹⁰. В письме к министру, производящем сильное впечатление, Гапон ставил того в известность, когда и где «рабочие и жители Петербурга разных сословий желают и должны видеть царя.., чтобы ему выразить непосредственно свои нужды и нужды всего русского народа»¹⁹¹. «Царю нечего бояться», писал Гапон, подчеркивая, что он и его товарищи, и «даже все так называемые революционные группы разных направлений» гарантируют неприкосновенность государя¹⁹². «Пусть он выйдет, как истинный царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию», — подчеркивал Гапон, — так как «иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существовала между русским царем и русским народом»¹⁹³.

Не менее сильное впечатление производит и вторая половина письма. Обращаясь к министру, Гапон писал: «Ваш долг, великий, нравственный долг перед царем и всем русским народом немедленно, сегодня же, довести до сведения его императорского величества как все вышесказанное, так и приложенную здесь нашу петицию. Скажите царю, что я, рабочие и многие тысячи русского народа мирно, с верою в него, решили бесповоротно идти к Зимнему дворцу.

Пусть же он с доверием отнесется на деле, а не в манифестах только к нам. .

Копия с сего как оправдательный документ нравственного характера снята и будет доведена до сведения всего русского народа.

8 января 1905 г. Священник Гапон»¹⁹⁴.

Это письмо министру внутренних дел доставили, и Свято-полк-Мирский был, таким образом, официально заранее извещен Гапоном и представителями всех отделов «Собрания», также подписавшими его, о дне и времени шествия рабочих с петицией к царю¹⁹⁵.

Последнему Гапон в этот же день написал специальное письмо, также извещая его о шествии и прося выйти к народу для принятия петиции. Тон письма был выдержан с большим достоинством, обращение на «Вы», а не то грубое и, прямо скажем, хамское, какое дано в издании наших дней и какое священник писать не мог¹⁹⁶. Гапон писал: «Государь, я боюсь, что министры не сказали Вам всей правды относительно положения дел в столице. Сообщаю Вам, что народ и рабочие в Петербурге, всерьез Вам, бесповоротно решили придти завтра к 2-м часам к Зимнему Дворцу, чтобы подать Вам петицию о своих и народных нуждах. Если Вы колеблетесь и не захотите показаться народу, и будет пролита невинная кровь, то узы, связывающие Вас с Вашим народом, порвутся, и доверие, которое имеет к Вам народ исчезнет навсегда. Покажитесь же завтра безбоязненно Вашему народу и великодушно примите нашу скромную петицию. Я, как представитель народа, и мои славные товарищи гарантируем Вам полную безопасность, ценой нашей жизни»¹⁹⁷.

Под письмом стояла подпись священника Гапона. Потом он писал, что его послание было тотчас же отвезено двумя доверенными лицами в Царское Село «с приказанием немедленно доставить его в руки царю»¹⁹⁸. Попало ли оно к нему, этого Гапон не узнал: по его словам, он больше никогда и ничего не слышал о своих посланцах¹⁹⁹. Некоторые данные говорят за то, что один из них был арестован²⁰⁰.

После 7 января стало уже совершенно ясно, что рабочие твердо намерены идти с петицией к царю. Письма Гапона к нему и министру внутренних дел лишь подтвердили это. Правительству, таким образом, должно было определяться в отношении забастовочного движения, которое уже приняло открытый политический характер. Как поступить с намерением рабочих идти к Зимнему дворцу? Разрешить их шествие или воспрепятствовать ему? Первые приготовления войск, как мы знаем, были сделаны. 8 января положение, с точки зрения правительства, еще более обострилось. Войскам роздали боевые патроны, они отрезали окраины города от его центра²⁰¹.

Но полного единства в правящих кругах по вопросу об отношении к выступлению рабочих, видимо, пока не было. В этой связи представляет интерес записка прокурора Петербургской судебной палаты, которую он подал на имя министра юстиции 8 января 1905 года. «Сейчас получены сведения, — писал прокурор, — что по инициативе священника Гапона предполагается сборище рабочих завтра, 9 января, в 2 часа дня на площади перед Зимним дворцом для подачи петиции государю императору»²⁰². Далее прокурор раскрывает более или менее, на наш взгляд, объективную картину положения в рабочем и революционном движении столицы, высказывает свое мнение о возможной линии поведения относительно шествия рабочих к царю. «Названный священник, — подчеркивал прокурор, — приобрел чрезвычайное значение в глазах народа. Большинство считает его пророком, явившимся от бога для защиты рабочего люда. ...Опираясь на религиозность огромного большинства рабочих, Гапон увлек всю массу фабричных и ремесленников, так что в настоящее время в движении участвует около 200000 человек. Используя именно эту сторону нравственной силы русского простолюдина, Гапон, по выражению одного лица, «дал пощечину» революционерам, которые потеряли всякое значение в этих волнениях, издав всего 3 прокламации в незначительном количестве»²⁰³.

И далее в записке по этому поводу подчеркивается: «По приказу отца Гапона рабочие гонят от себя агитаторов и уничтожают листки, слепо идут за своим духовным отцом. При таком направлении образа мыслей толпы она, несомненно, твердо и убежденно верит в правоту своего желания подать челобитную царю и иметь от него ответ, считая, что если преследуют студентов за их пропаганду и демонстрации, то нападение на толпу, идущую к царю с крестом и священником, будет явным доказательством невозможности для поданных царя просить его о своих нуждах. Поэтому в случае столкновения толпы с полицией или войсками произойдет кровопролитие, которое будет сигналом к беспорядкам, в которых примет участие вероятно около 100000 рабочих при поддержке революционеров. Безработица уже в заметной степени наложила отпечаток раздражения на массу»²⁰⁴.

Нельзя не отметить точность и емкость прокурорских характеристик, равно как и здравое предвидение того, что может произойти в настроениях общества и народа, если во время

шествия случится кровопролитие. Поэтому в заключение записки прокурор Петербургской судебной палаты и высказывает здравую рекомендацию «наверх». Он пишет: «Ввиду сего может заслуживать внимания мнение о том, что появление к просителям кого-либо из приближенных к особе его величества, быть может, остановит движение, если в том же направлении успокоения подействует священник Гапон на увлеченных им рабочих»²⁰⁵.

По всей вероятности, здравые люди из правительства, столичных властей и окружения царя, прекрасно все зная, что государь никогда не выйдет к народу, и понимая в то же время развитие обстановки, медлили с принятием определенных решений, ибо никто из них не хотел брать на себя ответственность, а время, когда еще было можно предотвратить трагедию, они упустили. К тому же мы, думается, должны иметь в виду одно верное для всех правлений в России обстоятельство: «не принято» как-то у нас беспокоить высших лиц в государстве до тех пор, пока не грянет гром, а что касаемо молний, то они всегда в нашей стране в расчет не принимались. Мы, как говорится, все думаем и обдумываем, а вот слышать — не слышим. На Руси есть на этот счет очень злая, но верная присказка о таких правителях: у них «выше лба уши не растут»²⁰⁶, а ум ведь не пуговица — его к голове не пришьешь.

Здесь будет уместно привести еще одно свидетельство современника, жандарма А.Спиридовича, который по поводу тактики оттяжек принятия здравых решений, связанных с шествием рабочих к царю, писал, что по сути дела государственные мужи «прозевали столь лестное для престижа монарха народное движение, ... выпустили его из своих рук... За десятками подлинных революционеров власти проглядели десятки тысяч верноподанных рабочих»²⁰⁷. Ну, что ж, и в данном случае замечание высокопоставленного лица из охранного отделения России очень меткое по своему характеру.

Спустя много лет Троцкий, комментируя январские 1905 года события, напишет: «Телеграф с полной свободой оповещал весь мир о каждом этапе январской стачки. Парижский консьерж знал за три дня, что в Петербурге, в воскресенье 9 января, в два часа дня будет революция. А русское правительство не ударило пальцем о палец, чтобы предотвратить бойню»²⁰⁸. Наоборот, где-то после полудня 8 января правительство начинает придавать развитию событий направление, которое вряд ли могло иметь мирный исход.

В этот день до сведения царя доводят содержание пунктов петиции, и тогда-то, видимо, последовали высочайшие распоряжения, в результате которых власти предпринимают ряд конкретных мер по наведению, с их точки зрения, порядка. Министром внутренних дел отдается, наконец, распоряжение об аресте Гапона. В этой связи генерал Рыдзевский обращается к градоначальнику Фуллону с секретным приказанием за № 182, в котором говорилось: «Препровождая при сем отношение на имя коменданта крепости, имею честь просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении о личном задержании священника Георгия Гапона и о препровождении его для содержания под стражей в С.-Петербургскую крепость»²⁰⁹. В приложенном к документу отношении коменданту предлагалось «принять для содержания арестованного по обвинению в государственном преступлении Г.Гапона»²¹⁰.

Приказ был доставлен Фуллону вечером 8 января, и арест должен был производить ротмистр Котен. Но Фуллон, который ранее дважды настаивал на задержании Гапона, теперь не мог выполнить это распоряжение. События зашли уже далеко, Гапон все время находился среди больших масс людей и арестовать его вот так просто не представлялось возможным, тем более что многие рабочие, охранявшие Гапона, были, по данным охранного отделения, вооружены. К тому же было и другое немаловажное обстоятельство, которое не позволяло задержать Гапона. Сделать это было можно только с применением силы, а она-то пока еще не была приведена властями в надлежащую готовность.

Дело в том, что вечером 8 января у Святополка-Мирского состоялось специальное совещание по вопросу о том, как поступить с шествием рабочих, и было решено не допускать людей к Зимнему дворцу, а при неповиновении действовать оружием²¹¹. Об этом же свидетельствует и уже упомянутый нами прокурор Петербургской судебной палаты, который 8 января докладывал министру юстиции Муравьеву: «По сведениям, сообщенным градоначальником, будут приняты меры к недопущению завтра рабочих в центральные части города»²¹². То же самое рассказывает в своих воспоминаниях и бывший в то время главой правительства С.Ю.Витте, добавляя при этом ряд любопытных деталей, которые могли бы его обелить в происшедшей вскоре трагедии²¹³. Так, на заседание у Святополка-Мирского его не пригласили, поскольку, по словам Витте, министр финансов Коковцев считал, что он будет защищать ин-

гересы рабочих. Витте заявляет также, что только на следующий день, то есть 9 января, он узнал о решении этого совещания не допускать рабочих далее известных пределов, находящихся вблизи Дворцовой площади. Оставим все это на совести Витте, ибо трудно поверить, что глава правительства России узнает обо всех «приготовлениях» к наведению порядка задним, как говорится, числом. Вернемся к развитию событий.

Приблизительно в это же время Фуллоном и было получено распоряжение о задержании Гапона. Однако тогда же к Фуллому прибыл и начальник штаба гвардейского корпуса генерал Мешетич, который сообщил, что по высочайшему повелению Петербург объявлен на военном положении, то есть «хозяйном» города фактически становилась столичная гвардия во главе с князем Васильчиковым, в распоряжение которого поступали как все находящиеся в столице воинские подразделения, так и прибывавшие в Петербург дополнительные части²¹⁴. Формально же это было обставлено еще проще: царь, отстранив гражданскую власть в столице, вручал заботу о поддержании общественного порядка в Петербурге великому князю Владимиру, которому предоставил для этого все права²¹⁵. А его реакционные взгляды были хорошо всем известны. Обратим здесь же внимание на одну деталь: царское распоряжение, объявлявшее фактически Петербург на военном положении, официально оглашено не было. Почему? Возможно, потому, что объявление столицы на военном положении могло удержать рабочих от участия в шествии. А этого-то реакционные силы как раз и не хотели, как нам кажется, ибо они готовили народу кровопускание.

Поздним вечером 8 января у Фуллона состоялось второе совещание с военными властями и командирами частей, на котором были разработаны все детали плана по наведению в столице порядка, рассмотрена диспозиция войск²¹⁶. Перед военными прежде всего ставилась задача недопустить массы рабочих из окраинных районов столицы к центральной части города, преградив им переход через Неву и Обводной канал. Войска должны были также организовать патрульную службу по городу для поддержания действий полиции по предупреждению и прекращению беспорядков в столице. Именно потому, что войска еще не вышли, как говорится, на исходные позиции, Фуллон и не решился пойти на арест Гапона. Он понимал, что это могло бы вызвать массовое возбуждение рабочих до готовности войск к подавлению любых возможных беспорядков в Петербурге.

Охранка же, установив наблюдение за Гапоном, не трогала его, а когда вечером 8 января был получен приказ об аресте Гапона, то сделать это без содействия войск было уже невозможно.

Николай II был в курсе о готовящемся шествии к Зимнему дворцу, знал он также и о принятых военными властями решениях по недопущению беспорядков в столице. В Петербурге в эти дни его не было. После совещания у Святополка-Мирского последний взял Лопухина и поехал к царю с докладом²¹⁷. Тогда-то и появилась в дневнике Николая II запись: «Ясный морозный день. Было много дел и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120000 человек. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приехал вечером для доклада о принятых мерах»²¹⁸.

Военные приготовления в столице не могли, конечно, не привлечь внимания широких слоев общественности. Все видели, что город и пригороды напоминают военный лагерь, у походных кухонь и костров грелись солдаты, по улицам разъезжали конные патрули, в ряде мест устанавливались медицинские перевязочные пункты. Вечером 8 января группа либерально-радикальной интеллигенции собралась в редакции газеты «Сын отечества», чтобы обсудить вопрос о возможности предотвращения неминуемого кровопролития и каким образом это можно было бы сделать²¹⁹. Член городской управы присяжный поверенный Е.И.Кедрин предложил незамедлительно послать специальную депутацию к министрам, но это не встретило поддержки присутствующих. Вскоре в редакцию прибыл редактор журнала «Право» либерал И.В.Гессен. Он рассказал о своей встрече с С.Ю.Витте, который предложил Гессену приехать к нему на квартиру «с кем-нибудь из осведомленных лиц». После этого вновь вернулись к предложению Е.И.Кедрина о посылке специальной делегации. Решили направить ее к главе правительства С.Ю.Витте, к министру внутренних дел Святополку-Мирскому и к руководителю столичной полиции генералу Рыздзевскому. В состав делегации, которую образовали уже в 12-м часу ночи, вошло 9 человек из числа литераторов, журналистов и общественных деятелей. Среди них были Е.И.Кедрин и И.В.Гессен, а также демократ писатель Н.Ф.Анненский, публицист А.В.Пешехонов, эсер В.А.Мякотин, историк В.И.Се-

мевский, Н.И. Кареев, почетный академик писатель К.К. Арсеньев, Максим Горький. Делегацию сопровождал один из руководителей «Собрания» рабочий Д. Кузин; Гапон пишет, что он специально послал его к либералам, в том числе к М. Горькому, с целью предотвратить кровопролитие²²⁰.

Делегация, явившись к Святополку-Мирскому с намерением потребовать от него не выводить войска на улицы города и дать возможность рабочим свободно говорить с царем, не была им принята. Министра «не оказалось» дома, и делегатов направили к генералу Рыдзевскому. Последний сначала отказался принять депутацию, но затем согласился выслушать ее заявление и сказал, что доведет его до сведения министра. Вместе с гем Рыдзевский говорил депутатам, что правительство обо всем осведомлено и уже отдало все необходимые распоряжения для соблюдения общественного порядка.

После этого делегаты посетили С.Ю. Витте, которому также говорили о мирном настроении рабочих, о необходимости допустить их к государю для представления ему петиции. Витте ссылаясь на то, что министры и царь осведомлены о намерении рабочих, и что он сам бессилён помочь в чем-либо просимой депутацией. Тогда делегаты попросили Витте устроить им свидание со Святополком-Мирским, и Витте тут же по телефону переговорил с последним по этому вопросу. Святополк-Мирский ответил, что ему уже соображения делегации сообщены генералом Рыдзевским, и поэтому он не видит надобности в личном свидании с ней, вновь отказавшись ее принять.

Все это еще раз говорило за то, что правительство, встав на путь недопущения рабочих к царю, решительно готовилось выполнять свое намерение. И прав был, конечно, Витте, когда говорил депутации, что единственное средство предотвратить кровопролитие — это отказаться рабочим от их намерения идти с петицией к государю. Но поскольку последнее было совершенно невыполнимо, то и кровь с неизбежностью должна была пролиться. С этим тяжелым чувством делегация после посещения Витте вернулась поздно ночью обратно в редакцию, оставив ее тогда, когда уже давно в свои права вошел день 9 января 1905 года. Позднее Троцкий, характеризуя визит литераторов и общественных деятелей накануне 9 января в правительство, писал: «Гора надвигалась на гору, а демократическая горсточка думала, что достаточно потоптаться в двух министерских передних, чтобы предотвратить непредотвратимое»²²¹.

А оно неумолимо надвигалось. Во второй половине дня 8 января Гапон продолжал объезжать отделы с преданным ему кучером, делая это в санках, запряженных лошадей, и одев поверх рясы шубу и шапку²²². Выступая перед рабочими, Гапон призывал их завтра идти к государю, а если он не захочет говорить с ними и встретит выстрелами, то, говорил Гапон, «у нас нет более царя»²²³. Гапон подчеркивал также, что вина в этом случае за недружелюбие в отношении рабочих падет на правительство и государя²²⁴. Под петицией к этому времени уже подписались десятки тысяч рабочих. Вообще надо сказать, что по этому вопросу приводятся разные цифровые данные: одни называют 10 тысяч, другие — 40 тысяч²²⁵. Сам Гапон в своих записках дает цифру более 100 тысяч подписей, включая и знаки, поставленные неграмотными²²⁶.

К 6 часам вечера Гапон и группа его ближайших товарищей собрались на квартире купца Михайлова, который покровительствовал Гапону и у которого жили его дети от первого брака. Кроме Гапона, здесь были Янов, Кузин, Васильев, Харитонов, Филиппов, Карелин, Петров, Иноземцев, Климов и другие руководители отделов и «Собрания»²²⁷. Здесь решили ряд организационных вопросов, в частности договорились о том, кто и с каким отделом пойдет. Гапон предложил также на всякий случай назначить Васильева его заместителем, а еще одного товарища предусмотреть на замену Васильеву²²⁸. Решено было каждому отделу предоставить свободу действий при организации процессии, сохраняя для всех обязательной конечную цель — достигнуть Зимнего дворца. По словам Карелина, договорились также после шествия всем вместе встретиться²²⁹. Затем решили сфотографироваться и пригласили ближайшего мастера, которым оказался придворный фотограф Булла, снимавший в свое время Гапона с Фуллоном²³⁰. Видимо, Гапону это не понравилось, и вся группа поехала в фотографию Здобнова, где и сделали снимки на память²³¹. Было сделано несколько фото: сначала один Гапон; потом он, Н.П.Петров, Васильев и Кузин; затем общий групповой снимок руководителей «Собрания»²³². По всей вероятности, эти негативы были конфискованы полицией, а известная фотография, помеченная 8 января, на которой изображена группа в составе Иноземцева, Гапона, Филиппова, Харитонова и Янова, — это другой снимок, ибо Янов, а также Климов — они оба не фотографировались из боязни, по показаниям Янова, чего-то опасно затеваемого Гапоном²³³.

О том, что было потом, вспоминает рабочий Н.П.Петров, рассказавший об этом через два года, то есть тогда, когда Гапона уже не было в живых и упорно распространялась версия о том, что он полицейский провокатор. Петров писал: «Здесь распрощались с поцелуями и уехали по домам и больше уже не видали друг друга. Все подозрения и недоверия к Гапону, конечно, были забыты, мне даже стыдно было смотреть в глаза Гапону, полагаю, что и другие товарищи, недоверявшие Гапону, чувствовали то же. Теперь никто не сомневался в искренности Гапона, если бы кто принес даже документы, доказывающие его подлость, то и тогда не поверили бы»²³⁴.

Но Гапон после этого не уехал домой, как пишет Петров, он продолжал объезд отделов. Из фотографии он поехал на Выборгскую сторону, где появился около 9 вечера, откуда в 11 гронулся в Нарвский район, куда прибыл вконец измученным и в тоже время возбужденным уже поздно ночью²³⁵. По некоторым данным, вечером имела место еще одна встреча Гапона — встреча с одним из журналистов²³⁶. Дело в том, что за два дня до этого Гапон обращался к ряду радикальных газетных издателей с просьбой выпустить 9 января номер с напечатанной петицией, а также изложить всю историю стачки на Путиловском заводе. Гапон брался сам организовать это дело, ручался, что типографии, несмотря на забастовку, будут работать, говорил о громадном значении, которое будет иметь распространение в десятках тысяч экземпляров петиции среди петербургского населения во время шествия к Зимнему дворцу. Он просил, умолял издателей только о согласии. Однако ни один из них не согласился выполнить просьбу Гапона. Их радикализм, проповедуемый со страниц органов печати, оказался нем от страха перед закрытием «ходких» газет, перед ответственностью за нарушение цензурных правил. Все они отказали Гапону. И вот, накануне 9 января, видимо, устыдившись, они прислали к нему журналиста с согласием напечатать петицию. Теперь уже поздно, ответил Гапон, слишком поздно. А может быть, на это и рассчитывали радикально настроенные газетные издатели? Во всяком случае к 9 января петиция не была напечатана никем, в том числе и в печати революционных партий.

Наступило 9 января. По словам очевидцев²³⁷, ночь была лунная, тихая, жутко-тревожная. Еще вечером многие обратили внимание на огромную кроваво-красную луну над горизонтом. Правительство подготовилось к встрече рабочих: в столице

только своих войск было около 20 тысяч пехоты, до 1000 человек конных, более 1,5 тысячи казаков и, кроме того, власти действовали 10 тысяч городовых, филеров, дворников²³⁸. Если, как помнит читатель, 8 января, раздавая солдатам боевые патроны, задача ставилась недопускать рабочих ко дворцу и вообще с окраин не пропускать их в центр столицы, то утром 9 января войскам был отдан приказ — «стрелять!»²³⁹ В этой связи хотелось бы обратить внимание и на такой факт: если войска получили приказ стрелять в случае невыполнения их распоряжения, то полиции предлагалось, наоборот, не препятствовать движению народа²⁴⁰, создавая тем самым у людей иллюзию безопасности их шествия, благосклонного отношения к нему со стороны властей. Правда, в одном отделе женщинам на всякий случай роздали повязки сестер милосердия²⁴¹. Во главе военных частей в каждом из 8 районов, на которые был разделен Петербург, стояли генерал-майоры: Самгин — Васильевский остров; Рагозин — Петербургская часть; Рубановский — Коломенская и Нарвская части; Ширма — Александро-Невская и Рождественская части, а также Шлиссельбургский участок; Лангоф — Московская часть; Щербачев (впоследствии он станет активным врагом Октябрьской революции в России) — Адмиралтейская часть; Белов — Выборгская часть; Гадон — Казанская, Спасская и Литейная части²⁴². Латинское изречение гласит: сделал тот, кому выгодно. Консервативным крутам из царского окружения в условиях складывавшейся неблагоприятной для престола внутренней и внешней обстановки надо было в целях поднятия своего авторитета продемонстрировать силу. Во вне этого не получалось: Япония продолжала бить царскую Россию на всех театрах военных действий, на горле страны все туже завязывалась «золотая удавка» внешних займов. Силу можно было показать поэтому только внутри страны, и случай этому благоприятствовал.

Ночь перед шествием Гапон, по его словам, провел в отделе «Собрания» за Нарвской заставой, куда его привел телохранитель Филиппов, громадного роста и хорошо вооруженный кузнец; спал Гапон в комнате одного из рабочих, Филиппов во дворе оберегал его сон, несколько человек несли караул²⁴³. Ночь прошла спокойно, Гапон встал в 9 часов утра, напился чаю в обществе нескольких рабочих и пошел в отдел, где к 10 часам собралась уже огромная толпа²⁴⁴. По словам П.М.Рутенберга, утром 9 января он увидел Гапона, из короткой беседы с

которым понял, что практически у того нет никакого плана действий на случай столкновения с войсками, равно как и не думал он, что будут стрелять в рабочих²⁴⁵. Несколько слов о Рутенберге. Родился он в 1878 году в купеческой семье, окончил Петербургский технологический институт, инженер, на Путиловском заводе работал начальником мастерской, среди рабочих пользовался уважением и авторитетом, примыкал к эсерам, был членом их боевой организации²⁴⁶.

Серое зимнее утро было сухим, морозным и безветренным. Низко упавшее небо, желтый снег во дворе отдела, утопанный тысячами ног, и бесчисленное множество людей. Приходившие рабочие приносили сведения, что в городе повсюду расположены войска, но этому не придавали значения. Гапон шел вместе с Нарвским отделом. Перед тем, как двинуться в путь, в отделе выступал большевик Василий Гаврилов, отговаривавший рабочих от шествия к царю, но его не слушали²⁴⁷. Рабочие предложили достать иконы и хоругви, хотя Гапон потом напишет, что это была его инициатива²⁴⁸. За ними ходили к Болдыревской даче, где была расположена столовая общества трезвости, и сторож дачи дал их из ее часовни²⁴⁹. По некоторым данным, иконы и хоругви были взяты из часовни Алафузовской больницы²⁵⁰. Когда их принесли, Гапон распорядился взять из отдела царский портрет²⁵¹.

К Зимнему дворцу тронулись около 11 часов с возгласом Гапона «с богом», шли взявшись за руки, Рутенберг рядом с Гапоном, Кузин, другие близкие Гапону рабочие, охранявшие его М.Филиппов и И.В.Васильев; в первом ряду шли несшие царский портрет, во втором — хоругви и иконы, а за ними толпа, по словам Гапона, около 20 тысяч мужчин и женщин, старых и молодых; И.Павлов называет даже цифру в 50 тысяч человек²⁵². Впереди толпы шли полицейский пристав Жолткевич и околочный Шорников, расчищавшие дорогу и направлявшие в сторону встречавшиеся экипажи; они шли без шапок, равно как с непокрытыми головами, несмотря на морозную погоду, были и все участники шествия²⁵³. По пути движения встречалась полиция, и она тоже снимала шапки и набожно крестилась²⁵⁴. Все это создавало впечатление огромного крестного хода.

Отделы «Собрания» были расположены на разном расстоянии от Зимнего дворца, но все колонны рабочих, а шло четыре потока людей²⁵⁵, должны были подойти к цели шествия в одинаковос время — к двум часам дня. Естественно, что многим

приходилось начинать движение очень рано: так, колпинцы двинулись к центру столицы в 6 с половиной утра, а Невский отдел во главе с Н.П.Петровым вышел на Шлиссельбургский тракт в 9 часов; не все руководители отделов возглавляли движение: например, Варнашев, построив всех в колонну, сам с ней не пошел, а уехал²⁵⁶. Обстановка повсюду была та же, что и в колонне Нарвского отдела. Дождаясь в своих отделах начала шествия, толпы людей пели молитвы — «Отче наш», «Спаси, господи, люди твоя», «Царю небесный»²⁵⁷. Во время движения к Зимнему дворцу народ везде шел мирно и спокойно, над колоннами не развевалось ни одного красного флага, из их рядов не раздавалось ни одного антиправительственного лозунга или просто выкрика, рабочие были одеты по-праздничному. А.А.Карелин писал потом, что вместе с женщинами и детьми в шествии участвовало до 300 тысяч человек²⁵⁸. Трамваи во многих местах встали, но сани двигались, и пешеходов было достаточно, хотя накануне в «Ведомостях Градоначальства» и было напечатано объявление с предупреждением «без особой надобности на улицу не выходить и не толпиться», однако по ходу движения колонн из разных районов к центру любопытных встречалось довольно много²⁵⁹.

Что же происходило в эти часы с колонной, во главе которой шел Гапон? Сразу же оговоримся, что, как в данном случае, так и при рассказе о происходившем в других местах столицы, где рабочие были встречены пулями, мы будем лишь в минимальной степени использовать воспоминания Гапона. Почему? Дело в том, что все эти места в его книге, написанной позднее, трудно назвать записями очевидца, хотя Гапон и был на месте одного конкретного события — у Нарвских ворот. Но, во-первых, он после первых же залпов, как представляется, был в шоке, полностью деморализован и почти сразу же «выведен» из толпы. А, во-вторых, все описания событий, имевших место в других районах Петербурга, заимствованы Гапоном позднее, когда он находился уже за границей, из различных источников — из доклада комиссии присяжных поверенных по расследованию происшедшего в столице, из материалов «Искры», «Освобождения» и других изданий, из статей различных авторов, в частности В.И.Невского.

Итак, колонна рабочих Нарвского отдела двигалась к Зимнему дворцу. Недалеко от Нарвской заставы, за которой был мост через Таракановку, считавшейся границей города, дорогу

шествию преграждала цепь солдат и стоявшие перед ними конники; здесь расположились, судя по материалам 89 номера «Искры», две роты Иркутского 97-го пехотного полка, вызванного из Пскова, и эскадрон лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка²⁶⁰. Раздалось предупреждение, не идти в город, ибо в противном случае будет применено оружие; конные несколько раз прорезали толпу вдоль, стремясь рассеять ее, но она смыкалась и продолжала движение, все ближе подходя к выстроившейся пехоте²⁶¹. В колонне пели и, возможно, из-за этого не слышали звука сигнального рожка, после которого раздался клп, затем еще; по словам Рутенберга, в их колонну у Нарвских ворот были даны три залпа²⁶².

Сразу же был убит старик Лаврентьев, несший портрет царя, а затем и другой рабочий, подхвативший портрет из его рук; упал мальчик, несший церковный фонарь, были убиты прикрывшие Гапона оба его телохранителя — Филиппов и Васильев; лежал, сраженный пулей, околоточный надзиратель Шорников, а бросившийся при звуках стрельбы к солдатам полицейский пристав Жолткевич с возгласом — «Что вы делаете? В крестный ход стреляете, в портрет государя?» — был тяжело ранен²⁶³. То, что здесь был убит полицейский и тяжело ранен другой, дало потом повод правительству поместить их в списке пострадавших, выставив обоих жертвами нападения со стороны рабочих²⁶⁴.

«Когда толпа вылилась из улицы на берег реки, — писал в 1907 году Максим Горький по поводу происшедшего у Нарвских ворот, — и увидела перед собой длинную, ломаную линию солдат, преграждавшую ей путь на мост, — людей не остановила эта тонкая, серая изгородь. В фигурках солдат, четко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего, они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг друга. Впереди, за рекой, люди видели темный дом — там ждал их «он», хозяин дома. Великий и сильный, добрый и любящий, он не мог, конечно, приказать своим солдатам, чтобы они не допускали до него народ, который его любит и желает мирно говорить с ним о своей нужде»²⁶⁵. И далее Горький передает состояние людей после начала стрельбы. Он пишет, что паники не было, был «холодный» ужас, была «тоскливо бессильная злоба», много растерянности и много странно неподвижных глаз, нахмуренных угрюмо бровей, крепко сжатых кулаков, судорожных жестов и резких слов»²⁶⁶.

Несколько таких точных и резких характеристик Горький приводит в очерке. «— Гапон изменник! — вопил подросток-мальчик, влезая на фонарь»²⁶⁷. Кто-то у забора среди людей злобно говорил: «— Гапон вчера был у министра, он знал все, что будет, значит — он изменник нам, значит — он повел нас на смерть»²⁶⁸. «В огне волнения, — подчеркивал Горький, — все более быстро истлевала вера в помощь извне, надежда на чудесного избавителя от нужды»²⁶⁹. К этому последнему тезису Горький вновь вернулся позднее, в 1933 году, когда, говоря об отношении к царю рабочих после расстрела их шествия к Зимнему дворцу, писал: «Раздалось несколько крепких слов. Даже за одно из них четверть часа тому назад толпа разорвала бы человека в клочья»²⁷⁰.

Но вернемся к Георгию Гапону. После первого залпа около него сразу же появился Рутенберг и заставил Гапона лечь на землю; последний, прикрытый телохранителями, не пострадал, а версия о его ранении в руку не подтверждается и им самим — скорее всего это была на нем чья-то кровь²⁷¹. Когда залпы стихли, Рутенберг²⁷² толкнул лежащего Гапона и «из-под большой шубы высунулась голова с остановившимися глазами». Далее Рутенберг пишет: «Мы поползли через дорогу к ближайшим воротам. В ближайшем дворе Гапон переоделся в платье одного из рабочих». И здесь, оказавшись в сравнительной безопасности, Гапон прохрипел — «Нет больше Бога! нет больше Царя!» В углу двора Рутенберг остриг Гапона, волосы которого «разошлись потом между рабочими и хранились, как реликвия». Сам Гапон вспоминал впоследствии, что «рабочие поделили их между собой»²⁷³.

Те, кто видел Гапона в эти моменты, говорят, что он весь дрожал. Вот как описывает состояние Гапона в эти часы П.М.Рутенберг, который со двора повел его к своим знакомым и фактически первым увидел Гапона другим, нежели до 9 января. «Когда мы, — вспоминал Рутенберг, — оставили за собой кровь, трупы и стоны раненых и пробирались в город, наталкиваясь на перекрестках и переездах на солдат и жандармов, Гапона охватила нервная лихорадка. Он весь трясся. Боялся быть арестованным. Каждый раз мне с трудом удавалось успокаивать его, покуда не выбрались через Варшавский вокзал из окружавшей пригород цепи войск. Поведение его меня коробило. Я раньше знал и видел Гапона только говорившим в рясе перед молившейся на него толпой, видел его звавшим у Нарв-

ских ворот к свободе или смерти. Этого Гапона не стало, как только мы ушли от Нарвских ворот. Остриженный и переодетый в чужое платье, передо мной оказался предоставлявший себя в полное мое распоряжение человек, беспокойный и растерянный покуда находился в опасности, тщеславный и легкомысленный, когда ему казалось, что опасность миновала»²⁷⁴.

А вот как выглядит увод Гапона из толпы по донесению начальника жандармского управления Петербурга от 10 января. В нем говорилось, что Гапон жив, что «ни убит, ни ранен не был, а упал после выстрела, притворился убитым, тотчас же был подхвачен и унесен соумышленниками»²⁷⁵.

Войска стреляли в городе по рабочим, пытавшимся с разных сторон пройти к Зимнему дворцу, с половины второго до четырех часов; везде стреляли боевыми патронами, кроме Невского района²⁷⁶. Залпы были произведены, как потом будет сказано в официальном правительственном сообщении, на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, вблизи Троицкого моста, на 4-1 линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста, а также на Казанской площади²⁷⁷. Кроме того, вечером 9 января солдаты и казаки нападали на окраинах города на рабочих и студентов и избивали их²⁷⁸.

Как же обстояли дела на Дворцовой площади, у Зимнего дворца? Несмотря на все препятствия, многие рабочие с разных районов столицы сумели все же пройти сюда, и к 2 часам дня на площади собралось довольно много народа. Хотя до них и доходили сведения о расстрелах шедших к царю людей на окраинах, но они терпеливо ждали царя около Александровского сада, у здания Генштаба²⁷⁹. Им приказывали расходиться, но они продолжали отвечать, что будут ждать царя. Тогда от части пехотных войск, занимавших середину площади, отделилась рота Преображенского полка с офицером во главе и выстроилась в две шеренги против Александровского сада. Публика смотрела на этот маневр спокойно. Но вот заиграл горнист. Наступила тишина. Люди начали с недоумением переглядываться. И вдруг грянул залп, другой... В 3 часа дня на небе засветилась яркая и необычная зимою радуга, а когда она поблекла и исчезла, поднялась снежная пурга²⁸⁰.

Гапон в своих записках, которые в этой части, как мы уже говорили, составлены им компилятивным путем, приводит многие факты расстрела безоружных людей в разных районах

столицы, издевательств над ними и садизма. Либерально-буржуазный орган земцев «Освобождение», выходящий за границей под редакцией П.Б.Струве, впоследствии опубликовал список тех, кто 9 января 1905 года командовал расстрелом людей и убивал их лично²⁸¹.

На Невском проспекте и на Мойке этим распоряжался офицер лейб-гвардии Семеновского полка Ф.Я.фон Сиверс; семеновцами, стоявшими у Полицейского моста, командовал полковник Н.К.Риман, который вскоре «прославится» подавлением московского восстания в декабре 1905 года²⁸². Хорошо «поработал» 9 января поручик лейб-гвардии Уланского полка П.К.Линдер, хвалившийся среди своих коллег, что он собственноручно зарубил четырех человек, из коих один был маленьким мальчиком; уланы действовали на Васильевском острове, где зверствовал еще один офицер-корнет С.К.Гурьев²⁸³. Здесь же, на Васильевском острове, командовал стрельбой и подполковник Конно-Гренадерского полка Е.А.Обермиллер. «Отличились» и его коллеги по званию: С.Н.Макаревский из лейб-гвардии Павловского полка и К.Д.Нарышкин из лейб-гвардии Преображенского полка. Отлично «действовали» и другие преобразенцы: капитаны — князь А.Н.Оболенский и барон А.Остен-Дризен, капитан Н.Н.Мансуров, командовавший стрельбой на Дворцовой площади, у Александровского сада и приказавший «снять» с деревьев сада мальчишек. Мансуров так «прославился» своими «подвигами» у Зимнего дворца, что потом стал усиленно просить департамент полиции и охранку оградить его от мести со стороны революционеров; его просьбы об этом и резолюции на них хранились в Историко-революционном архиве Ленинграда, здании бывшего Сената. Среди «героев» 9 января был и полковник Мин. Главным виновником расстрела был, конечно, великий князь В.А.Романов, а во главе бойни формально стоял командир гвардейского корпуса князь С.И.Васильчиков.

Приведенные в журнале П.Б.Струве имена и связанные с ними факты были им лично проверены.

Для полноты картины приведем и другие имевшие место 9 января факты. Были случаи, когда отдельные солдаты, например, на Дворцовой площади, не стреляли по толпе²⁸⁴. В некоторых небольших подразделениях, не желая убивать людей, солдаты стреляли вверх²⁸⁵. В Егерском и Московском полках офицеры, исходя из складывавшейся в местах их расположения обстановки, считали, что у них стрелять по толпе не было ни-

какой необходимости²⁸⁶. В районах Выборгской, Казанской, Спасской и Литейной частей особенно значительных скоплений рабочих не наблюдалось, в связи с чем и порядок здесь поддерживался, не прибегая для этого к применению оружия²⁸⁷.

Были и факты, когда офицеры, понимая, видимо, всю преступность применения силы против безоружного народа, но имея на этот счет приказ, действовали по обстоятельствам. Рассказывали, например, о такой сцене между командиром части и рабочими на одной из петербургских застав²⁸⁸. Офицер говорил, что он имеет приказ не пропускать их к центру и, как ему не жалко людей, в случае неповиновения рабочих должен будет применить оружие. А вот через Неву, подчеркивал офицер, вы можете пройти, так как на это запрета у меня нет. Рабочие его «поняли»: они сломали забор, отделявший улицу от Невы, и по льду перешли через реку, выйдя на площадь Зимнего дворца.

Мы уже отмечали, что та свобода, которой пользовался Гапон и его ближайшие помощники в проведении своей работы среди забастовщиков вплоть до 9 января, в значительной степени содействовала, конечно, общему предположению, что деятельность Гапона признается правительством благотворною и что ко всем его акциям высшие власти относятся благосклонно. Естественно, что огромные массы людей первоначально были просто поражены применением правительством решительных мер к подавлению их мирного шествия к царю, а пролитая кровь и многочисленные жертвы вызвали в среде рабочих и в других слоях общества негодование и сильное возбуждение.

Реакция людей на применение против них оружия последовала практически сразу же за первыми залпами. Народ возмущался. «Ораторы-революционеры, — писал об этом Гапон, — до того дня нежеланный элемент среди рабочих, находили массу слушателей»²⁸⁹. Гнев людей выражался в ломании фонарей, разбивании стекол во дворце великого князя Сергея, пении «Вы жертвою пали...», в криках проезжавшим мимо убитых патрулям «Шапки долой, убийцы!», и они их снимали. В некоторых местах у офицеров и полицейских народ отбирал оружие. В одном районе на Васильевском острове его взяли в оружейном магазине, там же на короткое время захватили типографию и отпечатали листок с призывом к революционным действиям²⁹⁰. Были попытки строить баррикады, в частности на Малом проспекте и 6-й линии²⁹¹. Небольшая группа людей в течение 3-х часов оказывала сопротивление войскам на бар-

рикадах Васильевского острова, устроенных на 4-й линии, напротив дома № 35, у Среднего, а также Малого проспектов²⁹². При этом люди везде сохраняли порядок и не допускали никаких бесчинств: сами рабочие, как подчеркивал Гапон, «хватали и прогоняли» хулиганов и громил²⁹³. В официальном правительственном сообщении о событиях этого рода говорилось следующее: «На 4-й линии Васильевского острова толпа устроила из проволок и досок три баррикады, прикрепила красный флаг; из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы; у городских толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитив около 100 стальных клинков, которые, однако, были большею частью отобраны. В 1-м и во 2-м участках Васильевской части толпой были порваны телефонные провода, опрокинуты телефонные столбы; на здание 2-го полицейского участка Васильевской части произведено нападение, и помещение участка разбито. Вечером на Большом и Малом проспектах Петербургской стороны разграблено 5 лавок»²⁹⁴.

Еще накануне руководители «Собрания» договорились после шествия к царю вернуться в свои отделы. Рабочие боготворили государя, когда шли ко дворцу, они были в состоянии религиозного экстаза. Карелин в связи с этим вспоминал, что они со страхом возвращались в этот день в отделы, а когда пришли, то убедились, что пришел конец и царю, и богу в душах людей, что нет у рабочих больше ни бога, ни царя²⁹⁵. «В отделах люди, — писал позже Карелин, — не только молодые, а и верующие прежде старики топтали портреты царя и иконы. И особенно топтали и плевали те, кто прежде в отделах заботились о том, чтобы пред иконами постоянно лампадки горели, масла в них подливали, лампадочники, и те веру в царя и бога потеряли»²⁹⁶. Расстрел наглядно показал рабочим, что у царя с народом ничего общего нет и быть не может, что царь боится народных масс. В эти дни газета итальянских рабочих «Аванти» писала, что народы должны стучать оружием в двери самодержцев для того, чтобы добиться приема²⁹⁷. Через год отечественный журнал «Вестник Европы» напишет: «В этот день сотни тысяч мистически настроенных рабочих воочию убедились, что их представление о царе, как полновластном источнике правды на земле и любви к народу, как будто, не соответствует действительности. Их вера в царя-отца угнетенных и обиженных — поколебалась. Их последняя надежда — пробить непосредст-

женным обращением стену, веками выросшую между верховной властью и народом — рухнула. В их сознании раскрылась вся безжизненность стародавнего противоположения: царь и народ — чиновники и «господа». 9-е января оторвало рабочий класс от царя и сблизило с «господами» — не с хозяевами фабрик и заводов, а с такими же, как они, представителями труда, только интеллектуального»²⁹⁸.

Тот факт, что из всех отделов «Собрания» торжественные шествия рабочих, имевшие все атрибуты крестных ходов и патриотических манифестаций — хоругви, иконы, кресты и портреты царя, были практически во всех местах встречены залпами, и стотысячные толпы людей в безумии шарахались из стороны в сторону, оставляя на снегу десятки убитых и сотни раненых, говорил и свидетельствовал только об одном: этот расстрел рабочих-челобитчиков не был ошибкой тех или иных офицеров, он был заранее обдуман и решен властями. Невский в связи с этим впоследствии вспоминал: «К вечеру 9-го января царские войска победили безоружных рабочих, на Васильевском острове баррикады были разобраны, но город имел необычный вид. На улицах стояли войска, горели костры... На Невском пылали кое-кем подожженные киоски, а толпа, уже не покорная и смиренная, а бурно-революционная, не боясь казаков и каваллерии, издеваясь над войсками, посылала им проклятия, и то с пением революционных песен, то с насмешливыми криками «ура» в честь победителей перекатывалась с одного места на другое»²⁹⁹.

До глубокой ночи конные жандармы, городовые и казаки гарцевали по городу, ожидая после побоища взрыва народного возмущения. Но его не было. Народ ушел в себя и пока хранил молчание. Тем не менее вечером 9 января в столицу к уже имевшимся войскам были дополнительно затребованы из Царского Села Кирасирский полк и пулеметная рота; тогда же, на всякий случай, была приведена в готовность и гвардейская артиллерия в составе 72 орудий³⁰⁰. И, возможно, несколько успокоенный этим, Николай II мог «со спокойной совестью» записать в этот день в своем дневнике: «9 января. Воскресенье. Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных частях города. Было много убитых и раненых»³⁰¹.

Государь пребывал в Царском Селе. Он мог безмятежно спать. Да и в чем его можно было винить? Командование вой-

сками он накануне сдал своему дяде, великому князю Владимиру Александровичу, из столицы уехал, так что взятки, как говорится, с него гладки. А за Петербург, уезжая в Царское Село, он был спокоен, зная, что дядя не подведет. В этой связи представляет интерес заметка о событиях 9 января 1905 года английского корреспондента газеты «Дейли Телеграф» доктора Диллона, напечатанная в 64 номере «Освобождения»³⁰². «Я спросил одного придворного, — писал Диллон, — почему сегодня без соблюдения формальностей убивают безоружных рабочих и студентов? Он отвечал: «Потому, что гражданские законы отменены и действуют законы военные. Вас удивляет, что этого никто не знает, и удивление ваше естественно, но в России мы не можем смотреть на вещи так, как вы смотрите на них в Англии. Прошлой ночью его величество решил отстранить гражданскую власть и вручить заботу о поддержании общественного порядка великому князю Владимиру, который очень начитан в истории французской революции и не допустит никаких безумных послаблений. Он не впадет в те ошибки, в которых повинны были многие приближенные Людовика XVI, он не обнаружит слабости. Он считает, что верным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей, но до сих пор его не слушали. Сегодня его величество обладает высшей властью и может использовать свой способ на живом теле сколько душе угодно... Великому князю Владимиру предоставляется необыкновенный случай обнаружить свои способности государственного человека и наполеоновские качества, и он ничуть не опасается за результат. Что бы ни случилось, — он будет укрощать мятежный дух толпы, даже если бы ему пришлось послать против населения все войска, которыми он располагает...»

Расстрел рабочих 9 января 1905 года стал, как представляется, поворотным пунктом в истории династии Романовых в России, началом ее конца. Уже известный нам С.Р. Минцлов записывал на следующий день после расстрела в своем дневнике: «Возмущение всеобщее, особенно против гвардейских офицеров, из числа которых многие с увлечением разыгрывали роль самых последних, самых зазнавшихся и наглых околоточных; настоящие околоточные совершенно не вмешивались во вчерашнюю историю.

Если бы царь так позорно не ускакал из города, а принял бы депутацию рабочих, если бы хоть сколько-нибудь сердечно

огнесся к положению их — какой бы громадный козырь он получил в свои руки! Эх, вспоминаются слова Грозного: «пономарем бы тебе родиться, Федя, а не царевичем!»³⁰³

И далее Минцлов продолжает: «Да, 9 января был момент, когда Николай II мог разом повернуть курс истории в свою пользу; риска с его стороны не было, но даже если бы и был — момент требовал и стоил его. Прими он эту депутацию, и именно на площади, обставь прием нарочно возможно торжественней, и призрак революции, которой так боится он, разом бы померк и отошел вдаль. Одним ударом приобрел бы он популярность и любовь в стране — и он этого не сделал, не схватил чутьем того, что висело в воздухе, чувствовалось всеми. Царизм проиграл сражение, это несомненно; скольких сторонников он разом сделал врагами себе!»³⁰⁴.

Через два дня после трагедии английская газета «Таймс» писала: «Теперь уже почти выяснено, что русское правительство нарочно предоставило движению развернуться, чтобы потом сразу дать кровавый урок. Николай II как государь не только пал, но и пал позорным образом»³⁰⁵.

Но вернемся к Георгию Гапону, которого Рутенберг спас от смерти и вел на конспиративную квартиру. Как известно, рабочие Нарвского отдела во главе с Гапоном были расстреляны и рассеяны на подступах к Зимнему дворцу и на площадь не попали. Так что Гапона и его спутника уже к часу дня приняли в одном доме³⁰⁶. По некоторым данным, сначала Гапон попал в дом Саввы Морозова, где его переодели в «студенческую пару» и накормили³⁰⁷. Отсюда его переправили в новое помещение, где Гапон «переоделся в обыкновенное платье» и где ему «обрали бороду»³⁰⁸. И, наконец, как пишет сам Гапон, «после этого меня отвели в дом одного известного русского писателя»³⁰⁹. Им был Максим Горький³¹⁰. Уже будучи за границей, Гапон рассказывал об этой своей встрече с Горьким: «Когда Г. увидел меня, он бросился мне на шею и заплакал»³¹¹.

В течение дня 9 января Гапон был в некоторой растерянности. Надо было рабочим сказать, что им теперь делать, а у Гапона на этот счет никакого плана конкретных действий пока не было. Вот что пишет о поведении Гапона в эти часы Рутенберг. «Вечером 9-го января он сидел в кабинете Максима Горького и спрашивал:

— Что теперь делать, Алексей Максимович?

Горький подошел, глубоко поглядел на Гапона. Подумал.

Что-то радостно дрогнуло в нем, на глаза навернулись слезы. И, стараясь одобрить сидевшего перед ним совсем разбитого человека, он как-то особенно ласково и в то же время по-товарищески сурово ответил:

— Что же, надо идти до конца. Все равно. Даже если придется умирать»³¹².

Горький, конечно, не мог сказать, что делать, а рабочие ждали каких-то распоряжений. Гапон хотел было поехать к ним, но Рутенберг был против этого. И тогда Гапон отправил в Нарвский отдел записку — нечто вроде послания рабочим, в котором писал, что у них нет больше царя, что между ним и русским народом протекла сегодня река крови, что рабочим надо самим начать борьбу за народную свободу, на что он, Гапон, их благославляет, что завтра он будет среди них, а сегодня занят работой на общее дело³¹³.

Вечером весь Петербург говорил о расстреле, о Гапоне. В Александринском театре был отменен спектакль³¹⁴. По предложению Горького, Гапон вместе с ним и Рутенбергом конспиративно едет к 8 часам вечера в Вольное экономическое общество, расположенное неподалеку от Невского проспекта³¹⁵. Здесь, на частное заседание, которое вел публицист А.И.Новиков (по другим данным, профессор Лесгафт³¹⁶), собрались представители интеллигенции различных политических взглядов и течений. Выступавшие рассказывали, что они видели 9 января в различных районах столицы. Разумеется, это собрание также не могло дать каких-либо рекомендаций относительно того, что теперь делать рабочим. В зале распространился даже слух о том, что Гапон не то ранен, не то убит. Но он был опровергнут М.Горьким, который в своем выступлении заявил: «У меня с собой письмо от отца Гапона. Разнесся слух, что он убит. Это неправда, он был у меня в доме»³¹⁷. И с этими словами Горький прочитал присутствующим второе по счету письмо Гапона к рабочим, где он проклинал царя и призывал рабочих к борьбе против него. Письмо заканчивалось так: «Не плачьте же по погибшим героям, утешьтесь: мы разбиты, но не побеждены. Разорвем лучше все портреты кровопийцы-царя и скажем ему: да будь ты проклят со всем своим августейшим змеиным отродьем!»³¹⁸. Затем громким голосом Горький заявил, что «в зале находится делегат от отца Гапона, который желает говорить»³¹⁹.

Это был сам Гапон, который в это время находился на хорах зала; он был, по словам современников, «в пиджаке, крахмаль-

ном воротничке и манжетах, безобразно вылезавших наружу из рукавов»³²⁰. Вот что пишет сам Гапон: «Взойдя на кафедру, я сказал, что теперь время не для речей, а для действий. Рабочие доказали, что они умеют умирать, но к несчастью, они были безоружны, а без оружия трудно бороться против штыков и револьверов. Теперь ваша очередь помочь им»³²¹.

На заседании было принято обращение ко всем русским офицерам (по некоторым данным, оно было составлено Горьким), не принимавшим участия в расстреле 9 января 1905 года, которое подписали представители столичной интеллигенции (количество подписавших указывается разное — 157, 451 и даже более 700 человек)³²². Однако на следующий день оно было взято его авторами обратно³²³. По словам Гапона, после собрания группа доверенных лиц, среди которых был и Рутенберг, в одной из комнат обсуждала вопрос, «как достать оружие и организовать народное восстание»; при этом М. Горький, как пишет Гапон, стоял у двери настороже, оберегая присутствующих от нежелательных лиц³²⁴. Возможно, здесь-то Гапон и сетовал на то, что эсеры накануне 9 января, обещая ему 300 револьверов и бомбы, ничего не дали, что он был вынужден доставать два десятка револьверов через купца Михайлова в оружейном магазине Чижова³²⁵. В половине 12 ночи стали расходиться, поскольку пошел слух, что появилась полиция, и стали даже говорить, что к зданию общества направлена чуть ли не рота солдат³²⁶.

Гапон был поспешно уведен Горьким снова к себе домой, где он написал два обращения: одно опять к рабочим, а другое — к солдатам. В последнем Гапон писал: «Офицеров и солдат, убивавших своих невинных братьев и их жен и детей, и всех притеснителей народа — проклинаю. Солдатам, помогающим народу завоевать свободу, шлю свое пастырское благословение и освобождаю от военной присяги, принесенной изменнику царю, по приказу которого была пролита невинная народная кровь»³²⁷. Гапон подписал его, и на следующий день оно, отпечатанное в конспиративной типографии, стало распространяться.

Прокламация к солдатам была, видимо, навеяна Гапону аналогичным обращением столичной интеллигенции к офицерам, которое было принято на только что закончившемся собрании Вольного экономического общества.

Что касается подписанного Гапоном в 12 часов ночи 9 января 1905 года воззвания к рабочим России, то оно готовилось, думается, не только им, но и группой интеллигенции, включая

и М.Горького³²⁸. Воззвание было по сути дела расширенной переработкой обращения к солдатам. Оно было очень резким и призывало рабочих мстить царю и его приспешникам, не приступать к работе, строить баррикады, громить дворцы. Рассказав, что сделали власти с шествием рабочих с петицией к царю, Гапон призывал в этом документе: «Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам, всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем, — кто чем и как может»³²⁹. Он звал всех, в том числе и социал-демократию, оказать помощь рабочим. Далее он писал: «Братья-товарищи! Рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пишу, чтобы накормить себя, и оружие разрешаю вам брать, где и как сможете. Бомбы, динамит — все разрешаю. ...Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты! Уничтожайте ненавистную народу полицию...»³³⁰. В заключение обращения к рабочим Гапон подчеркивал: «Перепечатавайте, переписывайте все, кто может, и распространяйте между собой и по всей России это мое послание и завещание, зовущее всех угнетенных, обездоленных на Руси восстать на защиту своих прав. Если меня возьмут или расстреляют, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мне вами — сотнями тысяч — клятву. Боритесь, пока не будет созвано Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, где будут избраны вами самими защитники ваших прав и интересов, выставленных в вашей петиции изменнику-царю»³³¹.

В этот день из Петербурга в Женеву пошло новое письмо к Ленину от Гусева, в котором тот подробно излагает кровавые события в столице, сообщает о предложении большевиков меньшевикам объединиться на период предстоящих революционных событий и пишет также о Гапоне, что он — «величайший провокатор в мире, либо за ним стоят провокаторы»³³².

В понедельник, 10 января, Петербург стал похож на осажденный город; начались аресты, «охота» за студентами и рабочими и их избивание, отмечались отдельные столкновения на Невском, попытки в разных районах столицы возводить баррикады; рестораны, магазины, лавки и театры продолжали быть закрытыми; проходили собрания интеллигенции, в частности в Публичной библиотеке и в других местах; бастовали многие высшие учебные заведения; в знак солидарности с петербургскими рабочими начались стачки в Москве³³³. Накануне, то

сть 9 января, градоначальник Фуллон заявил, что город находится во власти солдат, и, по всей вероятности, не желая нести ответственность за происходящее в столице, подал в отставку³³⁴.

С утра 10 января все отделы «Собрания» были закрыты, и все имущество, а также «денежная наличность» в сумме «606 рублей 05 копеек» переданы в казначейство градоначальства³³⁵. Ходили слухи, что из Петербурга в Царское Село двинулась якобы толпа народа, но высланные им навстречу воинские части никакого скопления людей не обнаружили³³⁶. Тем не менее охрана Царского Села была усилена³³⁷. В целом 10 января в Петербурге, по сообщениям властей, прошло сравнительно спокойно. Если где собирались толпы народа, то они при появлении воинских частей расходились, не оказывая особого сопротивления, вследствие чего оружие применять не пришлось; в некоторых местах небольшие группы хулиганов пытались бесчинствовать, прежде всего грабить лавки, но эти их действия довольно быстро пресекались полицией, которая только в крайних случаях прибегала к помощи войск³³⁸.

Во вторник, 11 января, казаки и полиция сменили пехоту; в течение дня почти во всех районах было спокойно и серьезных беспорядков не возникало, что позволило некоторые части по усмотрению начальников районов поместить на отдых под крышу³³⁹. Однако в Колпино вечером произошло столкновение рабочих с войсками, приведшее к жертвам — были убитые и раненые; колпинцы дважды нападали на царскосельскую железную дорогу³⁴⁰.

С утра 11 января и в последующие дни были арестованы представители интеллигенции, которые 8 января, желая предотвратить кровопролитие, посетили Святополка-Мирского и других должностных лиц империи. Им вменялось в вину, что они в качестве главных представителей от революционных и либеральных групп входили якобы в состав некоего революционного «конвента»³⁴¹. Задержаны были Мякотин, Пешехонов, Семевский, Анненский, Гессен, Кедрин, Кареев. Доносивший об арестах министру внутренних дел прокурор петербургской судебной палаты Вуич, сообщал, что подлежащий задержанию Пешков — Максим Горький выбыл в Ригу (здесь умирал близкий ему человек); принимая во внимание преклонный возраст Арсеньева, власти ограничились в отношении его домашним арестом, не был арестован и рабочий Д.Кузин³⁴².

Горького по приказу Святополка-Мирского арестовали в Риге в тот же день в 3 часа дня, найдя при нем прокламации, и

с шестичасовым поездом отправили в Петербург, куда он был доставлен утром 12 января; с Балтийского вокзала его в наемной карете и в сопровождении жандарма препроводили в Петропавловскую крепость, откуда он был выпущен только в середине февраля, благодаря протестам мировой общественности, а также ходатайству Саввы Морозова, действовавшего по просьбе М.Ф.Андреевой, и отправлен на жительство под надзор полиции в выбранный им город Ригу³⁴³. При аресте Горькому предъявили обвинение в составлении воззвания, текст которого был изъят у Кедрина; Горький признал свое авторство в документе, в котором граждане призывались к немедленной борьбе с самодержавием³⁴⁴.

Всего по «делу 9 января» в Петербурге было взято под следствие 688 человек; многих выслали из столицы в административном порядке³⁴⁵.

Общественность Петербурга продолжала оставаться, с одной стороны, в возбужденном состоянии, а с другой — в неведении того, что произошло в столице, поскольку официального объяснения случившегося в прессе не было; 10 января «Правительственный Вестник» опубликовал лишь цифры убитых и раненых, которые на следующий день были уточнены³⁴⁶. В первом сообщении говорилось, что убито было 76 человек и ранено — 233, а во втором — 96 и 333 человека соответственно. В дальнейшем, до 27 января, по сообщениям властей, еще 34 человека умерли от ран³⁴⁷. Таким образом, по официальным данным, погибло 130 и было ранено 299 человек, то есть общее количество пострадавших во время трагических событий в Петербурге составило 429 человек; именно об этом сообщал впоследствии директор департамента полиции Лопухин в докладе Николаю II³⁴⁸.

Официальные данные о пострадавших значительно преуменьшены, особенно число раненых и искалеченных. Цифры, которые затем были опубликованы в социал-демократических и либерально-буржуазных изданиях, также отличаются сильным «разбросом». Так, Карелин писал о многих тысячах убитых (около 4) и раненых (до 7,5), социал-демократические газеты определили число погибших в 976 человек, а оргкомитет Технологического института столицы в 1216349. По сведениям, собранным специальной комиссией, в которую вошли представители и петербургской адвокатуры, в больницы Петербурга только за 9 января было привезено 1216 убитых и свыше 5000

раненых. Гапон в свою очередь сообщает, что по его подсчетам и воскресенье, 9 января, было убито от 600 до 900 человек и не менее 5 тысяч ранено³⁵⁰. Писали, что среди путиловцев было от 500 до 1000 человек убитых и раненых³⁵¹. В одном зарубежном социал-демократическом издании сообщалось, например, что лишь на одном Преображенском кладбище за один день в братской могиле было предано земле 1100 трупов³⁵².

Надо полагать, что в основе такого «разброса» цифровых данных лежала печать секретности и тайны, которой власти окружили все связанное с событиями в Петербурге, отсутствие вообще какой-либо информации в печати на этот счет, не говоря уж о достоверной, боязнь революционных потрясений внутри страны в качестве ответа на расстрел рабочих и взрыва общественного мнения за рубежом. Но при всем при этом трагедия в Петербурге имела общенациональный характер, и клеймо несмываемого позора за расстрел безоружного народа легла на царизм навечно.

По сути дела 9, 10 и 11 января в городе «хозяйничали» казаки и другие кавалерийские разъезды, но на перекрестках продолжали собираться группы и толпы людей. В столице было шумно и в то же время жутко. Только перед больницами, где с утра до ночи толпился народ, стояла гробовая гишина. Люди приходили сюда искать своих родных и близких — раненых или убитых, но часто не могли их найти³⁵³.

Не могли этого сделать потому, что многие трупы не свозились в больницы, оставлялись в полицейских участках и в казармах, чтобы ночью тайно и даже без гробов отвезти на кладбище и предать земле в братских могилах. Так было на Преображенском и Успенском кладбищах, где полиция, обманув публику о времени захоронения, сделала это в 3 часа ночи. Аналогичным образом поступили на Смоленском кладбище, где убитых было приказано, во избежание беспорядков, похоронить до обедни. И только на Митрофаньевском кладбище похороны убитых за Нарвской заставой происходили открыто, при стечении огромной толпы рабочих, но в то же время в присутствии полиции и войск. Ораторы произносили над могилами речи, призывая отомстить за невинно пролитую кровь, из толпы раздавались крики: «Шапки долой, палачи!», и угрюмые солдаты вместе со своими офицерами исполняли это требование людей. Многие рабочие писали на могильных крестах своих родных и близких «Невинно убиенный 9-го января», а власти потом приказывали стирать эти надписи.

Были и случаи, когда трупы тщательно скрывались администрацией в различных сараях на территориях больниц, куда можно было пройти на поиски своих родственников только подкупив служащих. Вот что рассказывают о сотруднике «Биржевых Ведомостей» Баранском, убитом пулей 9 января в 5 часов у Александровского сада³⁵⁴. В понедельник, 10 января, его жена целый день искала труп своего мужа по всем городским больницам. Полиция, наконец, пообещала ей «отдать» труп мужа во вторник, 11 января, на кладбище. Баранская прибыла к месту захоронения и на одном гробу действительно прочитала фамилию мужа. В предчувствии чего-то недоброго она попросила открыть гроб, в котором вместо трупа мужа увидела другой — какого-то «очень высокого рыжебородого человека».

Упорно ходили слухи, что разрывные пули «дум-дум», которые военные власти не посмели употребить в войне с Японией, были использованы против своих рабочих³⁵⁵. Поговаривали также, что трупы вывозились за пределы Петербурга³⁵⁶. Впоследствии, на основе более подробного и тщательного расследования происшедших в столице событий, особенно в первые три дня — 9-11 января, большинство исследователей и специалистов, включая и социал-демократов, пришли к мнению, что число пострадавших в эти дни составило около 4600 убитых и раненых³⁵⁷. Среди убитых были социал-демократы: М.П.Волков, Г.Г.Ханцев, М.Л.Бердичевская, М.В.Казанцев, И.И.Андреев, Л.В.Васильев, К.В.Архангельский, Арк.Афанасьев, М.Г.Егорова³⁵⁸. Кстати, 9 января на Дворцовой площади был ранен М.В.Фрунзе³⁵⁹.

Ни один солдат или офицер в эти дни убит не был³⁶⁰.

Заканчивалось 11 января, город начинал вроде бы принимать свой обыкновенный вид. В ночь на 12, в связи с предстоящей перевозкой трупов убитых в предшествующие дни из больниц на кладбища, военные власти по просьбе полиции приняли соответствующие меры предосторожности; день в целом прошел более или менее спокойно, никаких беспорядков, кроме кладбища на станции Обухово, не было, а потому было разрешено разместить воинские части в теплых помещениях, оставив на улицах лишь необходимые дозоры и часовых³⁶¹.

Два дня петербургские газеты полностью, не имея на то разрешения властей, «молчали» о событиях в столице. И только 11 января в «Правительственном Вестнике» появилось официальное сообщение на этот счет³⁶². В нем бегло говорилось о созда-

нии «Собрания», кратко излагались забастовка путиловских рабочих и история их петиции. В связи с последним подчеркивалось, что «фанатическая проповедь, которую в забвении святости своего сана вел священник Гапон, и преступная агитация злонамеренных лиц, возбудили рабочих настолько, что они 9-го января огромными толпами стали направляться к центру города. В некоторых местах между ними и войсками, вследствие упорного сопротивления толпы подчиниться требованиям разойтись, а иногда даже нападения на войска, произошли кровопролитные столкновения». И далее в сообщении перечислялись места, где были произведены залпы, говорилось об имевших место в столице инцидентах, называлась первоначальная цифра пострадавших.

Вряд ли этот материал в таком виде мог удовлетворить общественное мнение столицы, ибо изложенное в нем сй было уже в принципе известно. И не случайно, конечно, что в день опубликования сообщения о событиях в Петербурге представители более 10 ведущих столичных газет, включая и их редакторов, собрались на объединенное собрание, которое после длительных дебатов приняло заявление правительству³⁶³. В нем подчеркивалось, что «единственным выходом из нынешнего положения является созыв Земского Собора для устройства государственного порядка в России. Собор этот должен состоять из свободно выборных представителей всех сословий и классов населения и пользоваться неограниченной свободой прений и постановлений. Собрания Собора должны происходить при полной гласности»³⁶⁴.

На собрании договорились также, что все газеты выйдут в траурном окаймлении. Избрана была депутация для вручения принятого заявления Святополку-Мирскому. Тот на следующий день принял редакторов и предложил относительно их документа подождать, пока «страсти улягутся»³⁶⁵. Что же касается соображений журналистов об освещении в печати событий последних дней, то, выслушав их, министр внутренних дел попросился с визитерами, немедленно сел и написал циркуляр, который был тут же разослан по редакциям: в нем газетам запрещалось печатать что бы то ни было о 9 января, кроме правительственного сообщения об этом³⁶⁶.

Ничего не вышло и из газетного «траура», хотя, правда, «Наша жизнь» в конце второй страницы и «отважилась» поместить маленький черный квадрат, в котором было напечатано,

что, согласно правительственному сообщению, 9 января на улицах Петербурга было убито 96 и ранено 333 человека³⁶⁷. Это были уже «уточненные» властями цифры потерпевших.

Вместе с сообщением о событиях в столице «Правительственный Вестник» публикует в этот же день, 11 января, данный в Царском Селе указ Николая II Сенату об учреждении генерал-губернаторства в Петербурге и столичной губернии, назначении на этот пост Д.Ф.Трепова с перечислением его практически неограниченных полномочий в целях, как говорилось в именном указе, «охранения государственного порядка и общественной безопасности»³⁶⁸. Это был, конечно, не «мягкий» Фуллон. Но Трепов умел и лавировать. В этом отношении представляет интерес доклад министра финансов В.Н.Коковцева царю, представленный в тот же день. В нем министр говорил Николаю II: «Внести успокоение в столице и предупредить неизбежное распространение волнений и на другие местности вашей империи, — на что указывает уже начало стачки в Москве, — может только державное слово вашего императорского величества»³⁶⁹. Коковцев добавлял, что этот его взгляд разделяют Святополк-Мирский и Трепов. Царь принял во внимание эти соображения своих министров.

А последние начали тут же «действовать». Уже 12 января Трепов принимает депутацию путиловских рабочих, которую к нему прислал Святополк-Мирский, приложив также и личное послание. В нем Святополк-Мирский писал: «У меня сейчас были трое рабочих из Путиловского завода, не принимавших участия в беспорядках и совершенно благоразумных. Не хочешь ли ты с ними поговорить или поручить кому-нибудь выслушать их? Они очень просят, чтобы их выслушали, и говорят, что большинство рабочих Путиловского завода опомнились и желали бы приступить к работе»³⁷⁰. Не исключено, что это и натолкнуло Трепова на идею организации делегации рабочих к государю.

А сейчас нам самое время вернуться к Гапону, которого, как помнит читатель, мы оставили поздно ночью 9 января пишущим воззвание к народу. По словам Гапона, он в последующие два дня несколько раз менял местожительство; его друзья постоянно говорили ему о необходимости отъезда, ибо надежды на восстание, которого Гапон ожидал, не было³⁷¹. Он колебался, хотя и сам не раз говорил Рутенбергу о желании выехать за границу: естественно, что Гапон боялся ареста. Назначение

Грепова усилило эти его опасения. Последовали задержания ряда руководящих лиц «Собрания» — были арестованы И.М.Харитонов, В.Иноземцев, Н.М.Варламов, К.С.Усанов, А.Е.Карелин, В.А.Янов и другие³⁷².

Все эти дни с Гапоном был Рутенберг, помогавший ему писать его воззвания и прокламации, редактировавший их³⁷³. В одном из перлюстрированных полицией писем (от 17 января из Петербурга в Киев) говорилось: «Гапон жив и скрывается. Появляются его очень хорошие и сильные воззвания к рабочим и солдатам, в которых он благославляет борющихся, а убийц проклиняет»³⁷⁴. Но время шло, а события подходили к концу: 10 января рабочие Петербурга еще не работали, но на следующий день забастовка пошла на спад.

В эти дни Рутенберг ведет активную подготовку к переправке Гапона за границу. С этой целью Рутенберг едет в Москву и связывается там с Б.В.Савинковым, где последний в это время находился. Вот что об этом в своих воспоминаниях пишет сам Савинков: «Он рассказал мне во всех подробностях то, что произошло в Петербурге, рассказал и про Гапона, упомянув о его желании выехать за границу. Я предложил мой запасной внутренний паспорт и обещал достать заграничный»³⁷⁵.

Сначала Рутенберг организует отъезд Гапона из столицы в одно из имений под Петербургом, но все же сравнительно на далеком от него расстоянии. Вот как это происходило³⁷⁶. Утром 12 января Гапон в сопровождении одной дамы отправился на вокзал Царскосельской железной дороги. Он изменил внешность, был в пенсне, одет в хороший костюм и в великолепной шубе. При себе Гапон на всякий случай имел револьвер. Четырежды он менял направление поездки, пока не прибыл к вечеру в условленное место. Рутенберг снабдил его паролями, явками при переходе границы и за границей, Гапону дали денег. Словом, эсеры всерьез брали «доставку» Гапона за рубеж на себя. Гапон пишет, что он неделю дождался документов из Петербурга³⁷⁷. Савинков, приглашенный Рутенбергом в столицу, прибыл туда из Москвы 12 января³⁷⁸, то есть в день выезда Гапона из Петербурга в деревню, где он временно скрывался от полиции. О паспортах внутреннем и заграничном для Гапона Савинков потом говорил: «Рутенберг через несколько дней отослал тот и другой Гапону, но последний не воспользовался ими: не дождавшись Рутенберга, он ушел из деревни и бежал без паспорта за границу»³⁷⁹.

Гапон объясняет этот свой поступок тем, что приехавший внезапно из Петербурга гонец сказал ему, что полиция напала на след Гапона и поэтому надо немедленно бежать из России; Гапону составили маршрут, дали адрес лица, который должен был перевести его через границу³⁸⁰. Три дня Гапон, по его словам, был в пути и на четвертый добрался к границе; дорога к ней — это целый приключенческий роман детективного жанра со всеми присущими ему атрибутами — погоней, сыщиками, жандармами, шпионами и даже стрельбой³⁸¹.

Конечно, многое из того, что рассказано Гапоном о своей дороге к границе сильно преувеличено, но вместе с тем известно и то, что его, действительно, искали, а на границу империи была послана телеграмма-ориентировка директора департамента полиции следующего содержания. «Священник Георгий Гапон, — говорилось в ней, — роста среднего, тип цыганский, смутный, волосы остриг, бороду сбрил, оставив маленькие усики, нос горбинкой, слегка искривлен, бегающие глаза, на левой руке ниже последнего сустава наружной стороны указательного пальца свежая пулевая рана³⁸², говорит характерным малороссийским акцентом, одет в штатское, может ехать за границу по чужому паспорту, по этим приметам наблюдайте проездом Гапона, общитесь, арестуйте, телеграфируйте. Директор Лопухин»³⁸³.

Рутенберг в своих записках пишет, что он, поскольку стачка в Петербурге пошла на убыль, решил ехать за границу вместе с Гапоном и с этой целью переслал ему необходимые документы, указав одновременно, где и как тот может с ним встретиться в России; Гапон же, как мы знаем, и об этом пишет также и Рутенберг, не дожидаясь известий от последнего, уехал без паспорта и благополучно добрался до Таурогена³⁸⁴. Вдогодку за ним, днем позже, выезжает за границу и Рутенберг³⁸⁵.

Отчего такая поспешность? Разумеется, у эсеров были опасения, что Гапон, испутившись ареста или непривычный к новой для него зарубежной обстановке, может «наломать дров». Отсюда и стремление эсеров быть рядом с Гапоном, не оставлять его бесконтрольным с их стороны. И еще одно соображение: один из лидеров эсеров Е.Ф.Азеф, который к этому времени уже имел солидный стаж «работы» на охранное отделение России, прекрасно знал о Гапоне и его деятельности в Петербурге и, может быть, начинал разыгрывать «свою карту», используя Гапона в качестве прикрытия своей провокаторской работы? Во всяком случае исключать, из числа вполне возможных, такое предположение, думается, нельзя.

Что же касается партии эсеров в целом, то у нее, судя по запискам Рутенберга, были вполне определенные «виды» на Гапона при проведении своей революционной деятельности. Рутенберг по поводу отъезда Гапона за границу пишет: «Целью поездки за границу будет: объединить под влиянием его авторитета организованные и боевые силы социал-демократов и социалистов-революционеров. Для этого он должен оставаться вне партий, не объявлять себя членом какой бы то ни было из них и не возбуждать существующей между ними розни публичным одобрением или неодобрением одной из них»³⁸⁶.

А сейчас мы снова на время расстанемся с Гапоном и возвратимся в Петербург. В день, когда Трепов принимал депутацию путиловских рабочих, о чем его просил Святополк-Мирский, газеты опубликовали сообщение, что император и императрица, «движимые чувством сердечного сострадания к семьям убитых и раненых во время беспорядков» 9 января, «всемилюстивейше соизволили назначить из собственных средств» 50000 рублей «для оказания помощи нуждающимся членам этих семей»³⁸⁷.

А с утра 13 января на улицах Петербурга расклеивалось объявление-воззвание к рабочим, подписанное министром финансов В. Коковцевым и столичным генерал-губернатором свиты его величества генерал-майором Д. Треповым³⁸⁸. Они извещали всех по повелению государя о происшедших событиях. В объявлении говорилось, что рабочие были обманом увлечены неблагонамеренными лицами «на ложный путь», последствием чего «были многочисленные нарушения порядка в столице и неизбежно в таких случаях вмешательство вооруженной силы». Далее в нем подчеркивалось, что «именем рабочих заявлены требования, ничего общего с их нуждами не имеющие», что необходимо вернуться к работе и не обрекать «на нищету самих себя, своих жен и детей», что нужды трудящихся «близки сердцу императора, так же, как и нужды всех его верных подданных», и они будут рассмотрены. В этой связи говорилось, что царь повелел разработать вопрос о страховании, что министерство финансов «готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени и таких мерах, которые дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своих нуждах». «Пусть знают также рабочие фабрик, заводов и других промышленных заведений, — говорилось в заключении обращения, — что, вернувшись к труду, они могут рассчитывать на защиту правительством неприкосновенности

их самих, семейств их и домашнего их очага. Правительство оградит тех, кто желает трудиться, от преступного посягательства на свободу их труда злонамеренных людей, громко взывающих к свободе, но понимающих ее только, как свое право не допускать путем насилия до работы своих же товарищей, готовых вернуться к мирному труду. Трепов распорядился это сообщение распространить на предприятиях во множестве экземпляров. Газеты опубликуют его 15 января. Надо сказать, что уже 13 января часть рабочих на столичных фабриках и заводах приступила к работе, в императорских театрах и на частных сценах спектакли проходили при нормальных условиях³⁸⁹.

С четверга, 13 января, стали выходить и газеты, большинство которых, правда, продолжало хранить молчание по поводу расстрела рабочих. Например, «Биржевые Ведомости» сообщили своим читателям, что их сотрудник Баранский внезапно скончался в воскресенье 9 января, хотя всем столичным журналистам было известно, что его убили у Александровского сада во время расстрела рабочих у Зимнего дворца³⁹⁰. И все же кое-что появлялось в печати. Так, газеты в этот день сообщали, что накануне властями был запрещен банкет профессоров по случаю 150-летия основания Московского университета³⁹¹. Однако и Трепов «не дремал». 13 января он вызвал к себе редакторов газет «Новое Время», «Русь», «Биржевые Ведомости» и «Петербургский Листок»³⁹². Они среди прочих подписали заявление, принятое на совещании редакторов ведущих столичных изданий и адресованном, как известно, Святополку-Мирскому. Трепов «предложил» им снять свои подписи под этим документом, что они и сделали.

В связи с происшедшими в столице событиями, вызвавшими не только волну возмущения как в стране, так и за ее пределами, но и начинавшейся прямой поддержкой и солидарностью с пролетариатом Петербурга других рабочих центров России, правительство сделало попытку доказать, что все эти эксцессы организованы внутренними (интеллигенция, студенты, социалисты) и внешними (японцы) врагами империи.

14 января в «Правительственном Вестнике» публикуется сообщение, в котором говорилось, что беспорядки в Петербурге организованы на деньги англо-японского союза, ассигнованного на эти цели 18 миллионов рублей³⁹³. А «началась» эта информация немного раньше, с Москвы, где великий князь Сергей Александрович приказал расклеить в тысячах экземплярах

но второй столице телеграмму из Лондона некоего Череп-Спиридовича с сообщением об англо-японских миллионах, израсходованных на организацию революции в России³⁹⁴. И только потом это сообщение с полувысочайшей, так сказать, санкции напечатала в Петербурге правительственная газета; потом английский посол даже был вынужден заявить протест³⁹⁵.

А 15 января правительство публикует и по его распоряжению в Петербурге развешивается новое объявление, в котором говорится, что имевшие место инциденты в столице — дело рук англо-японских провокаторов, что японцы передали русским революционерам, либералам и рабочим средства «для организации беспорядков в России»³⁹⁶. Сообщалось и с какой целью это было ими сделано. «Имелось в виду, — говорилось в объявлении, — уничтожить морские заводы; сделать невозможным отправку балтийской и черноморской эскадры; уморить голодом армию Куропаткина; заставить правительство заключить мир, необходимый для Японии накануне ее банкротства»³⁹⁷. В объявлении подчеркивалось также, что эти данные переданы лондонскими корреспондентами и получены Главным штабом и военным министром из Парижа³⁹⁸.

Правительственную версию о том, что беспорядки в Петербурге — дело рук врагов России и организованы они на японские деньги, подхватила и церковь устами митрополита Антония; 14 января Святейший Синод принял в Петербурге послание, которое 16 января было опубликовано и расклеено по всей столице³⁹⁹. В нем говорилось о новых «испытаниях» России, о созданной внутренними и внешними подстрекателями смуте в стране и в заключение содержался призыв к рабочим «беречься ложных советчиков, наемников врага». Относительно Гапона в послании подчеркивалось: «Преступные подстрекатели простых рабочих людей, имея в своей среде недостойного священнослужителя, дерзновенно поправшего святыне обеты и ныне подлежащего суду церкви, не устыдились дать в руки обманутым ими рабочим насильственно взятые из часовни честный крест, святыне иконы и хоругви, дабы под охраной чтимых верующими святынь вернее вести их к беспорядку, а иных на гибель».

16 января министр финансов В. Коковцев в написанном им новом докладе царю говорит, что с вечера 13 января «в рабочей среде начало проявляться некоторое успокоение, которое еще яснее выразилось 14 и 15 января, что в столице упорствуют лишь предприятия Выборгской стороны, откуда пошло развитие гапоновской организации»⁴⁰⁰.

Правительство, сановники, да и трон понимали, что надо было восстанавливать доверие общественности, широких масс к престолу, резко подорванному расстрелом рабочих 9 января. Общественность по-прежнему не успокаивалась, ее не удовлетворили официальные куцые объяснения происшедшей в столице трагедии. 16 января общее собрание присяжных поверенных Петербурга избрало так называемую «анкетную комиссию» по поводу событий 9-11 января в столице⁴⁰¹. В нее вошли А.Турчанинов в качестве председателя и члены комиссии — М.Винавер, О.Грузенберг, В.Люстик, А.Пассовер, П.Потехин, Л.Слонимский и другие. Комиссия должна была по специально разработанной анкете, отчего и произошло ее название, проанализировать причины событий, их характер, определить виновников кровопролития.

Мы к ней больше не вернемся, а поэтому скажем лишь два слова о проделанной ею работе. Она распространит опросные листы среди участников и свидетелей трагедии 9 января, соберет у них около 300 записей, в мае 1905 года выпустит из печати свой доклад, основанный на рассказах очевидцев, но эта книга будет сразу же конфискована властями. Ее лаконичные и сжатые характеристики пришлось, разумеется, им не по вкусу. Вот, например, что заявит комиссия, подытоживая происшедшее в районе Невского проспекта: «Днем, 9 января, без всякого законного повода стреляли, вечером — рубили, а в последующие два дня просто били»⁴⁰².

Правительство вместе с двором принимали определенные меры по восстановлению потерянного доверия общества и народа. 18 января крупные сановники на своем совещании пришли к выводу о необходимости царского манифеста, который «должен быть обязательно прочитан в церквях»; при голосовании за такой манифест высказалось 14 человек и 9 — против⁴⁰³.

В тот же день в 2 часа дня Трепов пригласил к себе заводчиков и фабрикантов, на чьих предприятиях было от 1000 и более работающих, и предложил им к 7 часам вечера того же дня представить ему список фабричных, которые могут быть допущены к царю, пожелавшего с ними встретиться⁴⁰⁴. Генерал-губернатор распорядился также о том, чтобы владельцы предприятий отобранных ими лиц, которых проверит и охранное отделение, доставили 19 января в 12 часов дня к Зимнему дворцу, откуда они и направятся уже к царю⁴⁰⁵.

Итак, 19 января Николай II принял депутацию рабочих. И мы расскажем сейчас вам, как она формировалась, как прошел

ее визит к царю, что вообще происходило вокруг этой рабочей диспутации⁴⁰⁶.

Депутацию сформировали из 34 человек. Вскоре Гусев напишет Ленину письмо, в котором будет и абзац об этой делегации. «Депутат от путиловцев, — подчеркнет Гусев, — был изловлен при посредстве полиции, которая взяла его на квартиру, отвезла в охранку, а оттуда он уже был переправлен в Царское Село и, таким образом, из арестованного превратился в депутата. Путиловцы страшно возмущены этой комедией и повсюду с негодованием заявляют, что никакого депутата они не выбирали, что на них клеветают и т.д. То же было и на некоторых других заводах. ...рабочий Сорокин (список депутатов можете найти в «Нов.Врем.») — завсдомый шпион. Положение депутатов теперь крайне опасное, везде рабочие грозятся их убить или, по крайней мере, избить»⁴⁰⁷.

Депутация из 34 человек сначала собралась в Зимнем дворце, откуда ее провели в Царскосельский павильон, посадили в экстренный поезд и привезли в Царское Село. После прибытия депутаты проследовали в Царскосельский Александровский дворец, в Портретный зал, где и выстроились в ожидании выхода царя. Ровно в 3 часа дня к ним в сопровождении министров и чинов свиты вышел Николай II; на встрече были также Трепов и Коковцев. Рабочие приветствовали государя. Этот момент приема царем рабочих А.Спиридович описывает следующим образом: «Когда державший от рабочих речь высказал пожелание, чтобы хозяева делились с ними частью прибыли, государь разъяснил им, что приказать этого он не может, как не может приказать и рабочим брать меньшую заработную плату; не может приказать работать или не работать и т.д., что это дело частного соглашения двух сторон. Рабочие согласились с доводами государя, высказали государю, что они понимают это хорошо»⁴⁰⁸.

Настала очередь царя обратиться к депутации рабочих с речью. Проект ее составил Трепов, и первоначальный текст был довольно резким, но для печати его несколько обработали, сгладив резкие углы. В официальном сообщении говорилось, что «его величество государь император... осчастливил депутацию рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик... следующими милостивыми словами»⁴⁰⁹.

Мало сегодня найдется в нашей стране людей, которые могут сказать, что они хоть что-то знают об этой речи самодерж-

ца российского Николая II, обращенной к депутации рабочих, и поэтому мы приведем ее дословно. «Я вызвал вас для того, — начал он, — чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам. При- скорбные события с печальными, но неизбежными последст- виями смуты произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменникам и врагам нашей родины.

Приглашая вас идти подавать мне прошение о нуждах ва- ших, они поднимали вас на бунт против меня и моего правитель- ства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны, дружно и не покладая рук, работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработ- ную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неиз- бежно вызывает и неповинных жертвы.

Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многого надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести пони- маете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежную толпою заявлять мне о своих нуждах — преступно.

В попечениях моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспе- чить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд.

Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколеби- мую преданность их мне, а потому прощаю им вину их.

Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благосла- вясь принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет бог вам в помощь».

И опять-таки здесь проходит, хотя и вскользь, мысль о по- исках правительством путей решения рабочего вопроса.

Социал-демократическая печать России тех дней писала, что иностранные газеты, излагая правительственное сообщение о приеме Николаем II рабочей депутации, отмечали пропуск од- ного места из царской речи, которую государь, выйдя к депута- там, прочитал по бумажке⁴¹⁰. В изложении зарубежной прессы этот выпущенный «кусочек» из царской речи гласит: «Что вы ста- нете делать со свободным временем, если будете работать не более восьми часов? Я, царь, работаю сам 9 часов в день, и моя работа напряженнее, ибо вы работаете для себя только, а я ра- ботаю для вас всех. Если у вас будет свободное время, то буде-

не заниматься политикой; но этого я не потерплю. Ваша единственная цель — ваша работа»⁴¹¹.

Как же работал царь в дни расправы над рабочими? В «Правительственном Вестнике» в эти дни было опубликовано два его указа: один о назначении Трепова генерал-губернатором Петербурга и Петербургской губернии, а другой — о предоставлении обер-прокурору Святейшего Синода Победоносцеву права носить при так называемых «больших выходах» царя во дворце... штаны(!) с особенными красными лампасами⁴¹².

Но вернемся к присму депутации царем. После его речи рабочие низко поклонились и вышли. Сначала они посетили Знаменскую церковь, а затем прошли в дом Лицея, «где было для них приготовлено угощение», и они были накормлены обедом⁴¹³. Печать потом сообщала: «Довольные, счастливые, с веселыми лицами возвращались рабочие в Петербург, унося неизгладимое навеки впечатление о царском приеме и твердо запечатлев царевы слова»⁴¹⁴. Так писали сравнительно левые газеты «Наша Жизнь» и «Наши Дни», которые незадолго до этого не смели поместить даже траурную рамку в связи с трагедией в столице, не говоря уже о петиции рабочих⁴¹⁵.

В этот же день В.Коковцев вновь делал доклад царю, в котором затрагивал вопрос о положении в Петербурге, в стране⁴¹⁶. Он изложил историю собрания рабочих организаций при содействии полиции в Москве, Минске, Одессе, а затем и в Петербурге, где рабочий союз возглавил Гапон. Коковцев говорил о необходимости удовлетворить ряд требований рабочих, о новом подходе к их забастовкам с учетом опыта в этой области в западноевропейских странах. Другими словами, трагические события в Петербурге заставляли правительство думать о новых подходах к решению социально-экономических и политических проблем России.

После такой активной работы в течение дня государь император соизволил записать в свой дневник: «...Принял депутацию рабочих от больших фабрик и заводов Петербурга, которым сказал несколько слов по поводу последних беспорядков. Принял Булыгина, который назначается министром внутренних дел... Вечером пришлось много читать; от всего этого окончательно ослаб головой»⁴¹⁷.

Вместе с опубликованием сообщения о приеме царем рабочей депутации газеты писали и о пожертвовании царским семейством 50 тысяч рублей в пользу пострадавших. Вслед за го-

сударем сразу же началось выделение средств на пособия потерпевшим рабочим и со стороны других организаций. Так, Петербургская городская дума ассигновала на эти цели 25 тысяч рублей, Одесская — 5 тысяч, Тверское земство — 5 тысяч рублей⁴¹⁸. Немедленно откликнулись заводчики и фабриканты Петербурга в целом. Их собрание, следуя версии властей, пришло к заключению, что «рабочие были вовлечены» в беспорядки «причинами внешними и притом не экономического характера»⁴¹⁹. Понимая, что в накаленной в столице атмосфере какие-либо придирки к рабочим могут закончиться социальным взрывом, собрание действовало предельно осторожно, приняв ряд стабилизирующих обстановку решений. Петербургские заводчики и фабриканты договорились, что не будут применять в отношении рабочих правил о штрафовании за прогульное время. Они решили не принимать меры к обнаружению зачинщиков и главарей стачки, а также не применять к ним особых карательных санкций. Они постановили собрать средства на пособия семьям рабочих, пострадавших во время беспорядков 9 января, договорившись, что с этой целью каждое предприятие будет делать взнос в зависимости от числа занятых на нем людей, но в целом в размере до 20 копеек на каждого работающего⁴²⁰.

Конечно, пособия потерпевшим семьям рабочих, хотя и не решали их проблем, но все же были как нельзя более кстати. Тем не менее рабочие отнеслись к ним сдержанно, особенно в отношении «царской милостыни», от которой в большинстве случаев они демонстративно отказывались. Что же касается «депутатов» к царю, то им приходилось прежде всего заботиться о том, чтобы избавиться от насмешек, презрения и просто угроз быть побитыми своими же товарищами рабочими. Некоторые из них старались вообще покинуть Петербург, другие — переменить фамилию. Рабочие прозревали довольно быстро. Кстати, само правительство им в этом помогало: уже вскоре после расстрела в Петербурге, аналогичные акции, но в несколько измененной форме и в меньшем масштабе, были повторены в Варшаве, Вильно, Риге и в других городах России. Это еще раз говорило за то, что трагедия в столице была не случайной: престол, сановники искали пути укрепления своих позиций.

Разумеется, разные силы представляли это «укрепление» по-разному. Одни видели выход в закручивании гаск. Другие, как, например, московские заводчики и фабриканты, в предоставлении «сверху свободы пострадавшемуся в неволе духу»⁴²¹, то

есть в предоставлении обществу определенной дозы демократических прав и свобод.

Об этом же свидетельствовали и перестановки в правительстве, усиление исполнительной власти. Так, оставляет свой пост «по болезни» министр внутренних дел Святополк-Мирский, получает назначение послом в Рим министр юстиции Муравьев (за несколько дней до отставки на него, по словам Б.Савинкова, была сделана неудавшаяся попытка покушения⁴²²). По распоряжению властей с репертуара снимается пьеса М.Горького «Дачники»... Правда, правительство одновременно предпринимает и шаги с целью устранения из рабочего движения организаций типа зубатовских и гапоновских. «Случившееся несчастье, — говорилось в постановлении правительства в связи с трагедией в Петербурге, — непоправимо. Но тем большее значение должен иметь опыт, полученный столь тяжелой ценою; и последствия его должны быть достаточны, чтобы навсегда покончить с мыслью о возможности вмешательства полицейской власти в сферу экономической жизни»; именно в это время Трепов и выступает с проектом создания правительственной комиссии, целью которой было объявлено «безотлагательное выяснение причин недовольства рабочих в г.С.-Петербурге и его пригородах и изыскание мер к устранению таковых в будущем...»⁴²³

Но не будем слишком далеко отходить от нашей темы. Скажем лишь, что такая комиссия была образована, возглавил ее сенатор Н.В.Шидловский, в нее должны были войти не только назначенные правительством лица, но и выборные от рабочих. Однако некоторые предъявленные ими требования не были удовлетворены Шидловским, и комиссия вскоре была распущена высочайшим указом.

Очень коротко о деятельности социал-демократов в эти дни. Рассматривать мы ее будем только под тем углом зрения, который помогает освещать нашу тему. Большевистский Петербургский комитет РСДРП выпускал в трагические для столицы дни листки о событиях в Петербурге. Конечно, они в то время печатались спешно, без предварительной проверки полученных сведений. Естественно поэтому, что и освещение событий в них давалось не всегда правильное, но в целом оно было верным по-существу. К тому же эти листки были единственными печатными изданиями, говорившими о происходившем в Петербурге тогда, когда все газеты молчали.

В эти дни, последовавшие непосредственно за расстрелом рабочих, социал-демократические организации выпустили 7 листов, в которых подробно, день за днем, излагались происходящие в Петербурге события⁴²⁴. Все они, за исключением 4-го листка, изданы большевистским Петербургским Комитетом РСДРП. Что же касается четвертого листка, то он был издан за подписью Исполнительного Комитета РСДРП объединенных организаций — большевистского Петербургского Комитета РСДРП и меньшевистской Петербургской группы при ЦК РСДРП; в дни событий в столице они заключили временное соглашение для совместного выпуска листовок и объединения средств, но уже через несколько дней этот «союз» распался, и вину за это несут обе стороны⁴²⁵. Петербургским Комитетом РСДРП в эти дни были изданы также и другие материалы, касающиеся трагедии в столице: ряд обращений к рабочим, в частности продолжать стачку и с призывом к восстанию; обращения к солдатам, к офицерам; ряд прокламаций с разоблачением версий правительства о причинах трагедии в Петербурге; бюллетень о забастовках в стране в знак протеста против расстрела рабочих в столице и другие на аналогичные темы⁴²⁶.

Во всех этих материалах Гапон не упоминается, кроме первого листка, где говорится о том, что он возглавил рабочих, шедших от Нарвской заставы к Зимнему дворцу и встреченных залпами⁴²⁷. Естественно, что он ни в чем и не обвиняется. Кстати, в листке Московского Комитета РСДРП, в котором рассказывалось о расстреле петербургских рабочих, также ничего не говорилось о Гапоне⁴²⁸.

И еще на один документ того периода мы хотели бы обратить внимание читателей. Речь идет о заявлении большевистского так называемого Бюро комитетов большинства от 21 января 1905 года. Оно занималось среди прочих и вопросом подготовки съезда партии. Так вот, в этом заявлении, говоря о начале революции в России, о том, что пролетариат Петербурга подал сигнал к ней, в то же время без всяких прикрас показывалось неприглядное положение в партии. «Перед рабочей партией выступает новая задача, — подчеркивалось в документе, — небывалая по своей важности и трудности. Эта задача политического руководства рабочим классом во время революции, задача — найти и провести в жизнь общую тактику, при которой с наименьшей затратой драгоценной крови пролетариата им были бы достигнуты наибольшие политические и экономиче-

ческие завоевания в предстоящей ломке общественного строя России. В силах ли партия такая, какая она есть, разрешить эту задачу? Всякий честный член партии должен открыто сказать: «нет». — Незачем доказывать это: фактов слишком много, они слишком известны. Довольно одного, самого яркого, самого ужасного. В Петербурге, главном центре, где собрана масса партийных сил — и лучших сил, — руководство движением в январские революционные дни принадлежит не партии, а совершенно чужому партии лицу — священнику, с группой полусознательных людей, слепо в него верящих, увлеченных его религиозным, утопическим энтузиазмом. В эти дни буржуазные группы оппозиции отказываются признать соц.-демократию законной представительницей пролетариата, ссылаясь на ее внешнюю слабость, на отсутствие в ней единства: они даже пользуются случаем завязать самостоятельные связи в рабочей среде, надеясь получить политическое влияние на нее и использовать ее в своих интересах. Это небывалое унижение партии. Так долгие нельзя. С этим надо кончать. Партия должна сделать себя достойной своей великой идеи»⁴²⁹. Выход, по мнению Бюро комитетов большинства, заключается в созыве съезда партии.

Выше мы говорили, что социал-демократия в связи с событиями 9 января не упоминала о Гапоне. Это относилось первоначально и к международной социал-демократии. Так, о Гапоне не упоминалось и в обращении Исполнительного Комитета Международного Социалистического Бюро к рабочим всех стран в связи с расстрелом 9 января в Петербурге; документ подписали Эмиль Вандервельде, Эдуард Анселе и Виктор Серви⁴³⁰.

Точку зрения Бюро комитетов большинства на положение дел в партии в общем разделяли и меньшевики. Например, в 85 номере «Искры» представители меньшевистской организации социал-демократов писали, что социал-демократам невозможно было в январские дни удержать рабочих от шествия к царю⁴³¹. А вот как впоследствии характеризовал роль партии в январские дни в столице член петербургской организации меньшевиков социал-демократов С.Сомов (Пескин). «Об участии социал-демократии в январских событиях, — заявлял он, — существует в литературе два совершенно противоположных мнения. Одни — противники социал-демократической партии — утверждают, что январские события прошли без всякого ее участия и влияния, что она не только не была причастна к подготовке движения, но что роль ее даже в самые январские

дни равна нулю. Напротив в социал-демократической прессе можно было читать такие описания указанных событий, на основании которых легко вывести заключение, что социал-демократия была душой движения, что, если лозунги и требования рабочих росли и оформились в процессе событий, то это произошло благодаря растущему влиянию социал-демократии. Мы склонны думать, что то и другое мнение одинаково далеки от истины»⁴³².

Думается, мы будем недалеки от нее, если скажем также, что положение в социал-демократии отражалось на настроениях рабочих. В 88 номере «Искры» по этому поводу подчеркивалось: «После 9-го замечается сильный упадок духа в рабочей среде и реакция. Серая масса говорила, что Гапон обманул ее, и правительственная клевета о 18 миллионах, и о том, что Гапон переодетый студент, и что студенты обманули народ для своих выгод — нашла себе почву. Настроение было такое подавленное, что сознательные рабочие отказывались разубеждать и махали рукой: «все равно не поймут»⁴³³. И далее подчеркивалось, что «на работу они являлись в подавленном, часто даже приниженном настроении духа»⁴³⁴. Практически в Петербурге к 15 января забастовка заканчивается⁴³⁵.

Словом, из всего этого вытекал только один вывод: влияние социал-демократической организации в Петербурге на ход событий в январские дни было очень незначительно. И если пролетариат в эти дни совершал историю и не без социал-демократии, то во всяком случае не социал-демократия была вождем движения.

В самом деле, организация меньшевиков была узкой пропагандистской группой, включавшей три сотни членов, в основном молодых людей⁴³⁶, не пользовавшихся авторитетом среди широких рабочих масс, группой, не улавливавшей настроения этих масс, не выражавшей их нужд и потребностей.

Что же касается большевистской социал-демократической организации, то ей были свойственны те же недостатки, что и меньшевикам. Как помнит читатель, в Петербурге развивалось с начала января забастовочное движение, нарастала какая-то неизвестная, огромная народная волна, а большевистский социал-демократический комитет столицы продолжал жить своей обособленной жизнью. Квалифицировав гапоновское движение, как зубатовское, он сделал это как будто раз и навсегда и был даже не в состоянии уловить, что на Путиловском заводе

не простая стачка, а движение, связанное самыми тесными узами со всеми гапоновскими отделами, со всем стачечным движением всего петербургского пролетариата. Конечно, и у большевистского комитета были связи на Путиловском заводе, но насколько они давали возможность влиять на ход событий, видно хотя бы из того, что когда ораторы из большевиков попадали на собрание путиловских рабочих, организованное Гапоном, и пытались там выступать, то их просто не слушали, а если они начинали разбрасывать листовки, их удаляли из помещения сами же рабочие⁴³⁷.

Говоря о роли социал-демократии в январские дни, о ее отношении к Гапону, нельзя не привести и оценок Ленина по этим вопросам. Первая оценка петербургской стачки дана им уже 8 января в статье, которая была опубликована в 3 номере газеты «Вперед»⁴³⁸. Немного позже, в 4 номере газеты «Вперед», он дает уже целый блок материалов, состоящий из статей и заметок, большинство из которых шли под общим заголовком «Революционные дни» и где Ленин широко использовал сообщения иностранной печати⁴³⁹. При этом он в этих материалах, хотя и находился далеко от места событий, в Швейцарии, не склонен был рассматривать Гапона как полицейского агента, изображать его черными красками. Ленин называет Гапона вождем петербургских рабочих, веривших до 9-го января в царя, а после расстрела ответивших устами Гапона, что у них «нет больше царя»⁴⁴⁰. Ленин высказывает мысль, что «Гапон мог быть бессознательным орудием» плана властей вызвать на «выступление наиболее неподготовленных рабочих», дабы преподать им урок, который стал бы наглядным для всех остальных слоев трудящихся⁴⁴¹. И исходя из этих своих соображений, Ленин делает следующее предположение о фигуре Гапона: «Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению, тем более, что письма Гапона, написанные им после бойни 9 января о том, что «у нас нет царя», призыв его к борьбе за свободу и т.д., — все это факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания»⁴⁴².

Кстати, в прокламации к крестьянам, которая была выпущена ЦК РСДРП, находившимся в руках меньшевиков, давалась

приблизительно аналогичная характеристика Гапону. Говоря о шествии к Зимнему дворцу, в ней подчеркивалось: «С рабочими шел честный молодой священник Георгий Гапон. Он стоял за рабочих. Среди множества жадных петербургских попов, нашелся один лишь бескорыстный друг народа»⁴⁴³.

Далее Ленин в одной из статей этой серии напоминает, что в Англии в первой половине прошлого века, когда рабочие протестовали против запрещения их союзов, к оружию их призывал пастор Стивенс. Вот и «у нас в России, — подчеркивал Ленин, — во главе движения тоже оказался священник, который за один день перешел от призыва — идти с мирным ходатайством к самому царю — к призыву начинать революцию»⁴⁴⁴. Но это, продолжал Ленин, «не священник Георгий Гапон говорит, это его устами говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку», но сейчас уже они больше не верят⁴⁴⁵. И Ленин указывает, что рабочие до 9-го января были способны «только просить и умолять» власти о чем-либо, включая и царя. «Их чувства и настроение, их уровень знания и политического опыта, — подчеркивал Ленин, — выразил свящ. Георгий Гапон, и в этом состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому неизвестный, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати»⁴⁴⁶.

Вполне естественно, что необычность обстановки, когда во главе движения встает священник, и объясняет, почему вначале петербургские социал-демократы с недоверием отнеслись к Гапону. «Человек, носивший рясу, веривший в бога и действовавший под высоким покровительством Зубатова и охранного отделения, не мог не внушать подозрений, — писал Ленин. — Искренне или неискренне рвал он на себе рясу и проклинал свою принадлежность к подлому сословию, сословию попов, грабящих и развращающих народ, этого не мог с уверенностью сказать никто, кроме разве людей, близко знавших Гапона, т.е. кроме ничтожной горстки людей. Это могли решить только развертывающиеся исторические события, только факты, факты и факты. И факты решили этот вопрос, — заключал Ленин, — в пользу Гапона»⁴⁴⁷.

Социал-демократы не поддерживали, конечно, «наивных иллюзий насчет возможности мирного ходатайства» перед ца-

рем рабочих во главе с Гапоном, они отстаивали свои взгляды, свою тактику, «и история, которую творили рабочие массы без социал-демократии, подтвердила правильность» этой ее линии, «логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок, наивностей и иллюзий Гапона»⁴⁴⁸.

В заключение Ленин подчеркивает, что рабочие, веря в царя, «не могли идти на восстание», но после 9-го января они «пойдут на восстание», т.е. уроки «царя-батюшки» не пропали для них даром⁴⁴⁹. Любопытно в этом смысле одно из перлюстрированных полицией писем, посланного 22 января из Петербурга в Полтаву. «Для петербургских рабочих, — говорилось в нем, — сделалась совершенно ясной необходимость бороться за свои права с оружием в руках, после того как они поняли, что царь и самодержавие вообще не дадут им ничего... Депутации рабочих (набрали, между прочим, в эту депутацию почти сыщиков) он сказал, что и впредь всякого рода коллективные заявления и т.п. будут подавляться военной силой. Лучше этого сказать было нельзя»⁴⁵⁰.

И рабочий класс, действительно, поднимался на борьбу против самодержавия. По приблизительным данным, в январе 1905 года, после трагических событий в Петербурге, забастовки и выступления солидарности с рабочими столицы, политические и экономические стачки трудящихся проходили в 122 городах и местечках Российской империи, охватили ряд рудников Донецкого бассейна, затронули 10 железных дорог страны⁴⁵¹. 7 января, накануне расстрела рабочих в Петербурге, Петр Струве в своем заграничном органе «Освобождение» писал, что «революционного народа в России еще нет»⁴⁵². В этой связи Троцкий, напоминая об этих словах П.Струве после 9 января, подчеркивал: «И не успело еще это заявление дойти до России, как телеграфная проволока разнесла во все концы мира великую весть о начале русской революции»⁴⁵³.

Глава третья

КОГДА ДОГОРАЮТ СВЕЧИ

9 января 1905 года стало лервым днем русской народной революции. Л.Троцкий писал в эти дни: «Петиция была только введением к действию, которое объединило рабочие массы призраком идеальной монархии, — объединило для того, чтобы тотчас же противопоставить пролетариат и реальную монархию, как двух смертельных врагов»¹. В то же время с этой датой оказалось навсегда связанным имя священника Георгия Гапона, который стал героем дня, а петербургские рабочие послужили для него подножием, пьедесталом.

Европейское общество и русские эмигрантские колонии впервые услышали имя Гапона за несколько дней до 9 января. Оно появилось в печати как-то совершенно неожиданно, было связано почти с полуфантастическими рассказами о роли и деятельности новоявленного вождя петербургского пролетариата, и все это до того не вязалось со всем «привычным» ходом революционного движения, должного развиваться по раз и навсегда выведенным теоретической мыслью общественным законам, до того казалось странным и необычным, что у многих поначалу возникали вполне естественные сомнения в реальности существования и самого священника Гапона, и его рабочей организации. Вполне понятно поэтому, что когда о трагедии 9 января узнали в Европе, то эти события также явились для нее полной неожиданностью. А.В.Луначарский, находясь в это время в Женеве, писал спустя много лет о русской колонии, что «вся эмиграция пришла в неслыханное волнение»².

Иностранная печать разносила имя Гапона по всему свету. Газеты писали, что он то ли убит, то ли ранен, то ли арестован и находится в Петропавловской крепости. Было пока совер-

шенно неясно, началась ли в России революция, и если да, то как понимать, что во главе ее находится священник? Действительно, причины для волнения были. Уже утром 10 января по улицам Женевы, особенно в предместьи, где компактно проживали эмигранты из России, ходили группы возбужденных русских с газетами в руках, эмоционально обсуждая только что вычитанные из газет сообщения о событиях в Петербурге. Короткие телеграммы не вносили никакой ясности в происходящее на родине, они лишь раздражали, вызывая всевозможные догадки и предположения. Однако все понимали, что там, в далекой России, свершилось что-то очень серьезное, сдвинувшее со старых позиций прежнее течение жизни, ведущее к каким-то еще непонятным, но уже вполне ощущаемым переменам в условиях борьбы.

Вот что рассказывает об этом дне Н.К.Крупская³. О событиях в Петербурге мы в Женеве узнали на следующее утро. Когда шли с Владимиром Ильичем в библиотеку, по дороге встретили чету Луначарских, шедших к нам. Анна Александровна от волнения не могла говорить. Вместе пошли туда, «куда инстинктивно потянулись» большевики, узнавшие о петербургских событиях, — «в эмигрантскую столовку Лепешинских». Все собравшиеся были взволнованы, «всех охватило сознание, что революция уже началась». Жить стали от одного выпуска местной газеты до другого.

В столовой обменялись мнениями об организации совместно с меньшевиками митинга по поводу начавшейся в России революции; Ленин предложил договориться с меньшевиками о председательствовании на митинге беспристрастного лица, от каждой социал-демократической группы выступить только по одному оратору, не касаться в своих речах фракционных разногласий⁴. На следующий день, 11 января, Ленин написал заметку о начале революции в России⁵.

Прошло еще три дня, и 13 января в Женеве, в местном цирке Ранси, состоялся большой международный митинг солидарности с пролетариатом России⁶. «Меки» и «беки»⁷ долго преспирались, кому из русских быть в президиуме митинга, но в итоге сошлись на кандидатуре В.И.Засулич. Слушателей было тысячи три. Выступали представители социалистических партий в России и за рубежом, в основном говорили русские ораторы, в том числе Троцкий, Луначарский, Ленин, Ф.И.Дан и другие. До начала митинга Ленин беседовал с Луначарским о характере его

выступления. Кстати, Луначарский говорил на французском языке, Троцкий — на немецком. Многие из выступавших русских ораторов со стороны «меков» и эсеров старались убедить присутствующих в приоритете своей партии в событиях 9 января. И здесь не обошлось без маленького «скандала». Выступавший Дан изменил предварительной договоренности и стал полемизировать с большевиками, и в знак протеста Ленин и большевики покинули зал. Что же касается личности Гапона, то об этом говорили мало, так как о нем вообще никто и ничего определенного пока не знал.

На следующий день, 14 января, «беки» устроили в Женеве свое собрание, на котором заслушали сообщение Ленина о событиях в Петербурге, а затем пошли манифестировать по улицам, что привело к неприятностям с женевской полицией⁸. В последующие дни слухи о Гапоне, о месте его пребывания продолжали волновать общество. Но вот пошел слух, что Гапон жив, что он находится за границей, и толпы журналистов бросились его искать: в газетах сразу же стали появляться сообщения о местонахождении Гапона в разных европейских городах.

Мы оставили с вами Гапона в Таурогене, где он пришел в дом, рекомендованный ему еще в Петербурге⁹. Встретившие его там люди принадлежали к Литовской социал-демократической лиге, которые дали Гапону паспорт, а один из них сопровождал его через Тильзит до Берлина, откуда Гапон намеревался перебраться в Швейцарию, опасаясь, что в Германии его могут арестовать и выдать русским властям. Переночевав в Берлине, Гапон через сутки был в Швейцарии.

Гапон появился в Женеве в конце января 1905 года¹⁰. По словам Рутенберга, он два дня бродил по Женеве, не зная языка и не найдя тех лиц, адреса которых от него получил, пока в одно февральское утро не заявился на квартиру Г.В.Плеханова; по некоторым данным, бродя по Женеве, Гапон случайно попал в русскую студенческую библиотеку, «открылся» там одному из библиотекарей, оказавшемуся социал-демократом, который и отвел его к Плеханову¹¹. Этот визит к Плеханову, с которым Гапон, по словам Троцкого, виделся несколько раз¹², сам по себе представлял большой интерес. Во-первых, это была все же встреча патриарха марксизма в России и первого человека оттуда, где началась первая народная революция, и ее начало было связано с именем этого человека, Гапон был как бы первым лицом российской революции. Ну, а во-вторых, это

была все же первая их встреча, которая всегда накладывает свой отпечаток на дальнейшие отношения. Поэтому, думается, о ней следует рассказать по-подробнее.

Плеханов лежал больной в постели, рассказывает об этой встрече Л.Дейч, и никого не принимал¹³. Об этом и сказали пришедшему, не пожелавшему себя назвать. Гапон потом рассказывал, что его поразили комфорт и даже определенная роскошь, в которой жил один из лидеров социал-демократов, что переговоры в приемной с одной госпожой о его допуске к Плеханову длились около часа¹⁴. Продолжая свой рассказ, Л.Дейч писал, что Гапон стал настаивать на допуске к Плеханову, и его ввели в комнату больного, где он и назвал себя¹⁵.

Плеханов обрадовался приходу Гапона. Из их разговора выяснилось, что адрес Плеханова Гапону дали еще в России, и поэтому с вокзала он, Гапон, направился прямо к нему. Думается, здесь Гапон слукавил: ведь, по словам Рутенберга, после прибытия в Женеву Гапон два дня искал контакты с нужными ему людьми, прежде всего с эсерами, которые и организовали его отправку за рубеж. Далее Л.Дейч повествует, что с согласия гостя Плеханов тут же уведомил о прибытии Гапона своих коллег, вскоре пришедших к нему домой — В.И.Засулич, П.Б.Аксельрод, Ф.И.Дан (Гурвич)... Вместе с Плехановым они возглавляли в этот период «Искру». Естественно, что всех интересовал человек, имя которого уже облетело мир. Во время общей беседы Гапон объявил себя социал-демократом, а когда его спросили, вспоминал впоследствии Л.Дейч, не хотел бы он, чтобы в центральном органе немецких социалистов было сообщено «о его благополучном приезде за границу, а также и о том, что он разделяет воззрения с.-д. партии», то Гапон «настойительно просил послать это известие»¹⁶.

Рутенберг в своих воспоминаниях также пишет, что принятый Плехановым Гапон объявил себя там социал-демократом, а на вопрос, можно ли об этом сообщить Каутскому и в редакцию газеты «Форвертс», ответил, что «можно не только написать, но даже телеграфировать», что и было сделано¹⁷.

А вот рассказ самого Гапона о его первой встрече с Плехановым. «Когда лидер партии, — говорил Гапон, — узнал, кто я — он заключил меня в свои объятия, горячо расцеловал, усадил и объявил, что я самый дорогой и почетный его гость. Как по мановению волшебного жезла, в миг все изменилось ко мне в этом доселе суровом и неприступном для меня доме. Мне не-

медленно отвели отдельную комнату, накормили, напоили. Словом, приютили, как самого близкого человека»¹⁸. А вечером, продолжает Гапон, созвали собрание, на которое пришла в полном составе редакция «Искры», а также чуть ли не вся местная колония¹⁹. Гапон кое в чем, конечно, прихвастнул, особенно что касается эмоциональных излияний чувств Плехановым при виде гостя из России.

Через день после визита к Плеханову Гапон встретился с прибывшим в Женеву Рутенбергом²⁰. И здесь давайте вернемся несколько назад, в Россию. Мы знаем, что вскоре после 9 января Рутенберг выехал из Петербурга в Москву, где встретился с Савинковым, знавшим его еще со студенческих лет, для разговора об отправке Гапона за границу; договоренность об этом была достигнута²¹. Рутенберг звал Савинкова в Петербург, где, по его мнению, можно было ожидать еще более значительных событий, и Савинков, посоветовавшись с членами боевой организации эсеров И.П.Каляевым (в начале февраля 1905 года он убьет Московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, будет арестован на месте и вскоре по приговору суда повешен в стенах Шлиссельбургской крепости), Моисеенко и Бриллиант, решил посетить Петербург, чтобы на месте убедиться в возможности чем-нибудь помочь выступлению рабочих²².

В Петербург Савинков и Рутенберг прибыли 12 января, то есть в тот день, когда Гапон начал свой путь за границу²³. Савинков по прибытии в столицу немедленно разыскал Швейцера, который подтвердил ему все сказанное о событиях в Петербурге Рутенбергом, «но прибавил, что, по его мнению, никаких выступлений в ближайшем будущем быть не может, что рабочие обессилены потерями, и что все попытки поднять упавшее движение неизбежно окончатся неудачей»²⁴. 15 января Савинков и Рутенберг возвратились в Москву²⁵. Надо полагать, что они в это время уже оба знали о самостоятельном отъезде Гапона за границу. Савинков об этих днях вспоминает: «Рутенберг, бывший до сих пор вне партии, выразил теперь желание вступить в партию социалистов-революционеров, и, получив от нас партийные пароли и заграничные явки, уехал за границу»²⁶. Кстати, Рутенберг вместе с Савинковым ранее был членом групп «Социалист» и «Рабочее Знамя», оба они привлекались по этим делам, и Рутенберг после предварительного заключения был выпущен на свободу под полицейский надзор и

поступил работать на Путиловский завод²⁷. Думается, что одна из партийных задач с этого времени заключалась в том, чтобы быть рядом с Гапоном, опекать его.

В дни, когда Рутенберг был еще в России, Гапон вновь «напомнил» о себе. Видимо, когда он пробирался к границе, им было написано воззвание «Ко всему крестьянскому люду»; оно датировано 15 января и получило, вероятно, распространение в Петербурге²⁸. В нем Гапон рассказывает, как рабочие готовились идти с петицией к царю, приводит ее целиком, объясняет, чем закончилось шествие рабочих. Далее он призывает крестьян к вооруженному восстанию с целью низвержения существующего строя царя, помещиков, чиновников, попов. Характерно, что здесь же Гапон говорит о необходимости для крестьян верить социалистам-революционерам, то есть эсерам. В заключение Гапон подчеркивает: «Широким потоком вооруженного народного восстания прокатимся по всей русской земле, сметем всю нечисть, всех гадов смердящих, подлых ваших угнетателей и стяжателей!

Разобьем в дребезги правительственный насос самодержавия, — насос, что кровь нашу из жил тянет, выкачивает, поит, вскармливает лиходеев наших досыта!

Да здравствует же народное вооруженное восстание за землю и волю! Да здравствует же грядущая свобода для всех вас, о российские страны, со всеми народностями! Да здравствует же всецело от рабочего трудового народа правление (Учредительное собрание)!»²⁹

Когда читаешь это послание к крестьянам, то невольно напрашивается вывод: Гапон безжалостно продолжал сжигать за собой все мосты. Кстати, в конце января, когда Гапона уже не было в России, ему в месячный срок было предложено явиться к высшим церковным властям для дачи объяснений³⁰. Тогда же, 31 января, на место Гапона в пересыльной тюрьме был назначен священник Владимир Вишняков³¹. Сам же Гапон, как это явствует из дела канцелярии Синода № 5618 за 1905 год, был уволен приказом петербургского епархиального начальства еще 19-20 января, которым ему запрещалось служить, он лишился сана и исключался из духовного звания³². Эта акция основывалась на другой, имевшей место днем раньше, 18 января 1905 года, когда в порядке 1035 статьи уголовного судопроизводства Гапон был привлечен в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1 частью 126 статьи уголовного Уло-

жения, «но при производстве дознания допрошен не был за нерозыском его»³³.

Но это, как говорится, было не высшее начальство, а потому и последовал вызов Гапона «на ковер». Однако он это сделать, естественно, не мог, но церковь тем не менее соблюла все формальности. И 4 марта 1905 года уже митрополит Антоний входит в Синод с рапортом о лишении Гапона сана и исключении его из духовного звания; 10 марта Синод утвердил представление митрополита³⁴.

В связи с этим делом хотелось бы заметить следующее. Вообще-то в церковном законодательстве нет твердых оснований для лишения Гапона сана, но Синод и Консистория не особенно-то и считались с законами церкви, когда им надо было устранить неугодных духовных лиц. Ведь и после Гапона, впоследствии, были лишены сана очень многие священнослужители, которые были избраны в Государственную Думу и примкнули там к левым партиям; это — Г.С.Петров, Бриллиантов, Тихвинский, Колокольников, протоиерей Огнев и другие³⁵.

Встретившись с Рутенбергом, Гапон имел для себя, надо полагать, весьма неприятный разговор. И прежде всего не из-за того, конечно, что он уехал из России, не дождавшись Рутенберга, а потому, что «ушел» от эсеров и объявил себя социал-демократом, «вступил» в ее меньшевистскую организацию. После первого визита к Плеханову он даже поселился вместе с некоторыми членами редакции «Искры», но это было недолго³⁶. Однако Гапон здесь вряд ли в чем-либо был виноват, ему надо было просто где-то временно поселиться. Дело в том, что он, прибыв в Женеву, не смог найти, по словам Л.Дейча, одной русской дамы: перед отъездом из России ему сообщили ее фамилию, но без точного адреса, и когда Гапон нашел себе пристанище у меньшевиков, он тут же стал разыскивать интересующее его лицо, а найдя, забрал свои вещи и пересел на другую квартиру³⁷. Эти новые его товарищи были, разумеется, эсерами³⁸. Именно в это время и приехал Рутенберг.

А вскоре «подоспела» и небольшая размолвка Гапона с меньшевиками. По его словам, это произошло тогда, когда ему показали их партийный журнал, где события 9 января преподносились читателям как крупная акция меньшевистской социал-демократической организации, а Гапону отводилась очень скромная роль³⁹. Вот что писалось в 86 номере «Искры», вызвавшей такую «обиду» у Гапона. «Отныне знаменитая петиция

петербургских рабочих, — заявляла газета, — останется вечным памятником политического успеха нашей работы и легкости, с которой сотням организованных рабочих удалось в несколько дней привлечь сплоченные Гапоном стотысячные массы к этим требованиям, является неоспоримым залогом дальнейшего все возрастающего влияния и успеха нашей партии»⁴⁰.

Естественно, снести этого Гапон не мог. И поскольку сообщение в немецкую социал-демократическую печать о Гапоне-меньшевике было передано от группы Плеханова очень быстро и оперативно, да и разговор при первой же встрече с Рутенбергом сыграл, конечно, свою роль, Гапон, перебравшись на жительство к эсерам, вскоре опять пришел к Плеханову и, по словам Л.Дейча, заявил, что «напрасно поторопились сообщить в социалистическую прессу, что он — социал-демократ, так как, по его положению, ему более всего подобает стоять вне партий»⁴¹. Тем не менее, вспоминая далее Л.Дейч, сойдясь снова с социалистами-революционерами, Гапон не прекратил личных отношений и с социал-демократами⁴².

Кстати, присвоение «меками» себе «успехов», которые принадлежали, несомненно, Гапону, очень сильно «задело» и «беков». Во всяком случае в одном из писем Ленину, датированном февралем месяца, Гусев резко отзывался о меньшевиках. «Подумайте только, — писал он Владимиру Ильичу, — сколько нужно самодовольной пошлости, сколько нужно тупоумия, чтобы утверждать, что во время петербургских событий социал-демократия вовсе не оказалась в стороне, что, по крайней мере, ее идейное(!) влияние сильно сказалось в том, что Гапон(!) принял вполне(!) социал-демократическую(???) программу»⁴³.

Немного осмотревшись в Женеве, Гапон вновь берется за перо и пишет воззвание «К петербургским рабочим и ко всему российскому пролетариату»⁴⁴. Документ этот датирован 7 февраля 1905 года, то есть после убийства великого князя Сергея, и, вероятно, подготовлен не без помощи эсеров, в частности Рутенберга. В нем содержатся призывы к объединению рабочих, Гапон зовет их не падать духом, а тщательно и терпеливо подготавливать вооруженное восстание, использовать при этом разнообразные формы борьбы⁴⁵. И в то же время в воззвании есть призывы к бунту, к террору, к уничтожению ненавистных народу всяких лиходеев⁴⁶. Воззвание к рабочим Гапон в этот же день посылает Ленину, и тот его получает⁴⁷.

Этим же числом датировано и написанное Гапоном «Письмо к Николаю Романову, бывшему царю и настоящему душе-

губцу Российской Империи⁴⁸. Оно чрезвычайно резко. «Неповинная кровь рабочих, их жен и детей-малолетов, — подчеркивал в этом письме Гапон, — навсегда легла между тобой, о душегубец, и русским народом. Нравственной связи у тебя с ним никогда уже быть не может»⁴⁹. И далее Гапон пишет: «Бомбы и динамит, террор единичный и массовый над твоим отродьем и грабителями бесправного люда, народное вооруженное восстание, — все это должно быть и будет непременно. Морс крови, как нигде, прольется».

Из-за тебя, из-за твоего всего дома — Россия может погибнуть. Раз навсегда пойми все это и запомни. Отрекись же лучше поскорей со всем твоим домом от русского престола и отдай себя на суд русскому народу»⁵⁰. Любопытную приписку делает Гапон, обращаясь к царю, в постскриптуме: «Знай, что письмо это — оправдательный документ грядущих революционно-террористических событий в России»⁵¹. Письмо это в подлиннике было отправлено Гапоном царю⁵².

Когда знакомишься с этими посланиями Гапона, то сразу же обращаешь внимание на то, что в нем незримо присутствуют идеи, проводимые и пропагандируемые в этот период и меньшевиками, и эсерами, и большевиками. Чувствовалось по лозунгам и призывам, содержащимся в письмах, что встречи Гапона с представителями различных политических течений не проходили для него бесцельно. Мы уже говорили о его «дружбе» с эсерами, контактах с меньшевиками. В Женеве Гапон начал входить и в определенные отношения с большевиками, которые, зная из газет о его делах в России, начиная встречаться с ним на швейцарской земле, определяли свое отношение к нему.

Оно было, конечно, неоднозначным, изменялось под впечатлением личных встреч с Гапоном, в оценку его деятельности, его характеристики как личности вносились коррективы. Например, Л.Троцкий по свежим следам трагических событий в Петербурге писал, будучи в Женеве, 20 января: «Революционный пролетариат будет всегда хранить память священника Георгия Гапона. Но его память останется памятью одинокого, почти легендарного героя, открывшего шлюзы революционной стихии»⁵³. И Троцкий, думается, был прав в этой характеристике Гапона, особенно ее последних слов. В самом деле, когда люди созревают для выступления, когда накопившаяся у них энергия бурлит, будто пар в котле, тогда и такие личности, как гапоны, могут и способны играть роль последней капли, переливающей через край всю накопившуюся революционную массу.

В дни, когда Гапон появился в Женеве и стал бывать в кругах русской революционной эмиграции, Ленин, видимо, уже получил письмо от Гусева, датированное 30 января 1905 года, в котором тот давал свою характеристику Гапону. «Немного путаются рабочие (опять-таки под влиянием антиреволюционной проповеди меньшинства) в вопросе об отношении и к Гапону, — писал Гусев. — Ваша статья в № 4 очень верно отметила роль правительства, но Гапона вы слишком щадите⁵⁴. Это — темная личность. Я уже не раз писал вам об этом, и чем больше я думаю, тем все более он мне подозрителен. Назвать его только маниаком нельзя, он был зубатовцем и работал вместе с зубатовцами, зная, кто они такие и чего они хотят»⁵⁵.

Свои первые соображения о Гапоне Ленин, как мы уже сказали, изложил в статьях и заметках, опубликованных спустя неделю после трагедии в Петербурге. Естественно, что для него была очень важна личная встреча и беседа с Гапоном. Вскоре после приезда последнего в Женеву, вспоминает Крупская⁵⁶, к нам как-то вечером пришла одна дама от эсеров и передала Ленину приглашение Гапона встретиться. Условились сделать это на нейтральной почве, в кафе. «Наступил вечер, — писала впоследствии Крупская, — Ильич не зажигал у себя в комнате огня и шагал из угла в угол. Гапон был живым куском нарастающей в России революции, человеком, тесно связанным с рабочими массами, беззаветно верившими ему, и Ильич волновался этой встречей»⁵⁷.

Придя со свидания, а оно состоялось в первых числах февраля⁵⁸, Ленин поделился своими впечатлениями. Беседовали они, в частности, и по вопросу о боевом соглашении между социал-демократической партией и партией социалистов-революционеров для подготовки восстания против царизма⁵⁹. Думается, что к теме этой собеседник Ленина был готов: и в Петербурге, и с первых же дней пребывания в Женеве Гапон не мог не видеть и не понимать, что между течениями социал-демократии и социалистами-революционерами слишком большие расхождения.

Крупская писала, что «Гапон был еще обвеян дыханием революции», что, «говоря о питерских рабочих, он весь загорался, он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников», что «в этом возмущении было немало наивности, но тем непосредственнее оно было», и оно «было созвучно с возмущением рабочих масс»⁶⁰. Она подчеркивала также, что

Ленин хотел знать, «чем мог Гапон влиять на массу»⁶¹. Ленин после встречи с Гапоном рассказывал Крупской: «Только учиться ему надо. Я ему сказал: «Вы, батенька, лести не слушайте, учитесь, а то вон где очутитесь, — и показал ему под стол»⁶².

Об этой первой встрече Ленина с Гапоном рассказал и А.В.Луначарский, который вместе с Лениным, Воронским, Ольминским, В.Д.Бонч-Бруевичем, Лядовым, Лепешинским, Карпинским и другими входил в группу работников большевистской газеты «Вперед». «В одно утро Владимир Ильич, встретившийся со мной за чашкой кофе, — писал Луначарский, — сказал мне несколько таинственно, что накануне он виделся с Гапоном, которого привез один «небезынтересный человек» и который ведет переговоры с разными революционными организациями в том числе и с нами, большевиками, относительно некоторых совместных действий»⁶³. Луначарский вспоминал, что в тот же вечер почти все «впередовцы» встретились с Рутенбергом и Гапоном, который «говорил порядочные пустяки», но «речь у него была живая с сильным украинским акцентом»⁶⁴. Гапон надеялся «на всеобщее поднятие крестьянской молодежи», говорил весьма «шумно и гадательно» и «о возможности бунта во флоте», о переброске в Петербург значительного количества оружия, над чем они будто с Рутенбергом работают⁶⁵. И далее Луначарский вспоминал: «Мы все больше слушали. Кое-какие, по обыкновению меткие, скрывавшие за собой известную политико-психологическую подкладку, вопросы ставил Гапону Владимир Ильич. Рутенберг выглядел темной тучей, лишь время от времени произносил неохотно несколько слов»⁶⁶.

Эта встреча Ленина с Гапоном имела свое «продолжение». 4 февраля Ленин готовит свою статью «О боевом соглашении для восстания»⁶⁷. После встречи с Гапоном он получает от него «Открытое письмо к социалистическим партиям», текст которого он полностью включает в свою статью⁶⁸. 8 февраля она публикуется в 7 номере газеты «Вперед», а 10 февраля в 87 номере меньшевистской «Искры»⁶⁹. В статье Ленин подчеркивает, что газета «с удовольствием» печатает «открытое письмо Георгия Гапона»⁷⁰. «В сознании важности переживаемого исторического момента, при настоящем положении вещей, будучи, прежде всего, революционером и человеком дела, — писал в нем Гапон, — я призываю все социалистические партии России немедленно войти в соглашение между собой и приступить к делу вооруженного восстания против царизма. Все силы каж-

дой партии должны быть мобилизованы. Боевой технический план должен быть у всех общий. Бомбы и динамит, террор единичный и массовый, все, что может содействовать народному восстанию. Ближайшая цель — свержение самодержавия, временное революционное правительство, которое немедленно провозглашает амнистию всем борцам за политическую и религиозную свободу — немедленно вооружает народ и немедленно созывает учредительное собрание на основании всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права»⁷¹.

И далее Гапон подчеркивал: «Теперь всякая проволочка и неурядицы — преступление перед народом, интересы которого вы защищаете. Отдав все свои силы на службу народу, из недр которого я сам вышел... бесповоротно связав свою судьбу с борьбой против угнетателей и эксплуататоров рабочего класса, я естественно всем сердцем и всей душой буду с теми, кто займется настоящим делом настоящего освобождения пролетариата и всей трудящейся массы от капиталистического гнета и политического рабства»⁷².

В статье Ленин дает и некоторые свои комментарии к письму Гапона. Он пишет, что большевики в принципе приветствуют предлагаемое Гапоном «соглашение», но вместе с тем им «кажется отрицательным явлением» его внепартийное положение, которое они объясняют тем, что, «перейдя с такой быстротой от веры в царя и от обращения к нему с петицией к революционным целям, Гапон не мог сразу выработать себе ясного революционного мирозерцания»⁷³. Ленин считает также правильными намеченные в письме Гапона ближайшие цели. Он заканчивает свою статью пожеланием Гапону, «так глубоко пережившему и переживавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным», чтобы ему «удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного мирозерцания»⁷⁴.

Вот так и проходила жизнь «меков», «беков» и эсеров в Женеве после прибытия сюда Гапона. А последний сразу же оказался в центре внимания не только всех течений революционной русской эмиграции, но и европейской общественности, средств массовой информации стран старого света. В связи с последним достаточно сказать, что почти в течение года от дипломатических и консульских представительств России в государствах Европы шли донесения о солидарности с русским народом, о протестах против расстрела в Петербурге рабочих 9 января 1905 года⁷⁵.

Гапона все хотели видеть, все приглашали его на специально организуемые с этой целью встречи. Многие политические партии, группы и течения заигрывали с ним, желали заполучить его в свои ряды, учили его, если так можно сказать, «жить», брали над ним «шефство». Для многих он продолжал оставаться загадочной фигурой, вокруг которой трудно было объединить несоединимые, как казалось, понятия: революция и сан, восстание и священник. Эта двойственность личности Гапона — духовное лицо и призыв к бунту против царя, — и окутывала, по сути дела, Гапона некоей завесой таинственности. Кто он? Рабочий вождь или ловкий авантюрист, использовавший доверие к себе рабочих в своих корыстных целях?

Складывавшуюся вокруг личности Гапона общественную атмосферу в Европе, хорошо впоследствии выразил Л. Дейч. Он очень точно писал, подмечая детали. «Мне в то время пришлось побывать в разных странах, и повсюду — в Брюсселе, Лондоне, Париже, — при встречах с представителями местных партий, мне приходилось слышать выражения удивления по поводу происходивших у нас событий, — подчеркивал Л. Дейч. — Давно составившееся у европейцев представление о России, как о стране изумительных контрастов, противоречий и самых невозможных происшествий и приключений, еще более укрепилось — казавшейся им почти сказочной — историей священника, который, по их мнению, стал во главе русской революции»⁷⁶. И далее Дейч рассказывает о том, как феномен Гапона способствовал росту симпатий европейцев к России, ее народу, к русским «делам», к русским революционерам. «Симпатии к нам, нашим усилиям и жертвам, внезапно выросли до колоссальных размеров, — подчеркивал он. — В разных странах устраивались многочисленные митинги, на которых выступали самые выдающиеся ораторы, пресса посвящала обширные статьи описаниям бедственного положения участников петербургской стачки и лиц, пострадавших вследствие событий 9-го января. Десятки тысяч франков, марок и шиллингов, собранных, главным образом, сантимами, пфеннигами и пенсами, от рабочих цивилизованных стран в пользу жертв русской революции, притекали в кассы находившихся за границей кружков различных социалистических и просто оппозиционных партий»⁷⁷.

Пожертвования проводили и социал-демократические организации. Причем и здесь не обходилось без взаимных упреков и резкостей. Так, на одном из таких митингов, устроенном все-

ми социал-демократическими группами, в общую кассу не успевали относить тарелки с монетами, пожертвованными на революцию, а к концу собрания, вспоминает М.Ольминский, меньшевики украли все деньги. Ольминский писал в этой связи: «Организации думали протестовать в печати или перед Интернационалом, но было так совестно за меньшевиков, что эта мысль была оставлена»⁷⁸.

Оценивая в целом положение Гапона в русской колонии в Женеве, Л.Дейч прямо подчеркивает: «В короткое время он и среди своих соотечественников, живших за границей, приобрел такую славу, какой не пользовался в прошлом решительно ни один русский революционер»⁷⁹. В какой-то мере это было понятно. Гапон был из народа, умел прислушиваться к голосу простых людей, по своим знаниям и образованию мало отличался от них, хорошо принаравливался к их взглядам и настроениям, а главное — смог внушить массам, что он является беспрекословным исполнителем только их воли.

Гапона можно понять лишь тогда, если рассматривать его как человека, постоянно стремившегося выдвинуться, быть на виду у всех. И ему очень нравилось (а кому это не нравится?), когда о нем писали хорошее или когда ему говорили приятное и льстивое, особенно в этом плане старались меньшевики и эсеры. Вспомним, что писала в статье «Священник Гапон» в 93 номере «Искра». «Священник Гапон, очутившись за рубежом, немедленно записался в социал-демократы и просил немедленно же опубликовать об этом во всех европейских газетах...»⁸⁰ И далее продолжала: «Христианская церковь поет, что Иисус смертью смертью попрали. Священник Гапон попрали верою в царя — веру в царя, стихийностью — стихийность. Похвалим его за это и пожелаем ему удачи на совершенно новом для него пути сознательного революционера. На этом пути его ждет много опасностей. Не тех опасностей, которые воплощаются в жандарме, а тех, которые заключаются в возможных промахах его собственной мысли. Ему надо теперь усердно и много учиться»⁸¹.

Словом, когда Гапон оказался за границей, к нему было сразу же приковано внимание политических кругов, прежде всего русских эмигрантов-представителей всех политических партий и течений. Его портреты замелькали в газетах, в витринах магазинов. Гапон надолго стал темой дня: все, как мы уже говорили, хотели заполучить Гапона к себе, принять в свою партию. Он интересовал русских революционеров и тем, что до

него не было еще личности, за которой шли бы такие массы рабочих, как это было в Пестербурге 9 января. Поэтому-то имя попа Гапона здесь, в Женеве, среди русских эмигрантов, и принимало ореол подлинного народного вождя, вышедшего из недр этого народа, владеющего умением увлечь рабочие массы за собой, вести их, если это надо, на восстание. И как мы уже знаем, «счастье» заполучить к себе в партию «революционера в рясе» выпало, после появления Гапона в Женеве, на долю русских меньшевиков, перехвативших его ненадолго у эсеров, на деньги которых Гапон приехал за границу.

Среди социал-демократов и социалистов Гапон спустя некоторое время стал почти «своим человеком», его приглашали на собрания, он уже неплохо знал Плеханова, Ленина, многих других лидеров различных российских революционных партий. Они в свою очередь, ближе узнав его, тоже смогли уже более конкретно определиться в отношении Гапона. Все они, разумеется, очень быстро поняли, что Гапон слабо разбирается в программных и тактических установках революционных партий, и поэтому, возможно, они все и советовали ему учиться, рекомендовали Гапону определенные книги для чтения.

Ленин, например, советовал Гапону читать плехановские сочинения, и тот их читал, но, по словам Крупской, делал это «как бы по обязанности», «с книжками дело у него плохо ладилось», «из книг Гапон учиться не умел»⁸². Крупская рассказывала Гусеву, что Ленин «беседует с Гапоном и внимательно изучает его, как осколок крестьянской стихии», ибо Гапон — крестьянин по происхождению и сохранил связь с деревней⁸³. В своих воспоминаниях она приводит одну любопытную сцену между Гапоном и Лениным. «Однажды Гапон, — пишет Крупская, — попросил Владимира Ильича прослушать написанное им воззвание, которое он начал с большим пафосом читать. Воззвание было переполнено проклятиями царю. «Не нужно нам царя, — говорилось в воззвании, — пусть будет один хозяин у земли — бог, а вы все у него будете арендатели!» ...Владимир Ильич расхохотался, — больно уж наивен был образ, а с другой стороны, очень уж выпукло то, чем Гапон был близок массе: сам крестьянин, он разжигал у рабочих, наполовину еще сохранивших связь с деревней, исконную затаенную жажду земли.

Смех Владимира Ильича смутил Гапона. «Может, не так что, — сказал он, — скажите, я поправлю». Владимир Ильич сразу стал серьезен. «Нет, — сказал он, — это не выйдет, у меня весь ход мысли другой, пишете уж своим языком, по-своему»⁸⁴.

В свою очередь Луначарский писал, что после нескольких бесед с Гапоном Ленин пришел к нелестным для него выводам. «Он прямо говорил нам, — подчеркивал Луначарский, — что Гапон кажется ему человеком поверхностным и может оказаться флюгером, что он больше уходит в фразу, чем способен на настоящее дело, и вообще, действительно серьезным вождем, хотя бы и для полусознательных масс, явиться не может»⁸⁵. Тем не менее Ленин очень серьезно относился к «способностям» и возможностям Гапона влиять на массу. В письме А.А.Богданову и С.И.Гусеву от 29 января 1905 года в связи с работой по созыву третьего съезда партии Ленин настойчиво советует им «шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь... Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь. ...если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их, то они пойдут за меньшевиками и Гапонами и той же своей неопытностью навредят впятеро больше»⁸⁶. Через два дня, 1 февраля, Ленин напишет статью «Первые уроки» и вновь, хотя и косвенно, признает силу влияния Гапона на массы. «Пролетариат порвал рамки полицейской зубатовщины, — подчеркнет Ленин, — и вся масса членов легального рабочего общества, основанного для борьбы с революцией, пошла вместе с Гапоном по революционному пути»⁸⁷.

Менял со временем свои оценки Гапона и Троцкий. Позднее он уже более точно характеризовал эту личность, хотя и довольно в резкой, а порою и просто в бестактной форме, что в общем-то было свойственно Троцкому. «Те формы, какие приняло историческое выступление 9-го января, разумеется, никем не могли быть предвидены, — подчеркивал Троцкий. — Священник, которого история такими неожиданными путями поставила на несколько дней во главе рабочей массы, наложил на события печать своей личности, своих воззрений, своего сана. И эта форма скрывала от многих глаз действительное содержание событий. Но внутренний смысл 9 января не исчерпывается символикой хождения к Зимнему дворцу. Гапоновская ряса — только аксессуар. Действующее лицо — пролетариат. ...Официальное положение, священническая ряса, стихийное возбуждение малосознательных масс и сказочно быстрое развитие событий сделали Гапона вождем»⁸⁸. И далее Троцкий дает грубоватую по форме, хотя и красивую по стилю, характеристику Гапону. «Фантазер на психологической подпочве аван-

тюризма, южанин — сангвиник с оттенком плутоватости, круглый невежда в общественных вопросах, Гапон так же мало способен был руководить событиями, как и предвидеть их. События волокли его»⁸⁹. Как считает Троцкий, силу и смелость для действий Гапон черпал в своей невежественности и в неведении происходящего. По его словам, играли свою роль и самомнение Гапона, и то обстоятельство, что он легко поддавался всякому влиянию. Гипнотизируемый собственными успехами, говорит Троцкий, Гапон отдавался волне движения.

Любопытны и взаимоотношения Плеханова с Гапоном. Конечно, Плеханов быстро понял, что Гапон в политическом и теоретическом отношениях, мягко говоря, не силен, что наверх его просто выбросила революционная волна движения, и он, оказавшись оторванным от рабочей среды своего союза, в общем-то безнадежно тонет, но понять этого он не в силах из-за своего огромного самомнения. Плеханов советовал Гапону кое-что сначала почитать, он даже дал ему несколько книг, и Гапон на время исчез. Надо полагать, что Гапон «чувствовал» снисходительное отношение Плеханова к себе, понимал, что тот порою просто насмехается над ним.

Рассказывают о таком имевшем место случае⁹⁰. Однажды Плеханов встретил Гапона на улице и спросил — «Куда же вы, батя, запропалились?» Гапон ответил, что он теперь перешел к социалистам-революционерам, а на вопрос Плеханова, где же ему лучше, сказал, что, конечно же, там. «Вы заставляете книжки читать, а у тех настоящее дело, — рассуждал Гапон. — Там меня учат из револьвера и из ружья стрелять, верхом ездить, баррикады строить, бомбы начинять, — словом, настоящая работа». «Они хитрые, эти социалисты-революционеры, так что вы, батя, смотрите в оба, — сказал Плеханов, выслушав Гапона. — Они вам, видно, главного-то не показывают? Гапон, не подразумевая о подвохе, насторожился — а что именно? А вот на воздушном шаре летать — они, наверное, не говорили вам об этом и не учили этому?» Расстроенный и недовольный Гапон пошел своей дорогой, и Плеханов его больше не видел.

Здесь, пожалуй, самое время рассказать об отношениях между Гапоном и эсерами. В Женеве Гапон жил у известного деятеля партии эсеров Л.Э.Шишко⁹¹. Надо сказать, что социалисты-революционеры старались все время поддерживать в Гапоне настроение величия сделанного им в Петербурге, обращались с ним как с величайшим героем, как с вождем, устраивали

вместе с ним различного рода совещания для обсуждения важнейших вопросов, среди которых на первом месте стояли, так сказать, военные — динамит, оружие, террор, бомбы. И Гапон потихонечку втягивался в этот круг деятельности. Ему заказывали прокламации, он их писал и читал Азефу, Чернову и другим членам ЦК эсеровской партии⁹². Вообще надо сказать, что Азеф, который в это время уже ряд лет работал на охранку, начал серьезно присматриваться к Гапону. Характерно, что когда Гапон написал письмо, адресованное Николаю II, Рутенберг был против его публикации, но Азеф принял сторону Гапона, и письмо было напечатано за границей⁹³.

О том, что эсеры серьезно интересовались дальнейшей деятельностью Гапона, свидетельствует и Савинков, который как мы помним, в начале февраля 1905 года приехал из Москвы в Петербург. «Убедившись, что в моем присутствии в Петербурге нет необходимости, — пишет Савинков, — я решил поехать в Женеву, чтобы посоветоваться с Гапоном и Азефом о дальнейших боевых предприятиях»⁹⁴. Перед отъездом из Петербурга Савинков встретился со Швейцером. «Случайно мы заговорили о 9 января и о Гапоне, — вспоминает Савинков, — Швейцер восхищался стойкостью петербургских рабочих и также, как и Каляев, с убеждением говорил о неизбежном близком расцвете массового террора. Личность Гапона его глубоко интересовала, — он надеялся, что имя его всколыхнет всю трудовую Россию»⁹⁵. Выехав в середине февраля за границу, Савинков в Женеве застал Азефа, Рутенберга и Гапона, которого он тогда впервые и увидел.

Вот что пишет Савинков о своих первых контактах с Гапоном, высказывает свои суждения об этой личности. «Первое впечатление он произвел на меня скорее отрицательное, — вспоминает Савинков. — Он был без бороды, и я сразу заметил несоответствие между верхней частью его лица, — красивым и умным лбом и живыми карими глазами, — и нижней челюстью с выдвинутым вперед подбородком. Первая встреча моя с ним тоже не оставила во мне хороших воспоминаний. ...Очевидно, он знал уже о моем участии в московском деле. Поздоровавшись со мною, он взял меня под руку и отвел в другую комнату. Там он неожиданно поцеловал меня.

— Поздравляю.

Я удивился:

— С чем?

— С великим князем Сергеем»⁹⁶.

И далее Савинков дает интересные и не лишённые, на наш взгляд, глубоких и серьёзных оснований характеристики Гапону. «Первое впечатление скоро рассеялось, — пишет Савинков. — Я был под обаянием 9 января, видел в «кровавом воскресенье» зарю русской революции и, как ни скептически относился к революционной готовности масс, должен был признать значение и силу только что совершившегося исторического события. Гапон был для меня не просто бывший священник, отец Георгий, шедший во главе восставших рабочих, — я возлагал на него большие надежды. Он казался мне, по впечатлению 9 января, человеком необычайных дарований и воли, тем человеком, который, быть может, единственно способен овладеть сердцами рабочих. Это заблуждение разделяли со мной многие. Только Азеф и И.А.Рубанович сразу верно, т.е. невысоко оценили Гапона»⁹⁷.

И вновь мы видим, судя по воспоминаниям Савинкова, как Азеф весьма пристально присматривается к Гапону.

«Более близкое знакомство подтверждало предвзятое мнение об его дарованиях, — продолжает Савинков. — У него был живой, быстрый, находчивый ум; прокламации, написанные им, при некоторой их грубости, показывали самоубытность и силу стиля; наконец, и это самое главное, у него было большое, природное, бьющее в глаза ораторское дарование»⁹⁸. Кстати, очень многие современники Гапона, подходившие к его личности с мерками непредвзятости, а объективности, подчеркивали те же самые черты, на которые обращает внимание Савинков. Более того, даже относясь к Гапону резко отрицательно, они указывают на такие характеристики Гапона, которые позволяют понимать, почему он умел увлекать массы за собой.

Уже упоминавшийся нами рабочий И.Павлов, в течение двух лет близко знавший Гапона, писал, что тот авантюрист, но не карьерист, что он «видел в Гапоне строжайший фанатический аскетизм в отношении к самому себе и благожелательное отношение к удобствам других»⁹⁹. Павлов подчеркивал, что Гапон «был умен», хотя ум этот и не был широким, но он был «острый, живой, быстро схватывающий суть дела»¹⁰⁰. Некто близкий к эсерам А.С., рассказывая впоследствии о своих встречах с Гапоном за рубежом и давая ему резко отрицательную характеристику, также однако вынужден был признавать это его последнее качество, равно как и другие. «Невежда, самолюбив,

но все же с умением влиять на массу, — указывает А.С., — не оратор, но умел кой-когда сказать художественное слово, ничего не знал, но мог быстро схватывать целые теории и взгляды»¹⁰¹.

Оба цитируемых нами автора оставили любопытные воспоминания о Гапоне как ораторе. И.Павлов пишет: «Мне случилось и читать и слышать, что Гапон был прекрасный оратор. Совсем нет — он был плохой оратор. У него, как у человека, когда-то готовившегося к проповедничеству, были восприняты из семинарии и академии некоторые шаблонные приемы ораторского искусства, которыми он до известной степени пользовался, а в отношении интонации, т.е. понижения и повышения голоса, даже злоупотреблял. Логика не всегда ему сопутствовала, да для тех случаев, когда ему приходилось говорить, в ней особенной нужды и не было. Начинал он обыкновенно глухим голосом, отрывисто, несвязно, повторяя последние слова предыдущей фразы, потом немного разогревался, начинал «комбинировать» интонации и постепенно повышал голос, а последние фразы почти выкрикивал. Это производило известное впечатление на нетребовательных слушателей, что, собственно, и требовалось доказать»¹⁰².

А вот что об этом вспоминает уже упомянутый нами А.С., рассказывая о встрече с Гапоном на одном из собраний, где тот дает трактовку своих действий в рабочих массах. «Торопливо, нервно, сбиваясь и повторяя по нескольку раз одно и то же слово, он не столько излагал фактическую историю своей организации, сколько старался подчеркнуть, выставить на вид, что он с самого начала действовал по строго выработанному плану, неуклонно и систематически подготавливал свое революционное выступление; что, обманывая зоркость властей, он в то же время не открывал своего плана революционерам, боясь, чтобы они не испортили дела. Мирное шествие с иконами было с его стороны маккиавелевским приемом, чтобы поставить правительство в безвыходное положение. Особенно поразило меня, что, говоря все это, он как будто старался в чем-то оправдаться, снять с себя какое-то подозрение»¹⁰³.

Тему ораторского искусства, умения схватывать быстро суть вопроса касаются в своих воспоминаниях о Гапоне и такие незаурядные личности нашей истории, как меньшевик Л.Дейч и эсер Б.Савинков. «При этом местоимение «я» почти не сходило с его уст: выходило так, что до 9 января и в этот день он и только он направлял, руководил, проявлял разумную инициа-

тиву и пр.»¹⁰⁴, — писал Л. Дейч о своем разговоре с Гапоном относительно трагических событий в Петербурге. Однако далее Дейч продолжал: «Все же речь Гапона не носила неприятно хвастливого тона, как это бывает в подобных случаях: видно было, что он в значительной степени преувеличивает свою роль и значение в минувших событиях, но казалось вполне естественным, что после столь быстрого успеха, голова его должна была пойти кругом, и он мог вообразить себя центром, если не вселенной, то России»¹⁰⁵. По словам Дейча, Гапон говорил ему, что он знает нужды народа благодаря своему происхождению, что он может влиять на других. По этому поводу Дейч писал: «Много в этих утверждениях было справедливо, но в оценке своего дарования влиять на других он, кажется, впадал в преувеличение. По крайней мере за границей Гапон не проявил ни силы воли, ни умения увлечь за собой или подчинить себе других. Одно то уже, что он чуть ли не с первых слов обнаруживал полное незнание с социализмом, с историей революционной борьбы и пр., не могло никому импонировать»¹⁰⁶.

В связи с последним замечанием мы вновь позволим себе процитировать воспоминания А.С., который, говоря о Гапоне, подчеркивал: «...Он поразительно легко схватывал чужие мысли и общий характер всякого направления. Таким образом, он через какой-нибудь месяц по приезде за границу уже совершенно свободно обращался с программными и полемическими терминами и в разговоре мог произвести впечатление, что он *au courant* всех партийных программ и разногласий. На самом же деле, он не только ничего этого не знал, но даже в глубине души, повидимому, совершенно не интересовался этим и не стремился разбираться в вопросах, которые казались ему лишними и ненужными для революции»¹⁰⁷.

Мы говорили выше о высказываниях Савинкова по этим вопросам. Вот что он писал о Гапоне-ораторе: «Я не слышал его петербургских речей и не могу судить о достоинствах их. Но однажды, на одном из гапоновских совещаний, при мне произошел такой случай.

Один из поволжских комитетов российской социал-демократической партии издал прокламацию, в которой о Гапоне грубо упоминалось, как о «нелепой фигуре обнаглевшего попа». Прокламацию эту кто-то принес на совещание. Гапон прочел листок и внезапно преобразился. Он как будто стал выше ростом, глаза его загорелись. Он с силой ударил кулаком по

столу и заговорил. Говорил он слова, не имевшие не только никакого значения, но не имевшие и большого смысла. Он грозил «стереть социал-демократов с лица земли», показав «всем рабочим лживость их и наглость», бранил Плеханова и произносил разные другие, не более убедительные факты. Но не смысл его речи производил впечатление. Мне приходилось не раз слышать Бебеля, Жореса, Себастьяна Фора. Никогда и никто из них на моих глазах не овладевал так слушателями, как Гапон, и не на рабочей сходке, где говорить несравненно легче, а в маленькой комнате на немногочисленном совещании, произнося речь, состоящую почти только из одних угроз. У него был истинный, ораторский талант, и, слушая его исполненные гнева слова, я понял, чем этот человек завоевал и подчинил себе массы.

Присматриваясь ближе к Гапону, я не заметил в нем большой и горячей любви к революции. Но впечатление от его личности оставалось неясное. Передо мною был человек, несомненно рискнувший своей жизнью 9 января. Я склонялся поэтому к мысли, что ошибаюсь и не умею увидеть в Гапоне той преданности идее, которая есть у него в действительности.

Я слушал отзывы о Гапоне Рутенберга, тогда еще его друга. Эти отзывы ничего мне не разъясняли. Рутенберг характеризовал Гапона, как «бедного, залутовавшегося в революции попа, искреннего и честного». Я думаю, что Рутенберг ошибался: Гапон поддельвался под него и был с ним таким, каким хотел бы!¹⁰⁸

Мы уже привели много характеристик Гапона, данные ему представителями различных политических партий и групп. Наберемся поэтому терпения и познакомимся с тем, что говорили о нем члены Бунда.

В начале марта 1905 года в Женеве по просьбе Гапона, который в это время носился с идеей организации конференции всех революционных партий России, о чем мы еще будем говорить, состоялась его встреча с Заграничным комитетом Бунда; один из участников (а их было двое) этой встречи на следующий день послал о ней отчет в ЦК Бунда¹⁰⁹. В отчете, который находится в женевском архиве Бунда, говорилось о Гапоне, что «человек он очень неинтеллигентный, невежественный, совершенно не разбирающийся в вопросах партийной жизни», что он «плохо излагает свои мысли, испытывает большое затруднение при столкновении с иностранными словами»¹¹⁰. Далее в отчете говорится: «Оторвавшись от массы и попав в непривыч-

ную для себя специфически интеллигентскую среду, он встал на путь несомненного авантюризма. По всем своим ухваткам, наклонностям и складу ума, это социалист-революционер, хотя он называет себя соц.-дем. и уверяет, что был таким еще во время образования «Общества фабрично-заводских рабочих»¹¹¹. Оценивая Гапона и касаясь других его личностных качеств, представитель Бунда писал: «Ни о чем другом, кроме бомб, оружейных складов и т.п., теперь не думает. Есть в его фигуре что-то такое, что не внушает к себе доверия, хотя глаза у него симпатичные, хорошие. Что в нем просыпалось при соприкосновении с массой — мне трудно сказать, но вне массовой стихии он жалок и мизерен, и, беседуя с ним, спрашиваешь себя с недоумением: неужели это тот самый, который «торговал сердцами» петербургских пролетариев? Человек он несомненно наблюдательный, умеет узнавать людей и знает психологию массы. Кроме того, он хитер, себе на уме и прошел школу дипломатического искусства (правда, довольно элементарного, поскольку оно нужно было ему в борьбе с полицией)»¹¹².

Когда знакомишься с характеристиками Гапона Савинковым, Дейчем, Плехановым, Троцким, Лениным, бундовцами, сподвижниками Гапона и другими, то прежде всего видишь их полярность, крайности в оценках — от резко негативных до восторженных. И в то же время у разных авторов четко просматриваются совпадающие моменты в характеристике Гапона. В этом, думается, нет ничего странного: незаурядная личность редко когда получает однозначную у всех оценку.

И второе, на что хотелось бы обратить внимание. Гапон до 9 января и Гапон после расстрела рабочих — совершенно разные люди. В равной мере это относится и к Гапону времен Петербурга и периода его пребывания за рубежом. Ведь даже Ленин, временами суровый и непреклонный, редко идущий на компромиссы, одно время склонен был серьезно воспринимать Гапона, считать его революционером.

Когда думаешь о Гапоне, его жизни и короткой кипучей деятельности, то вспоминаешь оценку этой личности, которую ей дал наш крупнейший русский писатель, публицист и общественный деятель Владимир Галактионович Короленко. Хотя он и сделал это по свежим следам событий в Петербурге, но его глубокий писательский талант и дар проникновения в психологию человеческой личности дают возможность нам сказать, что данная им характеристика Гапона одна из наиболее

смких, точных и лучших. В.Г.Короленко писал: «Мы позволим себе несколько остановиться на этой замечательной личности, которая теперь выставляется одними, как настоящее исчадие ада, в других, быть может, вызывает мистическое удивление. Нет сомнения, что и то, и другое далеко от истины. Священник Гапон является лишь одним из тех «провиденциальных людей», которые порой в бурные периоды как-то вдруг обнаруживаются на поверхности общественной жизни. Все их значение в том, что и их личные добродетели, и их недостатки, вообще все стороны их личности совпадают по тону с господствующим настроением среды, усиливая это настроение, как резонаторы усиливают звуки...»¹¹³. И далее Короленко продолжает: «Нет ничего легче, как окрашивать человека каким-нибудь одним, простым и слишком определенным цветом, и мы слишком часто прибегаем к таким одноцветным квалификациям, как «злодей, лицемер и крамольник». ...Несомненно, что фигура священника Гапона, метавшегося в страстных порывах между семинарскими мятежами и покаяниями, из статистики переходившего к алтарю и от алтаря на площадь, — представляет психологию необыкновенно сложную и не укладывающуюся в простые клички. ...Священник Гапон стал отголоском широкого массового движения, увлекающий массу и сам ею увлеченный...»¹¹⁴.

Думается, что вся трагедия Гапона заключалась в том, что будучи незаурядной личностью по масштабам своего времени, Гапон принадлежал к тому типу народных вождей, а его именно так называли пресса и некоторые представители русских революционных партий в эмиграции, которые сами не создают событий, но олицетворяют собою чувства народа и становятся во главе движений, проявившихся бы и без них. И этим интересны подобные личности, поскольку изучая их, мы фактически анализируем чувствования и верования народной массы. Поэтому-то мы и наблюдаем, что через всю деятельность Гапона, как в России, так и за границей, проходят революционные романтизм и буффонада, но отнюдь не трезвость и понимание обстановки. В Гапоне рядом уживались свойственные всему рабочему движению России того периода два чувства: с одной стороны, инстинктивное ощущение бурлящих сил, призванных совершать большие дела и выполнять крупные задачи, а с другой — пока еще неизжитые старые предрассудки и иллюзии, живые остатки веками впитанной идеологии рабского подчине-

ния, покорности судьбе и веры в возможность получать помощь откуда-то сверху. Но после 9 января рабочее движение в России перешагивает границы одного лишь классового инстинкта и проникается уже разумом классового сознания, а поэтому Гапон должен был выбирать более высокую ступень развития, и весь вопрос для него заключался лишь в том, способен ли он был это сделать, или массы оттеснят его в сторону и будут шествовать вперед уже без него. Определить свой подлинный удельный вес в ходе исторических событий, развернувшихся после 9 января, — вот какая задача стояла перед заграничным Гапоном. А сделать это ему было очень трудно, поскольку он, лишившись связей с рабочими массами, остался практически без опоры, без окружения своих верных и преданных ему помощников и сподвижников, без всех тех людей своего союза, которые и подталкивали его в Петербурге на свершение действий. И без этой крепкой и монолитной опоры, без которой Гапон переставал быть Гапоном, он мог легко впасть в растерянность, пойти на никогда не прощаемые массами своим лидерам беспринципные компромиссы, попасть в ловушку.

Раз уж мы здесь коснулись общественно-классовых характеристик Гапона, говорили о причинах его влияния на массы, то, по всей вероятности, будет уместным дополнить этот портрет чисто житейскими, бытовыми чертами.

О Гапоне очень много говорили и писали нехорошего. Началось это после 9 января, продолжилось с его отъездом за границу, еще более усилилось после того, как Гапона не стало. Говорили, что он пил, писали, будто бы он развратничал, словом, клеветы и грязи на него было вылито достаточно. И Гапон был в этом отчасти сам «виноват»: он был на виду, а кому (в печати особенно) не охота показать себя таким хорошо информированным человеком, все знающим и все видевшим «лично». По нашей сегодняшней жизни мы все отлично осведомлены, к чему это ведет. К тому же не будем забывать, что батюшка был тщеславен, он любил лесть, почет, славу. Но, несмотря на все это, он был далеко не таким, каким его изображали недоброжелатели, да и его прямые враги. Не можем мы также не принимать при этом в расчет, что ни один деятель русской революционной эмиграции, равно как и в России, не давал ему никаких других характеристик, кроме политических.

Встречавшийся с Гапоном за рубежом А.С. вспоминает о своей первой встрече с ним, когда он увидел в комнате челове-

ка с «глубоко сидящими, черными и беспокойными глазами, быстрыми и лукавыми, которые точно хватали взором впечатления и уносили их куда-то вглубь», и было «в этих глазах что-то острое, пытлиное»¹¹⁵. Гапон встречался с очень многими крупными политическими и общественными деятелями России и Европы, любил рассказывать всегда об этих встречах, которые как бы приподнимали его в собственных глазах. В равной мере «ласкали его слух» различного рода сказочные байки, ходившие о нем за границей, радовали «глаз» его портреты в витринах магазинов, кружили голову сценки из пьес «о его жизни» в театрах. Бывая на собраниях различных революционных партий, он зачастую попадал в неловкие положения, по причине своей неосведомленности соглашаясь с совершенно противоположными мнениями и взглядами, но в искренности Гапона никто из присутствующих не сомневался.

Пил ли Гапон? Ближко знавшие его люди никогда на это не обращали внимания, поскольку к Гапону сие не относилось. И.Павлов, например, говорил, что Гапон очень любил пиво, курил и курил запоем, как редко кто курит, — зажигая папироску о папироску¹¹⁶. О спиртном упоминает и Л.Дейч, о котором Гапону впервые сказал Плеханов, и Дейч писал следующее об откровенности с ним Гапона: «Возможно также, что развязыванию его языка способствовала также стоявшая всегда на столе во время наших бесед, по заграничному обычаю, бутылка местного вина или кружка пива, а то и оба напитка, которым Гапон уделял некоторое внимание. И чем чаще он к ним обращался, тем он становился оживленнее»¹¹⁷. Однако ничего предосудительного в этом Дейч не видит. Более того, его тон в данном случае (которым он, кстати, не раз пользовался, характеризуя Гапона по другим поводам) скорее напоминает иронический, нежели упрекающий.

Много говорилось и писалось, что Гапон за границей предавался разврату, посещает рестораны и кабаре, ночные заведения и игорные дома, швыряет деньги музыкантам и лакеям. И.Павлов вспоминает: «Гапон вообще очень любил красивых женщин и всегда готов был за ними поухаживать; он становился в таких случаях ловким кавалером и, видимо, производил на женщин сильное впечатление, но никогда я не слышал ни о какой истории в амурном стиле»¹¹⁸. Он же писал, что «на встречающихся с ним в первый раз Гапон производил, если ему нужно было, самое лучшее впечатление, а на женщин —

обоятельное»¹¹⁹. Но распутную жизнь Гапон никогда не вел. Однако ему, действительно, льстило, как вспоминает некто Сизов, приводя слова Гапона, что в Петербурге великосветские дамы «чуть ли не видели в нем пророка», принимали его в «полутемных» помещениях, «внимательно и смиренно слушали его проповеди»¹²⁰.

Четко и определенно по этим вопросам высказался и А.С. «Вскоре после смерти Гапона, — писал он, — в печати говорилось много нехорошего о его личной жизни и о его больших денежных тратах. Не желая вдаваться подробно в этот щекотливый вопрос, замечу только, что ни я лично не видал, ни от кого из ярых противников Гапона не слышал ничего такого, что компрометировало бы Гапона в отношении личной жизни. Он был образцовым семьянином. Почти с первой нашей встречи он мне жаловался, что петербургский комитет партии с.-р., обещавший переправить его жену через границу, несмотря на его настойчивые просьбы и высылку денег, долго не делал этого — и сильно беспокоился за судьбу жены. Затем, когда она приехала, он все время жил неразлучно с нею»¹²¹.

Не швырялся Гапон и деньгами. Тот же А.С. пишет: «К деньгам я не заметил у Гапона ни малейшей жадности. Напротив, в этом отношении он проявлял широту натуры и, когда у него водились деньги, давал без расчета всякому, кто у него просил»¹²². Об этом же говорит и И.Павлов, подчеркивая, что Гапон «в деньгах толку не знал и вести денежные дела совершенно не был способен»¹²³. «...Гапон в сущности был аскет, — писал также И.Павлов, — житейское благополучие для него значения не имело и продавать себя за 30 тысяч, да хотя бы и за 300 и за 3 миллиона, в ущерб интересам народа, он не мог, но для нужд народа он мог их взять, ошибочно учтя последствия»¹²⁴.

Прибыв за границу, в Женеву, и сблизившись в эмиграции с представителями различных российских революционных партий, Гапон пытался играть роль посредника между ними. Это стремление его можно было понять: Гапон прибыл в Женеву вскоре после 9 января, когда всем казалось, что момент решительной схватки с царизмом близок. И в Петербурге и в Женеве он сталкивался с представителями различных фракций в социал-демократии, с эсерами, революционерами Литвы и Польши, бундовцами, анархистами и другими. Он видел и слышал об их разногласиях. Но, как всякий неискушенный в политике, а тем более в теоретических и программных вопросах, человек,

не мог понять причин этого, считал разные точки зрения политических партий и групп на те или иные вопросы несущественными моментами, раз все они выступают против царизма. И прибыв за рубеж, он сразу же стал усиленно агитировать, чтобы все русские оппозиционные фракции и партии объединились, дабы выработать общие требования в борьбе против самодержавия и действовать единым фронтом. Идея эта сама по себе была здравой, и зародыши такого консенсуса у Гапона в гой или иной мере были еще в Петербурге. Разумеется, речь при этом могла идти, по мнению Гапона, только об объединении под его эгидой. «Когда я встретил его, — вспоминает Савинков, прибывший в это время в Женеву, — он был занят планом общепартийной конференции, которая, по его мнению, должна была положить начало объединению всех партий»¹²⁵.

Об этом периоде деятельности Гапона вспоминает и Л. Дейч. «Не знаю, сам ли он набрел на эту мысль или ему ее кто-нибудь подсказал, — писал Дейч. — Скорее, думаю, последнее, хотя он-то, конечно, утверждал, что самостоятельно открыл ее, видя, мол, что все крутом действуют врозь и живут не в ладах»¹²⁶. Здесь мы позволим себе не согласиться с Дейчем. Ничего нет необычного в том, что для неискушенного в вопросах партийной борьбы Гапона идея объединения была сама собой разумеющейся: ведь сумел же он объединить идеей шестивия к царю сотни тысяч людей и сделал это в кратчайшие сроки. Поэтому, естественно, что у него вызывало недоумение отсутствие такого единства у партий, которые все тем не менее выступают против одного и того же врага. А вот с последующей мыслью Дейча трудно не согласиться. «Ничего абсолютно не понимая в политических вопросах, нисколько не разбираясь в программах разных партий, — подчеркивал далее Дейч, — Гапон представлял себе совершенно несущественными все разногласия. Поэтому ему представлялось очень нетрудным делом всех и все примирить и объединить, в особенности, если за это возьмется он, Георгий Гапон, приобретший всемирную известность»¹²⁷.

Идею об объединении Гапон, как мы говорили, подал в «Открытом письме к социалистическим партиям России», которое большевики опубликовали 8 февраля, а меньшевики — 10 февраля 1905 года, то есть вскоре после прибытия Гапона в Женеву и его первых контактах с фракциями социал-демократов, с эсерами. Ленин, как известно, положительно отнесся к этому письму, а меньшевики ответа на поставленные в нем во-

просы практически не дали. «Он говорил мне, — докладывал Ленин делегатам III съезда РСДРП о своей беседе с Гапоном, — что стоит на точке зрения с.-д., но по некоторым соображениям он не считает возможным заявить это открыто. Я ему сказал, что дипломатия вещь очень хорошая, — но не между революционерами. ...На меня он произвел впечатление человека безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного мирозерцания»¹²⁸.

Эта точка зрения Ленина на Гапона не расходилась и с тем, что писал Владимир Ильич приблизительно за неделю до этого в статье «Первые уроки», анализируя ход событий после 9 января. В этом материале Ленин указывал: «Пролетариат порвал рамки полицейской зубатовщины, и вся масса членов легального рабочего общества, основанного для борьбы с революцией, пошла вместе с Гапоном по революционному пути»¹²⁹.

На III съезде РСДРП Ленин далее указывал, что вскоре он получил от Гапона, которого Владимир Ильич называет товарищем, «письменное приглашение на конференцию социалистических организаций, имевшую целью, по мысли Гапона, согласование их деятельности», а также список организаций, которые приглашались Гапоном на конференцию¹³⁰. Среди них были обе фракции социал-демократов России, эсеры, разумеется, которые, видимо, и составляли для Гапона список приглашаемых партий, некоторые левые партии и группы из Польши, Армении, Белоруссии, Финляндии, Грузии, Украины, социал-демократы Польши и Литвы, Латышского края, Финляндии, Украины, — всего 18 организаций¹³¹.

В связи с полученными от Гапона этими материалами Ленин тогда же говорил ему и «одному видному с.-р., что сомнительный состав конференции может затруднить дело», что «на конференции складывается огромное преобладание с.-р.»¹³².

Здесь, кстати, кроется и ответ на вопрос Л.Дейча об авторстве идеи этой объединительной конференции: если подать мысль о ней мог и Гапон, то в дальнейшем, как представляется, ее организацию, по всей вероятности, взяли под свой контроль эсеры.

В связи с возникавшими трудностями работа по созыву конференции затянулась. Большевики согласились участвовать и готовились к ней, меньшевики медлили и в конце-концов ответили отказом¹³³. Гапон развернул бурную деятельность. Он, в

частности, затрагивал этот вопрос и при упоминавшейся нами встрече с представителями Бунда. При этом Гапон жаловался им, что в Женеве он «попал сразу в атмосферу дряг и партийных мелочей», что Плеханов «умный, но все равно, что человек, обмазанный салом: кажется, взял в руки, а его нет», что большевики «прямее», что соглашение между фракциями социал-демократов «не вытанцовывается и почти безнадежно»¹³⁴. В стремлении получить согласие Бунда на участие в созываемой им конференции Гапон безудержно льстил Бунду. Он говорил его представителям, что настоящие социал-демократы в России это только они, бундовцы, понявшие «знамение времени», что он в этом теперь убедился. В своем отчете в ЦК Бунда его представители после этой беседы отмечали: «Характерна для Гапона та легкость, с которой он разрешает сложные практические вопросы, напр., вопрос о соглашениях с либералами. Близнь соглашений с либералами, по его мнению, неосновательна; пусть, мол, либералы, идя за нами, воображают, что они получают львиную долю; беды тут никакой нет, ведь мы знаем, что мы сильнее и что при дележе им достанется разве только хвостик или ушко. Что касается «социализма» Гапона, то он довольно-таки примитивный: «все люди — братья» — и все»¹³⁵.

Бундовцы интересовались, каким образом Гапону удалось избежать ареста накануне 9 января, и последний объяснял это так: события развивались быстро; на собраниях были тысячи людей, и полиция не имела возможности взять его; он не ночевал дома; место, где он ночевал, охранялось патрулями из 30 вооруженных рабочих¹³⁶.

Итак, отношение различных партий к планируемой Гапоном конференции было неоднозначным. Однако Гапон в марте 1905 года вплотную приступил к реализации своей идеи. С этой целью он завязывает связи со II Интернационалом в лице его Международного Социалистического Бюро (МСБ), предлагая себя как бы посредником в деле примирения враждующих фракций социал-демократии — меньшевиков и большевиков. Хитрый, изворотливый и обладающий практической сметкой Гапон, у которого дело с созывом конференции не двигалось, решил, видимо, не без подсказки эсеров, заручиться в этом серьезном деле поддержкой международной социалистической организации.

Гапон пишет письмо в МСБ, в котором сообщает, что под влиянием событий 9 января в Петербурге он переходит в со-

циалистический лагерь, сохраняя однако внепартийную позицию по отношению к различным борющимся между собой в России политическим группам и желая им от всей души возможно скорейшего объединения¹³⁷. В своем письме в МСБ Гапон предлагал «вторично социалистическим партиям поспешить с соглашением между собою для соединенных действий по подготовке вооруженного восстания в России»¹³⁸.

Видимо, во избежание недоразумений надо будет пояснить здесь, почему Гапон говорит о своей внепартийной позиции, когда известно, что сразу же по прибытии в Женеву Гапон «записался» и «был записан» меньшевиками в их партию. Но пробыл он в этом почетном звании очень непродолжительное время. Уже вскоре, видимо, после разговора с прибывшим в Женеву Рутенбергом, Гапон письменно сообщает в редакцию «Искры» о своем выходе из социал-демократической партии, «оставаясь вне партии», хотя его и просили не покидать ее рядов; редакция «Искры» сочла даже нужным слова Гапона «оставаясь вне партии» заменить на выражение «разделяя принципы социал-демократии», что привело к крупному разговору между редакцией и Гапоном¹³⁹.

Письмо Гапона в МСБ имело последствия: оно было разослано Международным Социалистическим Бюро всем российским социалистическим и социал-демократическим партиям, входившим во II Интернационал. МСБ настоятельно предлагало им «дать благоприятный ход предложению Гапона.., считая объединение безусловно нужным и необходимым» в интересах рабочих и революционной борьбы, или хотя бы прийти к определенному соглашению на этот счет¹⁴⁰. Естественно, что Гапон знал о положительной позиции МСБ в отношении его инициативы, и, опираясь на авторитет этой международной организации, он разослал всем российским революционным партиям, действовавшим за границей или на родине, приглашение прислать к определенному сроку своих делегатов на конференцию¹⁴¹.

Как мы уже говорили, большевики сочувственно отнеслись к инициативе Гапона. Конференцию поддержали и бундовцы. Меньшевики же отказались принять в ней участие, так как им, по словам Л.Дейча, популярность Гапона «не представлялась достаточным основанием для того, чтобы он мог выступить в роли объединителя. Человек, чуть ли не накануне появившийся на политическом горизонте, к тому же не имевший никаких политических убеждений, брался за осуществление задачи, ко-

торая до того казалась недостижимой лицам, давно участвовавшим в движении»¹⁴².

Трудно, конечно, не согласиться с Дейчем. Ведь Гапон по сути дела как бы говорил всем партиям: ваши разногласия — это пустяки, и я, Гапон, вас всех примирю и объединю. В этом плане согласие большевиков на участие в конференции носило скорее тактический характер, нежели было связано с их уверенностью, что работа такого совещания будет иметь успех; большевики просто не отказывались от любой возможности, даже если она была заведомо неосуществимой, придти к единству действий в борьбе против самодержавия. Надо полагать, что такой же точки зрения придерживалось и МСБ, поддержав инициативу Гапона о созыве конференции российских революционных партий. Вместе с меньшевиками жесткую прагматическую позицию занял и Каутский, когда Международный Секретариат II Интернационала в Брюсселе опубликовал помещенное в газете «Форвертс» воззвание-призыв Гапона к объединению. «Нужна вся та наивность, которую Гапон уже успел проявить до настоящего времени, — печатала «Искра» мнение К.Каутского по этому вопросу, — чтобы взяться за объединительные действия человеку, который сам узнал кое-что о социализме лишь несколько недель тому назад. Но я думаю, что Международный Секретариат, странным образом присваивающий себе теперь звание Исполнительного Комитета Международного Социалистического Бюро, решительно выходит из пределов своих полномочий, когда делает себя глашатаем Гапона»¹⁴³.

В какой-то мере эту же мысль высказывал и Ленин в конце марта в статье «Социал-демократия и временное революционное правительство». Он писал, что «среди опасных друзей революции из лагеря революционеров» есть всякие, есть и «такие, у которых инстинкт заменяет революционное мирозерцание (вроде Гапона)»¹⁴⁴. Но, высказываясь по поводу теоретических познаний Гапона, Ленин несогласен при этом и с Троцким, по мнению которого, «свящ.Гапон мог появиться однажды» и «второму Гапону нет места»¹⁴⁵. Возражая против такого сужения созидательных возможностей революции, которая может приводить к самым неожиданным и заранее непредвиденным ситуациям, комбинациям и прочее, Ленин подчеркивал: «Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции»¹⁴⁶.

Итак, 20 марта (2 апреля) 1905 года в Женеве собралась конференция ряда российских социалистических и социал-демократических организаций, созванная по инициативе Гапона¹⁴⁷. Об «участии» в ней большевиков мы будем говорить отдельно. А пока скажем, что на конференцию в основном прибыли партии и организации, которые в той или иной степени придерживались тактики и отчасти программных положений социалистов-революционеров, под эгидой которых, собственно говоря, и проходило это совещание. Гапона единогласно избрали председателем конференции, от чего он первоначально решительно отказывался, но поскольку все на этом настаивали, то он в конце концов дал согласие. Секретарем избрали, по просьбе Гапона, уже известного нам, близкого к эсерам, А.С.

Первым вопросом в повестку дня была поставлена проблема о национальных правах окраин России. Внимание проявленное к этому вопросу конференцией было закономерным: большинство делегатов представляли партии и группы различных национально-территориальных образований России. Гапон был недоволен таким началом работы и настаивал на переходе к рассмотрению вопроса о тактических соглашениях между партиями. Однако представители окраинных политических организаций заявили, что без согласия по национальному вопросу нельзя приступать к разговору о соглашении по тактическим проблемам, и Гапон, примирившись с этим, даже сам выступал в дебатах. При этом произошел довольно характерный для Гапона инцидент.

После выступлений представителей польской и армянской организаций по вопросу о национальной автономии Гапон вдруг разволновался и попросил слова. Сначала понять его было трудно: он начал довольно бессвязно, путался, не находил сразу необходимых при обсуждении такой темы нужных слов, повторял по несколько раз одни и те же фразы. Тем не менее все слушали Гапона с напряженным вниманием. И постепенно его мысль дошла до присутствующих. Она заключалась в следующем. Вот все здесь говорят о правах окраин, подчеркивал Гапон, но никто ничего не сказал о правах России, которую рвут на части. Все заботятся только о себе, а о России никто не думает, с волнением говорил Гапон, призывая подумать и о России. Один из представителей социалистов-революционеров, чистокровный великоросс, успокаивал Гапона, говоря, что никто и не посягает на национальные и суверенные права вели-

короссов, что каждая нация лишь стремится по возможности оградить свои национальные права.

И все же, когда обсуждался вопрос о федеративном устройстве и при этом говорилось об отделении Польши от России, что, конечно, было воспринято всеми положительно, председатель Гапон оказался единственным оппонентом. Он заявил, что такая федерация крайне вредна для Польши и совершенно не отвечает интересам русского народа. Все, разумеется, пребывали в шоке, Гапона уговаривали, но он был непреклонен, и в протокол конференции было внесено «особое мнение председателя конгресса»¹⁴⁸.

Еще один инцидент, повергнувший всех в ужас, произошел на конференции, когда обсуждали вопрос об аграрных отношениях в России. Гапон заявил, что экспроприация всех земель и бесплатная раздача их крестьянам внесут лишь разврат в крестьянскую среду, совершенно дезорганизуют ее, превратят крестьян в сообщество и даже в кучку анархистов. Гапон говорил, что крестьянину надо внушать уважение к собственности. Если наделять крестьян землей, что чрезвычайно необходимо, подчеркивал он, то делать это не бесплатно, дабы не приучать их к мысли, что все можно получить даром. И конференция опять должна была вносить в протокол особое мнение председателя Гапона.

А Гапон, после таких двух выданных им делегатам своих позиций, видимо, понял ситуацию и сложил с себя председательство, поблагодарив за оказанную ему честь.

Говоря о конференции, нельзя не рассказать и еще об одном ее событии, о дебатах по вопросу о еврейской национальной автономии, в которых принял участие и Гапон. При этом позиция Гапона по данному вопросу в какой-то мере контрастировала с его высказываниями относительно самостоятельности Польши. Гапон совершенно неожиданно для всех выступил на конференции горячим поборником гражданского и национального равноправия евреев в России¹⁴⁹. Он говорил, что евреи такая же нация, как поляки, армяне, литовцы и другие, и они, как и все, имеют право на национальную автономию. Говорят, что у евреев нет своей территории, но из этого можно сделать только тот вывод, подчеркивал Гапон, что им должна быть дана в России земля.

Защита Гапоном на конференции прав еврейского народа имела в дальнейшем свое продолжение. Когда в России начались еврейские погромы, Гапону предложили написать брошю-

ру в защиту евреев, и он дал согласие. Надо сказать, что, по словам А.С., у Гапона вообще-то была двойственная позиция в отношении евреев: с одной стороны, он говорил, что они много сделали для России и революции, а с другой, — что в революции слишком много евреев, и они только мешают и портят все дело¹⁵⁰. Можно сказать, что в каждый конкретный момент взгляды Гапона на те или иные явления общественной жизни определялись его настроением, минутными политическими расчетами, конъюнктурой обстановки.

Но вернемся к брошюре по еврейскому вопросу. Гапон договорился о ее написании с А.С.: тот делает, Гапон смотрит и подписывает. А.С. сделал материал, но Гапону не понравилось, и он сделал его сам «в стиле церковной проповеди», как рассказывает об этом случае А.С.¹⁵¹. Брошюра, например, заканчивалась следующим образом: «Русский народ, народ православный, народ христианский. Как думаешь ты, если бы Христос, Спаситель наш явился теперь в своем земном виде в нашу Русь святую, то не заплакал ли бы Он еще горше вторично, видя, как ты празднуешь святое Его воскресение великими погромами Его народа любимого — бедноты еврейской? Подумай и ответь не мне, а себе, в сердце своем»¹⁵². Думается, что с точки зрения воздействия на верующие массы простотой и в то же время аргументированностью изложения это звучит совсем неплохо. Во всяком случае, когда А.С. привез рукопись в Женеву из Лондона, где в это время находился по своим творческим литературным делам Гапон, то один миллионер-еврей из Германии, убежденный в магическом влиянии Гапона на народные массы, пожертвовал на издание этой брошюры 3 тысячи швейцарских франков, и она вышла тиражом в 75 тысяч экземпляров, что по тем временам было очень редким событием¹⁵³. Как вспоминает А.С., она «была составлена в совершенно беспартийном духе», и ее распространение в России взяли на себя все организации¹⁵⁴. А.С. пишет, что из напечатанных экземпляров эсеры взяли 20 тысяч, Бунд — 15, меньшевики — 10, сионистские организации — 5, Гапон для своей собственной организации взял 10 тысяч экземпляров, «большевики ничего не взяли», но «какая часть из этих 60000 экземпляров, — заканчивает А.С., — дошла до России, трудно сказать»¹⁵⁵.

Говоря о созванной Гапоном в Женеве объединительной конференции, мы упоминали о прибытии на нее и большевиков. Расскажем об этом немного подробнее. 20-21 марта (2-3

апреля) 1905 года Ленин присутствовал на этой конференции, но когда убедился, что на нее не были приглашены многие рабочие партии, он покинул ее. Вскоре, на III съезде РСДРП, проходившем 12-27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 года, вопросы о Гапоне, петиции рабочих на имя царя, объединительной конференции в Женеве затрагивались в выступлениях делегатов съезда и в специальном докладе Ленина о практических соглашениях с социалистами-революционерами.

Так, на 7-ом, вечернем, заседании съезда 15 (28) апреля делегат от Урала Валерьянов (Лосев) говорил, что Петербургский комитет не смог в январе ни овладеть движением, ни объяснить его, что он даже петицию Гапона перепечатал без каких-либо комментариев¹⁵⁶. А когда делегат от Петербурга Филиппов (Румянцев) бросил реплику, что «ничего подобного Петербургский комитет не издавал», в ответ Валерьянов сказал, что он «сам читал такой листок», что он может назвать и другой листок, восточных комитетов¹⁵⁷, в котором «Гапон назывался обнаглевшим попом»¹⁵⁸.

Далее. На 10-ом, утреннем, заседании съезда 18 апреля (1 мая) Филиппов (Румянцев) в своем выступлении говорил, что Петербургский комитет «проспал очень много», что «невнимание к гапоновским обществам оказалось пагубным, и оно вытекало в значительной мере из прямолинейного и неправильного понимания наших общих принципов»¹⁵⁹. И далее делегат, говоря о тактике партии, продолжал: «Надо пользоваться каждым случаем открытого выступления, показывать на деле лицемерие правительства, — тогда и только тогда массы будут верить нам, — иначе влияние будет ничтожно, влиять же на рабочих будет Гапона и даже провокаторы»¹⁶⁰.

Наконец, на 21-ом, вечернем, заседании 23 апреля (6 мая) Ленин доложил съезду по вопросу о практических соглашениях с социалистами-революционерами. Он говорил делегатам, как мы уже знаем, о первых контактах большевиков, своих с Гапоном, получении от него «Открытого письма», приглашения участвовать в работе объединительной конференции, соображениях, высказанных им по поводу ее состава. На съезде Ленин обратил самое серьезное внимание на состав конференции. Он говорил: «Оказалось, что рабочие партии либо вовсе не приглашены, либо нет никаких сведений, что они приглашены»¹⁶¹. Это было решающим условием, вынудившим большевиков отказаться от участия в работе конференции. Их поддержали ла-

тышские и армянские социал-демократы и Бунд¹⁶². Ленин сообщил также делегатам, что через пару недель после окончания конференции Гапон передал ему две декларации — по национальному и аграрному вопросам¹⁶³.

Когда Гапон «ушел» от социал-демократов, он некоторое время оставался, так сказать, «беспартийным». Как рассказывал сам Гапон, с него постепенно спадал какой-то чад, он разочаровывался в партиях¹⁶⁴. Положение в социал-демократии было, конечно, тяжелое. Достаточно сказать, что вся социал-демократическая организация Петербурга — и большевики, и меньшевики — к концу весны 1905 года включала в себя только 800-1000 человек рабочих¹⁶⁵.

Гапон говорил¹⁶⁶, что программы обеих партий — и социалистов-революционеров, и социал-демократов — во многих своих частях хорошие, особенно с точки зрения идейной. Ведь и Христос завещал нам общее равенство на земле, выше которого и быть ничего не может. Но вот беда, продолжал обычно Гапон, они люди слова, а я — человек дела, и мы тут столкнуться не можем. В беседах с ними я обыкновенно спрашиваю: ну, это все прекрасно, а что мне теперь делать с рабочим народом, которому живется невыносимо тяжело? И тут начинается разговор из области теории: как нужно добиться образования демократической республики из монархических форм правления. Я слушаю, слушаю и, наконец, говорю: ничего этого сделать в России нельзя. Что хорошо в Бельгии или Дании, то никуда не годится в России. Но меня не слушают и опять начинают доказывать, что теории раз навсегда уже разработаны Марксом, Бебелем, другими, что руководящий орган партии уже приспособил эту теорию, с некоторыми изменениями, к особенностям России. Читаю я эти последние приспособления и вижу ясно, как днем, что здесь опять не то, ошибка за ошибкой, а все только потому, что эти теоретики знают, очевидно, Россию теоретическую, а о действительной и понятия не имеют.

А вот еще одно из таких более поздних теоретических рассуждений Гапона, приводимое корреспондентом «Нашей жизни»¹⁶⁷. «В настоящее время положение дел в России критическое, — рассуждает Гапон. — Хаос полный. У руководителей движения нет достаточно рассудительного отношения, как не было у меня самого, пока я сидел за границей и не соприкасался непосредственно с народом, не знакомился лично с его настоящим настроением. Вожаки крайних партий, которых я

глубоко уважаю, совершают крупные теоретические ошибки, проповедуя немедленно вооруженное восстание и демократическую республику или немедленное осуществление 8 часового рабочего дня».

Л. Дейч рассказывает, что Гапон искренне полагал, будто социал-демократия «существует благодаря лишь его милости и снисхождению»¹⁶⁸. Однажды Гапон в присутствии Г. В. Плеханова высказался по этому поводу. «Стоит мне захотеть, и все рабочие отвернутся от социал-демократов», — заявил Гапон, на что Плеханов с ироническим смехом ответил, что социал-демократической партии «не могли повредить Плеве с Зубатовым, ну, а уж «отца Георгия» ей и подавно не страшно»¹⁶⁹.

Первые два-три месяца пребывания за рубежом Гапон наслаждался и дышал воскуриваемым в его честь фимиамом. Но вечно так продолжаться не могло. И принимая, как должное, все восхваления в свой адрес, Гапон в то же время не забывал начатого им на родине дела и старался в это время завязать контакты с уцелевшими представителями рабочих отделов в России. Давалось это ему, конечно, не легко: ведь Гапон был вырван из привычного круга своих отношений с рабочими, с руководителями отделов, лишен связей со своими доверенными людьми. Как мы знаем, он «отошел» от социал-демократов, документов устроенной им в Женеве конференции безоговорочно не принял и не подписал. Именно в это время эсеры и перевезли Гапона не надолго из «социал-демократической» Женевы в Париж. К этому же периоду относится и начало более интенсивной литературной деятельности Гапона, когда он давал интервью в газетах с описанием событий 9 января и своей роли в них. Гапон стал зарабатывать приличные деньги. Уже в январском номере женевского «Ле Монде Модерне» начала печататься автобиография Гапона¹⁷⁰.

В Париже Гапон, войдя во вкус своей роли вождя, знакомится с представителями социалистического и либерального мира Франции. Л. Дейч вспоминает, что Гапон рассказывал ему, как эсеры «возили его в Париж представлять Клемансо и Жоресу. По его словам, эти известные политические деятели советовали ему нигде публично не выступать, чтобы не ронять своего престижа»¹⁷¹. Гапон потом всем говорил, с каким почетом его принимали Жорес, Клемансо, Вальян и другие деятели Франции¹⁷². Рутенберг вспоминал, как Гапон рассказывал ему, что Жорес и Вальян были рады с ним встретиться и побеседо-

вать, «они сказали, что это для них большая честь»¹⁷³.

Характерно, что в Париже Гапон поселился в семье одного из видных лидеров социалистов-революционеров Азефа¹⁷⁴. Он много и долго с ним разговаривал, рассказывал Азефу о своих связях и контактах с Зубатовым и полицией. Обо всех этих разговорах Азеф докладывал ЦК своей партии. Кстати, именно Азеф устраивал Гапону свидания и встречи с Жоресом, Вальяном, Клемансо. По некоторым данным, к этому времени относится появление в Париже одного бывшего агента охранки, который будто бы рассказал эсерам о некоторых тайнах департамента полиции, и разговоры Азефа с Гапоном происходили тогда, когда последний узнал об этом агенте¹⁷⁵. Не отсюда ли берет начало большая «игра» Азефа с Гапоном, приведшая в итоге к его гибели и на некоторое время отсрочившая разоблачение самого Азефа? По словам В.Бурцева, разоблачившего впоследствии Азефа, к маю 1905 года Гапон за границей вновь вступает в контакты с департаментом полиции¹⁷⁶. Гапон и за границей не скрывал, что на дело организации рабочих отделов он получил от правительства до 6 тысяч рублей¹⁷⁷.

Из Парижа Гапон вернулся в Женеву вместе с Рутенбергом. Последний рассказывает, что как-то Гапон застыл у витрины писчебумажного магазина «не в состоянии оторваться от... своего портрета на почтовой открытке»¹⁷⁸. Видимо, эсеры нашли Гапона созревшим для вступления в их партию. Во всяком случае, вскоре после возвращения в Женеву, то есть уже после того, как попытки Гапона объединить все партии не увенчались успехом, ему было сделано такое предложение. Савинков вспоминает, что Гапон решился на этот шаг после долгих переговоров¹⁷⁹. Рутенберг рассказывает, что Гапону дали 1000 франков, чтобы он не нуждался в деньгах, и на известных условиях, конечно, приняли в партию; эти условия заключались прежде всего в соблюдении дисциплины¹⁸⁰. В присутствии Чернова, Савинкова и Азефа, рассказывает Рутенберг, «я объяснил ему обязанности, которые он берет на себя, вступая в партию. Ни о каких самостоятельных планах, деловых переговорах без предварительного совета и разрешения центрального комитета не могло быть больше речи. Ни о каких двусмысленностях, недоговоренностях — тем более. Ему предлагалось почитать, подучиться и в то же время писать свои записки, для которых был найден издатель. ...Претендовать на откровенность он может в пределах той области, в которой будет работать»; выбор у Гапона был свободный, и «он принял все условия»¹⁸¹.

Откровенно говоря, было совершенно непонятно, на что надеялись эсеры, принимая Гапона в партию, да еще требуя от него строжайшего соблюдения дисциплины. По всему складу своего характера Гапон после 9 января уже не мог быть рядовым членом любой организации, он видел себя только руководителем. Видимо, здесь сыграли свою роль два обстоятельства. Первое — Гапон был нужен эсерам для рекламы. И второе — Гапон был нужен, как представляется, Азефу, который, видимо, хотел несдержанным и эмоциональным Гапоном прикрывать свою провокаторскую деятельность.

Итак, в мае 1905 года Гапон стал социалистом-революционером. А.С. в этой связи писал, что через несколько недель после конференции в Женеве, 1 мая, местная группа эсеров устроила вечером в кафе банкет, на котором было человек 40, и Гапон тогда-то и сказал А.С., что сегодня, несколько часов тому назад, он вступил в партию социалистов-революционеров¹⁸². По началу вроде бы все шло нормально. Гапон стал развивать в духе эсеров идею террористического движения в крестьянстве, и в этих своих планах он нашел поддержку у многих эсеровских деятелей, в частности у Брешко-Брешковской, Рутенберга, а также у старого эмигранта-анархиста князя Д.А.Хилкова¹⁸³. Он очень много говорил о необходимости основать «боевой комитет» — особое учреждение, которое ведало бы центральным и массовым террором¹⁸⁴.

Кстати, в эти дни Азеф из Женевы доносил руководителю политического сыска за границей, а в дальнейшем начальнику особого отдела департамента полиции Ратаеву о проходившей в Женеве конференции, созванной Гапоном, о делегатах эсерах на ней Чернове и Брешко-Брешковской, сообщал, что Гапон проживает у Шишко, что Брешко-Брешковская, Хилков и Гапон намереваются образовать боевой комитет, который скоро начнет действовать; свое близкое знакомство с Савинковым Азеф скрывал от Ратаева¹⁸⁵.

Но вернемся снова к Гапону. Учиться, как ему советовали, он был не очень-то расположен. Л.Дейч с сарказмом писал, что будучи «уже лишенным права носить рясу, он, повидимому, предполагал, что в другой раз ему придется фигурировать в качестве полководца, вооруженного огнестрельным оружием и восседающим на ретивом коне. Для этого он самым усердным образом обучался в женевском манеже верховой езде, а в тире — стрельбе из разного оружия. ...Он также обучался искусству

приготовления динамита и бомб»¹⁸⁶. Дейч подчеркивал, что он с Гапоном познакомился уже тогда, когда тот «ушел» из социал-демократической партии, вел конспиративный образ жизни, имел другую фамилию. Гапон в Женеве жил на квартире у эсера Шишко, где часто увлекался стрельбой из детского пистолета палочкой с гуттаперчевым наконечником, что его захватывало как ребенка¹⁸⁷.

Плеханов как-то сказал о прокламациях и воззваниях Гапона к народу, что «Гапон водрузил крест на бомбу»¹⁸⁸. Когда социал-демократы говорили, что такие листки печатать не нужно, Гапон отвечал, что вот социалисты-революционеры, наоборот, хвалят их и готовы печатать в своих типографиях. По словам Гапона, социал-демократы понимают толк в книжках, а социалисты-революционеры люди дела, практики. Дейч так передает эти слова Гапона. «Им теории не важны, лишь бы человек был отважен, да предан народному делу, — говорил Гапон. — Они от меня ничего не требуют, не критикуют моих действий. Наоборот, они всегда хвалят меня. ...Несомненно, что по своей подготовке, — заключал Дейч, — а также и по настроению, Гапон больше всего подходил тогда к социалистам-революционерам»¹⁸⁹.

Однако Гапон очень скоро не поладил и с эсерами. Ехать в Россию и заниматься агитацией среди крестьян по заранее выработанному с ним плану он не захотел, ограничиваясь предсказаниями в ближайшем будущем массовых вооруженных выступлений и призывом к их подготовке¹⁹⁰. Своими некоторыми шагами он ставил организацию в двусмысленное положение, поскольку все считали его членом партии эсеров. Став социалистом-революционером, он стал предъявлять слишком большие претензии: требовал ввести его в курс дела всех конспиративных операций и предприятий партии, ввести в члены ЦК и боевой организации, планы которой он хотел знать. Во всем этом ему было решительно отказано, и в то же время сказано, что он может выйти из партии. Брешко-Брешковская, которая вела с ним переговоры и была возмущена всеми этими его претензиями прямо заявила ему: «Можешь чувствовать себя совершенно не связанным своим участием в партии и поступать, как знаешь»¹⁹¹. И Гапон вскоре вышел из партии, начав с этого момента действовать самостоятельно, на свой, как говорится, риск и страх, носиться с планом собственной организации для борьбы с царизмом. Какой-то всего месяц он пребывал социалистом-революционером.

Рутенберг объясняет уход Гапона от эсеров появлением у него денег, тщеславием. «Неслыханные, совершенно непередаваемые для него гонорары за его рукописи, — писал Рутенберг об этом периоде жизни Гапона, — фантастические сказки о нем в печати, разные иностранные «знаменитости» (вплоть до английской принцессы), добивавшиеся посмотреть на него, проинтервьюировать его,.. даже расклеенные на улицах плакаты о театральных и балаганных представлениях с громадными подписями «Гапон», сами эти представления, на которых Гапон присутствовал, — все кружило ему голову, все говорило ему, что он может быть только «вождем» революции — и ни в каком случае простым членом революционной партии»¹⁹².

В какой-то мере Рутенберг был, конечно, прав. Но не только в этом заключалась трагедия Гапона, не только этим объяснялся его уход от эсеров. Деньги, слава, почет, лесть, толпы поклонников, — все это имело место, но они не настолько «испортили» Гапона, чтобы можно было говорить о его каком-то перерождении. Мы уже говорили, что многое здесь наносное и приписано Гапону падкой до сенсаций, в большинстве случаев высосанных из пальца, прессой. Порою это доходило до анекдотических случаев, импровизация европейских журналистов о Гапоне была просто абсурдна.

Вот что рассказывает об одной такой утке А.С. Однажды, когда Гапон находился безвыездно в Женеве, писал он, в бельгийской газете был напечатан рассказ журналиста, как он накануне ночью встретил Гапона в Брюсселе на тайном студенческом собрании. «Когда все уже были в сборе, вдруг открывается дверь и входит, поддерживаемый с обеих сторон двумя студентами, высокий священник в сутане, — говорилось в этом рассказе. — Медленно и торжественно приближался он к эстраде, благославляя на пути движением рук молодых революционеров. Когда он сел, студенты и студентки стали поочередно подходить в эстраде и с благоговением целовали протянутую им руку пастыря»¹⁹³.

Далее журналист еще более развивал полет своей фантазии. После окончания церемонии целования руки, писал автор, Гапон произнес речь, в которой давал наставления, как заниматься революционными делами. В конце собрания журналист был представлен Гапону, и тот очень любезно сказал ему по-французски с чуть заметным акцентом: «Можете заявить, что наши отношения к Европе, в особенности к Франции и Бельгии, самые дружественные!»¹⁹⁴

Гапон был в восторге от этого рассказа, он долго потом вспоминал о своем «благословении молодых революционеров» и «чуть заметном акценте» — Гапон ни слова не знал по-французски.

Из того же теста были сделаны прессой и все байки о кутежах Гапона, его безумных тратах денег, в том числе и на женщин. Обратимся опять к тем, кто знал Гапона, наблюдал его жизнь за рубежом. Л.Дейч писал: «Гапон, действительно, искренно сочувствовал нуждавшимся массам и был способен, под влиянием настроения, пожертвовать для них даже своей жизнью»¹⁹⁵. Л.Дейч вспоминает, что Гапон далеко не был аскетом и «не прочь был взять от жизни все, что она может ему дать»¹⁹⁶.

А вот еще одно свидетельство о Гапоне, в котором также есть немалый разброс суждений, но оно, как представляется, в чем-то приближается к истинной характеристике Гапона, данная, к тому же, по свежим следам его деятельности. И не только приближается, но чем-то напоминает портреты многих наших сегодняшних деятелей. «...Гапон — несомненно фигура крупнее обычных, шаблонных и мелких карьеристов и наживал: он, конечно, далеко не прочь и от материальных благ и радостей жизни, не прочь и от денег, но они — не руководящий стимул и побуждение в его деятельности, не это — характерная черта его сложной натуры, — пишет автор. — ...Гапон — это безумный, неистовый честолюбец, из разряда тех, которые, подобно некоторым нашим «государственным людям», считают для себя, во имя этого честолюбия и ненасытной жажды власти, все дозволенным включительно до всяческого лицемерия, лжи и предательства»¹⁹⁷. Не со всем здесь, конечно, можно согласиться, но пища для размышления о портрете Гапона имеется.

Не можем не привести высказываний о Гапоне и Карелина. «О Гапоне говорили и говорят много нехорошего, что пил он, развратничал, — вспоминал Карелин. — Не верно все это. Он не нуждается в моих оправданиях, он умер, а мертвые срама не имут. Мы же, гапоновцы, верили и верим в его чистоту. Такого человека, как он, честного, чистого, простого я больше в жизни не встречал»¹⁹⁸.

За человека обычно говорят его поступки. М.И.Сизов, встречавшийся с Гапоном за границей, приводит один документ, характеризующий его отношение к пожертвованным средствам. «У меня под рукой находится крайне любопытный документ — письмо Гапона, еще нигде не напечатанное, в женевскую студенческую кассу взаимопомощи, — пишет М.И.Си-

зов. — Эта студенческая касса, как мне известно, решила пожертвовать Гапону сто франков из выручки после обычного новогоднего бала. Гапон ответил следующим: «Сердечно благодарю вас, граждане, за привет и за посильную помощь борцам за свободу. Ваши сто франков передам в распоряжение революционного боевого комитета для фонда мести и свободы. Крепко жму вам руку, товарищи. Георгий Гапон. 23-го марта 1905 года»¹⁹⁹.

Еще об одном случае бескорыстия Гапона рассказывает А.С., вспоминая о написании Гапоном брошюры о еврейских погромах. По словам А.С., Гапон написал ее безвозмездно, хотя «всякая страничка его писаний давала ему сотню франков, и со всех сторон у него пошли статьи»²⁰⁰. И далее А.С. вспоминает: «Более того, когда эта брошюра была переведена на немецкий и английский языки и было получено что-то около 500 франков гонорара за это, он отказался от них, пожертвовав эти деньги на расходы по изданию брошюры»²⁰¹. Тот же А.С. пишет, что и в Женеве, и в Лондоне Гапон жил сравнительно очень скромно, и если он тратил иногда лишние деньги, то только на телеграммы, галстуки и разъезды во втором классе.

Весна в Женеве была в полном разгаре, когда Гапон где-то в середине апреля 1905 года, то есть уже после проведения объединительной конференции, получил предложение крупного лондонского издательства написать книгу о себе и о рабочем классе. Гапону обещали баснословно высокий гонорар — чуть ли не 40 копеек со строчки²⁰². Книгу надо было подготовить очень быстро, и Гапон договорился с одним жившим в Лондоне эмигрантом, неким Д.С., что тот будет прямо писать с его слов се по-английски и по частям сдавать в печать. По всей вероятности, эта работа была предложена Гапону именно через Д.С. Естественно, что для этого Гапону было самому удобнее находиться в Лондоне, и он в середине мая выехал в английскую столицу вместе с женой, которая незадолго до этого прибыла к нему из России²⁰³. Пробыв в Лондоне более двух месяцев, Гапон в конце июля — начале августа возвратился в Женеву.

В Лондоне Гапон познакомился с Кропоткиным, который был о нем хорошего мнения, с другими русскими эмигрантами, с представителями английских тред-юнионов. Написанная им автобиография была напечатана в английском журнале «Странд Магазин», откуда и был сделан впоследствии русский перевод, полностью опубликованный только в 1918 году²⁰⁴. Гапон потом

говорил, что за свою книгу в Англии он получил 30 тысяч рублей²⁰⁵. «По цензурным условиям перевод этот, — говорилось в предисловии, — хотя и был набран в типографии, но не мог появиться в печати в 1906 году полностью и в газетах печатались только незначительные отрывки из воспоминаний Гапона»²⁰⁶. Автобиография вышла также отдельной книгой на французском языке под заголовком «Воспоминания попа Гапона»²⁰⁷.

В первой же главе Гапон объясняет, почему он написал книгу о себе и о событиях 9 января. «Провидение избрало меня орудием в развитии этих событий, — говорил Гапон. — Но, чтобы быть этим орудием, необходимы были сведения и опытность, и каким образом я их приобрел, лучше всего будет объяснить, рассказав мою жизнь. Я только один из многих, и другой, как и я, мог явиться в данный момент и при данных обстоятельствах, но так как это был я, а никто другой, то, понятно, что люди хотят сведений от меня; вот почему я и решил рассказать о моей жизни»²⁰⁸.

Что можно сказать по поводу этих рассуждений Гапона? Они очень здравые и совсем не вяжутся с теми характеристиками отрицательного плана, которые к этому времени начинают все чаще появляться.

И совсем неплохо, по-революционному, боевито, а главное — пророчески звучат заключительные аккорды книги Гапона. «Но меня спросят, — вопрошает Гапон, — как долго борьба может продолжаться и что получают те классы населения, которыми я наиболее интересуюсь — рабочие и крестьяне? Если царь обнаружит мудрость и предоставит народу свободу самому устроить свою жизнь, то революции можно было бы и теперь еще избежать и спасти династию для конституционной монархии. Но какое же мы имеем основание ожидать такого мудрого и мужественного шага со стороны царя?»²⁰⁹ И он заканчивает: «По всему этому я могу с уверенностью сказать, что борьба идет быстро к концу, что Николай II готовит себе судьбу одного из английских королей или французского короля недавних времен, что те из его династии, которые избегнут ужасов революции, в недалеком будущем будут искать себе убежища на Западе»²¹⁰.

Вернувшись из Лондона в Женеву Гапон снова попал в непрекращающийся водоворот межпартийных отношений. Он опять встречается с бундовцами, большевиками, меньшевиками и эсерами, заводит контакты с будущими максималистами — эсеровской оппозицией. Социал-демократия к этому времени

распалась не только фактически, но и юридически на две фракции: большевиков и меньшевиков. Л.Дейч вспоминает, что Гапон сделал попытку объединить эти две фракции, несмотря на свою неудачу с объединением всех революционных партий. «На этот раз Гапон очень осторожно принялся за объединительную миссию, — пишет Л.Дейч. — Пришедши однажды к Плеханову, он сообщил, что готов присоединиться к социал-демократам, но не может сделать этого только потому, что не желает войти ни в одну из двух существующих фракций. Если бы, мол, состоялось их соединение, — он теперь вступил бы в с.-д. партию. При этом Гапон сообщил, что из беседы с Лениным он заключил о желании последнего, чтобы с.-д. партия объединилась»²¹¹.

Но из этого гапоновского зондажа также ничего не вышло. По всему чувствовалось, что Гапон начинал все чаще выходить из себя, нервничать. Он носился с какими-то фантастическими планами и проектами. Одно время собирался даже ехать в Америку. Встречаясь с представителями многих политических партий, он от каждого из них скрывал, что поддерживает контакты с другими, со всеми лукавил и хитрил, ни с кем не сходил-ся, за глаза всех ругал, организовывал какую-то «свою рабочую партию», но без интеллигенции²¹², о которой очень много распространялся. Один из эсеров упрекал, например, его в том, что он тайно ведет какие-то переговоры с Лениным, из квартиры которого он видел выходящим Гапона.

Между различными его планами, которые порою поражали всех своей абсурдностью, был, по словам А.С., и такой²¹³. Десять или двадцать тысяч рабочих собираются в одной из приморских пристаней поблизости от Петербурга и захватывают ее в свои руки. В это время он, Гапон, подъезжает к пристани на корабле, нагруженном оружием. Рабочие вооружаются, и он во главе их движется на Петербург. В этом был весь Гапон. Ну, как тут не вспомнить работу Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанную им в июне-июле 1905 года и в которой он причисляет Гапона к многим революционным демократам, обольщающимся словами «революция» или «великая русская революция»²¹⁴.

Мы уже говорили, что Гапон был хитер, изворотлив, лукав, ловок. В этой связи И.Павлов писал, что он «мог допускать какие угодно компромиссы, лишь бы достигнуть ближайшей цели, и в этом именно пункте и была его самая слабая сторона; у

него не было устойчивости взгляда»²¹⁵. Еще более определенно по этому поводу высказывался А.С. «Самою печальною чертой характера Гапона, — подчеркивал он, — была хитрость. Это была какая-то особенная хитрость, коварная, лукавая, вероломная, и в то же время наивная по своим приемам. Она пронизала все существо этого человека, отражалась в его глазах, сказывалась в манере говорить, в смехе, в движениях. Чувствовалось, что он постоянно держит камень за пазухой, постоянно политиканствует. Он не стеснялся, когда это ему казалось нужным, прибегать к самой грубой лжи и нисколько не смущался, когда его обличали в ней»²¹⁶.

Еще будучи в России, Гапон совершенно не считал зазорным разговаривать о делах рабочего союза с Плеве, иметь контакты по этому же вопросу с охранкой, служить ради этих же целей у Зубатова, получать от властей деньги на свое дело. Но и находясь за границей, познакомившись с революционерами, Гапон не изменил себе и по-прежнему не видел ничего предосудительного в том, что ему приходилось о делах рабочих говорить и с разными сановниками, и с другими «нужными» людьми, мало имевшими понятие о чести, совести, а тем более о революционности и революции.

И в то же время это был человек простой, к фабричному люду относился хорошо, к рабочим шел отнюдь не из-за денег, разговаривал с ними на понятном им языке, который, надо прямо сказать, не всегда был доступен интеллигенту. За границей он уже становился сторожилом, его узнавали на улицах европейских городов, особенно после того, как он, будучи в Париже, подарил какому-то репортеру свой портрет, сразу появившийся в ряде популярных журналов.

Л. Дейч подчеркивал, что «от природы Гапон, несомненно, был умен, очень способен и, в некоторых отношениях, быть может, не без дарований»²¹⁷, он обладал настойчивостью, энергией. «Гапон был, без сомнения, очень крупной и оригинальной личностью, — вспоминал о своих встречах с ним А.С. — Обладая сильной волей, бешеным темпераментом и фанатической верой в свои силы и свое призвание, он был одним из тех «героев», магическое влияние которых на «толпу» остается всегда загадкой для посторонних наблюдателей»²¹⁸. Его толкало и вело по жизненному пути огромное самолюбие и желание, даже какая-то жажда во что бы то ни стало выдвинуться, стать героем. Один из встречавшихся с ним, Бухбиндер, свидетельст-

вует, что Гапон часто повторял: «Я буду или великим человеком или каторжником»²¹⁹. В свою очередь Рутенберг вспоминал, что однажды осенью 1905 года, когда Гапон находился в Финляндии, финский революционер, капитан красной гвардии Кок бросил ему реплику, что в России, дескать, был Гапон, а теперь ей нужен, мол, Наполеон, и в ответ услышал совершенно серьезно сказанные Гапоном слова: откуда вы знаете, может быть, я буду Наполеоном²²⁰.

Как-то Гапон разговаривал с М.И.Сизовым по вопросу о нелегальной работе и высказался таким образом. Зачем перевозить запрещенные книги, теряя на это время и напрасно рискуя? Пусть занимается этим, кто хочет, а мое дело давать толчок мыслям и направлять их. Важно направить их, резюмировал Гапон, а откуда будет этот толчок, справа или слева, это неважно, важно другое — дать такой толчок²²¹. «Слушая Гапона, — вспоминает М.И.Сизов, — чувствовалось, что какая-то задняя мысль проскальзывает в его речах, какая-то навязчивая идея давит его мозг и заставляет его время от времени перемещать разговор, чтобы углубиться в себя, а затем снова рассыпать свои мысли в яркие, как искорки, желания»²²².

Л.Дейч, который иногда беседовал с Гапоном о его планах, писал: «Конечно, наиболее затаенных своих надежд он мне не поведал; но, приняв во внимание его громадное самолюбие, уже из того, что мне от него пришлось слышать, нетрудно было угадать, каковы могли быть его виды на будущее: он — центральная фигура, вокруг которой все склоняются, его указаниям все следуют, ему удается довести до конца начавшуюся политическую борьбу. А там, сделав всех счастливыми и довольными, он будет пользоваться всякими почестями...»²²³.

Гапон, конечно, не мог не понимать, что 9 января не прошло для рабочих бесследно, что они выросли за время его отсутствия в России, что без связей и контактов с ними он, Гапон, может потерять и уже теряет почву под ногами, что в водовороте событий и при быстром их нарастании он может из вождя превратиться в рядового человека толпы. Естественно, что он искал контакты с людьми из своих отделов, действуя при этом через эсеров, с представителями которых, едущими в Россию, он посылал письма. Карелин вспоминает, как он получил от Гапона письмо, в котором чувствовались его прежние искренность и чистота. Он стал присылать деньги, говоря, что «заработал их за свои писания за границей», просил перепра-

вить к нему жену²²⁴. Находясь за границей, Гапон не скрывал своих гонимых и не раз говорил, что за четыре месяца он заработал 40 тысяч рублей²²⁵. Поэтому и в своих письмах из-за рубежа он обещал рабочим достать на общее дело 100 тысяч рублей, но просил при этом дать ему полномочия для ведения этих дел.

В Петербург по его личному делу ездила также некая госпожа Н., — вероятно, из эсеров, — которая, вернувшись, сообщила Гапону, что встречала «пасху» в обществе его рабочих; они помнят батюшку и хотят организовать сбор средств, дабы поставить ему памятник²²⁶. Естественно, что это чрезвычайно обрадовало Гапона, и он, по словам Рутенберга, отправил в Петербург еще одного своего эмиссара уже «с требованием прислать ему формальные полномочия быть их представителем и устраивать все их дела»²²⁷. Видимо, не без умысла Гапон одновременно просил прислать к нему в качестве доверенного лица Н.П.Петрова, одного из преданнейших Гапону рабочего, воспоминания которого мы уже не раз приводили. Гапон рассчитывал на то, что приезд к нему Петрова покажет, во-первых, всем, что у него, Гапона, крепкие связи с рабочим движением Петербурга. А во-вторых, полагал Гапон, Петров своими рассказами о нем, о его роли в рабочем движении столицы поможет поднять за границей его пошатнувшийся авторитет как среди революционных политических партий, так и наладить контакты с теми, кто, обладая средствами, готов был бы помочь гапоновской организации, о которой он ни на минуту не забывал.

Простой рабочий Петров, прибывший за границу, был, конечно же, ослеплен блеском, окружавшим Гапона, восхищен тем восторженным отношением к нему его почитателей. Интересны впечатления Петрова о своей первой встрече с Гапоном в Париже. Гапон вошел, пишет Петров, «в совершенно светлом костюме, в перчатках и с тростью в руках. Английские сапоги, коротко стриженные волосы, французская бородка — все это не похоже на Гапона. Но сам он и его манеры говорили ясно, что это поп Гапон. Мы крепко расцеловались»²²⁸.

Это был уже период, когда Гапон «не состоял» ни в одной партии, но поддерживал контакты со всеми политическими силами, будучи одновременно свободным перед ними от каких-либо обязательств. И поэтому для нас очень важны наблюдения Петрова относительно взаимоотношений между Гапоном и представителями различных партий и групп России в эмиграции. «За Гапоном, — писал Петров, — бежала уже целая свора

русских политиканов; тут можно было видеть и демократов, и революционеров, анархистов, махаевцев и беспартийных. Не знаю, хотели ли они научиться у Гапона искусству быть вождем или еще что, но в разговоре они всегда льстили Гапону и почтительно отзывались о нем за глаза. Он же посматривал на них с высоты и похлопывал по плечу. За глаза Гапон ругал все партии, особенно с.-д., называл их узколобыми болтунами и особенно не любил Плеханова, про которого говорил, что он намазан салом. Из с.-д. он отзывался хорошо только о Ленине, называя его хорошим и умным человеком. Гапон с уверенностью говорил, что всех их использует на свое дело»²²⁹.

Петров вспоминает, что Гапон с почтением относился к социалистам-революционерам, хотя и ругал их за то, что «к ним никак не проберешься и не узнаешь настоящего»²³⁰. Кстати, как пишет о себе Рутенберг, «среди товарищей я был самый близкий Гапону человек за границей»²³¹. Именно Рутенбергу Гапон рассказывал при встрече в Лондоне, что рабочие Петербурга хотят открыть ему памятник «при жизни», говорил о своем бюсте, «поставленном в здешнем лондонском музее», хвастался, что за каждое написанное им слово выходит «по двадцати копеек», призывал, наконец, Рутенберга оставить эсеров и работать с ним заодно, заявляя, что если социал-демократы и социалисты-революционеры хотят, то пусть идут за ним, а если нет, то он, Гапон, заставит их идти за собой»²³².

Но продолжим воспоминания Петрова, по словам которого в этот период Гапон говорил ему: «Сейчас во главе всех наших партий стоят евреи, а ведь это самый гадкий народ не только у нас в России, а везде»²³³. Гапон очень ценил анархистов, надеялся на их поддержку. Он, как подчеркивал Петров, мог подчинить человека своей власти, особенно натуру пылкую и горячую, и в этой связи жившие за границей женщины из числа наших эмигранток фанатично верили в батюшку.

Два слова об анархистах. Летом 1905 года произошло восстание на броненосце «Потемкин». Восставший корабль пришел в румынский порт Констанцу. Убедившись, что экипаж не будет выдан властям России, многие матросы разъехались по разным странам, некоторые остались в Румынии. В Швейцарию уехал один из руководителей восстания на «Потемкине» минно-машинный квартирмейстер, унтер-офицер Афанасий Никитич Матюшенко. Там он не примкнул ни к одной из партий, но определенно склонялся в сторону анархизма. В Женеве он бе-

седовал с Лениным²³⁴, познакомился с Гапоном, который много разговаривал с Матюшенко и хотел привлечь его в свою рабочую организацию. Матюшенко с большим уважением и любовью относился к Гапону, очень верил ему и с интересом воспринимал его предложение. И это было закономерно, ибо Матюшенко, как и Гапон, не понимал причин межпартийных споров. «За границей было много ненужных трений, — писал Савинков об этой стороне взглядов Матюшенко, — и для него, матроса, глубоко верящего в революцию, эмигрантские разговоры были чужды и непонятны. По эмиграции он судил и о деятельности партий в России. Гапон ловко пользовался этим настроением его»²³⁵.

В августе 1905 года Гапон нелегально приехал в Финляндию, входившую в состав России. По словам Н.П.Петрова, это было в двадцатых числах августа²³⁶. Здесь ожидался транспорт с оружием для российских революционеров. Этим транспортом был пароход «Джон Графтон», и Гапон имел определенное отношение ко всей этой истории. Однако все по порядку, поскольку существует много версий относительно транспортировки закупленного оружия и гибели перевозившего его судна. Наша задача заключается не в том, чтобы пересказывать все эти версии, а в изложении происходившего с точки зрения показа роли в этом деле Гапона. Но сначала формальная сторона истории с пароходом «Джон Графтон». Он был зафрахтован эсерами в Англии, нагружен оружием (листоветы, винтовки, патроны, динамит) и пошел к берегам Балтийского моря. Предполагалось, что оружие с него будет выгружено на побережье Прибалтики и в Финляндии. После многочисленных приключений пароход сел на мель в Ботническом заливе у острова Кеми и был взорван своей командой. Часть оружия удалось спасти, некоторое его количество спрятали на острове, где впоследствии оно было найдено пограничной стражей. Словом, экспедиция эта окончилась неудачей.

Какую же действительную роль во всей этой истории играл Гапон? А, может быть, кому-то было выгодно дать Гапону «сыграть» эту роль? Давайте и здесь посмотрим все по порядку. Прежде всего, что об этом говорил сам Гапон. Во-первых, он заявил своим друзьям, что снаряжение транспорта с оружием — дело его рук, выговорил под этим предлогом часть оружия для своей организации и лично отправился в Финляндию, чтобы передать эту часть своим уполномоченным²³⁷. Во-вторых,

Гапон утверждал, что он во время взрыва парохода лишь чудом избежал смерти, то есть тем самым давал понять, что непосредственно, так сказать, возглавлял транспортировку оружия и его выгрузку²³⁸.

Далее. На какие же деньги было куплено это оружие? Рутенберг вспоминал, что Гапон однажды познакомился с Соковым, «обворожил» его своими рассказами о 9 января, что Соков «увлек» также рассказом об этом событии и приехавшего из России Петрова и в результате дал Гапону 50 тысяч франков на организацию транспорта с оружием и динамитом для революционеров России; эту сумму Гапон, по словам Сокова, получил от него в три приема и первую часть — лично²³⁹. По некоторым данным, Соков — это лидер Финляндской партии активного сопротивления Конни Циллиакус; она была создана в целях свержения царской власти в Финляндии и замены ее конституционным режимом, восприняла тактику террора эсеров²⁴⁰. Таким образом, получается, что часть денег на приобретение оружия была дана Соковым, но и Гапон, как мы знаем, имел гонорары и получал также пожертвования на дело русской революции не только от упомянутого нами Сокова.

Характерно, что меньшевики, не зная, кто доставлял оружие, придерживались версии Гапона. «Раздобыв неизвестным способом необходимые для того средства, — писал, например, Л.Дейч, — Гапон приобрел довольно большое количество огнестрельного оружия и боевых запасов и на особом судне сам пустился в далекое плавание, чтобы доставить все это в Россию. Но в Балтийском море судно его потерпело аварию. Все погибло, — Гапон сам спасся, благодаря лишь счастливой случайности»²⁴¹.

Но еще более, на наш взгляд, любопытно, что и большевики придерживались версии Гапона. Вот что по этому вопросу писала Н.К.Крупская в 1926 году в своих воспоминаниях о Ленине. «Гапон взял на себя задачу снабдить питерских рабочих оружием, — подчеркивала Крупская. — В распоряжение Гапона поступали всякого рода пожертвования. Он закупал в Англии оружие. ...Найден был пароход — «Джон Графтон»... Не имея представления, как ведутся нелегальные транспортные дела, Гапон представлял себе дело гораздо проще, чем оно было в действительности. Чтобы организовать дело, он взял у нас нелегальный паспорт и связи и отправился в Питер. ...Из всего предприятия, однако, ничего не вышло. ...Но и в Питере Гапон

ничего не смог сделать. ...Пришлось жить под чужим именем, все сношения были страшно затруднены, адреса эсеров, где надо было условиться о приеме транспорта, оказались мифическими. Только большевики послали на остров своих людей. На Гапона все это произвело ошеломляющее впечатление. Жить нелегально... совсем не то, что выступать, ничем не рискуя, на тысячных собраниях»²⁴².

М.Литвинов в своих воспоминаниях²⁴³ также подтверждает тот факт, что большевики, — он сам, Н.Буренин, М.Игнатьев, Л.Красин, В.Ленин, П.Румянцев знали об этом транспорте с оружием, организованном эсерами и Гапоном. Социалисты-революционеры, погрузив вместе с Гапоном, который в это время находился в Лондоне, оружие в одном из шотландских портов, не позаботились об организации его приемки и обратились за содействием к большевикам, которые и пытались им в этом помочь. Однако большевики, из-за халатности просивших о помощи, прибыли в условленное место уже после того, как пароход был взорван, и поэтому они смогли лишь кое-что из оружия собрать сами и закупить у местных рыбаков, переправив все это затем в Россию.

По данным социалистов-революционеров, «источник» покупки оружия выглядит следующим образом²⁴⁴. Конни Циллиакус (Соков) предложил якобы ЦК партии эсеров принять от «американских миллиардеров» пожертвование в миллион франков (375 тысяч рублей) для покупки оружия революционерам России, сообщив при этом, что они поставили условием принятия этих денег их распределение между всеми существующими в России революционными партиями. Эсеры это предложение приняли, выделив в первую очередь 100 тысяч франков для своей боевой организации, руководимой Азефом и Савинковым, а на остальные деньги решили приобрести оружие и переправить его в Россию, то есть речь пошла не о распределении денег, а, видимо, о распределении уже закупленного оружия. И вместе с тем известно, что определенную долю этих средств от Циллиакуса (Сокова) получил и Гапон. Во всяком случае, Рутенберг по поручению своей партии ездил в Лондон для разговора с Соковым по всему комплексу этого дела²⁴⁵. В Лондоне Рутенберг в это же время встречался и с Гапоном²⁴⁶. Рутенберг пишет также, что ЦК его партии поручил ему организовать приемку оружия с «Джона Графтона», однако после прибытия Рутенберга в Петербург он через несколько дней был арестован на улице²⁴⁷.

Не отсюда ли потянулась неразбериха с приемкой оружия, и кому вообще была выгодна вся запутанность этой ситуации? Кстати, перед отъездом Рутенберга в Россию, а он был в это время в Женеве, туда же из Лондона вернулся и Гапон, и они виделись и беседовали по всем этим вопросам²⁴⁸.

Итак, Гапон участвовал на различных этапах развития всего этого дела, связанного с пароходом «Джон Графтон», перевозившего закупленное для революционеров России оружие.

Нет никакого сомнения, что «вышел» он на это дело не с помощью Сокова, сам или через Петрова, а был «привлечен» к нему эсерами. Ведь последние, увлекшись террором, не имели связей с рабочим движением Петербурга, Москвы и других крупных центров России. И готовя вооруженные выступления, они хотели именно через Гапона выйти на рабочих столицы. Иначе говоря, Гапон им был нужен как символ, как флаг, как призыв, как пропуск к рабочему люду.

Как известно, о вооруженном восстании говорилось на организованной Гапоном в Женеве объединительной конференции, на которой эсеры и сторонники их тактики из других партий преобладали. На этой же конференции был и Азеф, он же участвовал в разработке плана закупки и транспортировки оружия в Россию, его приемки там. Словом, он знал все мельчайшие детали этого плана и искусно вносил на всех этапах его реализации штрихи сумятицы и неразберихи. Кстати, Азеф в это время находился в Петербурге и должен был обеспечивать здесь прием оружия, но никто его там не видел, а сам он впоследствии, после провала всей операции с «Джоном Графтом», объяснял свое исчезновение тем, что все время был вынужден скрываться от полиции.

Поэтому надо полагать, что Гапон был нужен Азефу, чтобы с его помощью производить шум вокруг всего этого предприятия: ведь необходимо было замаскировать заранее, в этом нет никакого сомнения, запланированный полицией с помощью Азефа провал операции. Гапон был лишь ширмой, за которой скрывался Азеф, а упреки и подозрения относительно провала дела в этом случае «элегантно» перекладывались на Гапона. В этой связи Н.П.Петров отмечал, что «Гапон относился к провалу оружия очень спокойно», но «об обстоятельствах провала Гапон не рассказывал никому и как-то избегал говорить об этом»²⁴⁹. Петров далее подчеркивал, что после этого между гапоновцами стали возникать определенного рода трения²⁵⁰. Ду-

мается, что здесь ближе к истине не Петров, намекающий на какие-то возникающие у него подозрения в отношении поведения Гапона, а Крупская, которая по поводу провала операции с оружием писала, что «на Гапона все это произвело ошеломляющее впечатление».

Она, правда, ошибается в другом: Гапона в дни ожидания транспорта с оружием в Петербурге не было, он находился в это время в Финляндии, где, по словам Рутенберга, его надежно скрывали финны, ухаживали за ним, а он «очень волновался, боялся быть арестованным, а главное «повешенным»»²⁵¹. Из Финляндии он сделал попытку связаться с руководителями своей закрытой властями организации. С помощью одной девушки-эсерки он послал им в начале сентября 1905 года деньги и письмо, в котором просил приехать к нему в Гельсингфорс для встречи и решения ряда вопросов их общего дела²⁵². К нему вскоре приехали Кузин, Петров, Карелин, Варнашев, социалист-революционер Михаил, В.А.Поссе — человек, который определенных политических взглядов не высказывал и часто сопровождал Гапона в его разъездах, и еще одна девушка, которую Поссе называл Ольгой Петровной; вместе с Гапоном на этом своеобразном совещании всего было 8 человек²⁵³.

На встрече Гапон предложил дать ему полномочия для переговоров с иностранными рабочими организациями на предмет получения от них денежных пожертвований на революцию, при этом Гапон настаивал, чтобы в тексте такой бумаги, было сказано, что он является «вождем рабочего народа»²⁵⁴. Совещание дало Гапону полномочия. Далее Гапон предложил наметить план работы организации, говорил о необходимости иметь свою газету, называя Поссе в качестве ответственного за нее²⁵⁵. Гапон предполагал даже издавать за границей свой журнал под заголовком «Рабочий колокол»²⁵⁶. Шел разговор и о терроре. Видимо, под влиянием эсеров, Гапон предложил прежде всего убить Витте, но ему возражал Карелин, называя первоочередной фигурой для террористического акта Трепова²⁵⁷. Однако в целом участники совещания отнеслись очень скептически к таким акциям, считая, что для этого существует боевая организация социалистов-революционеров, и отдела их союза этим заниматься не следует²⁵⁸.

В Гельсингфорсе с Гапоном встречался Савинков, рассказывавший, что когда он вечером пришел к нему, тот спал, на столике у постели лежал браунинг, а вокруг дома дежурила воору-

женная стража из членов Финляндской партии активного сопротивления²⁵⁹. Савинков пишет²⁶⁰, что при разговоре с проснувшимся Гапоном, тот все интересовался, повесят ли его в случае ареста. И когда Савинков отвечал, что вероятно это так, то Гапон вопрошал: а может все же на каторгу отправят? Он спрашивал также, не опасно ли ему ехать в Петербург, где его ждут, дескать, рабочие, говорил, что вот, мол, и Поссе убеждает его не ехать туда. Гапон выпрашивал при этой встрече у Савинкова паспорт, который и получил на имя Феликса Рыбницкого. Ездил ли Гапон в Петербург по этому паспорту, не ясно. Крупская, как мы уже знаем, вспоминала о документах и явках в Петербурге, полученных Гапоном от большевиков.

Савинков из Финляндии вскоре вернулся в Женеву. Туда же, решив дела в Гельсингфорсе, приехал и Гапон. И здесь история парохода с оружием неожиданно получила своеобразное «продолжение». В Женеве, как мы выше говорили, находился в это время потемкинец Матюшенко. Крупская пишет, что «он сразу сошелся с Гапоном, ходили они неразлучно». Конечно же, Гапон рассказал ему о пароходе с оружием, о своей «героической роли» во всем этом деле²⁶¹. И естественно же, что Матюшенко полностью ему поверил. Гапон говорил ему также, что он чуть не погиб при взрыве корабля и едва спасся от гибели. Дальше — больше. Гапон поведал Матюшенко, что пробыл два месяца в Петербурге, где устроил за это время все дела «Собрания», то есть своей рабочей организации.

А через некоторое время к Савинкову пришел по каким-то делам Матюшенко. В разговоре с ним Савинков и узнал все эти «новости» о Гапоне. «Я знал, — пишет Савинков, — что Гапон в Петербурге не был, а прожив в Финляндии дней десять, вернулся за границу, при чем никакого «Союза» не учредил, а ограничился свиданием с несколькими рабочими»²⁶². Не сказав, однако, ничего Матюшенко, Савинков слушал его рассказ дальше, а тот продолжал: «Эсеры... Эсдеки... Надоели мне эти споры, одно трепание языком. Да и силы у вас настоящей нет. Вот у батюшки дела так дела...»²⁶³. И следуя в русле наводящих вопросов Савинкова, Матюшенко поведал тому о пароходе с оружием, вся история которого, по словам Гапона, от начала до конца была связана с ним. «Не оставалось сомнения, — пишет Савинков, — что Гапон не брезгует никакими средствами, чтобы привлечь в свой «Союз» Матюшенко. Но я все-таки еще ничего не сказал последнему»²⁶⁴.

Впоследствии Матюшенко узнал всю правду о «Джоне Графтоне» и, обидевшись на Гапона, отошел от него. Любопытно, что Савинков вскоре после этого заговорил с Матюшенко о терроре, но тот отказался и сказал: «Массовый я человек, рабочий... Не могу я в одиночку»²⁶⁵. Впоследствии Матюшенко уехал в Америку, а летом 1907 года его арестовали в Николаеве с бомбами, судили военным судом и тогда же повесили.

Савинков далее вспоминает, что через несколько дней после разговора с Матюшенко, поведавшего ему о пароходе с оружием и роли Гапона в этом деле, он случайно встретил Гапона и обвинил последнего во лжи. Гапон возмутился, но Савинков продолжал настаивать на том, что он лжец. В ответ Гапон заявил, что Савинкову еще придется пожалеть об этом.

Гапон вскоре послал письмо в Заграничный комитет партии эсеров с обвинением против Савинкова и с требованием третейского суда, но ЦК партии социалистов-революционеров отказал ему в этом; чуть ранее от такого суда отказался Савинков²⁶⁶. Савинков пишет, что это была его последняя встреча с Гапоном, и он об этом инциденте, имевшем место осенью 1905 года, рассказал одному из членов боевой организации своей партии А.Р.Гоцу. Тот, по словам Савинкова, сказал, что, конечно же, «Гапон лжет, где, кому и когда может», что ему уже не очень верят, а скоро перестанут верить совсем²⁶⁷.

В истории с «Джоном Графтоном» проявилась еще одна черта Гапона, которая ранее в нем не замечалась или, скажем так, не проявлялась в такой открытой форме. «Гапон делал со мной, что хотел, — писал Н.П.Петров об этом периоде, — я лгал по его инициативе и не остановился бы ни перед чем. Я сознательно служил делу и служил Гапону ради дела. Но полной веры в него у меня не было. Я верил в него еще как в революционера, но постоянно сомневался в нем. Доказательств же веских и улик против него у меня не было, и если бы я кому-нибудь высказывал мучившие меня подозрения, то меня сочли бы за клеветника»²⁶⁸.

И продолжая эту мысль о лжи и обмане, которые все более становились нормой в поведении Гапона, в его общении с окружающими, Петров далес вспоминал. «Гапон не любил обманывать просто, — подчеркивал Петров, — нет, он вас раньше заинтересует, заставит поверить, увлечет и сейчас же даст дело. Человек понесется выполнять его, лезет напролом, но, в конце концов, как доберется до самого дела, то оказывается, что ни-

чего подобного тому, что говорил Гапон, в действительности нет. Гапон же, дав поручение, сейчас же забывал об этом человеке и о деле, которого у него фактически и не было. Если же посылаемый человек встречался после с Гапоном и говорил ему о своей неудаче, то Гапон улыбался, хлопал его по плечу и говорил: «Ну ладно, спасибо, спасибо. Это ничего, там все устроилось», тем и заканчивалось»²⁶⁹.

После гибели парохода с оружием отношение к Гапону со стороны различных революционных партий становится прохладным. В кругах эмиграции стали поговаривать о связях Гапона с представителями российского политического сыска, хотя никаких доказательств этого не было. По мнению известного русского публициста и издателя В.Л.Бурцева, приблизительно в это время Гапон возобновляет свои контакты с департаментом полиции через находившегося за границей сотрудника охраны Медникова²⁷⁰.

А Гапон продолжает свою активную деятельность, в которой падение к нему интереса времен первых месяцев его пребывания за границей стремится возместить налаживанием связей со своей организацией, ведет переписку со своими людьми. Гапон понимает, кожей, как говорится, осознает, что его влияние уже не то. Однако, как представляется, он не предпринимает тех усилий, которые позволили бы ему удержаться на месте, не говоря уже о том, чтобы вернуться к исходной точке. Это следует хотя бы из того, что он упорно не желал, да, видимо, и не мог по своему характеру и существу, отказаться от своего бывшего влияния, расстаться с ореолом славы, который окружил его имя в день 9 января и не оставлял Гапона в течение целого ряда месяцев, блистая на всю Россию, на всю Европу.

Поэтому и не исключено, а скорее всего именно так оно и было, что Гапон решил вновь обратиться к тем, кто «помог» ему в свое время на законном основании открывать отделы своего союза, поддерживали его материально. Не найдя в деле исполнения своих планов в рабочем движении «поддержки» среди революционных партий, которые все требовали от него «дисциплины», «теоретической учебы», отводили ему место весьма и весьма, как он понимал это, второстепенное, Гапон и пошел в уже проторенном им направлении. Гапон прекрасно осознавал, что именно «контакты» с властями и поставили его над сотнями тысяч людей, «сделали» его таким, каким он стал после 9 января, сделали его Гапоном. Он действовал и ранее, а

за границей, думается, еще более убедился в том, что цель оправдывает средство. Этот девиз Гапон, как бывший священнослужитель, прекрасно знал. Одному из своих близких людей, П.Пильскому, который впоследствии это изложил в «Одесских Новостях» в 1910 году, Гапон так излагал свои взгляды по данному вопросу: «Если б мне пришлось ради достижения моих целей и ради рабочих сделаться не только священником или чиновником, а даже проституткой, я, ни минуты не задумываясь, вышел бы на Невский»²⁷¹.

18 октября 1905 года в женевских газетах был опубликован известный царский Манифест 17 октября. Гапона он застал в Женеве, проживавшего в небольшом двухэтажном домике-вилле. Известие о Манифесте подтолкнуло Гапона ускорить поездку в Петербург. Манифест 17 октября, новое правительство во главе с Витте, который был сторонником разумных уступок царизма как либерально-демократическим кругам общества, так и народу в целом, воодушевили лидеров гапоновских отделов. Они воспрянули духом, стали собирать подписи рабочих с просьбой разрешить Гапону вернуться в Россию, применив к нему амнистию. Кстати, вскоре после Манифеста выпустили их тюрьмы Рутенберга, а чуть раньше этого царского документа, 13 октября 1905 года, родился на свет Петербургский Совет рабочих депутатов.

По словам Петрова, Гапон приехал в Петербург в конце октября 1905 года на совещание своих людей, где должен был решаться вопрос об открытии гапоновских отделов²⁷². Проблема была сложная и в то же время деликатная. В Петербурге рабочие уже имели свою организацию — Совет рабочих депутатов. Гапон же собирался воссоздать свое «Собрание» со всеми его отделами. Совет рабочих депутатов существовал легально, а гапоновские отделы были закрыты. Л.Дейч пишет, что Гапону первоначально пришлось со своим предложением обращаться в Исполнительную комиссию Совета рабочих депутатов столицы, но все члены ее, включая и бывших гапоновцев, «высказались против предложения о восстановлении» гапоновских отделов²⁷³.

О своей встрече в эти дни с Гапоном в Петербурге вспоминает Рутенберг²⁷⁴. Гапона он увидел в самом начале ноября 1905 года в Вольном экономическом обществе, где заседал Совет рабочих депутатов. Видимо, это было то заседание Совета, на котором его члены выступили против восстановления гапоновских отделов. При встрече Гапон стал просить Рутенберга

похлопотать о его амнистии. «Я возражал, — пишет Рутенберг, — что ему, с его прошлым, неприлично ходатайствовать перед правительством о своей амнистии. Я предлагал ему стать, как революционеру, под защиту революции, бывшей в то время еще победительницей, а не побежденной.

— Пойди, попроси сейчас же у председателя слово, скажи собранию: «Я — Георгий Гапон, и становлюсь, товарищи, под вашу защиту». И никто тебя не посмеет тронуть»²⁷⁵.

Гапон отказался от этого предложения.

После отказа Совета помочь в восстановлении отделов «Собрания» Гапон и его люди стали решать вопрос, как быть дальше. Надо было решать три задачи: добиваться открытия отделов, выяснять судьбу арестованного после 9 января всего имущества «Собрания», ходатайствовать об амнистии Гапону как руководителю организации.

Что касается конфискованного имущества и денежных средств союза, то все это оценивалось в 50 тысяч рублей²⁷⁶. Необходимо было также иметь в виду и ущерб, причиненный «Собранию» прекращением коммерческой деятельности его отделов — концерты, лекции, вечера и т.п. Эти потери оценивались в 100 тысяч рублей²⁷⁷.

Для решения всех этих проблем решено было послать к Витте депутацию из 4 человек, в которую вошли Варнашев, Князев, Петров и еще один рабочий с Петербургской стороны²⁷⁸. Для встречи с Витте из состава делегации выбрали Варнашева, который в приемной премьера был встречен князем Андронниковым, и последний, поинтересовавшись о цели визита, сказал, что за гапоновские отделы перед Витте уже хлопотал Ушаков²⁷⁹. Как известно, Ушаков был из «команды» Зубатова. Карелин говорил о нем, что он был «грязный и нехороший человек», пытался крутиться вокруг Гапона, от которого его отвадили²⁸⁰.

По словам Петрова, Витте обещал свою помощь в восстановлении деятельности отделов, но только после того, когда на этот счет будет подано соответствующее ходатайство²⁸¹. Что же касается дела Гапона, то ответ премьера был отрицательным.

Надо полагать, что Гапон в отношении себя предпринимал и другие шаги, а не только действовал через делегацию. Интересные и весьма любопытные сведения на этот счет дает в своих воспоминаниях о встречах с Гапоном Л. Дейч²⁸². По его словам, один довольно известный юрист Г. зондировал, по прось-

бе Гапона, почву у Витте: может ли Гапон вернуться в Россию? Премьер якобы ответил, что положения Манифеста 17 октября не могут быть применены к Гапону, поскольку против этого выступают определенные круги в правительстве и среди духовенства. Одновременно Витте заметил, и это прозвучало даже сенсационно, что нельзя говорить о каком-то предстоящем приезде в Россию Гапона, которого он, Витте, сам видел «и говорил с ним»²⁸³.

В свете сказанного Л. Дейч становится понятной и благосклонная позиция Витте в отношении гапоновских отделов: в условиях нарастания революционного движения в стране, забастовок в Петербурге премьеру было важно противопоставить Совету рабочих депутатов столицы гапоновскую организацию. Во всяком случае, о чем еще Витте мог говорить с Гапоном? Думается, что, соглашаясь с восстановлением деятельности гапоновского союза, Витте одновременно не хотел афишировать своих личных контактов с Гапоном, хотя к амнистии его он, вне всякого сомнения, руку-то приложил. Рутенберг рассказывает, что когда он в середине ноября 1905 года по своим делам был в канцелярии прокурора судебной палаты, то узнал, что все привлекавшиеся вместе с ним по делу 9 января были амнистированы, в том числе и Гапон²⁸⁴. Когда же Рутенберг сказал об этом Гапону, посетившему вскоре его на квартире, тот отнесся к этому довольно спокойно²⁸⁵.

В это время за Гапона и его отделы вообще просили очень многие журналисты, сановники. Соответственно этому действовал и сам Гапон, находясь в ноябре месяце в Петербурге. В поддержку Совета рабочих депутатов он не выступал ни с какими заявлениями, а, напротив, критиковал социалистические партии за их «крайности» и «революционность», призывал рабочих вступать в отделы его «Собрания». Разумеется, все это хорошо воспринималось правительством Витте, который, по словам Савинкова, вступал в контакт с Гапоном через чиновника своей канцелярии Манасевича-Мануйлова и журналиста Колюшко из редакции газеты «Гражданин»²⁸⁶.

Однако Витте при этом вел свою игру. Когда Мануйлов попросил премьера от имени князя Мещерского принять Гапона, Витте выразил удивление по поводу его продолжающегося нахождения в столице и ответил, что «никаких сношений с Гапоном иметь не желает и что если он в течение суток не покинет Петербурга и не уедет за границу, то будет арестован и судим за 9 января»²⁸⁷.

Конечно, у графа Витте это была только поза, он знал о проживании в столице Гапона, который был ему нужен. Не мог не знать Витте и другого: о записке товарища прокурора петербургского окружного суда Васильева, который писал своему руководству, что «в силу высочайшего указа, данного правительствующему Сенату 21 октября 1905 г., уголовное преследование, возбужденное против священника Георгия Гапона, дальнейшим производством прекращено»; Карелин, Варнашев и многие другие лидеры гапоновской организации, разумеется, это знали²⁸⁸. Однако на первых порах власти не очень хотели его официального приезда в страну по следующим обстоятельствам. Прежде всего они до поры до времени просто опасались открытого возвращения в Россию Гапона, зная о его влиянии на известные слои рабочих. Кроме того, они пока не могли знать, какой характер примет деятельность Гапона в столице, но зато правительство было отлично осведомлено о его акциях за границей, когда Гапон демонстративно объявлял себя ярым революционером и переходил от одной политической группы к другой, ставя в недоумение своими выходками то одну, то другую социалистическую партию. Не повторятся ли эти эмоциональные всплески Гапона в Петербурге?

Поэтому премьер дал Мануйлову 500 рублей с тем, чтобы тот довез Гапона до границы и лично убедился в том, что он покинул Россию²⁸⁹. Поручение это было выполнено, но не сразу, да и премьер понимал, как нам кажется, что возвращение Гапона — это дело времени. А последний пока продолжал находиться в Петербурге, и вскоре к Витте явился князь Мещерский, опять ходатайствуя за Гапона и прося Витте принять его. Последний в связи с этим визитом князя писал в своих воспоминаниях: «Я просил Мещерского оставить меня в покое и сказал, что Гапону не доверяю, никогда его не приму, и ни в какие сношения с ним не вступлю»²⁹⁰. Тогда же с ходатайством за Гапона у Витте был и сотрудник «Новостей» Матюшенский, который одновременно просил также восстановить библиотеки и читальни отделов, закрытые после 9 января, и премьер, категорически отвергнув прошение за Гапона, сказал, что не имеет ничего против их открытия²⁹¹. И Витте через Мануйлова передал Матюшенскому записку на имя министра торговли В.И.Тимирязева относительно материальной помощи при возобновлении работы отделов; Тимирязев вскоре был у Витте, и они оба пришли к согласию по этому вопросу²⁹². Это было приблизительно около 20 ноября 1905 года, и мы запомним эту дату²⁹³.

А пока на эту запутанную, почти детективную, историю — своего рода «квадрат» — Гапон—Мануйлов—Матюшенский—Витте — посмотрим глазами Рутенберга, который знал ее из рассказов Гапона, и эти его разговоры, вспоминает Рутенберг, «со мной записаны, поскольку было возможно, с буквальной точностью»²⁹⁴. Гапон говорил Рутенбергу, что в октябре-ноябре 1905 года за него и легализацию отделов перед Витте ходатайствовали П.Струве, А.И.Матюшенский и другие, но особенно хлопотал Матюшенский, много лет бывший социал-демократом и эсером и имевший широкие связи. Витте не соглашался с просителями. Однажды Матюшенский познакомил Гапона с Мануйловым, и тот сказал, что Витте беспокоится о судьбе Гапона, ценит его «гениальные способности», не хочет, чтобы его арестовали, на чем настаивает министр внутренних дел П.Н.Дурново, что пребывание Гапона в Петербурге поэтому опасно, так как его арест повредит рабочему делу, и Витте просит его уехать из России. По словам Гапона, Мануйлов был агентом Плеве в Париже. С Мануйловым Гапон пришел к следующему соглашению. Через него правительство выдает Гапону паспорт и тот уезжает, но за это Витте обещает открыть отделы союза, возместить их убытки от закрытия после 9 января в сумме 30 тысяч рублей, через шесть недель легализовать Гапона²⁹⁵.

Гапон считал, что взять у правительства 30 тысяч рублей в счет возмещения убытков от закрытия отделов — вполне законная акция.

21 ноября, то есть через день-другой после визитов к Витте Мещерского, а затем и Матюшенского, когда Гапон уже мог знать итоги посещения ими премьера, он созывает в Соляном Городке собрание представителей рабочих для обсуждения вопроса о возобновлении деятельности отделов²⁹⁶. На собрании присутствовал председатель Совета рабочих депутатов Петербурга П.А.Хрусталеv (Г.С.Носарь); через несколько дней его арестуют и сошлют в Сибирь²⁹⁷. По словам Карелина, который часто бывал в Совете, где виделся с одним из лидеров партии эсеров Н.Д.Авксентьевым и со многими меньшевиками, там к гапоновцам относились враждебно, но порицали не Гапона, как личность, а отвлечение им масс от революционных выступлений²⁹⁸. Гапон выступил на собрании под чужим именем, произнес, по словам Л.Дейча, «страстную речь против увлечений» Совета рабочих депутатов, вновь выступал против его «крайностей», призывал к «спокойствию и умеренности»²⁹⁹.

Поговаривали, пишет Дейч, что «по возвращению в Россию Гапон громко высказывал сожаление и раскаяние в своих граничных увлечениях крайними воззрениями»³⁰⁰. Когда Гапон после речи ушел с собрания, было объявлено имя выступавшего.

Как видим, Гапон не торопился уезжать за границу. По словам Петрова, отъезжая за рубеж, Гапон оставил за себя Матюшенского в качестве уполномоченного по всем делам, что подтверждает в своих воспоминаниях и Рутенберг, подчеркивая, что «решение это было принято Гапоном не единолично, а по совещанию с «организационной комиссией», то есть фактически с возобновившей свою деятельность гапоновской рабочей организацией»³⁰¹. Петров пишет, что Гапон говорил перед отъездом о наличии у организации 4000 рублей и оставил на дело 1000 рублей своих денег³⁰². Гапон говорил, что 1000 рублей это якобы его деньги.

26 ноября 1905 года власти разрешили открывать отделы (видимо, тогда же или днем позже и уехал Гапон, дождавшись решения властей; о его отъезде сообщили вскоре газеты³⁰³), выдав Варнашеву в градоначальстве принадлежавшие организации деньги в сумме 3 тысяч рублей и другое движимое имущество³⁰⁴; в этот день состоялось как бы учредительное собрание представителей всех отделов, а об официальном открытии организации было заявлено на другом собрании в Соляном городке 2 декабря 1905 года³⁰⁵.

Первым был открыт Петербургский отдел, вторым — Невский, отделы приводились в порядок³⁰⁶. Но открывались они уже на основе новых организационных положений, то есть практически на основе нового устава, отвечающего миролюбивым целям союза русских рабочих и «гарантирующего» их от увлечения политической борьбы; во главе организации стоял ее Центральный комитет, адрес которого печатался в газетах³⁰⁷.

Итак, Гапон выехал из России, он уехал в Париж, чтобы, как он говорил, войти в «личные сношения с Европой»³⁰⁸. Сразу же по прибытии во французскую столицу Гапон дает интервью газете «Матэн», в котором критиковал левые партии и с похвалой отзывался о правительстве, возглавляемом графом Витте³⁰⁹. Интервью Гапона вызвало недоумение. Орган французских социалистов газета «Юманите», возглавляемая Жоресом, писала в этой связи, что «Гапон проданся Витте»³¹⁰. Он пытался в печати оправдаться незнанием языка, что, дескать и привело к взаимному непониманию между ним и репортером

«Матэн», а затем 3 декабря 1905 года написал письмо в редакцию «Юманите», в котором разъяснял свою позицию и просил этот материал опубликовать; тогда же аналогичное письмо, видимо, опасаясь, что «Юманите» может не опубликовать его, он передал и в редакцию американской газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн»³¹¹.

О чем же писал Гапон в этих своих письмах? Прежде всего отметим, что написаны они до декабрьского вооруженного восстания в Москве. Гапон в них подчеркивает, что, побывав на родине после 9 января и «соприкоснувшись непосредственно с русской действительностью», он осознал нежизненность своих действий за рубежом. «...Моя пропаганда, после январских скорбных дней, — писал Гапон, — идеи вооруженного восстания с единичным и массовым террором с целью добиться осуществления демократической революции в России скорее была под влиянием возмущенных чувств гнева и мести за неповинную кровь народных мучеников-героев, чем под влиянием истины и разума, сообразующегося с положением и ходом вещей»³¹².

Далее Гапон пишет: «...Великий русский народ, по моему убеждению, еще не готов ни технически, ни внутренне сознанием к освобождению посредством немедленного победоносного вооруженного восстания, на что толкают его, к чему взвинчивают его мои самоотверженные товарищи-революционеры, что нельзя же в самом деле так часто испытывать пролетариат стачками и нищетой, попыткой преждевременно ввести 8-ми часовой рабочий день революционным путем, выбрасывая тысячи на улицу с детьми. И так он много умирал, голодал и холодал, пора бы ему отдохнуть, собраться с силами»³¹³.

Подчеркивая нежизненность идеи немедленного вооруженного восстания и неготовность к ее восприятию пролетариата, Гапон одновременно указывает, что и крестьяне «держатся еще за идею царизма», и войско «еще верно в большинстве присяге», а потому «вооруженное восстание в России в данное время есть тактическое безумие»³¹⁴.

Исходя из изложенного, Гапон далее призывает к умиротворению и примирению путем поиска точек соприкосновения со всеми силами. Он пишет: «Вот почему я, будучи в Петербурге в ноябре, в кругу своих товарищей высказался против всеобщей стачки и против решительного вооруженного натиска пролетариата на царизм. Вот почему я счел своим нравственным долгом, мужественно сознавая свои прежние тактические ошибки,

выступить смело и открыто и в ближайшем будущем с новыми словами: «Стой, пролетариат, и осторожнее — засада. Ни шагу вперед. Резким шагом вперед не вызывай темного и озлобленного реакционного чудовища... Избегай крови... жалей ее... И так ее достаточно пролито... Смотри, не повтори ошибки 1871 года коммунаров героев французского пролетариата... Шагом назад не задерживая освободительного святого движения. Укрепляй лучше теперь завоеванные позиции, душой и телом всецело отдавшись организационно созидательной работе. Собирайся с силами, требуй пока от правительства выполнения программ, намеченной манифестом 17-го октября, и немедленного созыва Думы с самым широким участием народа и рабочих»³¹⁵.

И, наконец, концовка письма Гапона: «Узнавши положение масс и соотношение сил, бью в набат: героический русский пролетариат в опасности. Берегись пролетариат, своей кровью добывший свободу. Берегись приготовить богатство и славу своему врагу.

Имеющий уши — да слышит.

Георгий Гапон»³¹⁶.

Вообще надо сказать, что Гапон, попав вновь в Европу, довольно охотно шел на беседы с зарубежными корреспондентами и, как подчеркивал Л. Дейч, «чрезмерно расхваливал изумительные таланты единственного в России государственного мужа, гр. Витте, и, наоборот, осыпал упреками увлекающихся сторонников крайних левых партий»³¹⁷. Репортер Е. П. Семенов, знавший Гапона по парижскому периоду его жизни, писал, что однажды тот устроил в ресторане встречу с прессой, желая с ней познакомиться³¹⁸. На встрече были корреспонденты «Русских Ведомостей» и «Речи». По словам Е. П. Семенова, он спросил относительно слухов о связях Гапона с Витте и получил ответ от него, что ему, Гапону, плевать на Витте, что при нем можно хотя бы свои мысли выражать устно и печатно, что поэтому у него желание видеть у власти Витте, а не Дурново³¹⁹. Гапон говорил так же, что слухи о его каких-то непонятных связях с Витте — вздор, что он хочет только одного: открыть отделы своей организации, вернуть им деньги и имущество³²⁰. Гапон в этот раз высказывался и против всеобщей забастовки в России и ее организаторов, сравнивая их с закусившим удила скакуном, который несется с риском свалиться в пропасть³²¹.

Как в интервью газетам, так и в беседах с различными зарубежными корреспондентами и деятелями Гапон часто пользо-

вался образными выражениями, неоднократно, в частности, повторяя сравнение «зарвавшейся» революции с «задранным хвост» конем³²².

В Париже русские корреспонденты водили Гапона в палату депутатов, знакомили его там со многими политическими и общественными деятелями Франции, его приглашали в салоны, где были академики, ученые, писатели, артисты, художники, словом, цвет научной, художественной, да и политической мысли Франции. Гапон говорил, что он хочет перенять опыт французов для своих отделов, но часто он «не понимал французов, и они не понимали его»³²³. Собеседники Гапона потом говорили, что он любопытен, оригинален, но хочет «остановить движение», а это не в силах человека³²⁴. Е.П.Семенов вспоминает также, что в таких салонах всегда выступали известные музыканты, и Гапон слушал «очень внимательно и с видимым волнением. ...Он любил музыку»³²⁵.

Примиренческие высказывания Гапона в материалах для зарубежной прессы привлекали, разумеется, внимание нереволуционно настроенной части рабочих, которая, надо сказать, была довольно значительной. Тем более, что Петербургский Совет рабочих депутатов, где раздавались голоса, призывавшие к борьбе с гапоновскими отделами, скоро перестал существовать.

По прибытию Гапона в Париж туда к нему прислал Д.В.Кузин с поручением от самого Витте. Последний в условиях подъема революции в ноябре — начале декабря 1905 года возлагал определенные надежды на гапоновские отделы. Именно поэтому Гапону была привезена программа действий открывающихся в Петербурге отделов; они должны были исходить из стремления удержать за собой позиции, предоставляемые Манифестом 17 октября, ведя работу ненасильственными методами³²⁶. Кузин привез Гапону предложение Витте написать в том же духе и прокламацию-воззвание к рабочим, то есть в ней также должна была проводиться мысль, что рабочие действуют в русле Манифеста 17 октября, избегая насильственных методов борьбы. Кузин привез и проект прокламации, который был использован Гапоном при написании материала.

12 декабря 1905 года Гапон обращается с письмом к рабочим всех отделов своей организации, предупреждая их от недуманных действий и призывая остерегаться всяких советчиков из интеллигенции. Это было его известное письмо «Родным — спаянным кровью товарищам-рабочим», доставленное тем же Кузиным в Петербург³²⁷.

Обращаясь к рабочим, Гапон слал им поздравления по случаю открытия некоторых отделов. Он подчеркивал, что они сами должны решать свои вопросы, сами определять — проливать ли им кровь или «голодать в стачке», делая это без указки со стороны интеллигенции³²⁸. При этом Гапон указывал и вопросы, по которым рабочие должны определиться «самостоятельно без единого интеллигента» — это всеобщая стачка и вооруженное восстание³²⁹. «Вы и не зная до тонкости Маркса, — подчеркивал Гапон, — по существу своего пролетарского положения инстинктивно правильнее, чем кто-либо другой, решите и скорее избегнете пагубных для себя, для всего пролетариата ошибок. Не забывайте, что и вы окончили всемирный университет голода, холода, нищеты, лишений и проходите до конца своей жизни в совершенстве науку разных унижений, оскорблений, науку всякого угнетения и насилия, не забывайте, что в применении к русской действительности практически здравый смысл русского рабочего-героя зачастую выше бывает немецкого Маркса, что видно на деле, по результатам»³³⁰.

В заключение этого послания Гапон как бы набрасывал схему действий рабочих отделов. «Встрепенитесь же, товарищи, герои, члены славного собрания русских рабочих, и все рабочие, кому на самом деле дорога настоящая свобода и благо пролетариата и всего русского народа., — призывал Гапон. — Укрепляйте лучше теперь завоеванные позиции, душой и телом всецело отдавшись организационно-созидательной работе. Собирайтесь с силами, требуя пока от правительства выполнения программы, намеченной манифестом 17 октября, и немедленного созыва Думы с самым широким участием народа и рабочих...»³³¹.

Наконец, Гапон, словно предчувствуя, что о нем в самое ближайшее время будут говорить и писать много плохого, просил рабочих, «чтобы они не верили ничему, что будут болтать худого» про него «злые люди», что «судьбу свою» он «навсегда связал с их судьбой» и «дело само покажет» на чьей он стороне³³².

Это обращение к рабочим было сделано Гапоном по предложению властей и с их ведома. С Гапоном и вокруг него начиналась большая игра. Власти же помогли и распространить воззвание среди рабочих, хотя Витте и пытался представить потом дело так, будто он к нему не имеет отношения. Однако премьер, мягко говоря, лукавил, что видно из докладной записки И. Мануйлова на имя Витте от 19 декабря 1905 года. «Согласно выраженному Вашим Снятельством желанию, — писал

Мануйлов, — рабочие намерены приступить к печатанию прокламации Гапона. Сегодня они были у меня, прося выдать им необходимые средства. Не получив их из департамента полиции, я позволяю себе просить приказаний Вашего Сиятельства»³³³. И Витте собственноручно накладывает на записку Мануйлова резолюцию, адресованную Э.И.Вуичу, тогдашнему директору департамента полиции: «Эммануил Иванович. Благоволите оказать содействие. Я просил об этом Петра Николаевича»³³⁴. Граф Витте»³³⁵. К этой записке приложена и расписка Мануйлова от 22 декабря о получении от директора департамента полиции 2500 рублей³³⁶.

Эти материалы в свою очередь подтверждаются и докладной запиской министра внутренних дел П.Н.Дурново царю, которая будет написана уже потом, 6 марта 1906 года, и из которой также явствует, что именно Витте составлял программу действий для Гапона, доставленную ему в Париж Кузиным, что туда же Гапону вскоре были привезены Мануйловым 200 рублей как бы в качестве гонорара за подготовленный материал³³⁷. «На основании означенной программы, — отмечается в записке Дурново, — Гапон составил и собственноручно переписал воззвание к рабочим, которое было доставлено затем к графу Витте и отпечатано в Петербурге в типографии Лесмана в значительном количестве экземпляров»³³⁸. Распространением отпечатанных прокламаций занимались уже лидеры гапоновской организации, в частности Варнашев и Кузин, которые делали это самостоятельно, отправляя в разные районы страны специальных посыльных³³⁹. При этом в записке Дурново отмечается, что действовали они очень осторожно, что «полученные ими 2500 рублей... не получали долгое время никакой огласки, даже в среде их ближайших сотоварищей»³⁴⁰.

Сказать о том, что распространение этих прокламаций-воззваний среди рабочих хорошо ими встречалось, нельзя. Наоборот, они не встречали понимания среди них. Вот, например, что ответили на призыв Гапона московские рабочие. «Ваше письмо, многоуважаемый г.Гапон, — писали они, — очевидно, написано под влиянием южного неба свободной Франции, где люди полною грудью вдыхают чистый, благотворный воздух чуждого нам края и где вы, следуя пословице: «сытый голодного не понимает», забыли, что мы здесь задыхаемся в душной, разлагающейся атмосфере»³⁴¹.

Надо сказать, что и в Петербурге вновь открытые гапоновские отделы уже более себя ничем особенным не проявляли и

никогда уже в своей деятельности не достигали уровня, который они имели до событий 9 января. Петров вспоминает, что после открытия отделов «печально было смотреть на организацию», в которой людей «не прибавилось», и «как ни был популярен Гапон, но на него смотрели рабочие совершенно иначе»³⁴². Многие, продолжает Петров, желали обновить руководство организацией, часть людей вышла из комитета и создала свой, постановив «не давать Гапону никаких полномочий и не признавать его как вождя, а считать его обыкновенным членом...»³⁴³.

Между тем Гапон, удивив Париж своими интервью, которые он надавал иностранным корреспондентам, отбыл в Монте-Карло. И сразу же газеты запестрели новостями о его там времяпровождении. Пресса писала, что Гапон ведет в Монте-Карло широкий образ жизни, швыряет деньгами, одевается по высшей моде, играет в рулетку, окружен кокетками; сообщалось даже, что Гапона содержат владельцы игорных заведений для привлечения «знатных иностранцев»³⁴⁴. Гапон и в Монте-Карло давал такие же интервью, что и в Париже, но иностранных репортеров это уже интересовало меньше, ибо они «упивались» на страницах своих изданий «праздным образом жизни» Гапона на юге Франции. Все это походило, писал Е.П.Семенов, «на своего рода газетную травлю»³⁴⁵.

По словам Е.П.Семенова, Гапон ко всем слухам о нем относился «с полным пренебрежением» и, рассказывая о своем пребывании в Монте-Карло, Ницце, вообще на всем южном побережье Франции, говорил, что он любит южное небо, красивую природу, хорошую музыку, и кому какое дело до всего этого³⁴⁶. «Газетные слухи тем более казались всем, встречавшимся с Гапоном, вздорными, — подчеркивал Е.П.Семенов, — что все знали, что жена Гапона в это время была у друзей его в Париже, и его отношение к ней было чрезвычайно внимательно, заботливо и нежно»³⁴⁷.

Вернувшись с юга, Гапон рассказывал, как там за ним по пятам ходили шпики, как однажды ночью в Ницце он подошел к двум агентам, дал им на чай и сказал, чтобы они пошли куда-нибудь выпили бы и согрелись³⁴⁸. Е.П.Семенов пишет, что он сам убедился в Париже о слежке за Гапоном, который часто «уходил» от шпииков³⁴⁹. И, конечно же, оказавшись снова в Париже, Гапон опять наговорил много «лишних вещей» корреспондентам газет, объясняя потом все это своим знакомым «незнанием языка», а когда ему советовали не принимать в таком

случае неизвестных ему журналистов, он соглашался и обещал следовать этим советам, но не исполнял их³⁵⁰. А это, разумеется, вело лишь к ухудшению отношений между Гапоном и политическими группами среди русских эмигрантов. Да и стремился ли Гапон к их улучшению? Навряд ли.

Несмотря на все трудности, которые начинал уже испытывать Гапон во взаимоотношениях с революционными партиями, в налаживании деятельности открывшихся отделов, в целом определенная работа велась, и Гапон продолжал оставаться признанным лидером своей организации. Сколько бы времени все это продолжалось и чем бы все это кончилось, сказать трудно. Но в это время в гапоновской организации, в среде ее руководства случился скандал, замять который лидерам союза не удалось. А все началось с простого.

Приблизительно в середине декабря 1905 года Варнашев, избранный председателем ЦК гапоновской организации, отчитывался о расходах, связанных с открытием отделов, и в своем докладе он случайно обмолвился (а может, не случайно?) о деньгах, взятых у правительства³⁵¹. «Товарищи! Вы знаете, — говорил Варнашев в своем выступлении, — что у нас денег было 4000 рублей и 1000 рублей дал Гапон, т.е. те, которые он получил от Витте»³⁵². Слова Варнашева были разорвавшейся бомбой, так как никто, кроме очень узкого круга лиц, не имел ни малейшего понятия о том, что власти субсидировали открытие отделов. Возмущались, почему решали вопрос с денежной субсидией без разрешения общего собрания или хотя бы членов ЦК организации. Особенно негодовали Н.П.Петров и рабочий Черемухин (Сычев)³⁵³. Петров требовал ответа, кто и когда разрешил просить у властей 1000 рублей, полученных Гапоном от Витте и переданных им союзу.

Постепенно дело прояснялось. Кузин сказал, что Гапон ему говорил о полученных от Витте 1000 рублях, которые он, Гапон, отдал на нужды организации. Варнашев с Карелиным поддерживали Кузина. Н.П.Петров вообще выступал против того, чтобы брать деньги у Витте. Короче говоря, становилось ясным, что Кузин, Варнашев и Карелин знали о происхождении 1000 рублей. Черемухин предложил все это не выносить за пределы ЦК, и за это сразу же ухватились Кузин, Варнашев и Карелин, желая во что бы то ни стало покончить с разгоравшимся скандалом внутри своего круга лиц³⁵⁴.

Но и это было еще не все. Ведь Кузин, Варнашев и Карелин знали о словах Гапона, сказанные им перед отъездом в Париж.

что деньги на деятельность отделов будут, что за себя по всем этим вопросам он оставил Матюшенского, что последний должен будет получить правительственную субсидию на открытие отделов³⁵⁵. И последний получал деньги от министра торговли и промышленности Тимирязева, который выдавал их Матюшенскому по частям, причем последняя расписка была дана им 24 декабря 1905 года³⁵⁶. Разумеется, Матюшенский передавал деньги рабочим, но не все, поскольку Кузин, Варнашев и Карелин, зная о правительственной субсидии, не знали ее точной суммы. Матюшенский передал руководству союза сначала 3000 рублей, потом еще 3000, сказав об этих двух суммах, что они получены от одного богатого бакинского купца-бывшего революционера, знающего Гапона³⁵⁷.

Н.П.Петров после получения от Матюшенского первой суммы в размере 3000 рублей так комментировал ситуацию. «Мы с Черемухиным много думали об этом и сомневались в справедливости Матюшенского, — писал Петров, — но упрекнуть его ничем не могли, а еще после таких денег, как-то смотрели на него с уважением и наконец согласились допускать Матюшенского в центральный комитет с совещательным голосом, таким образом за эти деньги Матюшенский получил доступ в заседания Комитета»³⁵⁸. Никто пока еще в руководстве союзом не знал, что Матюшенский, получив большие деньги от Тимирязева, стал похаживать в клуб и поигрывать там, в результате чего быстро спустил 700 рублей³⁵⁹.

Наверное, здесь будет кстати сказать несколько дополнительных слов о Матюшенском³⁶⁰. Александр Иванович Матюшенский сотрудничал в «Биржевых Ведомостях», «Новостях», «Сыне Отечества». Издатель «Новостей» Ю.Б.Бах «выкупал» в свое время Матюшенского из Петропавловской крепости, куда тот попал за «убеждения». Получив деньги от Тимирязева, он положил их в банк Лионского кредита на свой текущий счет и стал небольшими суммами выдавать рабочим. Надо сказать, что Гапон, оставляя за себя по денежным делам Матюшенского, «приставил» все же к нему Варнашева и Кузина. Однако Матюшенский сумел их обоих «оттеснить» от денег, к тому же Кузин заболел, а Варнашев один проследить за каждым шагом Матюшенского не сумел. В результате они оба не знали, как мы уже сказали, о действительной сумме полученных Матюшенским денег.

К этому времени, к моменту декабрьского вооруженного восстания в Москве, когда власти стали широко применять ре-

прессии, отделы практически не работали, «активность» проявляло лишь руководство союзом, да и то в связи с разгоравшимся скандалом, связанным с получением субсидий от правительства. Словом, гапоновской организации в том виде, в каком она действовала до 9 января 1905 года, уже фактически не существовало. Действовали только «генералы», но армии, так сказать, у них не было, массовой базы они уже не имели. Организация по сути дела держалась лишь на Гапоне, его имени, его славе. Но она была уже в значительной мере в прошлом.

И все же не будем преуменьшать его влияния на те круги рабочих, которые входили в отделы союзов или были близки к ним. «Что Гапон имел огромное, неотразимое влияние на рабочих, — вспоминал А.С. приблизительно об этом периоде времени, — не прекращавшееся, отчасти, даже после всех непопулярных выходов Гапона по его возвращении в Россию, — не подлежит никакому сомнению. За ним шли слепо, без рассуждения; по первому его слову тысячи и десятки тысяч рабочих готовы были идти на смерть. Он это хорошо знал, принимал как должное и требовал такого же отношения к себе и со стороны интеллигенции. И поразительно то, что некоторые интеллигенты, старые эмигранты, опытные революционеры, люди совершенно не склонные к увлечениям, всецело подпадали под его влияние»³⁶¹.

И несмотря на все это, Гапон продолжал неумолимо идти к своему развенчанию. Твердых убеждений у него по-прежнему не было. Жил он настроениями, чувством. Он сначала действовал, а потом уже начинал отдавать себе отчет в своих поступках. Он продолжал быть очень увлекающейся натурой, но вместе с тем и слабой. Даровитость в нем уживалась с высшей степени импульсивностью, что неминуемо толкало его на ложные шаги, после которых он обычно каялся. Но ведь все время так продолжаться не могло. Не будем забывать также, что были и другие силы, заинтересованные в «падении» Гапона.

И они аккуратно сжимали кольцо вокруг Гапона, играя на струнах его натуры, его характера. Думается также, что все это происходило не без подсказки Азефа. 23 декабря 1905 года по поручению графа Витте в Париж к Гапону едет Мануйлов и едет не один, а с Варнашевым³⁶². Мануйлов уже давно был на содержании департамента полиции, из секретных фондов которого получал 7200 рублей в год; для поездки в Париж ему было выдано 1500 рублей³⁶³. Именно через Мануйлова департамент

полиции и намеревался «действовать» на Гапона, «привязывать» его к работе на охранку.

По нашему мнению, как-то все время «в тени» остается Н. Варнашев. Он «заслужил» большего, поскольку был, видимо, прямым агентом охранки в гапоновской организации. И не случайно он едет в Париж вместе с Мануйловым: ведь в случае встречи последнего с Гапоном, Варнашев для него выступал бы как свой, надежный человек³⁶⁴. А этот надежный человек «работал» на полицию, и Гапон об этом не знал. В докладе царю министр внутренних дел Дурново 21 декабря 1905 года писал: «Варнашев довел до сведения графа Витте, что Гапон знает группу лиц, составляющих в С.-Петербурге верховную революционную организацию. По словам Варнашева, он также мог бы указать главных революционных деятелей, если бы Гапон освободил его от данного обещания хранить эти сведения в тайне. Эти сообщения Варнашева приводились между прочим в числе доводов о необходимости допустить печатание... прокламации Гапона к рабочим, т.к. составилось мнение, что только удовлетворением желания Гапона воздействовать на рабочих можно склонить его к услугам правительству в деле раскрытия и подавления революционного движения»³⁶⁵.

Обратим здесь внимание на то, что в этом документе нет ни слова о сотрудничестве Гапона с полицией, а речь идет лишь о возможности его привлечения к такому сотрудничеству.

Выехавший в Париж Мануйлов³⁶⁶ Гапона там не застал: тот перебрался уже поближе к России, в Стокгольм. Мануйлов оставил Варнашеву 300 рублей на расходы и дал такую же сумму некоему доктору де Кервиль, бывшему народовольцу, с просьбой перевести эту сумму Гапону в Стокгольм.

Между тем скандал с деньгами, которые были выданы правительством на нужды гапоновской организации, разгорался, и Гапон 25 декабря 1905 года выехал из Стокгольма в Финляндию, где поселился в Териоках, откуда было рукой подать до Петербурга³⁶⁷. Незадолго до нового, 1906, года руководство организации послало, по словам Петрова, Гапону телеграмму — «Приезжай, почва уходит из-под ног»³⁶⁸. 29 декабря к Петрову пришел Черемухин и сказал, что Гапон вызывает его в Финляндию, но он туда не поедет³⁶⁹. 30 декабря Гапон прислал распоряжение направить в Териоки от «каждого района по 10 человек для встречи нового года и обсуждения некоторых важных вопросов»³⁷⁰. Петров пишет, что на встречу приехало чело-

век 80 (по словам Рутенберга, 110 человек); до 12 часов ночи они занимались делами союза по следующей повестке дня: отчет Гапона за истекший год, определение статуса Гапона в организации, проведение дня памяти 9 января³⁷¹.

В своем выступлении Гапон подробно рассказал, как он покинул Россию после трагических событий в Петербурге 9 января 1905 года, какую работу он провел за границей. В заключение своего отчета Гапон, как вспоминает Петров, заявил: «Товарищи, я ошибался сначала, погорячился и призывал вас к вооруженному восстанию. Я сам теперь это считаю утопией, а потому прошу вас не слушать разных взвинченных голов. Я все увидел и все знаю, нам следует удержаться за собой завоеванное. Убежден, что если мы так поступим, то много выиграем. Теперь судите меня, как хотите»³⁷².

В годовщину трагедии в столице было решено отслужить молебен. Кстати, ни в первую годовщину кровавых событий в Петербурге, ни во вторую, когда Гапона уже не было в живых, в листовках и прокламациях социал-демократии о нем либо вообще ничего не говорилось, либо указывалось, что во главе рабочих, шедших к царю, был священник Гапон³⁷³.

Бурно обсуждали вопрос о статусе Гапона в союзе. Чтобы никому из присутствующих не связывать руки своим авторитетом, Гапон при обсуждении «своего» вопроса удалился в другую комнату. Долгие споры ни к чему не привели, и тогда, пишет Петров, пригласили Гапона и спросили, кем он сам хотел бы быть в организации. Гапон выступил с речью и опять всех покорила. «Председатель поставил на баллотировку, — вспоминает Петров, — большинством голосов Гапона сделали хозяином союза»³⁷⁴. Таким образом, все права и полномочия Гапона, какие он имел до 9 января 1905 года, были вновь подтверждены. После этого Гапон впервые на широком собрании упомянул о деньгах и спросил, где Матюшенский.

Мы уже говорили, что Варнашев, Кузин и Карелин знали о получении Матюшенским денег от правительства, не имея понятия о суммах этих субсидий. Видимо, они пытались это выяснить у Матюшенского, но тот своими сбивчивыми объяснениями лишь возбуждал подозрение рабочих. Естественно, что Гапон, узнав от руководства союза, сколько денег уже дал Матюшенский, хотел знать и сколько он получил от властей. По словам Рутенберга, Гапон вместе с Варнашевым посетил Матюшенского с целью выяснить этот вопрос; он интересовался,

как они и условились объяснять рабочим «происхождение» этих средств, сколько денег дал «бакинский купец»³⁷⁵. Услышав от Матюшенского сумму в 7 тысяч рублей, Гапон ничего не сказал в ответ, но поручил Варнашеву выяснить этот вопрос, и тот через Мануйлова получил от Витте совет обратиться за разъяснениями к Тимирязеву³⁷⁶.

Варнашев посетил министра торговли и промышленности Тимирязева, а тот показал ему расписки Матюшенского о получении уже всей суммы в 30 тысяч рублей сполна³⁷⁷. Варнашев с докладом немедленно поехал на Владимирскую улицу, где в доме 3 помещалось правление гапоновского союза, и Гапон сразу же собрал, по словам Рутенберга, находившихся там Кузина, Карелина, Усанова, Иноземцева, Петрова, самого Варнашевца, некоторых других лидеров организации и в свою очередь все без какой-либо утайки рассказал им³⁷⁸. «Его дергали за полы: нельзя всем о таких вещах говорить, — вспоминает Рутенберг. — Но он ответил, что деньги брал для рабочих, деньги эти народные, и он не боится. В свое время сам все опубликует»³⁷⁹. Петров призвал всех поклясться, что об этом никто не узнает; послали за Матюшенским, но того... и след простыл³⁸⁰. Дело в том, что играя в клубах в азартные игры, что не ускользнуло от журналистской братии, знавшей Матюшенского как нуждавшегося, последний к этому времени уже успел промотать до 2 тысяч рублей³⁸¹. Матюшенский всем говорил, что получил от умершего брата наследство в Саратове и поедет туда издавать газету, и он, действительно, скоро исчез из Петербурга с одной женщиной, бросив в столице свою семью³⁸².

Видимо, Петров вскоре имел разговор с Гапоном о деньгах, взятых у правительства, упрекал последнего в том, что он сделал это без какого-либо совета с другими руководителями союза³⁸³. Отвечая на эти упреки, Гапон говорил, что без «правительственной помощи» они не смогли бы вновь начать работу союза, что полученные от властей деньги — возмещение понесенных рабочими убытков от закрытия отделов после 9 января 1905 года, советовал заняться розысками Матюшенского, за что обещал якобы Петрову 5 тысяч рублей³⁸⁴.

В это время Гапон постоянно ищет пути восстановления своей пошатнувшейся репутации. Видимо, с этой целью он серьезно подумывает о собственной газете и даже намеревался приступить к ее организации. Вот как это было³⁸⁵. В издательских и литературных кругах столицы пользовался популярно-

стью некий К-н. В первых числах января 1906 года ему сообщили, что с ним о деле хотел бы говорить Гапон. Встреча была назначена в квартире этого издателя на одной из улиц Песков, часов в 11-12 ночи. Гапон почему-то не приехал, но в ближайшее же воскресенье под вечер явился туда. Минут 20-30 издатель и его гость вели разговор об организации газеты, а затем Гапон ушел и более двух недель о нем не было ничего слышно. Где-то в середине февраля 1906 года он опять пришел на квартиру к издателю и принес три варианта названия будущей газеты — «Дело», «Наш Голос», «Трудовая Жизнь». Сам Гапон при этом склонялся к «Нашему Голосу». Он говорил также, что деньги для издания есть, что первый номер можно будет приурочить к 1 марта, но не позднее 5 марта. Больше ни Гапон, ни его доверенное лицо по вопросу об издании газеты к К-ну не обращались.

После того предновогоднего злополучного собрания Гапон взял себе в помощь четверых человек — Варнашева, Кузина, Короленко и Иноземцева; Гапону, по словам Петрова, предлагали включить в эту группу и Черемухина, но он отказался, назвав его шпионом, правда, вскоре извинившись перед ним³⁸⁶. Трения в руководстве, таким образом, обострялись. История с 30 тысячами сделала Гапона раздражительным, он часто стал говорить рабочим об опасностях, которые ему угрожают, поползли слухи о его небезкорыстных связях с полицией и властями. Думается, что слухи эти искусственно координировались и направлялись опытной рукой. К тому же и доказательств никаких ни у кого не было, а что касается «связей» с властями, включая и полицию, то Гапон этого никогда ни от кого и не скрывал.

Между тем через несколько дней сотрудник «Новостей» Старцев сообщил Гапону, что его жена получила из Саратова письмо от женщины, с которой исчез Матюшенский. Гапон поручил Кузину и Черемухину выехать туда, чтобы постараться на месте решить вопрос с деньгами. Для того чтобы придать их действиям вполне законный характер, Гапон обратился к Лопухину, прося содействия саратовской полиции, включая и сыскную; Лопухин послал в Саратов соответствующую телеграмму³⁸⁷.

Вот как передает Рутенберг рассказ Черемухина о задержании Матюшенского³⁸⁸. Полиция явилась к Матюшенскому в 11 часов вечера. Тот попросил их предъявить свои полномочия. В ответ они ввели в квартиру Кузина и Черемухина. Матюшенский все отрицал и его забрали в участок. А через два дня все

это дело было покончено миром: Матюшенский возвратил свыше 2 тысяч рублей наличными, а остальные деньги перевел на имя Кузина. После этого Матюшенский поехал с Черемухиным в Петербург, а Кузин в Пронский уезд повидаться с матерью, где его арестовали за ведение пропаганды среди крестьян, отобрав при этом чек на 21 тысячу рублей и 500 с небольшим рублей наличными. Пришлось Гапону вновь идти к Лопухину с просьбой выволить Кузина из рук полиции, и тот обещал помочь. На этом, так казалось поначалу, это дело вроде бы было «закрыто».

Вся эта «саратовская» история с Матюшенским была в начале февраля 1906 года. Приблизительно тогда же об этом писали и газеты, и Витте, конечно, их читал, равно как и обо всем этом ему, безусловно, докладывали. Однако в своих воспоминаниях граф Витте открещивается от «истории» с 30 тысячами рублей, а упоминает лишь о 6 тысячах, относительно которых у него, мол, и была только договоренность с Тимирязевым³⁸⁹.

И последнее об этой истории с деньгами. Существует так называемая «Исповедь» А.И.Матюшенского, которую он написал уже после гибели Гапона и послал редактору журнала «Красное знамя», издаваемого в Париже, Александру Валентиновичу Амфитеатрову с припиской, что тот свободен «делать с ней, что и как» хочет³⁹⁰. Она для нас интересна тем, что в ней Матюшенский уже знает о смерти Гапона, о слухах по поводу его связей с охранкой и старается себя выгородить, искажая факты и представляясь чуть ли не героем. Впрочем, предоставим слово Матюшенскому³⁹¹.

Отвергая обвинение его в провокаторстве, Матюшенский в «Исповеди» пишет: «Я не виновен в провокаторстве, так как работал в союзе с заранее предвзятым намерением противодействовать провокаторской деятельности Гапона. И, если возможно, выжить его из союза. С этими же целями я вступил и в сношение с правительством, дабы быть постоянно в готовности противодействовать как Гапону, так и правительству»³⁹². Матюшенский подчеркивает, что петицию писал он «по предложению Гапона», что он был единственным человеком, заранее знавшим о трагическом исходе шествия, но тем не менее толкал к этому рабочих, женщин и детей, дабы разбудить массы. Матюшенский сообщает в «Исповеди», что ему уже 43 года, что он с 19 лет видел и знал жизнь. Он писал о себе: «Я работал до этого в газетах в Самаре, Екатеринбурге, Ирбите,

Киеве, Одессе, Кишиневе, Владикавказе, Тифлисе, Баку, Москве. А еще раньше я с переселенцами бродил пешком три года по Оренбургской губернии и Западной Сибири. Я работал, как чернорабочий, и на крестьянских полях, и в шахтах золотых приисков (близ Троицка, Оренбургской губ.), и на полотне железной дороги, и на крупчатной мельнице, и на пристанях Волги при нагрузке судов, я точил веретена, шил сапоги, строил глинобитные крестьянские хаты, учил грамоте крестьянских ребятишек»³⁹³.

Матюшенский рассказывает и о своем аресте в Саратове, сообщая, что это было в начале февраля 1906 года. Он пишет, что Кузин и Черемухин нагрянули к нему ночью, часа в 3, в сопровождении пристава, 3 околоточных, 5 городских и 2-3 агентов сысканого отделения³⁹⁴.

После нашумевшей истории с деньгами Гапон быстро шел по наклонной плоскости к своему концу. Час его прошел, и он, не обладая твердым характером, достаточными знаниями, большой культурой, но зато вместо всего этого имея громадные развившиеся амбиции, в которых, может быть, и не один Гапон виноват, а все те, кто восхвалял и поднимал его на щит, кто старался использовать его в своих собственных целях, Гапон в такой обстановке и при таких условиях неизбежно должен был бросаться в новые авантюры, впадать в противоречие с самим собой, со своими собственными целями и планами. Его заключительный флирт с охранкой и был из разряда очередных гапоновских затей, которые до сих пор кончались для него более или менее благополучно.

Одно из левых изданий, «Молодая Россия», после случая с 30 тысячами рублей правительственных субсидий, оценивая политическую роль и карьеру Гапона, назвала его «историческим пустоцветом»³⁹⁵. В печати в те дни вообще часто подчеркивали, что Гапон — это клубок противоречий, которые способен вместить в себя только поп³⁹⁶. Однако близкие к Гапону люди так не думали и ни в чем его не обвиняли. Так, рабочий И. Павлов в связи с «делом» о 30 тысячах подчеркивал: «...Гапон в сущности был аскет, житейское благополучие для него значения не имело и продать себя за 30 тысяч, да хотя и за 300 и за 3 миллиона, в ущерб интересам народа, он не мог, но для нужд народа он мог их взять, ошибочно учтя последствия. Во всяком случае у Гапона не было цели продать свою идею, — ему хотелось доказать, что идея освобождения может быть осуществле-

на именно им; он слишком верил в себя и надеялся и на этот раз вывернуться, перехитрить»³⁹⁷.

Наверное, это точная характеристика поведения Гапона в его отношениях с охранным отделением России. Вот именно «перехитрить», «вывернуться» всегда и надеялся Гапон в своих контактах с этой могущественной организацией государства российского. Забывал он при этом, как кажется, только одно: там работали совсем, совсем не дураки. Начинался этот финальный акт трагедии еще в период пребывания Гапона за границей, когда он там увиделся с работником охраны Е.Медниковым³⁹⁸. Тем самым Гапон возобновил свои связи с полицией, прерванные 9 января 1905 года. В дальнейшем последовали его встречи в Петербурге с Мануйловым, который как-то сказал Гапону, что с ним хотел бы увидеться правая рука Дурново, вице-директор департамента полиции Рачковский³⁹⁹.

И Гапон согласился; они встретились в конце декабря 1905 — начале января 1906 года, то есть вскоре после прибытия Гапона из-за границы в Россию⁴⁰⁰. По словам Рутенберга, Гапон с момента приезда в Россию и до 6 февраля 1906 года, то есть до того момента, когда он после длительного периода вновь встретился с Рутенбергом, имел с Рачковским четыре встречи⁴⁰¹. Гапон при встрече с Рутенбергом хвалился, что виделся с Рачковским в кабинетах лучших ресторанов Петербурга — у Контана, у Кюба, у Донона⁴⁰².

При первой же встрече Рачковский, по словам Рутенберга, сказал Гапону, что деятельность отделов союза, по мнению Дурново, представляет опасность для существующего строя, а присутствие самого Гапона в Петербурге является нежелательным⁴⁰³. Рачковский якобы говорил также, что Дурново считает Гапона опасным и чрезвычайно талантливым революционным вождем, который при стечении определенных обстоятельств может легко повторить новое 9 января⁴⁰⁴. В ответ Гапон успокаивал Рачковского, говоря, что отделы — это чисто профессиональное движение, что сам он выступает против восстания и за мирное развитие рабочего движения, что о своих крайних взглядах после 9 января он, Гапон, весьма сожалеет⁴⁰⁵.

Выслушав доводы Гапона, Рачковский предложил ему все это изложить в письме на имя Дурново⁴⁰⁶. Фактически от Гапона в качестве компенсации за реабилитацию требовали покаяния в революционных грехах, отречения от своих левых взглядов, материального засвидетельствования того, что он

действительно разрывает с революцией и становится на позицию лояльности к правительству. Гапон согласился не сразу, колебался, но после того, как ему дали понять, что в этом случае нельзя будет вести речь и о действительном открытии отделов и их работе, он дал положительный ответ⁴⁰⁷.

Где-то в середине января 1906 года Гапон написал и держал у себя соответствующее письмо министру внутренних дел П.Н.Дурново⁴⁰⁸. Ничего нового в этом письме у Гапона нет, оно в определенной мере содержит те же мысли и даже те же обороты, которые им уже излагались для французских и американской газет, высказывались в многочисленных интервью в иностранной печати. В письме на имя Дурново Гапон прежде всего отмечал: «Будь со стороны правительства вообще и в частности со стороны министерства финансов и высшей фабричной инспекции должное внимание к обществу, как барометру настроения рабочих масс, «Собрание» русских фабрично-заводских рабочих явилось бы прочной базой для разумного профессионального и рабочего движения в России»⁴⁰⁹.

Гапону здесь никак нельзя отказать в здравомыслии, и он фактически этим своим тезисом солидаризируется с Зубатовым и его политикой.

И далее Гапон писал: «Но если для меня и для моих верных товарищей особа государя была и есть священна, то благо всего русского народа для нас дороже всего. Вот почему я, уже зная накануне 9, что будут стрелять, пошел в передних рядах, во главе, под пули и штыки солдатские, чтобы своею кровью засвидетельствовать истину — именно неотложность обновления России на началах правды»⁴¹⁰. Но, высказав этот тезис о приоритете интересов народа, Гапон тут же подчеркивает: «9 января — роковое недоразумение... Естественно, я под влиянием возмущенных чувств... впал в крайность, первым провозгласил лозунг вооруженного восстания. Но мало-помалу чад начал проходить. Я мужественно и открыто пошел против вооруженного восстания и стачек. Все это я сделал по глубокому убеждению, что единственный выход, гарантирующий благо России и государя, есть закономерное устройство России на началах, возведенных с высоты престола манифеста 17 октября»⁴¹¹.

Одновременно Гапону дали понять, что надо и «делом» доказать свою преданность правительству и престолу, что было бы не плохо «осветить» некоторые стороны деятельности революционных организаций, которые ему известны. Речь, по всей

вероятности, шла о боевой организации эсеров, с которыми Гапон был связан ближе и больше всего. Гапон не дал сразу ответа, а стал искать встречи с тем из партии эсеров, кого он хорошо знал, с Рутенбергом. Последний вспоминал⁴¹², что в конце января 1906 года руководство его партии поручило ему поехать по делам в Москву. Перед отъездом он виделся со своей женой, которая сказала мужу, что его разыскивает Гапон, желающий о чем-то с ним поговорить. Рутенберг пишет, что заехал к Гапону на дачу в Териоки, но не застал его там и уехал в Москву, не повидавшись с Гапоном.

Время шло, Гапон еще раз виделся с Рачковским⁴¹³, и тот взялся передать Дурново письмо, подготовленное Гапоном. Рачковский сказал также, что в следующий раз он придет на встречу с начальником петербургского охранного отделения Герасимовым, на что Гапон согласился, зная того приблизительно с января 1904 года⁴¹⁴.

А Гапон продолжает упорно искать связей с Рутенбергом⁴¹⁵. Он вновь побывал у него на квартире, где жена последнего, доверявшая и знавшая Гапона, сообщила ему нелегальный адрес своего мужа в Москве. Уже утром 5 февраля 1906 года Гапон прибыл во вторую столицу для того, чтобы срочно встретиться с Рутенбергом, к которому он пришел 6 февраля. Рутенберг рассказывает, что Гапон был хорошо одет, но какой-то «пришибленный, беспокойный»⁴¹⁶. Он предложил поехать вечером в загородный ресторан «Яр» и там поговорить о деле, но Рутенберг отказался, равно как и от предложения Гапона купить ему пальто.

Уже в разговоре с Рутенбергом в его квартире Гапон поведал ему о своих встречах с Рачковским, беседах с ним, рассказал о письме к Дурново, черновик которого, по словам Гапона, находился у него в гостинице, и Гапон обещал на следующий день показать его Рутенбергу. Поскольку в разговоре «появлялся» все новый и новый интересный «материал», то Рутенберг согласился в конце-концов ехать в «Яр», чтобы, по его словам, видеть Гапона пьяненьким и все узнать. Они ехали спальной Пресней. Гапон предложил пойти в общий зал, но Рутенберг не согласился, и они взяли кабинет. Спустя некоторое время Гапон все же убедил Рутенберга махнуть на конспирацию и идти в общий зал.

На следующий день, 7 февраля, они снова встретились на квартире Рутенберга. Гапон привез черновик своего письма к

Дурново. По словам Рутенберга, он не знал, соответствовал ли этот материал оригиналу, но, как он пишет, прочтя его, «предательства в письме я не заметил»⁴¹⁷. Гапон продолжал рассказывать Рутенбергу о своих беседах с Рачковским и Герасимовым. Он говорил, ссылаясь на Рачковского, что Витте, Дурново и Трепов ему не верят и настаивают на доказательстве отсутствия у него каких-либо «революционных замыслов»⁴¹⁸. По словам Гапона, Рачковский уговаривал его давать информацию о положении дел в революционных организациях, говоря, что охранку интересовали Брешковская, Чернов, сам Рутенберг, к которому полиция относится серьезно, что в полиции Савинкова кличут «Павлом Ивановичем», а Азефа — «Иваном Николаевичем»⁴¹⁹. Гапон сказал также, что он потребовал «не трогать» Рутенберга и ему это обещали. «Все свелось к тому, — вспоминал Рутенберг, подводя итоги мнимого согласия Гапона на сотрудничество с охранкой, — что он взял на себя поручение узнать и выдать «заговор против царя, Витте и Дурново». Для этого «соблазнить» меня в провокаторы»⁴²⁰. Гапон, пишет Рутенберг, предложил также мне помочь в освобождении из петербургских Крестов моего брата, но я отказался.

Рутенберг вспоминает также, что в ходе разговора с Гапоном тот строил различные фантастические планы: внедриться в охранку и узнать ее тайные замыслы, воспользоваться своим положением «агента» и убить Витте или Дурново. Гапон в этой связи просил Рутенберга помочь ему встретиться с руководителями боевой организации эсеров, в частности с Азефом, принять его, Гапона, в эту организацию. Он уговаривал Рутенберга повидаться с Рачковским, чтобы таким образом добыть «рычаг всего дела» — деньги, говорил, что встречался и с Лопухиным, также призывавшего Гапона «освещать» положение дел в революционных организациях. Со слов Рачковского, Гапон уверял Рутенберга, что эсеры в России работают на японские деньги.

Словом, это был большой и тяжелый разговор, думается, прежде всего для Рутенберга. Гапон же, как всегда, играл свою игру. Здесь вновь хотелось бы вернуться к словам Рутенберга, характеризовавшего Савинкову Гапона, как «бедного, запутавшегося в революции попа, искреннего и честного», и мнением на этот счет Савинкова, который считал, что Рутенберг ошибался, и «Гапон подделывался под него и был с ним таким, каким хотел быть»⁴²¹.

После бесед с Гапоном Рутенберг выехал в Петербург и по дороге, как он пишет, прочитал в газете письмо Н.П.Петрова о

30 тысячах; оно было озаглавлено «Долой маску и неизвестность!»⁴²² Письмо было датировано 8 февраля 1906 года и напечатано в 23 номере газеты «Русь»⁴²³. Предварительно Петров послал председателю ЦК гапоновской организации также письмо с уведомлением о своей отставке из Центрального Комитета и с поста председателя 7-го, Невского, отдела союза⁴²⁴. Варнашев показал письмо Гапону. Он прочитал его, но запретил оглашать текст на заседании ЦК, как об этом просил Петров. Видимо, это письмо Петрова об отставке было получено Гапоном перед его отъездом в Москву для встречи с Рутенбергом. А когда Гапон вернулся в Петербург, его уже «ждала» публикация в «Руси». Гапон в это время открыто жил под фамилией Петра Николаевича Гребницкого по адресу: Успенский переулок, 7, квартира 17⁴²⁵.

Положение с письмом Петрова было для Гапона, конечно, не из приятных. Петров ставил вопрос о происхождении 30 тысяч, рассказывая, что они получены Гапоном и его штабом от министра Тимирязева в тайне от рабочих. Он писал, что Варнашев и Карелин знали происхождение этих денег, но сознательно обманывали рабочих, не посвященных в детали деятельности Центрального Комитета. Варнашев и Карелин, подчеркивал Петров, утверждали, будто деньги были получены от богатого купца, «бывшего революционера», отошедшего от революции, но сочувственно относившегося к гапоновской организации и ее деятельности. Естественно, что письмо Петрова произвело ошеломляющее впечатление на петербургское общественное мнение, особенно на рабочих.

Ситуация складывалась для Гапона очень неприятная. К тому же министерство внутренних дел как раз в это время распорядилось закрыть отделы, и все хлопоты ни к чему не привели⁴²⁶. Чем это было вызвано, да еще в такое «тяжелое» для Гапона время? Видимо, охранка, отмежевываясь от истории с деньгами, стремилась «прижать» Гапона, загнать его в угол, сделать его положение безвыходным и вынудить пойти на сотрудничество с секретной службой, прикрывая Гапоном своего крупного агента — Азефа. Кстати, Карелин в связи с закрытием отделов впоследствии писал, что если бы разрешили деятельность союза и дальше, то они переименовали бы свою организацию в «Общество памяти 9-го января»⁴²⁷.

Между тем на обвинения Петрова надо было как-то реагировать. И вот в той же газете «Русь» появляется ответ ЦК гапо-

новского союза, в котором его руководство перекладывало всю тяжесть обвинения на самого Петрова. Ему вменялось в вину то, что он выдал партийный секрет, хотя все члены Центрального комитета были связаны торжественною клятвою и честным словом не выносить пока в печать и общество внутренней жизни организации⁴²⁸. В ЦК союза встал одновременно и другой вопрос: что делать с «виновником» скандала, который фактически угрожал союзу моральной и политической смертью. И тогда Гапон лично дает Черемухину револьвер и берет с него честное слово в том, что он убьет Петрова, как изменника и предателя⁴²⁹.

Черемухин допросил Петрова и других товарищей, придя к иному твердому убеждению: виновником разразившегося скандала вокруг 30 тысяч является сам Гапон⁴³⁰. По словам Петрова, Черемухин в разговоре с ним сказал, что Гапон обещал ему за поимку Матюшенского 5 тысяч рублей, что он убьет Гапона из его же револьвера, а затем застрелится и сам и сделает «это на заседании комитета 18 февраля»⁴³¹.

Так обстояли дела в руководстве гапоновской организации. В это же время назревала и еще одна опасность для Гапона: в руководстве партии эсеров⁴³². Рутенберг, расставшись с Гапоном, выехал из Москвы в Петербург. Никого из руководства партии он там не застал, но зато узнал, что Азеф находится в Гельсингфорсе. Рутенберг немедленно выехал туда: ему надо было доложить руководству партии о своих беседах с Гапоном, о согласии последнего стать осведомителем охраны. В Гельсингфорс, пишет Рутенберг, он приехал в 7 часов утра 11 или 12 февраля 1906 года, встретился с Азефом, которому все изложил, сказав, что ждет распоряжений ЦК партии эсеров⁴³³. Азеф был возмущен и высказал мнение, что покончить с Гапоном должен Рутенберг.

Со вторым петербургским поездом, в 10 часов утра того же дня, в Гельсингфорс прибыл Савинков, и когда он узнал об истории с Гапоном, то также высказался за его ликвидацию, «но, — вспоминает Рутенберг, — окончательное решение принято не было»⁴³⁴. На следующий день (или, пишет Рутенберг, вечером того же дня) вопрос о Гапоне уже обсуждали четверо: Чернов, Азеф, Савинков и Рутенберг⁴³⁵. Чернов выступил за то, чтобы ликвидировать обоих (Гапона и Рачковского), поскольку в Гапона верят рабочие и надо иметь доказательства его предательства. Чернов считал, по словам Савинкова, что «убийство

одного Гапона поставит партию в весьма трудное положение, ибо доказательств виновности Гапона нет никаких, кроме утверждения Рутенберга»⁴³⁶.

Чернов тем самым поддержал позицию Азефа. Тот при решении этого вопроса сказал, как пишет Савинков, следующее: «По моему мнению, Гапона на основании только сообщения Мартына (Рутенберга) убить невозможно. Гапон слишком популярен в массах. Его смерть будет непонятной. Нам не поверят: скажут, что мы его убили из своих партийных расчетов, а не потому, что он действительно состоял в сношениях с полицией. Эти сношения надо еще доказать. Мартын — революционер, он член партии, он не свидетель в глазах всех тех, кто заинтересуется этим делом. А ведь интересуются все. Вот если бы уличить Гапона...»⁴³⁷ И Азеф при этом добавил, что надо застать Гапона вместе с Рачковским и обоих убить. Таким образом, очень тщательно Азеф продумывал складывавшуюся ситуацию.

Савинков в свою очередь вновь заявил, что «Гапон должен быть убит», и выступил за немедленную его ликвидацию⁴³⁸. Однако вместе с Рутенбергом они говорили, что убить сразу двоих трудно, а Савинков к тому же добавлял, что партия обладает достаточным авторитетом, чтобы убедить всех в предательстве Гапона. Мы «оба были убеждены, — вспоминал впоследствии Савинков о своей и Рутенберга позиции по этому вопросу, — что доказательства измены Гапона рано или поздно найдутся сами собою и что поэтому нам нет нужды считаться с тем, что мы в данную минуту не можем их представить. По нашему мнению, для убийства Гапона достаточно было признания им самим своего предательства перед Рутенбергом. Более того, мы оба считали, что предатель Гапон во всяком случае и при всяких обстоятельствах должен быть убит именно от лица партии, ибо именно с партией он был наиболее близок, и именно партия в лице Рутенберга обнаружила его измену»⁴³⁹.

Обсуждение, пишет Рутенберг⁴⁴⁰, затянулось на несколько дней. В итоге Савинков остался при своем мнении, но, не будучи членом ЦК партии эсеров и не имея поэтому права голоса, присоединился к позиции Чернова и Азефа — ликвидировать обоих; этот план был рассчитан, по словам Рутенберга, на 2-3 свидания с Гапоном. Рутенберг получил задание: в ходе встреч и бесед с Гапоном дать согласие стать агентом охранки, организовать одновременную встречу с Гапоном и Рачковским

и в этом случае обоих убить. В помощь Рутенбергу был придан в качестве извозчика член боевой организации эсеров Иванов. Личную связь с ЦК на время операции Рутенберг должен был прекратить. Ему вменялось в обязанность вести записи о своих встречах с Гапоном и присылать отчеты о них в ЦК с изложением того, как развиваются события.

После решения вопроса о судьбе Гапона Чернов и Савинков уехали, а Азеф, вспоминая Рутенберг, занялся технической разработкой плана покушения. При этом он имел в виду и тот вариант, когда при реализации плана возможна неудача и тогда необходимо будет убрать одного Гапона, сделав это где-нибудь в Финляндии между Петербургом и Выборгом. И последнее об этой встрече, где речь шла о жизни и смерти Гапона. По иронии судьбы она проходила на той же самой квартире, где полгода назад скрывался Гапон во время своего первого приезда в Россию после 9 января 1905 года⁴⁴¹.

Обсуждение вопроса о Гапоне заняло, как пишет Рутенберг, несколько дней. Почему так долго решали судьбу Гапона? Одна из причин заключается в том, как нам представляется, что известие о согласии Гапона быть осведомителем охраны ошеломило руководство социалистов-революционеров. Возможно, не всех. Например, Азефа. Но и он должен был взвесить все «за» и «против» в этом деле, решить для себя лично, какие плюсы здесь открываются для него, как уже старого матерого агента охраны, какие выгоды можно будет извлечь из всей этой истории. Не исключено, а скорее даже так оно и было, что Азеф в эти дни виделся с кем-либо из тех, кто курировал его в охране.

А другую причину столь длительного решения судьбы Гапона хорошо показывает, на наш взгляд, Савинков. Он писал: «Как ни понятно было психологически предательство Гапона, самый факт этого предательства представлял из себя нечто, совершенно выходящее за обычную мерку. Еще тогда, зимою 1906 г., Гапон был самым популярным человеком в массах. Его имя, имя вождя революции, переходило из уст в уста, от рабочих к крестьянам. Его портреты можно было найти везде, — в городе и деревне, у русских, поляков, даже евреев. Он первый всколыхнул городской пролетариат. Он первый решил стать во главе поднявшихся рабочих. Ни всеобщая забастовка 1905 г., ни даже декабрьские баррикады не могли заслонить образ этого человека, от которого ждали новых выступлений, ждали, что, если он начал революцию, то он и закончит ее. ...И когда

в Петербурге и в других больших городах имя Гапона уже настолько упало, что его открыто стали обвинять в сношениях с гр. Витте, осталось еще много рабочих, вполне доверявших ему и готовых идти за ним по первому его слову»⁴⁴².

Итак, ЦК партии эсеров решил, что Гапон и Рачковский должны быть, так сказать, в одном гробу. Это просматривалось вроде бы как обязательное условие ликвидации Гапона, поскольку, как считало эсеровское руководство, рабочие просто не поверят в виновность Гапона, и его убийство ляжет камнем на партию. Исходили из здравого смысла: петербургские заставы хорошо знают Гапона, помнят и любят его, для них имя Гапона — настоящее, живое, ибо оно вошло на действии, а 9 января из памяти рабочих не вытравишь и, следовательно, револьверным выстрелом имя Гапона не притушить.

В Петербург Рутенберг, по его словам, возвратился где-то 21-22 февраля⁴⁴³. Надо полагать, вскоре после приезда он узнал о том, что произошло несколькими днями ранее на заседании ЦК гапоновской организации. А случилось следующее. В споре с Гапоном Петров предложил ЦК союза третейский суд, назвав руководству организации со своей стороны 4-х лиц, но Гапон это предложение отклонил; по словам Петрова, он сделал это якобы потому, что среди этих четверых был один еврей⁴⁴⁴. Думается, что это был просто формальный предлог: Гапон не хотел, видимо, выносить «сор из избы».

18 февраля 1906 года на свое заседание собрался ЦК гапоновской организации⁴⁴⁵. Накануне его Черемухин был очень взвинченный. Его можно понять. Черемухину было 24 года, всю свою молодость он провел в тюрьме, просидев в ней 6 лет⁴⁴⁶. Мы знаем, что он вместе с Кузиным выполнил распоряжение Гапона о задержании Матюшенского и изъятии у него денег. Происходило это все при непосредственной помощи полиции, и Черемухина участие в этой акции угнетало. Он говорил товарищам, что теперь никому не верит, что как он может быть социалистом, если не уверен во всех, что, может быть, и Плеханов такой же, как и Гапон?⁴⁴⁷

После того, как история с 30 тысячами была предана гласности, Черемухин стал очень резко отзываться о Гапоне. Незадолго до того, что произошло 18 февраля на заседании ЦК союза, Черемухин говорил своим близким друзьям о Гапоне: «Это человек, для которого за коробок спичек погубить 1000 человек ничего не значит. Я кончу сегодня это дело... Я сделаю так, что ему неку-

да будет деваться. Моя смерть отделит его от рабочих... Я сначала думал выстрелить в него, но теперь раздумал»⁴⁴⁸.

И вот, в субботу 18 февраля, под вечер, в помещении ЦК организации во время обсуждения вопроса о 30 тысячах Черемухин решительно потребовал тщательного разбора всего этого дела. На заседании против Гапона выступил рабочий Алексей Григорьев, поддерживавший точку зрения Петрова. В ответ Гапон лично вытолкнул Григорьева из помещения ЦК, а на следующий день, 19 февраля, тот был арестован полицией⁴⁴⁹.

Конечно, этот последний факт не имеет никакого отношения, как нам представляется, к контактам Гапона с охранкой. Просто она была в курсе развития всей этой истории с деньгами и стремилась к тому, чтобы побыстрее поставить Гапона в сложное положение: или полная потеря авторитета или... Полиция вместе с Азефом не хуже близких к Гапону людей знала черты его характера, мотивы и пружины, двигавшие его поведением.

И, наконец, заключительный, трагический аккорд заседания 18 февраля. Неожиданно для всех Черемухин выхватывает из кармана револьвер, который, кстати, ему дал Гапон с распоряжением, как мы помним, убить Петрова, и стреляет в себя; его последними словами были: «Нет правды на земле!»⁴⁵⁰.

Самоубийство Черемухина вызвало большой скандал. Гапон перебирается в Териоки на дачу Питкинен и без излишней надобности старается в Петербург не появляться. Но все же на следующий день, в воскресенье 19 февраля, Гапон утром по телефону звонит Рачковскому, с которым договаривается о встрече; они увиделись в полдень того же дня, за завтраком, в отдельном кабинете у Кюба⁴⁵¹. Речь, конечно же, шла о происшедшем накануне самоубийстве Черемухина на заседании ЦК союза, и, видимо, Рачковский посоветовал Гапону кое-что предпринять в ответ. Тем более что газета «Русь» почти тут же опубликовала открытое письмо рабочих Аркадия Петрова и Алексея Аладина, в котором подчеркивалось, что «в смерти Черемухина были виновны только Гапон и Центральный комитет»⁴⁵².

Гапону надо было реабилитировать себя в глазах общественного мнения и своих рабочих. Желая доказать, что он никакой вины за собой не чувствует, Гапон настаивает на проведении общественного суда над собой, обвиняя и требуя к ответу в то же время Петрова; своим уполномоченным для разрешения возникшего конфликта Гапон избирает приват-доцента журналиста В.М.Грибовского⁴⁵³. Тот стал формировать соответствующую

щую комиссию для общественного суда, в которую Гапон предложил кандидатуры П.Н.Милюкова и А.А.Столыпина⁴⁵⁴. В свою очередь Грибовский пригласил в комиссию присяжного поверенного В.И.Добровольского, приват-доцента В.В.Святловского, а также И.И.Иорданского и С.Н.Прокоповича⁴⁵⁵.

Впоследствии Грибовский вспоминал, что Милюков «охотно выразил согласие принять участие в деле и сказал, что ему жаль Гапона и что он был бы рад, если бы тому удалось оправдаться»⁴⁵⁶. Он писал также, что Столыпин не вошел в состав комиссии то ли из-за своего отсутствия в Петербурге, то ли он отказался, как отказались, например, главный редактор и издатель «Слова» Н.Н.Перцов, В.А.Мякотин и некоторые другие⁴⁵⁷.

Гапон в целом одобрил список этой комиссии, составленной из 6 человек, в том числе 3 от социал-демократии, но, по словам Грибовского, «отрицательно высказался по поводу г.Иорданского», сказав, что эти социал-демократы «прямо язва на нашем рабочем движении. Они ведь ничего не понимают. Думают, образованные, а набили себе голову чужим умом, которого к месту приложить не умеют»⁴⁵⁸.

В дни, когда формировалась комиссия, в газете «Русь» 21 февраля 1906 года публикуется письмо-обращение Гапона «К гражданам», в котором он упрекает Петрова в стремлении из личных соображений «очернить ЦК», жалуется на то, что все его преследуют. Гапон писал: «Меня, лежащего, лишенного гражданских прав, бьют со всех сторон, не стесняясь, люди разных лагерей и направлений: революционеры и консерваторы, либералы и люди умеренного центра, подобно Пилату и Ироду, протянув друг другу руки, сошлись в одном злобном крике:

— Распни Гапона — вора и провокатора!

— Распни гапоновцев-предателей!

Правительство не амнистирует меня: в его глазах я, очевидно, слишком важный государственный преступник, который не может воспользоваться даже правом амнистии».

Резюмируя, Гапон подчеркивал, что он решил «во имя нравственных и материальных страданий героев 9 января, и только из-за них, а также для проверки своей совести требовать для себя общественного суда совести немедленно». «Совесть моя спокойна», — заявлял Гапон.

В этом же номере «Руси» было помещено и письмо нескольких членов ЦК гапоновского союза, в частности Карелина, Варнашева и других, по поводу выступления в печати Н.Петро-

ва. Они давали объяснение случая с Черемухиным, обвиняя Петрова в его самоубийстве. Одновременно они подчеркивали: «Что же касается клеветы относительно будто бы подкупа правительством нас и Г.А.Гапона, лучшим ответом является тот факт, что до сих пор, несмотря на все наши усилия и жертвы,.. Гапон не амнистирован и должен скрываться».

Здесь мы должны сделать одно небольшое пояснение. И Гапон, и его ближайшие сподвижники-члены ЦК говорят о том, что Гапон не амнистирован, что он должен скрываться и т.д. В чем тут дело? Ведь мы уже сказали, что судебное преследование Гапона после Манифеста 17 октября было прекращено. Вопрос заключался, видимо, в следующем. Об этом знали только очень узкий круг лиц как среди гапоновцев, так и в правительственных кругах, где сквозь пальцы смотрели на его деятельность, но чересчур «резвиться» Гапону было не дозволено. Он же, действительно, жил под другой фамилией, его пребывание в Петербурге было нежелательным, в правящих кругах о нем не было однозначного мнения после 9 января 1905 года, на широкое официальное и открытое объявление амнистии Гапону власти не шли, царь вряд ли имел понятие о той «игре» охранки вокруг Гапона, церковь помалкивала. Словом, винить Гапона в том, будто он что-то скрывал от масс в этом плане, по крайней мере несерьезно.

Но вернемся к комиссии Грибовского, на суд который Гапон себя отдавал совершенно спокойно: кто-кто, а он-то уж точно знал, что вины типа «провокааторской», «предательской» за ним нет. Ему могли лишь «приписать» нарушение нравственных, моральных норм, но не более того. А к этому Гапону было не привыкать. Поэтому-то Гапон и чувствовал себя в этом вопросе спокойно.

И не случайно, конечно же, во время одной из встреч с Рутенбергом, в полдень 1 марта 1906 года на даче Питкинен в Териоках⁴⁵⁹, Гапон, отвечая на его вопрос, что результаты комиссии Грибовского могут оказаться роковыми для него, реагировал очень спокойно⁴⁶⁰. Комиссия Грибовского, подчеркивал он, должна составить обвинительный документ и взять на себя нравственную ответственность за выставленные обвинения, а материалов никаких нет. И, засмеявшись, Гапон продолжал, что с правительственными чиновниками он имел контакты в интересах дела народа. Так что, резюмировал Гапон, «пусть докажут с документами в руках, кого я предал, что украл»⁴⁶¹. Бо-

лее того, Гапон и не думал только обороняться, он собирался и наступать. 25 февраля 1906 года Гапон писал присяжному поверенному Сергею Павловичу Марголину, прося его быть адвокатом в деле о 30 тысячах⁴⁶².

В свете изложенного понятно, почему комиссия Грибовского так быстро «скончалась». Сам Грибовский по этому поводу писал, что «первое и единственное собрание членов образованного мною судилища вскоре собралось в помещении редакции «Слова» на Невском близ Надеждинской», но ни к чему не пришло, а Гапон через несколько дней обозвал в печати бранными словами общество и косвенно созданную нашу комиссию⁴⁶³.

Грибовский в данном случае имеет в виду последнее письмо Гапона в печати от 12 марта 1906 года⁴⁶⁴, когда он, видимо, обидевшись на комиссию за то, что она, не найдя ничего предосудительного в его действиях, в то же время ни слова не сказала в печати и в его защиту. Поэтому-то Гапон и сетовал, по словам Грибовского, на русское общество, включая и комиссию. Но уж таково наше общество: оно любит «бить», особенно лежащего, но очень неохотно выступает в защиту «избитого» им же.

А Гапон в этом последнем письме, словно предчувствуя свое недалекое будущее, обрушился прежде всего на журналистов. «Тысячи литературных куликов, — подчеркивал он, — узнав о моих сношениях с гр. Витте, жалобно запели песни об «оконченном» Гапоне... Какая жалкая, болезненная подозрительность политических дегенератов и неврастенников... О, Феликсы из «Биржевых ведомостей», Иуды из других газет и всякие мигающие совы на литературном болоте!.. Карлики и кроты! Вы видите только ближайшее, — вид золота вас тревожит и смущает, и вы, как продажная женщина, не в состоянии понять гордое сердце, чувствующее себя выше всяких искушений».

В письме Гапон обрушивается и на тех, кто клеветал на него, и касается отдельных деталей своей жизни за границей, своих связей с Россией. Гапон указывает, что, например, в Монако он играл «из простого любопытства и на пустые суммы», что из-за границы он, действительно, несколько раз ездил в Россию «для восстановления» отделов, что Витте ему разрешил «временно жить в Петербурге без амнистии, впредь до выяснения вопроса» о его организации.

В заключение своего письма Гапон требует, чтобы против него «обвинение было предъявлено... в точной, конкретной форме, а не в виде бесформенного пятна». «И тогда вы увиди-

те, — заключает он, — что Георгий Гапон, расстриженный поп, низвергнутый из сана, любит свое отечество до последней капли крови и умирает верным стражем русского освободительного движения в рабочих массах на своем старом посту, подле рабочих организаций».

В эти же дни одновременно происходят и встречи Гапона с Рачковским и Рутенбергом. Последнему Гапон при свиданиях о многом рассказывал, а Рутенберг потом излагал все услышанное и посылал эти отчеты в ЦК своей партии. Встречались они, как правило, на даче Питкинен в Териоках. Одно из таких свиданий состоялось в полдень в пятницу 24 февраля 1906 года⁴⁶⁵. Гапон говорил о своей последней встрече с Рачковским сразу же после самоубийства Черемухина. Адреса он его не знает, делился Гапон своими впечатлениями, но имеет телефон Рачковского, которого при свидании надо называть «Иваном Ивановичем», а его, Гапона, «Апостоловым»⁴⁶⁶. Гапон продолжал говорить Рутенбергу, что к нему проявляет интерес Рачковский, и Рутенберг согласился на встречу с последним, но, втягиваясь в «игру», потребовал в качестве предварительного условия 25 тысяч рублей⁴⁶⁷. Договорились продолжить этот разговор у Гапона с утра в воскресенье 26 февраля, но смогли они снова увидеться лишь 1 марта⁴⁶⁸.

У Гапона в этот день дома была жена, вспоминает Рутенберг. Он рассказал ему, что его дело в суде чести поведет Марголин, что первые две встречи с Рачковским происходили на квартире Мануйлова. Рутенберг, дав через Гапона согласие о «сотрудничестве» с охранкой, добивался встречи с Рачковским. Однако последний настаивал на том, чтобы Рутенберг в доказательство своего искреннего желания содействовать полиции представил бы каким-либо «делом». Впервые договорились о встрече Гапона и Рачковского с Рутенбергом⁴⁶⁹. Но сделать этого не смогли ни в пятницу 3 марта, ни в субботу вечером 4 в ресторане Контан: Рачковский оба раза не приехал, филеров же, по словам Рутенберга, «посмотреть» на него присылал⁴⁷⁰.

Последнее замечание Рутенберга, приводимое им в его воспоминаниях, вряд ли следует принимать всерьез. Мы видим, что Рачковский в «западню», которую ему уготовили эсеры вместе с Гапоном, не шел. Очутился там лишь один Гапон, преследовавший свои цели, о которых мы уже никогда не узнаем. Но Гапон никого для полиции «не освещал», да ей этого было и не нужно. Все данные, касающиеся организации поку-

шений на представителей власти, деятельности боевой организации социалистов-революционеров, предоставлял охранке Азеф. Так что и о Рутенберге полиция знала все и без Гапона.

После того, как Рачковский дважды не пришел на свидание с Рутенбергом и Гапоном, они оба встретились снова только через четыре дня, вечером 5 марта⁴⁷¹. Гапон, видимо, уговаривал Рутенберга быть более решительным в своем согласии сотрудничать с охранкой. По словам Рутенберга, Гапон обещал ему, что его никто не арестует, говорил, что может помочь освободить из тюрьмы брата, избавить от привлечения к суду за издание одной книжки жену Рутенберга⁴⁷².

По всей вероятности, для Рутенберга стало ясно, что Рачковский без весомых гарантий с его стороны на встречу не придет, а каких-либо дополнительных полномочий на этот счет Рутенберг не имел, и он поехал в Гельсингфорс «утрясать» все эти возникшие вопросы с Азефом⁴⁷³. Оставим его на некоторое время и мы и вернемся к Гапону.

Он упорно продолжал искать компромисса несовместимых по сути дела сил и отношений. И цель у него по-прежнему была та же: на этом симбиозе построить себе определенное положение, чтобы играть большую и влиятельную роль в рабочем движении. Думал ли Гапон о том, что все его усилия могут оказаться напрасными, что он проиграет? Несомненно, да. Во всяком случае он в это время встречается с В.М.Грибовским и разговаривает с ним о каких-то документах, приглашая одновременно его вместе посетить своего поверенного Марголина⁴⁷⁴. Грибовский вспоминает, что Гапон просил его спрятать эти документы, но он отказался⁴⁷⁵. Надо сказать, что Гапон в последние месяцы жизни не раз говорил о каких-то имеющихся у него документах, от которых, мол, если их опубликовать, то кое-кому не поздоровится.

Через несколько дней встреча Гапона с Марголиным в присутствии Грибовского состоялась. Марголин, который по его словам, собирался в будущем поехать в Париж и Лондон, взял какие-то документы от Гапона, сказав, что их «напечатание за границей» он берет на себя⁴⁷⁶. Когда они оба вышли от Марголина, то Гапон сказал Грибовскому: «А всех документов я все-таки ему не отдал, как он предлагал»⁴⁷⁷.

В эти же дни Рутенберг виделся с Азефом и другими членами ЦК партии эсеров. Но предоставим слово Рутенбергу⁴⁷⁸. Вот что он пишет.

Азеф при встрече разозлился и обвинил Рутенберга, что он проваливает дело, что, может быть, стоит ликвидировать одного Гапона. После этого Азеф ушел по каким-то делам, а Рутенберг, расстроившись от незаслуженного им обвинения и не дождавшись возвращения Азефа, уехал. «Я оставил ему записку, — вспоминает Рутенберг, — что не могу и не хочу видеть его, ни слышать, что возвращаюсь в Петербург продолжать дело, как сумею, на основании имеющихся у меня прежних распоряжений»⁴⁷⁹. Рутенберг пишет, что Савинков потом ему заявил по поводу оставленной им записки: «Ты оскорбил в его лице честь партии и всей истории партии»⁴⁸⁰.

Куда отлучался Азеф и почему он при встрече с Рутенбергом был с ним таким резким, мы не знаем. Однако известно другое. В эти же дни в Петербурге произошли аресты членов боевой организации социалистов-революционеров; впоследствии выяснилось, что случилось это из-за очередного доноса Азефа⁴⁸¹. В эти же дни Азеф объяснил провал тем, что Рутенберг, мол, давши через Гапона согласие на «сотрудничество» с охранкой, действовал недостаточно осторожно и позволил тем самым полиции выследить боевую организацию⁴⁸². Поэтому-то и «злился» Азеф на Рутенберга, отводя от себя какие-либо подозрения и в то же время удачно используя контакты Гапона и Рутенберга и их предполагавшуюся встречу с Рачковским.

Охранка и другими способами прикрывает Азефа. Гапон, например, во время одной из встреч с Рутенбергом предлагал тому от имени Рачковского «продать» охранке всю боевую организацию эсеров за 100 тысяч рублей. «Утечка» информации на этот счет шла по разным каналам. Так, Витте вспоминает, что в марте 1906 года Дурново ему как-то якобы сказал, что Гапон находится в Финляндии и что он просит 100 тысяч за выдачу боевой организации эсеров, но Дурново согласен дать только 25 тысяч⁴⁸³. Дурново говорил также, что переговоры с Гапоном по этому вопросу ведет Рачковский. Оба собеседника с недоверием отозвались о Гапоне. Кстати, не случайно, что для поднятия в глазах департамента полиции революционной и партийной «ценности» Рутенберга ЦК партии эсеров предложило тому симулировать подготовку боевой организацией социалистов-революционеров покушения на министра внутренних дел П.Н.Дурново. Словом, не подлежит сомнению, что все это звенья одной цепи, где Гапону была уготовлена роль пешки.

Между тем следующая встреча Гапона с Рутенбергом, который держал совет с Азефом, состоялась только через пять

дней, утром в пятницу 10 марта на той же даче⁴⁸⁴. В разговоре Гапон предложил убить Рачковского и заодно с ним Герасимова, сказал, что сделает это лично, так как «только таким актом он может вернуть себе доверие», но подчеркнул необходимость устроить это дело так, «чтобы уйти», а то боевая организация «поступает неправильно, что не спасает своих людей»⁴⁸⁵.

Почему вдруг Гапон об этом заговорил? Видимо, он читал об арестах членов боевой организации эсеров. На этой встрече они договорились увидеться в понедельник 13 марта, но в этот день Гапон известил Рутенберга, что хотел бы видеть его без Рачковского у себя на даче в среду 15 марта⁴⁸⁶.

Рутенберг, не зная причины переноса Гапоном встречи с 13 марта на 15, мучился в догадках, да и нервы его были напряжены до предела: ведь как никак, но Гапон-то был спасен 9 января им, Рутенберг ему верил и симпатизировал. На встречу 15 марта он не пошел, а решил бросить дело и уехать. Но предварительно он послал Азефу в Гельсингфорс отчет для ЦК партии эсеров о своей последней встрече с Гапоном, приписав, что намерен уехать за границу⁴⁸⁷. Ответа не поступало. Тогда Рутенберг попросил Азефа, как члена ЦК, сообщить в высший орган партии о своем решении, и Азеф передал ему, что «никакого ответа не будет»; об этом, по словам Рутенберга, знал и Савинков, но молчал⁴⁸⁸. Естественно, что Рутенберг понял все это как упрек в свой адрес за то, что он не выполнил поручение ЦК своей партии о ликвидации Гапона; я решил, пишет Рутенберг, что с ним надо увидеться⁴⁸⁹.

Словом, Рутенберг после долгих раздумий решил ликвидировать Гапона одного. Но как в этом случае быть с Рачковским, который ведь должен был выступать в качестве «улики» предательства Гапона? Рутенберг пишет, что «решил привести в исполнение приговор Ц.К., данное мне поручение относительно его одного», то есть Гапона⁴⁹⁰. А «улику» — Рачковского заменить свидетельскими показаниями рабочих⁴⁹¹. Рутенберг при этом в своих воспоминаниях подчеркивает: «Об обращении моем к рабочим Центральный Комитет не знал»⁴⁹².

Итак, Рутенберг принял решение ликвидировать Гапона, раскрыв его провокационную деятельность при свидетелях. С этой целью он вошел в контакт с группой рабочих-эсеров, которые хорошо знали Гапона. Рутенберг договорился с Гапоном о встрече в среду 22 марта. Один из рабочих, дожидаясь в этот день в Териоках Гапона, говорил Рутенбергу: «Если это все

правда, что вы говорите, то мы его уьем, не дожидаясь решения партии. Он нас вел — мы за ним шли и ему верили. Мы и вам тоже сейчас верим, потому что знаем вас давно, но вы партийный человек и интеллигент. Я боюсь, что темная рабочая масса не обвинила бы впоследствии нас в том, что мы действовали под давлением врагов Гапона. Он — герой в их глазах, и они только тогда не будут иметь сомнений в его предательстве, когда мы, рабочие, лично в этом убедимся»⁴⁹³.

Увидевшись в Териоках, Гапон и Рутенберг взяли извозчика и поехали; за кучера был один из рабочих Рутенберга, который, естественно, слышал весь происходивший между Гапоном и Рутенбергом разговор⁴⁹⁴. О чем же шла речь во время этой поездки, которая длилась около часа?

Гапон по дороге говорил, что в понедельник 20 марта он встречался с Рачковским, и тот беспокоился, почему Рутенберг не пришел на свидание 15 марта. Шел откровенный разговор о Рачковском, о 25 тысячах за «услуги» охранке. Гапон, как всегда, болтал много. «Разошелся» и Рутенберг, который разглагольствовал, конечно же, не для Гапона, а для мнимого извозчика. Да так разговорился, что даже Гапон не выдержал, остановил извозчика и предложил Рутенбергу сойти, после чего набросился на него за то, что он проявляет полную беспечность, говоря о таких вещах при свидетеле. Насторожило ли это Гапона или нет — навсегда осталось тайной. Может быть, он был в чем-то чересчур уверен? Но в чем? — тоже осталось неизвестным. Гапон и Рутенберг расстались, договорившись встретиться в понедельник 27 марта, чтобы окончательно решить вопрос о дате свидания с Рачковским⁴⁹⁵.

Рассказ рабочего-извозчика своим товарищам об услышанном во время поездки Гапона и Рутенберга ошеломил их. Было решено, как можно скорее ликвидировать Гапона, и сначала рабочие хотели сделать это тут же в Териоках, но Рутенберг уговорил их не убивать Гапона в Финляндии. По воспоминаниям очевидца N.N., они согласились с Рутенбергом «во избежание могущих последовать вслед за тем неприятностей для дававших в то время приют русским революционерам финляндцев»⁴⁹⁶. Обсуждался и вариант ликвидации Гапона на его квартире в Петербурге на Церковной улице, где его часто навещал «Мартын» — Рутенберг, которого знала гражданская жена Гапона; с этой квартиры Гапон уезжал на свидания в Териоках. В итоге сошлись на предложении Рутенберга нанять где-нибудь дачу.

Сначала думали снять ее в Шувалове и даже осматривали помещение, но там дача, как вспоминает N.N., «не подошла из-за слишком близкого соседства станowego»⁴⁹⁷. Потом выбор пал на Озерки, где Рутенберг 24 марта 1906 года на углу Ольгинской и Варваринской улиц снял дом Звержицкой на имя инженера Ивана Ивановича Путилина; Рутенберг присажал туда со «слугою» — доверенным рабочим⁴⁹⁸. Дача в Озерках была двухэтажной, окрашена в голубой цвет, крутом царила тишина — не видно было людей, не лаяли собаки. В целом все это место было глухим, на берегу озера, в сосновой роще. Все помещение было в запущенном состоянии, но комнату на втором этаже, где «это» должно было свершиться, решили оклеить новыми обоями. С этой целью купили обои — розовые букеты по белому рубчатому полю, которые наклеили звездочками букетов вверх. И хотя только в этой одной комнате была мебель, но «странно, именно это придавало ей особенно нежилой вид. Стол овальный, с потрескавшейся, горбами скоробленной, ореховой фанерой, два стула, чуть осевший на одну ногу, розовым пыльным кретоном крытый, диванчик. Со стола чахлым огоньком мигала жестяная лампочка. Два стакана, четыре тарелки, горкой, одна на одну, вилки, столовый нож»⁴⁹⁹.

Когда нанимали дачу, потребовали, чтобы ее привели в порядок, но уборка затянулась. Уже в день снятия помещения, в пятницу 24 марта, Рутенберг через доверенное лицо, которое помогало ему выходить на ЦК партии эсеров, прежде всего на Азефа, передал, что к операции все готово, но ни дня ликвидации Гапона, ни места, где это должно было произойти, не сообщал. О первом он пока еще и сам не знал, а о втором не говорил, видимо, умышленно, ожидая, что ответит Азеф. Последний, надо полагать, получил эту информацию 25 или 26 марта, мог лично или через посредника снестись с Рутенбергом, но не сделал этого⁵⁰⁰.

Первоначально думали устроить суд над Гапоном, пригласив представителей всех отделов союза; исходя из принципа деятельности организации, рабочие говорили — «всенародно 9 января шли, всенародно и судить будем»⁵⁰¹. Но тогда по прикидкам получалось, что в суде должны были принять участие 15 человек, а это было много и главное — очень заметно, и договорились отобрать только 8 человек⁵⁰². При этом Рутенберг потребовал от всех придти без оружия, чтобы чья-либо горячность не сорвала дела⁵⁰³.

За уборкой дачи наблюдали, приезжали с проверкой 26 марта, но она все еще была не готова. Не было надежды и на то, что уборка будет закончена и 27 марта, когда Рутенберг договорился о встрече с Гапоном. И тогда, чтобы не возбуждать каких-либо подозрений у Гапона, Рутенберг в воскресенье 26 марта пишет ему записку о своем согласии сотрудничать с охранкой за материальное вознаграждение в 50 тысяч рублей. «Получи завтра определенный ответ, — писал Рутенберг 26 марта Гапону. — Не меньше 50000. 15 тысяч авансом через тебя. В крайнем случае 10000. Тогда и деловое свидание назначим. За ответом пришлю по вторник утром»⁵⁰⁴, то есть 28 марта. Рутенберг через своего посланца просил Гапона вернуть ему записку, и тот ее вернул, но снял с нее копию⁵⁰⁵.

Однако свой ответ Гапон дал уже на следующий день, в понедельник 27 марта. Дождаться посланца Рутенберга до 28 марта он не стал. Гапон писал Рутенбергу: «Ты сам вертишь и виноват в канители. Сегодня непременно надо видеться или завтра для дела, и тогда все будет хорошо. Ведь мы предположили с тобой так, невыгодно менять. Место — ресторан Кюба. Время или сегодня (понед.) 10 час. вечера, если завтра, то 7 час. вечера. Повторяю, ты должен видеться со мной и с тем господином здесь в городе»⁵⁰⁶. Записку эту, по словам Рутенберга, он получил вечером 27 марта, причем на словах Гапон передал, что из «города никуда не поедет, а в городе придет на свидание, куда угодно»⁵⁰⁷. Это последнее, сказанное Гапоном, наводит на мысль, что, возможно, у него возникали какие-то нехорошие предчувствия, или, может быть, он даже что-то и подозревал. И все же Рутенбергу удалось вызвать Гапона в Озерки и добиться его согласия приехать туда во вторник 28 марта с поездом, отходящим из Петербурга в 4 часа дня⁵⁰⁸.

Последний путь Гапона, путь в Озерки, начался 28 марта после полудня. 21 января 1909 года «Наша Газета» опубликовала интервью с несколькими рабочими, близко знавшими Гапона. Один из них рассказывал: «Я видел Гапона за час до его отъезда в Озерки. Он скрывал о цели своей поездки и сказал мне, что едет в Терюки. На мой вопрос, зачем он туда собрался, он ответил: «Конференция с представителями босвой организации. Через день вернусь обратно»⁵⁰⁹. По словам Н.С.-ского, Гапон в этот день заехал к нему домой между часом и двумя и интересовался, можно ли будет восстановить общественный суд, которого он добивался, и, получив отрицательный от-

вет, уехал⁵¹⁰. Уже потом я узнал, пишет Н.С-ский, что Гапон должен был ехать на Финляндский вокзал, чтобы поездом 3 часа 15 минут ехать в Озерки⁵¹¹.

А там его уже ждали члены суда. В 2 часа дня они спрятались в соседней комнате; Гапон с Рутенбергом, который его встречал, должны были подойти к 4 часам⁵¹². Неожиданно пришел дворник и стал очищать снег около дачи. Пришлось послать к нему «слугу» — рабочего и отослать их обоих за пивом; они купили три бутылки, одну из которых получил дворник и ушел к себе⁵¹³.

Но вот появились, наконец, Рутенберг с Гапоном. Между ними завязался разговор. Как всегда, Гапон перескакивал с одной темы на другую. Он рассказывал, что живет вполне легально, бывает у прокурора судебной палаты Камышанского, много зарабатывает. Гапон же завел разговор и об оплате охранкой «услуг» Рутенберга. Он уговаривал его согласиться на 25 тысяч за каждое дело, а если четыре дела, подчеркивал Гапон, то будет 100 тысяч рублей, и это надо решить, резюмировал он, завтра в 10 часов вечера у Кюба⁵¹⁴. Когда Рутенберг поинтересовался, что будет, если рабочие узнают про службу Гапона у Рачковского, тот ответил, что этого нельзя доказать, так как свидетелей никаких нет. Гапон поведал также Рутенбергу, что того «знают в лицо», а не по фотографиям, не меньше «двадцати сыщиков», что о «нашем деле» осведомлены лишь Рачковский, Дурново и царь⁵¹⁵.

В разговоре наступал момент, когда надо было начинать действовать. Рабочие все слышали. И вот Рутенберг неожиданно открывает дверь и впускает из соседнего помещения в комнату свидетелей, которые сразу же набрасываются на Гапона. Тот удивленно вскрикнул «Мартын!», но, увидев знакомого рабочего, мгновенно все понял.

Сначала, рассказывает очевидец казни Гапона N.N., рабочие хотели его расстрелять. Видимо, оружие, несмотря на предупреждение Рутенберга, кое-кто все же захватил с собой. Но затем вдруг, вспоминает N.N., «по какому-то безмолвному уговору ему накинута на шею петлю и потащили к вбитому над вешалкой железному крюку»⁵¹⁶. Гапон просил дать ему последнее слово, и один из рабочих сказал, что пусть говорит, «может важное что», но Гапон лишь умолял о пощаде, повторяя, что все делал ради интересов рабочих. И тогда «рабочие разом дернули веревку, и Гапон бессильно повис»⁵¹⁷.

Вскоре все вышли на террасу, где стоял Рутенберг, «у него была нервная лихорадка», вспоминает N.N.⁵¹⁸ У Рутенберга присутствовать на суде и при казни Гапона мужества не хватило. Сам он свое состояние, после того, как впустил в комнату рабочих, описывает так. «Я вышел, спустился вниз. Оставался все время на крытой стеклянной террасе. ...Я не присутствовал при казни. Поднялся наверх только, когда мне сказали, что Гапон скончался. Я видел его висящим на крюке вешалки в петле. На этом крюке он остался висеть. Его только развязали и укрыли шубой»⁵¹⁹.

Итак, через 1 год 2 месяца и 19 дней после 9 января 1905 года Гапон очутился висящим в петле. Его казнили в 7 часов вечера во вторник 28 марта 1906 года на даче в Озерках. Шла страстная неделя. Гапона повесили под руководством того, кто его спас 9 января — Рутенберга. Так закончилась жизнь этого в некотором роде удивительного человека, в котором политический авантюризм странным и причудливым образом переплетался со стремлением постоянно играть ведущую роль, при отсутствии для этого многих личных данных. В сущности Гапон все время оставался «одиночкой» по натуре, он не раскрывал своих планов даже самым ближайшим своим людям, безоговорочно преданным ему.

Глава четвертая

КТО И ПОЧЕМУ УБИЛ ГАПОНА?

Убитого Гапона обыскали. При нем нашли кожаный бумажник с 1300 рублями, десять разных записок и расписок, включая копию последней записки Рутенберга, две визитные карточки с инициалами Г.Х. (возможно, Рачковского), ключи и квитанции несгораемого ящика банка Лионского кредита за № 414 на имя Ф.Рыбницкого (эти последние предметы лежали в конверте с надписью «деньги»), набросок последнего ответа Гапона на записку Рутенберга, две записные книжки¹. Наконец, все ушли, а дачу заперли.

Участник суда и казни N.N. вспоминает, как они вместе с Рутенбергом стояли около еще висящего Гапона, и Рутенберг долго смотрел на труп, а затем промолвил — «так висел Каляев»². Затем Рутенберг сказал N.N., чтобы тот обрезал веревку и прикрыл Гапону лицо. Далее N.N. пишет: «Он протянул мне перочинный ножик, в котором были небольшие, складные ножницы.

— Этими самыми ножницами я ему отрезал волосы тогда, 9-го января... А теперь ими же...»³ И он замолчал.

Мы уже говорили, что Рутенберг по распоряжению ЦК партии социалистов-революционеров после каждого свидания с Гапоном составлял отчет и пересылал его руководству эсеров. Сделал он такой же отчет и о смерти Гапона. Словом, ЦК партии эсеров имел все материалы по делу о Гапоне. Однако эсеровское руководство наводило в дальнейшем строжайшую цензуру на записки Рутенберга, и вообще поведение ЦК партии социалистов-революционеров по данному вопросу было, как писал журнал «Былое», «весьма конфузно»⁴.

Вот что рассказывает Рутенберг о своих отношениях с ЦК партии социалистов-революционеров по делу Гапона в первые недели после его смерти⁵.

Утром 29 марта Рутенберг приехал в Гельсингфорс и передал для ЦК через пришедшего к нему на свидание Зиновьева отчет о происшедшем в Озерках и набросок соответствующего заявления для печати. Находившийся в то время в Гельсингфорсе член ЦК М.А. Натансон через того же Зиновьева ответил Рутенбергу «просьбой предоставить товарищам самим проредактировать заявление для печати и немедленно уехать за границу»⁶.

Рутенберг отдал Зиновьеву все взятые у Гапона вещи, согласился относительно редактирования материала для газет, но уехать за границу отказался и отбыл в деревню. Через шесть дней, вспоминает он, к нему туда приехал член боевой организации эсеров Борисенко, вернул все взятые у Гапона вещи и, по поручению Азефа, сказал, что ЦК отказывается делать какие-либо заявления о смерти Гапона, «считая это дело моим частным, и что я сам должен поступить, как знаю»⁷.

Через Борисенко Рутенберга упрекнули также в том, что он был плохим конспиратором, что полиции удалось напасть на след Савинкова и других членов боевой организации. Естественно, что Рутенберг срочно потребовал свидания с Азефом, но Борисенко дал понять, что обо всем говорить уполномочили его. Однако на утро, пишет Рутенберг, позвонил Савинков и пришел вместе с Азефом.

Здесь обратим внимание на одно обстоятельство. Савинков в конце марта встретился с Азефом, и тот ему сказал о казни Гапона 22 марта на даче в Озерках Рутенбергом, которому партия разрешение на эту акцию не давала, и Рутенберг действовал самостоятельно⁸. Почему Азеф говорит о 22 марта? Думается, не случайно. В этот день Рутенберг встретился с Гапоном, и они совершили уже известную нам поездку на извозчике. А в предшествующие дни, как мы знаем, произошла размолвка Рутенберга с Азефом, который как бы устранился от дела, оставив Рутенберга «одного» решать вопрос о Гапоне. Азеф, конечно же, знал все шаги Рутенберга, знал и о его встрече с Гапоном 22 марта, но сделал вид, что ему ничего не известно о развитии событий после этой даты.

Прибывшие к Рутенбергу Савинков и Азеф высказались по делу о казни Гапона. «Савинков полагал, — пишет Рутенберг, — что партия должна объявить смерть Гапона партийным де-

лом. Азеф заявил категорически, что Ц.К. этого не сделает и что в заявлении о смерти Гапона не должно быть ни слова о причастности к ней партии или Боевой Организации»⁹. В процессе обсуждения этого вопроса Рутенберг согласился подписать заявление о том, что дело Гапона — его частное дело, но просил составить ему такое заявление, и это поручили сделать Савинкову.

Через некоторое время Савинков заявил, что сделать такую бумагу он не смог и предложил Рутенбергу идти к Натансону, где будет и Азеф. «Савинков заявил мне, — вспоминает Рутенберг, — что все его попытки выполнить поставленную задачу оказались тщетными, что он не член Ц.К. и права голоса не имеет, но мнение его таково, что Центральному Комитету рано или поздно придется взять на себя дело Гапона, а потому лучше это сделать сейчас же, чем быть вынужденным сделать то же самое позже»¹⁰. В свою очередь Натансон считал, что все надо пока оставить в тайне, а через год-два, смотря по обстоятельствам, ЦК решит, как поступить. Что касается Азефа, то он считал: либо сейчас, либо никогда.

Спор вокруг смерти Гапона не утихал и в последующие дни. Рутенберг предложил опубликовать от его имени изложение дела Гапона. Азеф подчеркивал, что он вроде бы согласен, но чтобы при этом не было ни одного слова о боевой организации или ЦК. Натансон поддержал позицию Азефа, не возражал против нее и Савинков.

После этого Рутенберг составил такое заявление, но ему сказали, что послать его надо из-за границы. Азеф распорядился, чтобы вещи Гапона, взятые у него, отправили в Берлин, а оттуда по почте адвокату Марголину. Так и было сделано, но оригиналы записок Гапона и его записные книжки остались в распоряжении ЦК партии эсеров. Не подлежит сомнению, что Азеф был с этими материалами, особенно с записными книжками, знаком.

Рутенберг в конце концов уехал за границу, где М.Р.Гоц отредактировал написанное им заявление, но имени Рутенберга на него не поставил, а ехавшая в Россию Зильберберг взяла эти материалы с собой и, прибыв на место, отправила их в петербургские газеты.

Между тем в «Новом Времени» 16 апреля 1906 года публикуется статья под заголовком «Маски», автором которой был Мануйлов¹¹. О чем же в ней говорилось? О связях Рутенберга с

Гапоном, о согласии Рутенберга выдать боевую организацию эсеров, о торге на этот счет Рутенберга с Гапоном, о вызове Рутенбергом в Озерки Гапона и об убийстве его там. Статья, разумеется, была инспирирована теми, кто знал всю историю Гапона, то есть охранкой, которая «топила» Рутенберга и Гапона, отводя какие-либо подозрения от Азефа.

И в этой связи характерно, что тут же появляется ответ ЦК партии социалистов-революционеров, в котором все сказанное по адресу боевой организации отрицается, подчеркивается, что Рутенберг не является членом боевой организации, что партия эсеров никаких отношений с Гапоном не имела, кроме короткого периода после 9 января 1905 года. Читатель в данном случае может сам убедиться в том, что в ответе ЦК партии эсеров содержится много неправды. Кстати, в нем также ни слова не говорится относительно обвинений Рутенберга в связях с полицией. ЦК партии социалистов-революционеров как бы «закладывает» последнего, отрешивается от него. Рутенберг в связи с этим вспоминает, как его вскоре спросил один из участников казни Гапона, в каком деле они участвовали: в партийном или в частном деле Рутенберга? И Рутенберг, на случай ареста, объяснил, что приговор ЦК партии эсеров исполнялся ими с его слов. Он брал, таким образом, всю вину на себя, что было выгодно Азефу.

А теперь, пожалуй, самое время вернуться к оставленному нами убитому Гапону. Гапон исчез. По всей вероятности, его товарищи по союзу не очень беспокоились по этому поводу, зная характер Гапона, который не раз неожиданно куда-то пропадал, а затем так же внезапно появлялся. Но Гапона «ищут». Газеты печатают всякие слухи на этот счет, разные версии, в том числе и о том, что он повешен¹². Об этом, кстати, говорилось в печати даже до обнаружения полицией места казни. Так, черносотенная газета «Свет» в номере 113 за 1906 год писала об исчезновении Гапона: «Правда, были слухи, циркулировавшие давно, что Гапон повешен в Озерках, где-то в пустой даче. Слухи подтвердились буквально»¹³. О статье в «Новом Времени» мы уже говорили.

Никакого «внимания» на сообщения такого рода полиция не обращала, занимая, таким образом, очень странную позицию. Разумеется, были информации в печати и более «веселого» характера. Гапона уже не было в живых, а газеты печатали с ним «интервью», из которых явствовало, что он не то в Лондоне,

где его, дескать, видели, не то где-то в Италии, где он обитает в роскошной вилле.

В такого рода слухах прошло две недели. Ничего документально подтверждающего их пока не было. И вдруг появилась первая «осязаемая» ниточка: начал осуществляться тот план по делу Гапона, который выработали лидеры социалистов-революционеров. В Петербурге присяжный поверенный С.П.Марголин получил из Берлина пакет, в котором был бумажник Гапона и письмо, написанное женским почерком по-русски и по-французски¹⁴. В письме говорилось: «М.г., посланные 1300 руб., бумажник, бумаги и ключи № 414 от несгораемого ящика лионский кредит с квитанцией- принадлежат Георгию Гапону. Сблаговалите распорядиться»¹⁵.

В старом и потертом бумажнике, по словам Марголина, не было 1300 рублей, а находились лишь какие-то записки «более или менее интимного характера»¹⁶. Правда, 19 апреля Марголин получил из Берлина эти 1300 рублей, о которых шла речь в письме; эти деньги были в русских ассигнациях, посланы от неизвестных лиц и обернуты в бумагу финского производства¹⁷.

В этот же день, 19 апреля 1906 года, в редакции петербургских газет из Берлина был прислан документ, который мы можем назвать формальным приговором суда над Гапоном¹⁸. Документ этот действительно был формальным, ничего нового не содержал, многие изложенные в нем факты были известны и, скажем прямо, весь материал носил субъективный характер (мы ведь знаем, что он был отредактирован Гоцем), содержал много предвзятостей, подтасовок и прямых искажений, которые читатель, если он ознакомился с предыдущими разделами этой книги, может легко увидеть сам. Это избавляет нас от комментариев к «приговору суда» над Гапоном, и мы просто полностью его приводим на этих страницах. Вот что в нем говорилось.

«Суд рабочих имел неопровержимые доказательства того, что:

1. Георгий Гапон, вернувшись в декабре 1905 г. в Россию, вступил в сношения через чиновника особых поручений при гр.Витте, Мануйлова, и имел ряд свиданий с бывшим директором департамента полиции, Лопухиным, с товарищем директора департамента полиции, Рачковским, и с начальником петербургского охранного отделения, полковником отдельного корпуса жандармов Герасимовым. Они обещали ему содействие по открытию отделов, если он расскажет все, что знает про революцию и революционеров. Гапон рассказывал.

2. Около 15-го января 1906 г. Георгий Гапон написал министру внутренних дел Дурново письмо, в котором каялся в своей прошлой революционной деятельности и событиях 9-го января. Письмо передано через Рачковского.

3. Георгий Гапон взял на себя специальное поручение Рачковского и Герасимова узнать и выдать заговоры против царя, Витте и Дурново. Для этого он взял на себя «соблазнить» одного из близких ему людей в провокаторы. Гапон уговаривал его получить «25000 руб. за выдачу только одного дела, а за четыре дела можно будет заработать сто тысяч рублей». От имени Рачковского Гапон гарантировал ему личную безопасность на случай, если они узнают про предательство. Георгий Гапон уговаривал не смущаться предстоящими жертвами предательства и не колебаться, так как «25000 руб. большие деньги».

4. Георгий Гапон был амнистирован 21-го октября 1905 г. и знал об этом, но вступил в сношения с правительством, получил от него деньги и паспорт на имя П.Н.Гребницкого, уехал на короткое время за границу, а, вернувшись в декабре 1905 г., жил по этому паспорту в Петербурге, объясняя рабочим, что вынужден жить нелегально, так как правительство его преследует.

5. Пользуясь своим влиянием на рабочего Черемухина, Георгий Гапон взял с него клятву и дал ему револьвер, чтобы убить рабочего Николая Петрова за опубликование в печати про сношения Гапона с правительством. 18-го февраля, во время заседания центрального комитета под председательством Гапона, Черемухин сам застрелился из этого револьвера.

6. Кроме 10000 руб., полученных за напечатанный в Англии рассказ про события 9-го января 1905 года, Георгий Гапон получил летом 1905 г. от частного лица для дела рабочих пятьдесят тысяч франков. Деньги эти рабочим не переданы.

Застигнутый на месте преступления, Георгий Гапон сам все признал, но объяснил, что все это сделал ради имевшейся у него идеи.

Принимая во внимание все вышеизложенное, суд постановил:

Георгий Гапон — предатель-провокатор, и, расстратив деньги рабочих, он осквернил честь и память товарищей, павших 9-го января 1905 г.

Георгия Гапона предать смерти.

Приговор приведен в исполнение.

Члены суда.

Подробные протоколы по этому делу будут опубликованы в свое время.

При обыске у Гапона было взято: 1) кожаный бумажник и в нем: а) 1300 руб., б) ключи и квитанция за № 414 на имя Ф.Ф.Рыбницкого от нестораемого ящика в банке лионского кредита, находившиеся в конверте с надписью — деньги, в) десять разных записок и расписок, г) черновые записки по делу предательства; 2) две записные книжки.

Деньги, бумажник, ключ с квитанцией, записки и расписки пересланы присяжному поверенному С.П.Марголину, ведущему дела Гапона. Суд рассчитывает, что г.Марголин будет присутствовать при вскрытии нестораемого ящика № 414 и ознакомит рабочих и общество с его содержанием. Черновик записки и две книжки суд оставил в своем распоряжении.

По обстоятельствам дела, от суда не зависящим, настоящее заявление опубликовано несвоевременно».

Впоследствии Рутенберг в письменной форме подтвердил подлинность приговора¹⁹.

Не вдаваясь, как мы уже говорили, ни в какие комментарии относительно данного документа, обратим внимание читателей только на одно: кто осудил Гапона — неизвестно, когда был приведен приговор в исполнение — неизвестно, где был он осуществлен — неизвестно. Словом, Гапон убит, а дальше, как говорится, это ваши трудности. Но «бедная» российская охранка была не в силах что-либо сделать.

Однако кое-какие действия все же «предпринимались». И, видимо, происходило все это с «подачи» полиции. Но все по порядку²⁰. Шло время, а съемщики дачи после марта 1906 года в Озерках больше не появлялись. Никого это до поры до времени не беспокоило. Однако в один из дней в Петербург, очевидно, по распоряжению хозяйки дачи Звержинской, тронулся дворник Конский на поиски съемщика Путилина, которого в столице не нашел. Тогда стала наводить справки сама владелица дачи, и в адресном столе ей сказали, что И.И.Путилин еще 20 января 1906 года выбыл из Петербурга в Москву. Звержинская обратилась в полицию, и 30 апреля в присутствии урядника Людорфа и дворников Конского и Матвеева сданная дача была вскрыта. В ней оказалось все в целости, в верхнем этаже одна комната была заперта на висячий замок. Вызвали слесаря. Им оказался Либауер. В присутствии урядника, дворников и, конечно, хозяйки слесарь открыл запертую комнату и в ней обнаружили мертвым священника Гапона. Все вышеизложенное содержалось в рапорте уездного исправника Колобасева²¹.

Итак, убитого Гапона нашли спустя более чем через месяц после его смерти.

Есть еще один документ, связанный с этим делом, — протокол пристава Недельского²². Ему 30 апреля 1906 года в 5 часов дня полицейский урядник Людорф доложил, что «в Озерках на углу Ольгинской и Варваринской ул. на даче Звержинской в пустой необитаемой даче во дворе сего числа усмотрен во втором этаже в запертой снаружи комнате, повешенный человек»²³. При Гапоне был найден, в частности, проездной билет Финляндской железной дороги от 28 марта с правом обратного проезда²⁴. Это соответствует и протоколу пристава Недельского, в котором также говорилось, что при Гапоне найден «обратный билет Финляндской ж.д. II класса от 28 марта, а на столе разослан номер газеты «XX век» от 27 марта и на этой газете большой ситный хлеб около 2-х фунтов»²⁵. В протоколе одновременно подчеркивалось, что «повешенного человека дворники в лицо никогда не видали»²⁶.

Разумеется, было вскрытие Гапона, и при этом акте присутствовали Марголин, прокурор, следователь, врач и полицейский чиновник²⁷. Когда обнаружили труп, да еще выяснилось, что это сам Гапон, то сразу же появилась и пресса. Среди прочих был и сотрудник «Известий» Н.И.Кравченко, который сделал с убитого Гапона карандашный набросок, помещенный впоследствии в «Новом Времени»²⁸. В своем рассказе он писал об убитом Гапоне: «По всему положению фигуры видно, что ему накинули петлю на шею, привесили к одному из крючков и затем, дав на плечи, задушили»²⁹. В материале отмечалось также, что Гапон курил сигареты «Кадо», что в левом кармане у него была корректура с его правками, а в правом жилетном — сложенная вдвое карточка Рачковского, рукой которого написано: «Поезжайте с богом. Меня задерживают обстоятельства. Приехать не могу»³⁰.

Об этом последнем скажем только одно: как говорится, и ежу понятно, что работники, да еще высокопоставленные, из секретных служб «автографов» своих стараются нигде не оставлять — так есть и так было всегда в истории этих ведомств. Поэтому здесь очень пахнет более поздней фабрикацией всех обстоятельств убийства Гапона, включая и вещественные доказательства. Разночтений в этом деле очень много. Так, Рутенберг пишет, что уходя с дачи, они развязали Гапона, а некоторые авторы утверждают, что он был найден со связанными назад руками³¹.

И таких противоречий масса, они говорят за то, что какие-то влиятельные силы были незаинтересованы в точном определении и фиксации всего того, что связано со смертью Гапона.

В этой связи приведем еще один документ — письмо министра внутренних дел П.А.Столыпина петербургскому генерал-губернатору А.Д.Зиновьеву об упущениях полиции при расследовании убийства Гапона³². Письмо было написано 12 мая 1906 года, то есть уже после похорон Гапона. Столыпин подчеркивал в нем, что труп Гапона был обнаружен случайно, без какой-либо «инициативы со стороны полиции, хотя газеты еще до официального раскрытия преступления писали о нем. По этому поводу он указывал: «В целом ряде сообщений, опубликованных в течение прошлого апреля в наиболее распространенных газетах, заключались самые настойчивые и подробные указания, со ссылкой на местные и заграничные источники и на свидетельство очевидцев, относительно убийства Гапона, при таких, именно, условиях места и времени, которые впоследствии в точности подтвердились обнаруженными фактами. Однако же полиция отнеслась совершенно равнодушно к этим данным, не взирая на особое значение настоящего дела и как бы не ведая таких обстоятельств, которые получили широкое распространение и стали, можно сказать, общеизвестными. Не подлежит сомнению, что при большей заботливости достаточно было бы обратиться к своевременной беглой проверке Озерковских дач, и преступление было бы раскрыто, а не оставалось бы безгласным в продолжение целого месяца».

Словом, ясно, что Столыпин отводит подозрение от охранки, которая ему подчинялась. Но также ясно и то, что полиция, тоже находившаяся под его началом, наверняка проявила бы инициативу, если бы на этот счет были даны указания от той же охранки, от того же Столыпина. Нельзя же в самом деле полагать, что ни Столыпин, ни чины охранки газет не читали и ничего не слышали, о чем они писали.

Кстати, в ответном письме Зиновьев, хотя и приводил смехотворный довод в защиту полиции (в Озерках, мол, до 2000 дач и осмотреть их 2 полицейским участковым чинам нет возможности), тем не менее извещал Столыпина, что местный становой пристав Недельский уволен от должности по прошению. Словом, осознал или, скажем так, ему «помогли» осознать, не оставив, конечно же, без довольствия и без работы.

Сообщение об убийстве Гапона произвело ошеломляющее впечатление на общество, прежде всего на рабочих. Они, ко-

нечно, не знали всей правды о казни Гапона. На этот счет строили разные догадки. Одни говорили, что Гапона убили с целью грабежа, другие заявляли, что это сделали революционеры «из личной зависти» к нему, трети обвиняли лиц «инострального происхождения», то есть евреев³³. Было много и таких, которые вообще не верили, что Гапон убит, говорили, что его, мол, видели на днях не то в Териоках, не то в Петербурге.

Когда после обнаружения трупа Гапона судебные власти открыли ящик № 414, там оказались деньги рабочих организаций в сумме 14 тысяч рублей, которые Гапон вместе с рабочим Кузиным накануне 28 марта положил в банк, и около 14 тысяч франков личных денег Гапона, полученных им за статьи в зарубежной печати³⁴.

Хоронили Гапона 3 мая 1906 года. За его гробом шли 300 его сторонников, были представители отделов, руководители организации, близкие и родные³⁵. Говоря о похоронах Гапона, обратимся к рапорту по этому поводу уже известного нам исправника Колобасева³⁶. 3 мая 1906 года, сообщает исправник по начальству, тело Гапона было предано земле на Успенском городском кладбище по Финляндской железной дороге.

Заметим, что кладбище это находилось недалеко от станции Парголово, открыто было недавно и могилы там были разбросаны свободно³⁷.

Далее исправник Колобасев сообщает, что обедня началась в 10 часов утра «и к этому времени стал стекаться рабочий народ, которого было до 200 человек, в числе рабочих были и женщины»³⁸. Из Териок, говорится далее в рапорте, на похороны приехали «возлюбленная покойного Мария Кондратьевна Уздалева и подруга ее Вера Марковна Карелина»³⁹. На могилу были возложены венки: с красной лентой, с портретом Гапона и с надписью «9 января, Георгию Гапону от товарищей-рабочих членов 5 отдела»; с черной лентой и с надписью «Вождю 9 января от рабочих»; с красной лентой и с надписью «Истинному вождю революции 9 января Гапону»; с красной лентой и с надписью «Дорогому учителю от Нарвского района 2 отделения»; с красной лентой и надписью «Василеостровского отдела от товарищей многоуважаемому Георгию Гапону»⁴⁰.

После возложения венков присутствующие запели похоронный марш «Вы жертвою пали...», а затем с речами выступили рабочие Кладовников, Смирнов, Князев, Ушаков, Кузин, а также Карелина. Выступающие говорили, «что Гапон пал от

злойдейской руки, что про него говорили ложь и требовали от-
мщения убийцам»⁴¹. Раздавались крики и скандирование —
«мечь, мечь, ложь, ложь»⁴². Пропели «Вечную память» и гимн
«Свобода», начинающийся словами «Смело, товарищи, в но-
гу»⁴³. Похороны окончились в половине второго дня, резюми-
рует исправник Колобасев, «все рабочие покинули кладбище,
закусили в буфете и спокойно разошлись»⁴⁴.

На могиле поставили деревянный крест с надписью «Герой
9 января 1905 г. Георгий Гапон»⁴⁵. И Колобасев, заканчивая
свой рапорт о похоронах Гапона 3 мая 1906 года, сообщает: «Сде-
ланный мною по случаю похорон усиленный наряд полиции из
урядников и стражников на Успенском кладбище снят»⁴⁶.

Летом 1906 года имя Гапона вновь появилось на страницах
печати⁴⁷. Дело в том, что присяжный поверенный Марголин
выехал по своим делам за границу. Вездесущие «Биржевые Ве-
домости», которые уже давно «облюбовали» все связанное с Га-
поном, быстро оповестили читателей, что Марголин везет с со-
бой для опубликования за пределами России документы, пере-
данные ему Гапоном незадолго до его смерти. Прошло еще не-
которое время, и газеты сообщили, что Марголин внезапно
скончался от желудочных болей, возникших после обеда в гос-
тинице какого-то маленького не то немецкого, не то француз-
ского городка, где он остановился для отдыха. Документы же
бесследно исчезли.

Прошло почти три с половиной года после убийства Гапона.
Один из столичных журналов поместил материал о могиле Га-
пона, назвав ее «могилою знаменитого демагога»⁴⁸. Автор за-
метки писал, что она расположена на перекрестке и представ-
ляет собой «небольшой металлический памятник с белым кре-
стом, окруженный деревянной, выкрашенной зеленой краской
оградой. По сторонам памятника четыре футляра с металличе-
скими венками»⁴⁹.

На передней восточной стороне памятника черными буква-
ми по белому фону написано:

«Председатель

С.Р.Ф.З.Р.

Георгий Гапон

погиб от руки убийцы

28 марта 1906 года

на даче в Озерках»⁵⁰.

На противоположной, западной, стороне памятника такими
же буквами дан еще один текст:

«Спокойно спи «убит»
обманутый коварными
друзьями, пройдут года
тебя народ поймет,
оценит и будет слава
вечная твоя».

Кавычки в слове «убит», видимо, означают, что Гапон умер насильственной, а не естественной смертью. Хотя к этому времени и прошло уже свыше трех лет с момента его гибели, и шелковые ленты на венках частью истлели, частью растрескались и пожелтели, но тем не менее на венках еще можно было прочесть немало красноречивых и о многом говорящих надписей. Так, на одном было написано — «Дорогому учителю и другу от Нарвского района», на другом — «Вечная память вождю и учителю Гапону, в день годовщины от рабочих»⁵¹. Был также венок от рабочих-товарищей Коломенского отдела, стояли заключенные в оправы портреты Гапона. Автор пишет, что он впервые увидел портрет Гапона «в светском костюме, с вложенными руками в карманы брюк»⁵². Вся могила была покрыта надписями, чаще всего имевшими отношение к 9 января 1905 году. Например, «Истинному вождю всероссийской революции 9-го января»⁵³. Словом, Гапона помнили, чттили.

В те годы, не в пример нынешним, не было особого разнобоя и по вопросу о том, кто и зачем убил Гапона. Провокатора из Гапона стали делать в основном в тридцатые годы, и делали это примитивно, путем одностороннего и однопланового подбора высказываний о нем и его деятельности в соответствующем духе. А цитат таких можно было набрать немало. При этом старались не связывать все это с делом Азефа, закрывали глаза на самые очевидные вещи, занимались, попросту говоря, самой обыкновенной подтасовкой фактов и событий. Но даже мало-мальски разбирающемуся в нашей истории человеку было совершенно очевидно, что из дела о Гапоне отовсюду «торчат уши». Кстати, в архивах отечественного департамента полиции, который доступен нашим специалистам, никаких документов о Гапоне не найдено.

В самом деле, никто не отрицал, включая и самого Гапона, который информировал об этом руководство организации, что он имел контакты с полицией в интересах, как говорил Гапон, рабочих. Да, полиция и охранка стремились его использовать в своих интересах, и для прикрытия Азефа они сумели сделать

это, поставив себе на службу имя и авторитет Гапона. Но никто не смог, даже в смертном приговоре, привести ни одного факта выдачи Гапоном охранке какого-либо революционера, партийного секрета, просто рабочего, никто не смог назвать ни одного имени. Никто не смог доказать его якобы провокаторскую деятельность, за что, собственно говоря, его варварски и убили. Да, Гапон временами был игрушкой в руках охранки, где работали не дураки, но он никогда не был провокатором. «...Для меня Гапон, — подчеркивал в своих воспоминаниях о нем И. Павлов, — вовсе не представлял ничего загадочного или таинственного, — по-моему, он просто талантливый, пожалуй, гениальный организатор, но в то же время такой же точно авантюрист и во всяком случае не провокатор»⁵⁴.

Любопытно мнение самого Гапона о своих связях с властями в этот период времени. Его как-то спросили, что он думает о кабинете Витте, и Гапон ответил: «Меня усиленно зовут на службу, обещают крупное место и большие деньги, но я не пойду, хотя бы мне сулили груды золота. Я знаю слишком много партийных тайн, чрезвычайно важных — вот почему меня и зовут, но они ошибутся, — я не выдам ни одной тайны. Я могу не соглашаться с тактикой партий, могу ссориться с отдельными лицами, но дело революции для меня все же дороже всего...»⁵⁵.

Наконец, Рутенберг в воспоминаниях обо всей истории с Гапоном, высказывает в заключение своих записок интересные соображения, которые, на наш взгляд, объективно рисуют образ Гапона. Рутенберг пишет: «Считаю, что Гапон был человек талантливый, но невежественный, человек честолюбивый и властолюбивый, хитрый, но легко возбудимый, легко поддающийся всякому влиянию. ...Думаю, что в начале 1905 г. за границей Гапон был искренне предан интересам народа...»⁵⁶. И это говорит тот Рутенберг, который был организатором убийства Гапона как провокатора, но который в заключение своих записок, относящихся уже к 1908 году, находит для Гапона и другие слова.

Более того, он в чем-то винит в деле о Гапоне и русскую эмиграцию. «За границей интеллигенция не сумела оказать на него то моральное давление, — заявляет Рутенберг, — дать ему то моральное воспитание, выдержку и знания, которых ему так не доставало, не сумела достичь этого, по-моему, ввиду демагогической природы Гапона, ввиду развившегося у него под влиянием славы, денег и лести самомнения, убеждения в предстоящей ему исключительной исторической роли, рисовавшей-

ся ему даже в снах, о которых он так часто говорил. Уязвленное (отношением революционных партий) самолюбие разнудало его; вера в свою избранность стерла грани между дозволенным и недозволенным. Об остальном позаботился Рачковский»⁵⁷. Заметим, что Рутенберг, ссылаясь на Рачковского, сам избегает говорить применительно к Гапону о провокаторстве, имея в виду прежде всего нарушение последним определенных моральных, нравственных норм поведения человека. Видимо, это связано с тем, что Рутенберг на этих страницах своих воспоминаний знает о разоблачении Азефа.

Именно Азеф и стоявшая за ним охранка и были подлинными убийцами Гапона, именно они боялись, что Гапон «засветит» Азефа, опасались, что Гапон знает или догадывается о преступной деятельности Азефа в отношении революционеров и революции. И не случайно, говоря о своих взаимоотношениях с ЦК партии эсеров после смерти Гапона, Рутенберг полагает, что гапониада (а этот термин впервые введен в оборот Рутенбергом в его письме Савинкову от 19 февраля 1908 года по поводу истории с Гапоном⁵⁸) помогла Азефу оправдаться перед партией социалистов-революционеров за неудачи и провалы, происходившие в боевой организации эсеров⁵⁹.

Рутенберг пишет, что Азеф знал, когда приговор над Гапоном будет приведен в исполнение, хотя и утверждает, что он не знал, где в Озерках это произойдет⁶⁰, в чем мы очень сомневаемся. И в последнем мы не одиноки⁶¹. Рутенберг особо подчеркивает, что если бы в отношении Гапона и его дела он действовал бы более настойчиво, то Азефа засветили бы раньше⁶².

О чем здесь идет речь? Прежде всего о взаимоотношении после смерти Гапона между Рутенбергом, с одной стороны, и Азефом и ЦК партии эсеров — с другой. Вопрос связан с нашей темой, и необходимо коротко на нем остановиться.

Мы знаем, что ЦК партии эсеров отказался считать себя причастным к убийству Гапона, оставив Рутенберга одного «расхлебывать» все это дело. Тот по решению ЦК партии вскоре все же уехал за границу, в Женеву, куда в конце апреля — начале мая 1906 года прибыл Натансон. По словам Рутенберга, Натансон в разговоре с ним обещал по возвращению в Петербург уладить «дело Гапона». «Ц.К. ничего не говорил про меня дурного, — пишет Рутенберг, — но не говорил и ничего хорошего, и не возражал другим, высказывавшим публично догадки или утверждения, что я — полицейский агент»⁶³.

Рутенберг все время утверждал, что убить одного Гапона ему поручил Азеф, но все продолжали верить тому, что говорил последний, а конспирация и дисциплина не позволяли Рутенбергу делать на этот счет какие-либо заявления. Создавался заколдованный круг: Рутенберг не мог и молчать, но не мог и объяснить кому-либо, почему контакты с Рачковским — это его частное дело. И он требовал суда партии по этому вопросу. Тогда Азеф назначил свидание Рутенбергу, и они 5 июля 1906 года встретились в Гейдельберге; Савинков в это время сидел в Севастопольской крепости в ожидании смертного приговора⁶⁴.

По словам Рутенберга, при встрече Азеф обвинил его во лжи, утверждая, будто он, Азеф, поручил ему убить Гапона. Рутенберг вновь стал настаивать на следствии по этому вопросу. В ответ Азеф предложил ему выехать в Россию, однако Рутенберг отказался. Я понял его предложение, пишет Рутенберг, как желание «помочь мне повиснуть на ближайшей виселице»⁶⁵.

Не добившись от Азефа ясности в деле о Гапоне, Рутенберг послал в ЦК партии письмо с требованием провести следствие по этому вопросу, подчеркивая, что если его не будет, то он передаст в печать свое заявление на этот счет, и Рутенберг копию такого заявления также послал в ЦК; все это было в августе 1906 года⁶⁶. Во всех этих материалах он излагал суть дела, связанного с казнью Гапона.

Ответ ЦК партии был передан лично Азефом через жену Рутенберга. Его суть заключалась в том, что ЦК не считает возможным проводить какое-либо партийное расследование убийства Гапона, устранение которого является частным делом Рутенберга⁶⁷. Словом, все вернулось на «круги своя». И поэтому свои воспоминания Рутенберг заканчивает следующими словами:

«Обвиняю этот ЦК:

а) В замалчивании смерти Гапона, совершенной членами партии на основании фактически состоявшегося приговора партии.

б) Во введении в заблуждение публичного мнения сделанным Ц.К. заявлением в печати в мае 1906 года, где говорилось, что партия никаких сношений с Гапоном не имела.

в) В том, что своим поведением Ц.К. поставил меня в морально двусмысленное положение, по поводу сношений с Рачковским, инициатива которых исходила из Ц.К. и фактически была одобрена всем его составом (исключая одного голоса)⁶⁸.

Как видим, в конце своих записок Рутенберг пришел к прямому обвинению ЦК партии социалистов-революционеров, а

значит и Азефа. Он произнес, так сказать, «а», и только дисциплина удерживала его от того, чтобы не назвать и «б». Мы имеем в виду Азефа и его поведение. Через 2 года, в 1908, редактор журнала «Былое» Владимир Львович Бурцев заявит ЦК партии эсеров, что имеет основания подозревать Азефа в провокаторстве. Никто этому, разумеется, тогда и не поверил. Савинков пишет, что Азеф состоял в партии с момента ее основания, знал обо всех террористических акциях, во многих участвовал лично. «Полиции было выгодно, конечно, — подчеркивает Савинков, — бросить тень на одного из вождей революции и тем лишить его возможности продолжать свою деятельность. Такого мнения держалось большинство товарищей. Меньшинство, не веря в полицейскую интригу, тем не менее далеко было от подозрения Азефа в провокации. К последним принадлежал и я»⁶⁹.

Так что, каким даровитым не был Гапон, он не мог тягаться в политических интригах с Азефом, этим ассом провокаторства, обладавшим трезвым расчетом и холодной головой. Нам думается, что Гапона он «заметил» еще в Петербурге после официального разрешения деятельности «Собрания». И когда газеты впервые, 9 января 1909 года⁷⁰, сообщили об Азефе как провокаторе, это было громом среди ясного неба. Дело ведь заключается не только в том, что он был одним из ведущих лидеров партии эсеров, но и в личностных качествах Азефа, которые у его товарищей котировались очень высоко. Вот что писал об Азефе, например, Савинков, близко знавший его по работе боевой организации эсеров. «Я знал Азефа за человека большой воли, сильного практического ума и крупного организаторского таланта. Я видел его на работе. Я видел его неуклонную последовательность в революционном действии, его преданность революции, его спокойное мужество террориста, наконец, его тщательно скрываемую нежность к семье. В моих глазах он был даровитым и опытным революционером и твердым и решительным человеком. Это мнение в общих чертах разделялось всеми товарищами, работавшими с ним. Так думали по характеру и темпераменту очень разные, доверчивые и скептики, старые революционеры и юноши... Быть может, не все одинаково любили его, но все относились к нему с одинаковым уважением. Было невероятно, что все эти товарищи могли ошибиться»⁷¹. Надо было быть действительно незаурядным человеком, чтобы у Савинкова заслужить такую характеристику. Вспомним, что и о Гапоне Савинков высказал немало лестных слов.

Будет правильно сказать, как мы полагаем, что после разоблачения Азефа стало совершенно ясно, кто и зачем убил Гапона. Он неожиданно быстро стал мешать Азефу, о котором что-то, по всей вероятности, узнал, и охранке — Рачковскому, обязанному озаботиться, чтобы отвести все подозрения от Азефа. Рачковский через Азефа знал о плане убийства Гапона и потому-то, опять же предупрежденный Азефом, не шел и так и не пришел на встречу с Гапоном и Рутенбергом, дабы не быть убитым. Кто-кто, а Рачковский знал, что с эсеровскими боевиками шутить опасно.

В курсе дела был Рачковский и о месте убийства — даче в Озерках, и о времени казни, о чем широко редили-гадали в газетах, а полиция «искала» везде Гапона, кроме Озерков. Охранке и Азефу было выгодно «ненаходить» его более месяца, чтобы замести следы, выяснить, что же все-таки знал Гапон об Азефе. До сих пор никому неизвестны имена⁷² тех, кто судил Гапона, кроме имени Рутенберга, кто присутствовал при казни Гапона. Молчит об этом и Рутенберг. Может быть, что-то могут сказать архивы социалистов-революционеров. Но где они? Неизвестно также, куда делись две записные книжки Гапона. Вернее, мы знаем, что они остались в распоряжении суда, то есть ЦК партии эсеров, но что с ними и что в них — никто не знает.

Зато есть немало свидетельств, что прямым участником убийства Гапона был Азеф, который это отрицал. Азеф участвовал «в убийстве Георгия Гапона», пишет Савинков⁷³. О том же вспоминал и Карелин, по словам которого, Гапон якобы знал о связи Азефа с полицией. «Я убежден, — писал он, — что к убийству Гапона причастен был Азеф. Он знал про службу Азефа в департаменте полиции. Поэтому Азеф настаивал в Ц.К. социалистов-революционеров на убийстве его. Рутенберг честно верил, руководил же им Азеф»⁷⁴.

В первый период пребывания Гапона в Европе А.А.Ратаев возглавлял политический сыск за границей, потом особый отдел департамента полиции⁷⁵. Другими словами, он был «руководителем» Азефа. В начале августа 1905 года Ратаев ушел в отставку, вместо него назначили Рачковского, который до этого Азефа не знал, и его представил ему Ратаев. Так вот, будучи в отставке, Ратаев в октябре 1910 года писал из Парижа своему другу Нилу Петровичу Зуеву, возглавлявшему в это время департамент полиции, об Азефе⁷⁶. Ратаев подчеркивал, что «на основании самых разнообразных данных» он полагает «пра-

вильным считать» Азефа непосредственным руководителем убийства Гапона⁷⁷.

После разоблачения Азефа один из журналистов прямо писал, что он был «душою многих заговоров, из которых многие окончились арестом большинства заговорщиков. В то же самое время он часто обвинял своих единомышленников в предательстве и измене и добивался приговора их к смертной казни разными революционными судилищами. Самой громкой из подобных революционных расправ является убийство Гапона, которого Азеф обвинял в том, что он продался графу Витте»⁷⁸.

Имеются также свидетельства того, что Азеф не раз виделся с Гапоном, о чем он предпочитал умалчивать. Так, близко знавшие Гапона рабочие говорили, что Азеф якобы принимал участие в совещании в конце декабря 1904 года, то есть накануне 9 января, когда Гапон и представители отделов «Собрания» вместе с представителями социалистов-революционеров обсуждали план действий; Гапон тогда прислушивался к его мнению⁷⁹. Н.Истомин указывает, что видел Азефа после расстрела 9 января в Петербурге на Выборгской стороне⁸⁰.

В «Нашей Газете» за 21 января 1909 года один из рабочих вспоминал, что имя Азефа он слышал от Гапона. По словам этого рабочего, именно с ним Гапон повздорил на объединительной конференции в Женеве. Гапон якобы говорил рабочим: «Революцией заведует высокий жид, и все слушают, словно мальчишки. Он командует ими, и они безропотно сносят все его капризы. Я попробовал возражать и доказывать, что он во многом увлекается. Мои слова встретили живой отпор. Мы друг друга не взлюбили»⁸¹.

Другой рабочий говорил, что, по его мнению, Гапон летом 1905 года виделся с Азефом в Лондоне, где решался вопрос о доставке оружия в Россию. Тот же Н.Истомин вспоминает, что уже после возвращения Гапона в Петербург он якобы с яростью говорил ему о «проклятом Азефе», помешавшем проведению в жизнь операции с пароходом⁸².

Наконец, Карелин пишет, что Азеф бывал у Гапона, у которого он его лично видел, что в марте 1906 года Азеф был в Петербурге, и это совпадение в связи с убийством Гапона не может быть случайным⁸³. «Гапона затравили, — подчеркивает Карелин. — Распространяли о нем пасквилы и клевету. ...Смерть Гапона была принесена в жертву для Азефа»⁸⁴.

Георгий Гапон. Петербург, 1905 г.

Г.Гапон и его ближайшие сотрудники.
Сидят: Иноземцев, Гапон, Филиппов.
Стоят: Харитонов и Янов. 8 января 1905 г.

Г.Гапон (в центре) и градоначальник Петербурга Фуллон среди рабочих — членов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г.Петербурга». 1905 г.

Бастующие рабочие Путиловского завода перед закрытыми воротами завода. Петербург, январь 1905 г.

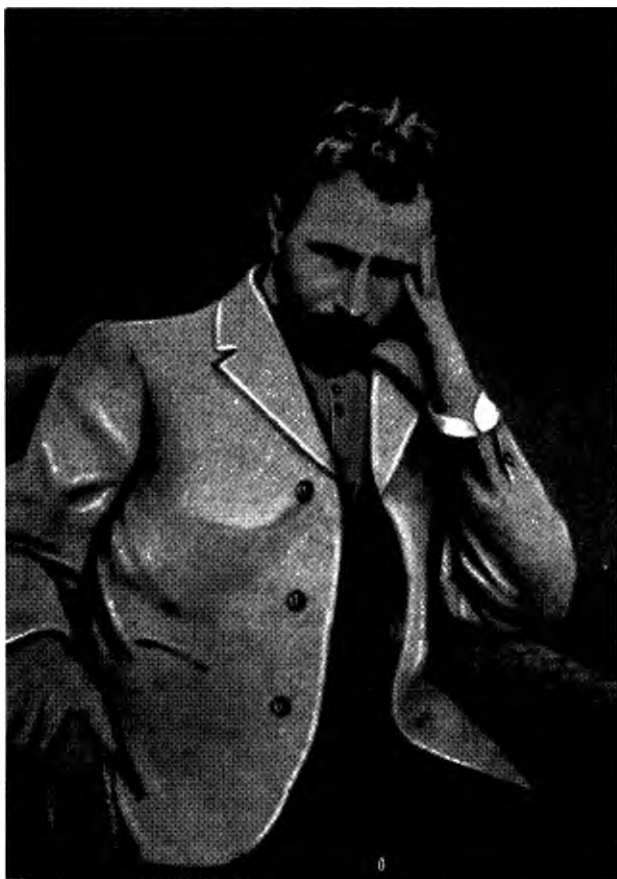
Войска у Нарвских ворот, ожидающие шествия рабочих.
Петербург, 9 января 1905 г.

Могилы жертв 9 января на Преображенском кладбище.

Милосердию! Творят.
Сараи! Небождей
Французской к Вавилон,
Кресту кресту
Многочисленному бы
Кресту! Кресту!
Зачем! Если это
Иногда не шуту
Кресту осужден.
Торжественно
1906.
25-го Февр.

Автограф Г.Гапона.

Г.Галон. Последний снимок.

Труп Г.Гапона.

Панихида на могиле Г.Гапона.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Силой обстоятельств политической жизни и социальных отношений Георгий Гапон был вознесен, хотя и на короткое время, до роли центральной фигуры большого народного движения. Яркую значительность выступлениям Гапона на исторической сцене в этот период времени придала его несомненная внешняя талантливость. Он был даровитый народный оратор, с простой и доступной для самой отсталой массы речью, увлекавшей его самого и его слушателей. Гапону было в большой степени свойственно гипнотическое взаимодействие между оратором и аудиторией. Он умел улавливать господствующее настроение людей и сознательно принаравливался к нему. История Гапона это хорошая иллюстрация старого изречения — «время создает своих героев». Огромную популярность ему придавала, несомненно, и внешняя парадоксальность положения — священник в центре революционного движения. Иначе говоря, его ряса усиливала впечатление всей роли и всех выступлений Гапона перед малосознательной огромной массой рабочих, которую он увлекал за собой.

Понятна, думается, и та разногласица в суждениях о Гапоне, когда одни называют его предателем, а другие — искренним другом народа и борцом за его дело. Объективно он бывал и тем, и другим, но по существу, если исходить из конечных результатов приписываемой ему деятельности, Гапон все же остается на стороне народа. Обратных доказательств нет.

И этот разноречивый во мнениях о нем также понятен: в центре большого движения Гапон был способен и к большим подъемам, а как только он отрывался от масс, то сразу же оказывался на мели и по свойствам своего характера и своей натуре

был способен сделать опрометчивые шаги, более далекие последствия которых он предвидеть не умел, да и не хотел «уметь». И тут на память приходят приведенные Троцким пронищательные слова вождя австрийской социал-демократии Виктора Адлера, который после получения первой телеграммы о прибытии Гапона за границу сказал: «Жаль... для его исторической памяти было бы лучше, если бы он так же таинственно исчез, как появился. Осталось бы красивое романтическое предание о священнике, который открыл шлюзы русской революции...»¹ И далее, как свидетельствует Троцкий, Виктор Адлер со свойственной ему тонкой иронией добавил: «Есть люди, которых лучше иметь мучениками, чем товарищами по партии»².

И все же не можем не привести высказывания о Гапоне еще одного крупного социалистического лидера, сказанные позднее. «Наша Газета» от 27 января (старый стиль) 1909 года процитировала слова французского социалиста Ж.Жореса о Гапоне, опубликованные в «Юманите» 4 февраля (новый стиль) того же года. Жорес, как нам кажется, справедливо писал: «Какова бы ни была истинная физиономия Гапона, каковы бы ни были сокровенные методы его действий, но вызванное им движение 9 января 1905 г. несомненно сыграло в руку революции...»³

И еще об одном надо, видимо, сказать, заключая наш рассказ о Георгии Гапоне. При жизни Гапона В.И. Ленин в последний раз обращался к теме о нем и его организации летом 1905 года⁴. Но вот Гапона не стало, и Ленин вскользь касается, если так можно сказать об этом, данной темы лишь в июне 1912 года, вводя в оборот своих статей слово «гапонада»⁵. Тот же термин он употребляет в сентябре 1912 года⁶. В ноябре того же года он опять говорит о «гапонаде» и впервые использует в одном из контекстов словосочетание «провокаатор Гапон» без каких-либо объяснений и пояснений этой своей характеристики⁷. Проходит еще три года, и Ленин в 1915 и в 1916 годах вновь употребляет в своих работах термин «гапонада», говорит о «гапоновских союзах», «гапоновских лозунгах», «гапоновских рабочих»⁸. Через год, в январе 1917, Ленин в плане доклада о первой революции в России, использует выражение «Гапон — поп-революционер», а в августе 1918 называет его уже «сумасшедшим попом»⁹.

Такова палитра ленинских очень коротких высказываний о Гапоне, помещенных в полном собрании сочинений В.И. Ленина, в их пятом издании. Но мы приводили их не с целью показать, что Ленин серьезно и с анализом сказанного им нигде не

говорит о Гапоне как провокаторе. Нас интересует другое, а точнее сказать — у нас вызывает недоумение тот факт, что в течение 7 лет, с лета 1905 по лето 1912, в произведениях Ленина нет ни единого слова о Гапоне и его деятельности.

В самом деле, в ноябре 1905 года Ленин приезжает в Петербург и первым делом посещает могилы жертв «кровавого воскресенья» на Преображенском кладбище; в этом же месяце он выступает на собрании рабочих в Соляном городке, участвует в заседании Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов, выступает с докладами о вооруженном восстании; в январе 1906 года власти отдают распоряжение об аресте Ленина в связи с его призывами к вооруженному восстанию, тогда же он был в Гельсингфорсе; в феврале 1906 года русская агентура разыскивает Ленина в Финляндии¹⁰.

В это же время в Петербурге, в Финляндии (в Гельсингфорсе) бывает и Гапон, выступает и посещает те же места, где бывает и Ленин (Соляной городок, Исполком Петербургского Совета рабочих депутатов), критикует линию большевиков на вооруженное восстание. Ленин не мог о последнем не знать, равно как не мог не знать и того, что Гапон снова в России. Но странное дело: у Ленина ни строчки об этом.

Вся пресса писала об убийстве Гапона, строила различного рода догадки на этот счет. Ленин в этот период находится в России, бывает в Финляндии. Он, который много раз встречался с Гапоном, длительное время поддерживал с ним контакты за рубежом, молчит в связи со смертью Гапона. На Ленина это совершенно непохоже. И главное, что он молчит семь долгих лет, хотя пресса, включая и социалистическую разных направлений, постоянно возвращалась к делу Гапона и к обвинениям его в провокаторстве. А Ленин все молчит. Нонсенс какой-то.

В чем же здесь дело? Думается в том, что в нынешнем, пятом издании полного собрания сочинений В.И.Ленина не нашли пока себе места материалы, касающиеся оценки Лениным Гапона и его деятельности. О том, что такие материалы есть, у нас нет сомнений. Они, как говорят, лежат в запасниках, ибо сказанное в них о Гапоне, вероятно, не укладывается, а точнее — не укладывалось в ранее принятую схему: изображать Гапона как провокатора, как платного агента охранки. Будем питать надежду узнать со временем, что писал Ленин о Гапоне в то далекое от нас семилетие лета 1905 — 1912 годов.

Его знали Николай II, Плеханов, Ленин, Азеф, Жорес, Клемансо...

1. См., напр., Неделя, 1990, № 37, с. 14-15; Родина, 1993, № 12, с. 24-29; Наш современник, 1995, № 1, с. 167-173; Правда, 1995, № 12, с. 4; Совершенно секретно, 1996, № 1(80), с. 6-7.
2. Афоризмы из сочинений Герберта Спенсера. СПб., 1896, с. 85.
3. Симонов К. Сегодня и давно. М., 1980, с. 373.

Глава 1

1. См.: Никифоров. Правда о священнике Гапоне. СПб., 1906, с. 4-5.
2. См.: Записки Георгия Гапона (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918, с. 7-9; Былое, 1925, № 1 (29), с. 46; Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 6; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон. М.-Л., 1931, с. 4; Троцкий Л. О девятом января. М.-Л., 1925, с. 127; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Новый энциклопедический словарь. Т. 12. СПб., с. 634.
3. См.: Записки Георгия Гапона, с. 12-14.
4. Там же, с. 12.
5. См.: Гапон Г. История моей жизни. М., 1990, с. 49.
6. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 46.
7. Записки Георгия Гапона, с. 12.
8. Гапон Г. История моей жизни, с. 49.
9. Русское богатство, СПб., 1905, № 1, с. 329.
10. Записки Георгия Гапона, с. 13.
11. Русское богатство, СПб., 1905, № 1, с. 329.
12. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 47.
13. Былое, 1925, № 1(29), с. 47.
14. Записки Георгия Гапона, с. 14.
15. Записки Георгия Гапона, с. 15; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 4.
16. Записки Георгия Гапона, с. 15.
17. Там же, с. 16.
18. Былое, 1925, № 1(29), с. 48.
19. Там же, с. 46.

20. См.: Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 6.
21. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 48.
22. Записки Георгия Гапона, с. 27.
23. Русская мысль, М., 1907, кн.V, с. 104.
24. Там же, с. 106.
25. Записки Георгия Гапона, с. 27.
26. См.: Русская мысль, кн.V, с. 109.
27. Там же.
28. Записки Георгия Гапона, с. 26-27.
29. Там же, с. 27-28.
30. А.С.Хомяков (1804-1860) - один из основоположников славянофильства, выступал за отмену крепостного права, за введение свободы слова, печати.
31. Русская мысль, кн.V, с. 109.
32. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 48.
33. Записки Георгия Гапона, с. 28.
34. См.: Русская мысль, кн.V, с. 112.
35. Там же, с. 113.
36. Там же, с. 114.
37. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 48.
38. Записки Георгия Гапона, с. 31.
39. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 49.
40. Записки Георгия Гапона, с. 33.
41. См.: Минувшие годы, СПб., 1908, № 3, март, с. 44; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса. СПб., 1911, с. 61.
42. Полное собрание русских пословиц и поговорок. СПб., 1822, с. 189.
43. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 44.
44. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 4.
45. Былое, 1925, № 1(29), с. 49.
46. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон. М., 1921, с. 31, 32.
47. Былое, 1925, № 1(29), с. 50.
48. Там же.
49. Спиридович А. Записки жандарма. Харьков, 1927, с. 166-167.
50. Былое, Пг., 1917, № 4(26), октябрь, с. 169.
51. См.: Записки Георгия Гапона, с. 37.
52. Там же, с. 38.
53. См.: Полное собрание русских пословиц и поговорок, с. 235.
54. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии. М., 1930, с. 29.
55. Былое, 1917, № 4(26), октябрь с. 169.
56. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 50.
57. Там же.
58. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 30.
59. См.: 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и народных. Ростов-дон—Краснодар, 1925, с. 30-31.
60. См.: Красная летопись, Пг., 1922, № 1, с. 101.
61. Материалы для литературного суда над Гапоном. Пг., 1921, с. 5.
62. См.: Записки Георгия Гапона, с. 37.

63. См.: там же, с. 44.
64. См.: Русская мысль, кн.V, с. 116.
65. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1925, с. 123.
66. Записки Георгия Гапона, с. 39.
67. См.: Былое, 1917, № 4(26), октябрь, с. 169.
68. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 52.
69. Записки Георгия Гапона, с. 42.
70. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 52.
71. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 195; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 49; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина. Ташкент, 1926, с. 23.
72. Записки Георгия Гапона, с. 41.
73. Там же, с. 43.
74. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 35.
75. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 191; Былое, 1925, № 4(32), с. 8; Минувшие годы, Спб., 1908, № 4(32), с. 29.
76. Там же.
77. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 20; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 123.
78. Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 185.
79. См.: там же, с. 190.
80. Там же.
81. См.: Гуревич Л. 9 января. Харьков, 1926, с. 73; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 31.
82. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 191.
83. Минувшие годы, Спб., 1908, № 3, март, с. 30.
84. Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 183.
85. Красная летопись, Пг., 1922, № 1, с. 106.
86. 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и нардомов, с. 31.
87. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 52.
88. Там же.
89. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 33-45.
90. Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 34, 36.
91. Записки Георгия Гапона, с. 44.
92. Там же.
93. Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 124; Панкратова А. Первая русская революция 1905-1907 гг. М., 1940, с. 39.
94. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 124-125.
95. См.: Записки Георгия Гапона, с. 45.
96. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 52.
97. Там же, с. 22; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 34.
98. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 49, 53; Феликс. Г.А. Гапон и его общественно-политическая роль. СПб., 1906, с. 24.
99. Записки Георгия Гапона, с. 45.
100. Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 37-38.
101. Там же, с. 38.
102. Гапон Г. История моей жизни, с. 52.
103. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 132-133; Минувшие годы, Спб., 1908, № 3, март, с. 38.

104. См.: Феликс. Г.А. Гапон и его общественно-политическая роль, с. 24.
105. Там же.
106. См.: Гуревич Л. 9 января. Харьков, 1926, с. 73.
107. Там же, с. 73-74; Всемирный вестник, СПб., 1907, № 1, январь, с. 35; Историко-революционный сборник, Л., 1924, с. 194-195.
108. См.: Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 42.
109. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 31.
110. Там же, с. 33, 35.
111. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 193; Красная летопись, 1922, № 1, с. 107.
112. См.: Записки Георгия Гапона, с. 40, 44.
113. Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 35.
114. Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 193.
115. См.: Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 37.
116. См.: Красная летопись, Л., 1925, № 2(13), с. 21; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 41.
117. Там же; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 198; Панкратова А. Первая русская революция 1905-1907 гг., с. 42.
118. Там же; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 198.
119. См.: Безбах С.А. Великий урок. Л., 1934, с. 17.
120. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 23, 52.
121. См.: Записки Георгия Гапона, с. 46; Гапон Г. История моей жизни, с. 23, 52, 53; Тарараев А. Кровавое воскресенье и священник Гапон. М., 1933, с. 3, 4; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 37; Феликс. Г.А. Гапон и его общественно-политическая роль, с. 25; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 131.
122. Спиридович А. Записки жандарма, с. 165.
123. См.: Записки Георгия Гапона, с. 46.
124. См.: там же, с. 46; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 196; Тарараев А. Кровавое воскресенье и священник Гапон, с. 6.
125. Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г. Л.-М., 1925, с. 6-7.
126. Там же, с. 7.
127. Там же.
128. См.: Записки Георгия Гапона, с. 47; Безбах С.А. Великий урок, с. 11; Красная летопись, Пг., 1922, № 1, с. 108.
129. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 193; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 38-39.
130. Там же.
131. Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 194.
132. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 23.
133. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 132; Записки Георгия Гапона, с. 47.
134. Там же.
135. Гапон Г. История моей жизни, с. 24, 52, 53.
136. Записки Георгия Гапона, с. 47.
137. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 53.
138. См.: Записки Георгия Гапона, с. 48.
139. Там же.
140. Там же, с. 49.

141. Там же.
142. Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 39.
143. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 41.
144. Там же, с. 38, 20; Записки Георгия Гапона, с. 49.
145. Записки Георгия Гапона, с. 49.
146. Там же.
147. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 20.
148. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 132; Гапон Г. История моей жизни, с. 25; Безбах С.А. Великий урок, с. 10.
149. См.: Записки Георгия Гапона, с. 50; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 37.
150. Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 35.
151. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 41.
152. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 26.
153. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 41-42.
154. Там же, с. 42; Спиридович А. Записки жандарма, с. 168.
155. Там же.
156. См. Записки Георгия Гапона, с. 50.
157. Там же.
158. Там же, с. 51.
159. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 42; Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 10.
160. См.: Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 39.
161. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 53.
162. Там же, с. 26, 53-54; Записки Георгия Гапона, с. 51-52; Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 51.
163. См.: Записки Георгия Гапона, с. 52.
164. Там же; Гапон Г. История моей жизни, с. 26, 54; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 133.
165. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 4; Безбах С.А. Великий урок, с. 16; 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и народомов, с. 34; Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 37.
166. Там же, с. 51.
167. Там же, с. 53; Спиридович А. Записки жандарма, с. 169; Записки Георгия Гапона, с. 52.
168. Там же.
169. Там же, с. 53.
170. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 3
171. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 26, 54; Гуревич Л. 9 января, с. 15.
172. Красная летопись, 1922, № 1, с. 109.
173. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 41.
174. Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 192.
175. См.: Гуревич Л. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. Берлин, 1906, с. 16; Спиридович А. Записки жандарма, с. 169.
176. Там же; Гапон Г. История моей жизни, с. 26.
177. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 199; Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 36.
178. Там же, с. 37; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 198.

179. См.: Минувшие годы, 1908, № 7, июль, с. 41.
180. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 13.
181. Там же, с. 13; Феликс. Г.А.Гапон и его общественно-политическая роль, с. 25.
182. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 45.
183. Там же.
184. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 26, 54; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 200; Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 47.
185. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 47.
186. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 200.
187. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 26; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 45; Минувшие дни, 1927, № 1, декабрь, с. 26.
188. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 54.
189. Там же.

Глава 2

1. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 45; Красная летопись, 1925, № 2(13), с. 22; Записки Георгия Гапона, с. 54; Гапон Г. История моей жизни, с. 27, 54; Красная летопись, 1922, № 1, с. 110.
2. Там же.
3. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 45.
4. Гапон Г. История моей жизни, с. 27.
5. Там же.
6. См.: Феликс. Г.А.Гапон и его общественно-политическая роль, с. 10, 27.
7. См.: Записки Георгия Гапона, с. 54; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 200-201; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 43.
8. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 44.
9. Записки Георгия Гапона, с. 54.
10. Там же.
11. Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 44; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 201-202.
12. Там же, с. 202.
13. Гапон Г. История моей жизни, с. 27; Минувшие годы, 1908, № 7, июль, с. 43.
14. Гапон Г. История моей жизни, с. 54.
15. Там же.
16. Записки Георгия Гапона, с. 54.
17. См.: Красная летопись, Пг., 1922, № 1, с. 20; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 46; Карелин А.А. Девятое (22-е) января 1905 года. М., 1924, с. 3-4; Первая русская. Сборник воспоминаний активных участников революции 1905-1907 гг. М., 1975, с. 38; Записки Георгия Гапона, с. 55.
18. Там же, с. 55.
19. Там же.

20. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 27, 54.
21. Минувшие годы, 1908, № 4, апрель, с. 80; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 138; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 46.
22. См.: Минувшие годы, 1908, № 4, апрель, с. 81.
23. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 54-55.
24. Там же.
25. Там же.
26. См.: Записки Георгия Гапона, с. 55.
27. Там же, с. 56.
28. Порт Артур был сдан 20 декабря 1904 года.
29. См.: Записки Георгия Гапона, с. 56-57.
30. См.: там же, с. 55, 56, 57; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 44-45; Гапон Г. История моей жизни, с. 28, 29, 55; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 46; Ельницкий А. Тысяча девятьсот пятый год. Курск, 1925, с. 21; Безбах С.А. Великий урок, с. 11-12; Венедиктов-Безпюк Д. Георгий Гапон, с. 17; Красная летопись, 1922, № 1, с. 15; Красная летопись, 1925, № 2(13), с. 24.
31. Русская газета, 1904, № 109, с. 4; Безбах С.А. Великий урок, с. 11-12.
32. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 55; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 44-45; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 46.
33. Гапон Г. История моей жизни, с. 55.
34. См.: Записки Георгия Гапона, с. 55-56.
35. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 15.
36. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 55.
37. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 16; Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 44.
38. См.: Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 45.
39. Там же.
40. См.: Минувшие годы, 1908, № 7, июль, с. 43.
41. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 55.
42. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 47.
43. Там же.
44. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 55; Красная летопись, 1922, № 1, с. 16-17.
45. Горев М. Гапон и 9-е января. М., 1926, с. 14
46. Записки Георгия Гапона, с. 57.
47. Там же.
48. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 17; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 140.
49. Там же; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 47-48; Панкратова А. Первая русская революция 1905-1907 гг., с. 43; Красная летопись, 1922, № 1, с. 17; Гапон Г. История моей жизни, с. 30, 56.
50. Кстати, мастера в члены "Собрания" не принимались.
51. См.: Минувшие годы, 1908, № 4, апрель, с. 83; Гапон Г. История моей жизни, с. 56.
52. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 48.
53. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 44.

54. Записки Георгия Гапона, с. 57.
55. Там же
56. См.: Минувшие годы, 1908, № 4, апрель, с. 84; Записки Георгия Гапона, с. 58, 59, 60.
57. См.: Минувшие годы, 1908, № 4, апрель, с. 84.
58. См.: Красный архив, 1925, № 1(18), с. 68.
59. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 19.
60. См.: Записки Георгия Гапона, с. 58.
61. Там же, с. 59.
62. Там же.
63. Записки Георгия Гапона, с. 59-60.
64. Там же, с. 57.
65. Там же, с. 60-61.
66. Там же, с. 61.
67. Там же; Красная летопись, 1922, № 1, с. 20.
68. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 31, 56.
69. См.: Записки Георгия Гапона, с. 61.
70. Там же.
71. См.: 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и нардомов, с. 51.
72. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 306-328.
73. Там же, с. 310.
74. См.: Безбах С.А. Великий урок, с. 18.
75. См.: Авенар Э. Кровавое воскресенье. Госиздат Украины, б/д, с. 112.
76. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 41.
77. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 86.
78. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 32-33.
79. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 159.
80. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 26; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 37.
81. См.: И.В. Попов. Воспоминания. М., 1971, с. 69.
82. Красная летопись, 1922, № 1, с. 24.
83. См.: Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 148.
84. См.: Пролетарская революция, 1922, № 5, с. 195-196.
85. См.: Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905-1907 гг., Л., 1975, с. 55.
86. Там же, с. 56.
87. См.: там же, с. 56.
88. См.: Пролетарская революция, 1925, № 2(37), февраль, с. 71.
89. См.: Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905-1907 гг., с. 57.
90. См.: Листовки петербургских большевиков 1902-1917. Т. 1. 1902-1907. М., 1939, с. 151-153; Гапон Г. История моей жизни, с. 56; Красная летопись, 1922, № 1, с. 20.
91. Там же, с. 21.
92. Листовки петербургских большевиков 1902-1917. Т. 1. 1902-1907, с. 152.
93. См.: Красный архив, 1925, № 4-5(11-12), с. 3-4.
94. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 54, 55; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 141.

95. Там же.
96. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 56, 57.
97. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 202.
98. См.: Минувшие годы, 1908, № 4, апрель, с. 88; Красная летопись, 1922, № 1, с. 30.
99. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 15.
100. См.: Всемирный вестник, СПб., 1907, № 1, январь, с. 50.
101. Красная летопись, 1922, № 1, с. 111.
102. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 146.
103. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 15; Горев М. Гапон и 9-е января, с. 14.
104. Русский рабочий. СПб., 1905, № 3, 25 октября, с. 7.
105. Записки Георгия Гапона, с. 62.
106. См.: Революция 1905 года. Материалы и официальные документы. Харьков, 1925, с. 31-34.
107. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 48.
108. Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 31.
109. Там же, с. 32.
110. Там же.
111. Там же, с. 33.
112. Там же.
113. Там же, с. 33.
114. Там же.
115. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 147.
116. Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 34.
117. Там же.
118. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 111; Красная летопись, 1925, № 2(13), с. 33.
119. Записки Георгия Гапона, с. 65.
120. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 46; Красная летопись, 1922, № 1, с. 111.
121. Записки Георгия Гапона, с. 61.
122. Гапон Г. История моей жизни, с. 56.
123. См.: Тарараев А. Кровавое воскресенье и священник Гапон, с. 10; Красная летопись, 1922, № 1, с. 22.
124. См.: Материалы для литературного суда над Гапоном. Пг., 1921, с. 6; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 203.
125. Там же, с. 202.
126. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга. Л., 1925, с. 6.
127. Там же.
128. Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 143.
129. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 203-204; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 49.
130. Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 204.
131. Там же.
132. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 56.

133. См.: Горев М. Гапон и 9-е января, с. 14; Календарь русской революции. 1917, Пг, с. 13; Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 70-71; Безбах С.А. Великий урок, с. 52-53.
134. Голос минувшего, 1917. № 11-12, ноябрь-декабрь, с. 6.
135. См.: Листовки петербургских большевиков 1902-1917. Т.1. 1902-1907, с. 160-161, 542.
136. См.: Троцкий Л. Сочинения, т. II. Наша первая революция. Ч. I. М.-Л., 1925, с. 553-554.
137. См.: Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 112.
138. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 18.
139. См.: Гуревич Л. 9-е января. СПб., 6/г, с. 10.
140. Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 11.
141. См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966, с. 23.
142. См.: Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 3.
143. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 49-50; Записки Георгия Гапона, с. 61; Гапон Г. История моей жизни, с. 31, 56; Красная летопись, 1922, № 1, с. 35-36, 38.
144. Былое, 1925, № 1(29), с. 4.
145. Там же.
146. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 7.
147. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. I. М., 1970, с. 583.
148. Пролетарская революция, 1925, № 2(37), февраль, с. 23.
149. Там же, с. 24, 25.
150. Там же, с. 25-26.
151. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. I. с. 583-584.
152. Там же, с. 70.
153. См.: Пролетарская революция, 1925, № 2(37), февраль, с. 71.
154. Пролетарская революция, 1922, № 5, с. 197.
155. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. I, с. 583-584.
156. См.: Листовки петербургских большевиков 1902-1917. Т. 1. 1902-1907, с. 153-156.
157. Там же, с. 157-158.
158. Там же.
159. Там же, с. 158-159.
160. Вперед, 1905, № 4, с. 4; Красная летопись, 1922, № 1, с. 24.
161. Былое, 1925, № 1(29), с. 4.
162. Красная летопись, 1922, № 1, с. 142-143.
163. Там же, с. 32.
164. Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 34.
165. Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 144.
166. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 145.
167. Там же.
168. Записки Георгия Гапона, с. 67.
169. Красная летопись, 1922, № 1, с. 23.

170. Там же, 1925, № 1(12), с. 38; Ростов Н. Крушение одного опыта Зубатов и Гапон, с. 51.
171. Там же; Гапон Г. История моей жизни, с. 32-33, 56; Записки Георгия Гапона, с. 63, 64, 65; Карелин А.А. Девятое (22-е) января 1905 года, с. 5.
172. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 55.
173. Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 38.
174. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 51.
175. См.: Записки Георгия Гапона, с. 65.
176. Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 51; Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 38-39.
177. Там же, с. 39.
178. Там же.
179. Там же, с. 41; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 90; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 53.
180. См.: Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 41; Горев М. Гапон и 9-е января, с. 17; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 19; Красный архив, 1935, № 1(68), с. 48.
181. Ельницкий А. Тысяча девятьсот пятый год, с. 36.
182. См.: Тарараев А. Кровавое воскресенье и священник Гапон, с. 13; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 54.
183. Там же; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 19.
184. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 68.
185. Тарараев А. Кровавое воскресенье и священник Гапон, с. 14.
186. Безбах С.А. Великий урок, с. 69.
187. См.: Спиридович А. Записки жандарма, с. 171-172.
188. Там же, с. 172.
189. Там же.
190. См.: Записки Георгия Гапона, с. 63.
191. Гапон Г. История моей жизни, с. 57.
192. Там же.
193. Там же.
194. Там же.
195. Там же, с. 57; Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 80.
196. См.: Гапон Г. История моей жизни. М., 1990, с. 32.
197. См.: Вперед, 1905, 31(18) января; Записки Георгия Гапона, с. 63.
198. Там же.
199. Там же.
200. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 57.
201. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 8-9.
202. Красный архив, 1935, № 1(68), с. 47.
203. Там же, с. 48.
204. Там же.
205. Там же.
206. Полное собрание русских пословиц и поговорок, с. 35.
207. Спиридович А. Записки жандарма, с. 173.
208. Троцкий Л. 1905, с. 78.
209. Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 52.
210. Там же.

211. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 52; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 152; Спиридович А. Записки жандарма, с. 174; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 90.
212. Красный архив, 1935, № 1(68), с. 48.
213. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 152; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 52.
214. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 53.
215. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 53.
216. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 53; Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 42.
217. См.: Спиридович А. Записки жандарма, с. 174.
218. Там же; Безбах С.А. Великий урок, с. 96-97; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 19.
219. Там же, с. 19-20; Каторга и ссылка, 1932, № 8-9 (93-94). с. 7-8; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 133; Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 83; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 53; Красная летопись, 1922, № 1, с. 37; Ельницкий А. Тысяча девятьсот пятый год, с. 37-38; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 53.
220. См.: Записки Георгия Гапона, с. 68.
221. Троцкий Л. 1905, с. 81.
222. См.: Записки Георгия Гапона, с. 66.
223. Там же.
224. Там же, с. 67.
225. См.: 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и нардомов, с. 20; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 72.
226. См.: Записки Георгия Гапона, с. 66.
227. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 57; Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 206.
228. См.: Записки Георгия Гапона, с. 68.
229. См.: Безбах С.А. Великий урок, с. 125.
230. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 34, 57-58.
231. Там же, с. 58; Записки Георгия Гапона, с. 69.
232. См.: Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 53.
233. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 58; Минувшие годы, 1908, № 4, апрель, с. 95.
234. Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 53.
235. См.: Безбах С.А. Великий урок, с. 89, 90; Тарараев А. Кровавое воскресенье и священник Гапон, с. 14.
236. См.: Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 26.
237. См.: Гуревич Л. 9-е января. Спб, б/г, с. 18.
238. См.: Безбах С.А. Великий урок, с. 93.
239. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 90.
240. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 54-55.
241. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 151.
242. См.: Красный архив, 1930, № 1(38), с. 4-8.
243. См.: Записки Георгия Гапона, с. 69.
244. Там же, с. 69, 70.
245. Там же, с. 69; Материалы для литературного суда над Гапоном, с. 7;

- Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 8-9.
246. См.: Спиридович А. Записки жандарма, с. 255; Былое, 1917, № 2 (24), август, с. 87; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 54.
247. См.: Горев М. Гапон и 9-е января, с. 19.
248. См.: Записки Георгия Гапона, с. 71; Гапон Г. История моей жизни, с. 35, 58.
249. Там же, с. 58; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 87; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 138.
250. См.: Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 29.
251. См.: Записки Георгия Гапона, с. 71.
252. Там же, с. 71-72; Былое, 1917, № 2(24), август, с. 87.
253. См.: Записки Георгия Гапона, с. 72.
254. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 21; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 89.
255. См.: Записки Георгия Гапона, с. 3.
256. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 134; Гапон Г. История моей жизни, с. 38, 58; Феликс. Г.А.Гапон и его общественно-политическая роль, с. 11-12.
257. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 20.
258. См.: Карелин А.А. Девятое (22-е) января 1905 года, с. 8; Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 17.
259. С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 141-142.
260. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 58; Записки Георгия Гапона, с. 73; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 21.
261. Там же; Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 11.
262. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 11; Записки Георгия Гапона, с. 73.
263. См.: Записки Георгия Гапона, с. 73-74; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 21; Карелин А.А. Девятое (22-е) января 1905 года, с. 9; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 89-90.
264. См.: Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 года, с. 29.
265. Горький М. 9-е Января. Очерк. Берлин, 1907, с. 9-10.
266. Там же, с. 13.
267. Там же, с. 14.
268. Там же, с. 17.
269. Там же.
270. М.Горький. 9-е января. В.И.Ленин. Л.-М., 1933, с. 15.
271. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 21; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 54; 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и народомов, с. 37; Троцкий Л. О девятом января. М.-Л., 1925, с. 128.
272. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 11-13.
273. Записки Георгия Гапона, с. 74.
274. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 13-14.
275. Красная летопись, 1922, № 1, с. 45.
276. См.: 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и народомов, с. 25; Священник Гапон. Берлин, б/г, с. 20.

277. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 55; Русское богатство, 1905, № 1, январь, с. 175.
278. См.: 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и народомов, с. 25.
279. С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 143.
280. Там же, с. 144.
281. См.: Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 30-31; Гапон Г. История моей жизни, с. 58-59.
282. Там же, с. 38, 58.
283. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 37, 58.
284. См.: Записки Георгия Гапона, с. 81.
285. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 57.
286. См.: там же, с. 44.
287. См.: Красный архив, 1930, № 1(38), с. 8.
288. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 90-91.
289. Записки Георгия Гапона, с. 77.
290. См.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 153.
291. См.: Записки Георгия Гапона, с. 78.
292. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 93.
293. Записки Георгия Гапона, с. 77.
294. Русское богатство, 1905, № 1, январь, с. 175.
295. См.: Безбах С.А. Великий урок, с. 125.
296. Красная летопись, 1922, № 1, с. 113.
297. См.: Горев М. Гапон и 9-е января, с. 21.
298. Вестник Европы, 1906, кн. 2, февраль, с. 849.
299. Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина, с. 153.
300. См.: Безбах С.А. Великий урок, с. 129-130.
301. Горев М. Гапон и 9-е января, с. 23; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 19.
302. Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 33-34.
303. Голос минувшего, 1917, № 11-12, ноябрь-декабрь, с. 12.
304. Там же, с. 19.
305. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 19.
306. См.: Записки Георгия Гапона, с. 83.
307. Там же; Морозов С. Дед умер молодым. М., 1984, с. 135-137.
308. Записки Георгия Гапона, с. 83.
309. Там же.
310. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 39, 59; Спиридович А. Записки жандарма, с. 175; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 92; Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 14-15.
311. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 178.
312. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 14-15.
313. См.: Записки Георгия Гапона, с. 83; Убийство Георгия Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 14.
314. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 93.
315. Там же.
316. См.: Гапон Г. История моей жизни, с. 59; Былое, 1925, № 1(29), с. 11.
317. Записки Георгия Гапона, с. 84; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий

- Гапон, с. 21; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 93; Материалы для литературного суда над Гапоном, с. 8.
318. Там же; Гапон Г.А. Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. Приложение: письма Г.Гапона к царю, министрам и к рабочим. Б/м, 1905, с. 22-23.
319. Записки Георгия Гапона, с. 84; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 94.
320. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 11.
321. Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 94.
322. См.: 9-е января. Спб., 1905 г., с. 11, 13; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 94; Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 101-102.
323. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 93-94; Безбах С.А. Великий урок, с. 130.
324. Записки Георгия Гапона, с. 84.
325. См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, с. 207; Минувшие годы, 1908, № 7, июль, с. 42.
326. См.: Записки Георгия Гапона, с. 84; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 95.
327. Записки Георгия Гапона, с. 85.
328. См.: Материалы для литературного суда над Гапоном, с. 7-8; Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 32-33.
329. Гапон Г.А. Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. Приложение: письмо Г.Гапона к царю, министрам и к рабочим. Б/м, 1905, с. 23-25; Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 36.
330. Там же.
331. Там же, с. 36-37.
332. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47, с. 10; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1971, с. 2.
333. См.: 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и нардомов, с. 25; Записки Георгия Гапона, с. 86; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 22; 9-е января. Спб., 1905 г., с. 14.
334. См.: Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 125.
335. Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 44-45.
336. См.: Красный архив, 1930, № 1(38), с. 13.
337. См.: Ельницкий А. Тысяча девятьсот пятый год, с. 86.
338. См.: Красный архив, 1930, № 1(38), с. 13.
339. Там же, с. 15-16; Записки Георгия Гапона, с. 86.
340. См.: 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и нардомов, с. 25.
341. См.: Каторга и ссылка, 1932, № 8-9 (93-94), с. 8.
342. Там же; Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 93, 94.
343. Там же, с. 94; Каторга и ссылка, № 8-9(93-94), с. 9, 19; Морозов С. Дед умер молодым, с. 173-174; Календарь русской революции. Пг., 1917, с. 27.
344. Там же; Каторга и ссылка, 1932, № 8-9(93-94), с. 10.
345. См.: Красный архив, 1935, № 1(68), с. 58.
346. См.: Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 129; Голос минувшего,

- 1917, № 11-12, ноябрь-декабрь, с. 10-11; Красная летопись, 1922, № 1, с. 56.
347. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 55.
348. См.: там же; Красная летопись, 1922, № 1, с. 56.
349. См.: Карелин А.А. Девятое (22-е) января 1905 года, с. 11; Красная летопись, 1922, № 1, с. 56; Священник Гапон. Берлин, б/г, с. 31.
350. См.: Записки Георгия Гапона, с. 86.
351. См.: Голос минувшего, 1917, № 11-12, ноябрь-декабрь, с. 10-11.
352. См.: Священник Гапон. Берлин, б/г, с. 32.
353. См.: Красный архив, 1930, № 1(38), с. 19; Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 131-134; Гуревич Л. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. Берлин, 1906, с. 81-83.
354. См.: Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 105, 131.
355. Там же, с. 133-134.
356. Там же, с. 132.
357. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 227; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2, с. 26.
358. Там же; Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905-1907 гг., с. 63.
359. Там же.
360. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 74.
361. См.: Красный архив, 1930, № 1(38), с. 18-19; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 55.
362. См.: Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 141; Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 9; Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 37-41.
363. См.: Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 37-38; 9-ое января. Спб., 1905 г., с. 14.
364. См.: 9-е января. Спб., 1905 г., с. 14.
365. Там же, с. 15.
366. См.: Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 37.
367. Там же, с. 37-38.
368. См.: Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 142; Красный архив, 1925, № 1(8), с. 69; Красный архив, 1927, № 1(20), с. 241; Гапон Г. История моей жизни, с. 42, 59.
369. Красный архив, 1925, № 4-5(11-12), с. 5.
370. Там же. 1927, № 1(20), с. 241.
371. См.: Записки Георгия Гапона, с. 87-88.
372. Там же, с. 89; Гапон Г. История моей жизни, с. 59.
373. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 15-18.
374. Красный архив, 1930, № 1(38), с. 183.
375. Былое, 1917, № 2(24), август, с. 87; Савинков Б. Воспоминания террориста. Харьков, 1926, с. 87.
376. См.: Записки Георгия Гапона, с. 89-90; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 98-99; Былое, 1917, № 2(24), август, с. 87; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 55; Исторический вестник, Спб., 1906, февраль, с. 556.
377. См.: Записки Георгия Гапона, с. 91.
378. Былое, 1917, № 2(24), август, с. 88.

379. Там же, с. 87; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 87.
380. См.: Записки Георгия Гапона, с. 91.
381. Там же, с. 91-95.
382. Надо полагать, версия о ранении Гапона, которую он сам нигде не подтверждает, была серьезно воспринята в Департаменте полиции.
383. Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 99.
384. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 19.
385. Там же.
386. Там же, с. 18.
387. Красный архив, 1925, № 1(8), с. 68; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 57; Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 38, 39; Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 49.
388. Там же, с. 40-41; Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 38-40; Ерманский О.А. Они заговорили. Отд. оттиск № 4 "Социал-демократ". Женева, 1905, с. 1; Красный архив, 1925, № 1(8), с. 68.
389. См.: Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 39.
390. См.: Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 105.
391. Там же, с. 107.
392. См.: 9-е января. Спб., 1905 г., с. 15.
393. См.: Голос минувшего, 1917, № 11-12, ноябрь-декабрь, с. 20.
394. Там же, с. 21; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 57.
395. См.: Голос минувшего, 1917, № 11-12, ноябрь-декабрь, с. 21.
396. Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 41.
397. Там же.
398. Там же, с. 40.
399. Там же, с. 42-45; Ерманский О.А. Они заговорили, с. 1; Авенар Э. Кровавое воскресенье, с. 146; Красный архив, 1925, № 1(8), с. 48; Горев М. Гапон и 9-е января, с. 23.
400. Красный архив, 1925, № 4-5(11-12), с. 7-8.
401. Гуревич Л. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г., с. 6; Пролетарская революция, 1924, № 11(34), с. 86.
402. Красная летопись, 1922, № 1, с. 137, 153.
403. Красный архив, 1925, № 4-5(11-12), с. 27, 36.
404. См.: Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 47.
405. Там же.
406. См.: Красный архив, 1925, № 1(8), с. 68; Красный архив, 1925, № 4-5(11-12), с. 25; Красный архив, 1927, № 1(20), с. 241; Красный архив, 1930, № 1(38), с. 183-184; Пролетарская революция, 1925, № 2(37). Февраль, с. 31; Ельницкий А. Тысяча девятьсот пятый год, с. 93; Ерманский О.А. Они заговорили, с. 1-2, 13-14; Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 47-49; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 57; Спиридович А. Записки жандарма, с. 177.
407. Пролетарская революция, 1925, № 2(37), февраль, с. 31.
408. Спиридович А. Записки жандарма, с. 177.
409. Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 49.
410. См.: Ерманский О.А. Они заговорили, с. 13.
411. Там же, с. 13-14.

412. Там же, с. 14.
413. Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г., с. 49.
414. Там же.
415. Там же.
416. См.: Красный архив, 1925, № 4-5 (11-12), с. 10-23.
417. Ельницкий А. Тысяча девятьсот пятый год, с. 93.
418. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 61.
419. Там же.
420. См.: Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 61.
421. Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 56.
422. См.: Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 89-90.
423. Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 371; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 56.
424. См.: Пролетарская революция, 1924, № 11(34), с. 62-71; Листовки петербургских большевиков 1902-1917. Т. 1, 1902-1907, с. 159-161, 164, 168-170, 170-171, 174, 175, 178.
425. Там же, с. 170-171, 543.
426. См.: там же, с. 161-164, 165-168, 171-173, 176-177, 178-192.
427. Там же, с. 160.
428. См.: Пролетарская революция, 1924, № 11(34), с. 76-78.
429. Пролетарская революция, 1924, № 11(34), с. 79.
430. См.: Революция 1905 года. Материалы и официальные документы, с. 34-35.
431. См.: Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 147.
432. Там же.
433. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 58.
434. Там же.
435. Там же.
436. См.: Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 149.
437. Там же, с. 150-151.
438. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 174-177.
439. Там же, с. 201-229; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1971, с. 2, 5, 6, 7, 9, 10.
440. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 202-203.
441. Там же, с. 211.
442. Там же.
443. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 14.
444. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.9, с. 216.
445. Там же, с. 217.
446. Там же.
447. Там же, с. 218.
448. Там же.
449. Там же.
450. Красный архив, 1930, № 1(38), с. 183-184.
451. См.: Троцкий Л. 1905, с. 84; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 62.
452. Троцкий Л. 1905, с. 80.
453. Там же, с. 81.

1. Троцкий Л. 1905, с. 77.
2. Красная газета, Л., 22 января 1927 г.
3. См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах. Т. 1. М., 1968, с. 290-291; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 1.
4. Там же.
5. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 178.
6. См.: Ельницкий А. Тысяча девятьсот пятый год, с. 82; Исторический вестник, 1912, № 2, февраль, с. 545; Красная летопись, 1922, № 1, с. 67, 98; Владимир Ильич Ленина. Биографическая хроника. Т. 2, с. 5.
7. Меньшевики и большевики.
8. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 99.
9. См.: Записки Георгия Гапона, с. 99-100; Гапон Г. История мой жизни, с. 46.
10. См.: Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 174.
11. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 19; Ленинский сборник. М.-Л., 1924, с. 172; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 56-57; Дейч Л. Герой на час (воспоминания о Гапоне). СПб., 1909, № 1 (январь), с. 134; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 100.
12. Троцкий Л. О девятом января, с. 128.
13. См.: Дейч Л. Герой на час, с. 134-136.
14. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 166-167.
15. См.: Дейч Л. Герой на час, с. 134.
16. Там же, с. 136.
17. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 20.
18. С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 168.
19. Там же.
20. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 20.
21. См.: Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 87.
22. Там же, с. 88.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же, с. 90.
26. Там же.
27. Там же, с. 87.
28. См.: Гапон Г.А. Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. Приложение: письма Г.Гапона к царю, министрам и к рабочим. с. 19.
29. Там же.
30. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 56.
31. Там же, с. 46.
32. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 5.
33. Там же, с. 27.
34. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 56.

35. Там же, с. 57.
36. См.: Дейч Л. Герой на час, с. 136.
37. Там же, с. 136-137.
38. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 57.
39. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 169.
40. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 16.
41. Дейч Л. Герой на час, с. 136-137.
42. Там же.
43. Пролетарская революция, 1925, № 2(37), февраль, с. 45.
44. См.: Гапон Г.А. Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание, с. 25-29.
45. Там же, с. 29.
46. Там же.
47. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 23.
48. Гапон Г.А. Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание, с. 30-31.
49. Там же, с. 30.
50. Там же.
51. Там же, с. 31.
52. Там же.
53. Троцкий Л. О девятом январе, с. 70.
54. Гусев, видимо, имеет в виду статью Ленина "Начало революции в России" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 202-203).
55. Пролетарская революция, 1925, № 2(37), февраль, с. 36.
56. См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 291-292.
57. Там же, с. 291.
58. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 22.
59. Там же.
60. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, с. 291.
61. Там же.
62. Там же, с. 292.
63. Красная газета, 1927, 22 января..
64. Там же.
65. Там же.
66. Там же.
67. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 22.
68. Там же; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 274-282.
69. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 464.
70. Там же. Т.9, с. 279.
71. Там же.
72. Там же.
73. Там же, с. 280.
74. Там же, с. 282.
75. См.: Красный архив, 1925, № 2(9), с. 32-55.
76. Дейч Л. Герой на час, с. 134.
77. Там же; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.2, с. 7, 14, 15.
78. Пролетарская революция, 1925, № 2(37), февраль, с. 85.
79. Дейч Л. Герой на час, с. 134.

80. Искра, 1905, № 93, 17 марта, с. 2; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 23.
81. Там же; Искра, 1905, № 93, 17 марта, с. 2.
82. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 292.
83. Там же, с. 295; Гусев С. 9-е января 1905 г. и Ленин. М.-Л., 1925, с. 59.
84. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 295-296.
85. Красная газета, 1927, № 18, 22 января.
86. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 17; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 247.
87. Там же, с. 252.
88. Троцкий Л. 1905, с. 79.
89. Там же.
90. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 102.
91. Там же, с. 103.
92. Там же, с. 105.
93. Там же.
94. Былое, 1917, № 3(25), сентябрь, с. 69; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 116.
95. Там же, с. 118; Былое, 1917, № 3(25), сентябрь, с. 70.
96. Там же, с. 72; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 119-120.
97. Былое, 1917, № 3(25), сентябрь, с. 72; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 120.
98. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 120; Былое, 1917, № 3(25), сентябрь, с. 72-73.
99. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 40.
100. Там же, с. 43.
101. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 16.
102. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 42.
103. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 175-176.
104. Дейч Л. Герой на час, с. 138.
105. Там же.
106. Там же.
107. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 180.
108. Былое, 1917, № 3(25), сентябрь, с. 73; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 120.
109. См.: Минувшие годы, 1908, № 7, июль, с. 39, 44.
110. Там же, с. 39.
111. Там же.
112. Там же, с. 39-40.
113. Русское богатство, 1905, № 1, январь, с. 170.
114. Там же, с. 172.
115. Там же, с. 175.
116. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 31.
117. Дейч Л. Герой на час, с. 138.
118. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 44.
119. Там же, с. 43.
120. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 17-18.
121. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 195.

122. Там же, с. 196.
123. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 44.
124. Там же, с. 102.
125. Былое, 1917, № 3(25), сентябрь, с. 72; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 119.
126. Дейч Л. Герой на час, с. 145.
127. Там же.
128. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 180.
129. Там же. Т. 9, с. 252.
130. Там же. Т. 10, с. 180; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 22.
131. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 180-181, 446-452.
132. Там же. Т. 10, с. 181.
133. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 35-36, 44, 45.
134. Минувшие годы, 1908, № 7, июль, с. 40.
135. Там же, с. 41.
136. Там же, с. 44.
137. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 109; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 24.
138. Там же.
139. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 23; Книжка за книжкой, 1906, № 1, с. 7.
140. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 24; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 110.
141. Там же.
142. Дейч Л. Герой на час, с. 145.
143. Искра, 1905, № 94, 25 марта, с. 2.
144. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 17.
145. Там же, с. 19.
146. Там же.
147. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 112-113; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 171-173; Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 186-187; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 23.
148. С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 173.
149. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 186-187.
150. Там же, с. 187.
151. Там же, с. 188.
152. Там же, с. 189.
153. Там же.
154. Там же.
155. Там же.
156. См.: Третий съезд РСДРП. М., 1937, с. 147.
157. Организации РСДРП средней Волги, Урала и Сибири.
158. См.: Третий съезд РСДРП, с. 148.
159. Там же, с. 185.
160. Там же.
161. Там же, с. 395.

162. Там же, с. 397.
163. Там же.
164. См.: Красный архив, 1925, № 1(8), с. 297.
165. См.: Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 154.
166. См.: Наука и жизнь, 1905. Кн. XII, с. 1081.
167. Там же, с. 1081-1082.
168. Дейч Л. Герой на час, с. 146.
169. Там же.
170. См.: Исторический вестник, 1912, № 2, февраль, с. 559.
171. Дейч Л. Герой на час, с. 144.
172. См.: Материалы для литературного суда над Гапоном, с. 8; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 24.
173. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 22.
174. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 105.
175. См.: Материалы для литературного суда над Гапоном, с. 8.
176. См.: 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и нардомов, с. 38; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 58.
177. См.: Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 44; Феликс. Г.А.Гапон и его общественно-политическая роль, с. 21.
178. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 24.
179. См.: Былое, 1917, № 3(25), сентябрь, с. 73; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 121.
180. См.: Убийство Георгия Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 24.
181. Там же, с. 24-25.
182. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 114-115.
183. Там же, с. 108; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 121.
184. Там же.
185. См.: Былое, 1917, № 1(23), июль, с. 196, 225, 227.
186. Дейч Л. Герой на час, с. 142.
187. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 103, 112.
188. Дейч Л. Герой на час, с. 142.
189. Там же, с. 143.
190. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 26; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 121.
191. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 116.
192. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 26.
193. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 185.
194. Там же.
195. Дейч Л. Герой на час, с. 147.
196. Там же.
197. Феликс. Г.А.Гапон и его общественно-политическая роль, с. 21, 23.
198. Красная летопись, 1922, № 1, с. 112.
199. Исторический вестник, 1912, № 2, февраль, с. 558.
200. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 196.

201. Там же.
202. Там же, с. 186.
203. См.: Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 186.
204. См.: Записки Георгия Гапона, с. 4.
205. См.: В стране изгнания (из записной книжки корреспондента). Из воспоминаний Е.П.Семенова. Спб., 1911, с. 176.
206. Записки Георгия Гапона, с. 4.
207. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с.117.
208. Записки Георгия Гапона, с. 7.
209. Там же, с. 103.
210. Там же, с. 104.
211. Дейч Л. Герой на час, с. 152.
212. См.: В.И.Ленин и А.М.Горький. М., 1969, с. 13, 531; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 115.
213. См.: Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 190.
214. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11, с. 43.
215. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 43.
216. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 195.
217. Дейч Л. Герой на час, с. 147.
218. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 192.
219. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 17.
220. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 29.
221. См.: Исторический вестник, 1912, № 2, февраль, с. 564.
222. Там же, с. 571.
223. Дейч Л. Герой на час, с. 150.
224. Красная летопись, 1922, № 1, с. 113.
225. См.: Горев М. Гапон и 9-е января, с. 24.
226. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 26.
227. Там же.
228. Всемирный вестник, 1907, № 2, февраль, с. 15.
229. Там же, с. 16-17.
230. Там же, с. 17.
231. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 27.
232. Там же, с. 28.
233. Всемирный вестник, 1907, № 2, февраль, с. 18.
234. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 110.
235. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 169.
236. Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 39.
237. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 25.
238. Там же.
239. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 27, 53.
240. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 450.
241. Дейч Л. Герой на час, с. 150.
242. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 294-295.
243. См.: Первая боевая организация большевиков. М., 1934, с. 276-277, 324-325.
244. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 120.

245. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 27.
246. Там же.
247. Там же, с. 28-29.
248. Там же, с. 28.
249. Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 40.
250. Там же, с. 41-46.
251. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 29.
252. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 113.
253. Там же; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 121.
254. Там же.
255. Там же.
256. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 40.
257. Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 121.
258. Там же, с. 122.
259. См.: Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 150.
260. Там же, с. 150-151.
261. См.: Материалы для литературного суда над Гапоном, с. 10.
262. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 168.
263. Там же.
264. Там же, с. 169.
265. Там же, с. 170.
266. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 170; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 25.
267. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 170.
268. Всемирный вестник, 1907, № 2, февраль, 23.
269. Там же. 1907, № 3, март, 38-39.
270. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 28.
271. Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 126.
272. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 46.
273. Дейч Л. Герой на час, с. 153.
274. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 30-31.
275. Там же, с. 31.
276. См.: Феликс. Г.А.Гапон и его общественно-политическая роль, с. 2.
277. Там же, с. 2-3.
278. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 47.
279. Там же, с. 47-48.
280. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 114.
281. Всемирный вестник, 1907, № 3, март., с. 50.
282. Дейч Л. Герой на час, с. 153.
283. Там же.
284. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 32.
285. Там же, с. 33.
286. См.: Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 24.
287. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 15.
288. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 27.
289. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 15.
290. Там же.

291. Там же, с. 16.
292. Там же.
293. Там же.
294. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 37.
295. Там же, с. 40.
296. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 40; Дейч Л. Герой на час, с. 154; Красная летопись, 1922, № 1, с. 115.
297. Там же.
298. Там же.
299. Дейч Л. Герой на час, с. 154.
300. Там же.
301. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 40; Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 55.
302. Там же.
303. Там же; см.: Дейч Л. Герой на час, с. 154; Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 40.
304. Там же; Дейч Л. Герой на час, с. 154.
305. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 21; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 28.
306. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 56.
307. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 27; Былое, 1925, № 1(29), с. 22.
308. В стране изгнания, с. 163.
309. Там же; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 143.
310. См.: Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 59.
311. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 146-150; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 24; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 187-191.
312. С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 189-190.
313. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 24.
314. С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 190.
315. Там же, с. 190-191.
316. Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 24.
317. Дейч Л. Герой на час, с. 154.
318. В стране изгнания, с. 164.
319. Там же, с. 166.
320. Там же.
321. Там же, с. 167.
322. Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 150.
323. В стране изгнания, с. 168.
324. Там же.
325. Там же, с. 170.
326. См.: Венедиктов-Безнюк. Георгий Гапон, с. 28.
327. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 58.
328. Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 14.
329. Там же.
330. Былое, 1925, № 1(29), с. 24.
331. Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 14.

332. Былое, 1925, № 1(29), с. 25-26.
333. Там же, с. 19.
334. Министр внутренних дел П.Н.Дурново.
335. Былое, 1925, № 1(29), с. 19.
336. Там же.
337. Былое, 1925, № 1(29), с. 17-18; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 59.
338. Былое, 1925, № 1(29), с. 18.
339. Там же.
340. Там же.
341. Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 14.
342. Всемирный вестник, 1907, № 1, январь, с. 56.
343. Там же.
344. См.: Никифоров. Правда о священнике Гапоне, с. 15; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 150-151; В стране изгнания, с. 171.
345. Там же.
346. Там же, с. 171-172.
347. Там же, с. 172.
348. Там же.
349. Там же, с. 172-173.
350. Там же, с. 171.
351. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 59; Горев М. Гапон и 9-е января, с. 26.
352. Там же.
353. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 203.
354. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 60.
355. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 27.
356. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 20.
357. Там же; Горев М. Гапон и 9-е января, с. 25; Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 57.
358. Там же.
359. Там же, с. 58.
360. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 201-203.
361. Русское богатство, 1909, № 1, январь, с. 192.
362. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 19; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 59.
363. Там же; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 27; Былое, 1925, № 1(29), с. 19.
364. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 28.
365. Былое, 1925, № 1(29), с. 19.
366. Там же, с. 19-20.
367. Там же, с. 20.
368. Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 60.
369. Там же.
370. Там же.
371. Там же; Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 67.
372. Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 61.
373. См.: Листовки петербургских большевиков. Т.1. 1902-1907. с. 309-313.

374. Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 61.
375. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 63; Горев М. Гапон и 9-е января, с. 27.
376. Там же; Былое, 1925, № 1(29), с. 21; Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 63.
377. Там же, с. 41, 63; Горев М. Гапон и 9-е января, с. 27.
378. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 64.
379. Там же.
380. Там же.
381. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 156; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 202-203.
382. Там же, с. 203.
383. См.: Горев М. Гапон и 9-е января, с. 27.
384. Там же.
385. См.: Исторический вестник, 1912, № 6, июнь, с. 924-932.
386. См.: Всемирный вестник, 1907, № 1, март, с. 62.
387. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 64.
388. Там же, с. 64-65,
389. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 16-17.
390. Красное знамя, Париж, 1906, № 2, май, с. 89-90.
391. Там же, с. 91-93, 129-132.
392. Там же, с. 91.
393. Там же, с. 92-93.
394. Там же, с. 129-132.
395. См.: Феликс. Г.А.Гапон и его общественно-историческая роль, с. 31-32.
396. Там же, с. 32.
397. Минувшие годы, 1908, № 4, апрель, с. 102.
398. См.: Красный архив, 1925, № 2(9), с. 294.
399. См.: Материалы литературного суда над Гапоном, с. 12; Былое, 1925, № 1(29), с. 20; Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 41.
400. Там же, с. 42; 9-е января 1905 г. Сборник для рабочих клубов и нардомов, с. 39.
401. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 42.
402. Там же.
403. Там же.
404. См.: Материалы для литературного суда над Гапоном, с. 12.
405. Там же; Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 42.
406. Там же, с. 43.
407. Там же.
408. Там же; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 25; Красный архив, 1925, № 2(9), с. 294, 295.
409. Там же, с. 295.
410. Там же, с. 296.
411. Там же, с. 296-297; Ростов Н. Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон, с. 60.
412. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 34.
413. Там же, с. 43.
414. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 30.

415. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 37-38, 44-54.
416. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 38.
417. Там же, с. 45.
418. Там же, с. 46.
419. Там же, с. 48-49.
420. Там же, с. 50.
421. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 121.
422. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 57; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 29.
423. Там же.
424. Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 63.
425. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 57.
426. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 115.
427. Там же, с. 116.
428. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 29.
429. Там же.
430. Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 65.
431. Там же.
432. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 57-61.
433. См.: там же, с. 57.
434. Там же, с. 58.
435. Там же, с. 58-59; Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 242, 244.
436. Там же, с. 243.
437. Там же.
438. Там же, с. 242.
439. Там же, с. 243-244.
440. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 59-61.
441. См.: Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 242.
442. Там же.
443. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 62.
444. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 65.
445. См.: там же; Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 68; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 29-30; Горев М. Гапон и 9-е января, с. 27-28.
446. Там же.
447. Горев М. Гапон и 9-е января, с. 29.
448. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 29.
449. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 65.
450. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 30.
451. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 68, 75.
452. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 30.
453. См.: Всемирный вестник, 1907, № 3, март, с. 65.
454. См.: Исторический вестник, 1912, № 3, март, с. 954.
455. Там же, с. 955.
456. Там же.
457. Там же.
458. Там же; С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 207.
459. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 73.

460. Там же, с. 75.
461. Там же.
462. Шебуев Н. Дело об его рабочем величестве пролетарии всероссийском. М., 1931, с. 62.
463. См.: Исторический вестник, 1912, № 3, март, с. 956-957.
464. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 31-32.
465. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 63.
466. Там же, с. 69.
467. Там же, с. 70.
468. Там же, с. 71, 72, 73.
469. См.: Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 246.
470. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 78, 80.
471. Там же, с. 83.
472. Там же.
473. Там же, с. 84.
474. См.: Исторический вестник, 1912, № 3, март, с. 957-958.
475. Там же, с. 958-959.
476. Там же, с. 959-960.
477. Там же, с. 960.
478. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 85.
479. Там же.
480. Там же.
481. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с.174.
482. Там же.
483. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 28.
484. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 86, 87, 89.
485. Там же, с. 87.
486. Там же, с. 89.
487. Там же, с. 89-90.
488. Там же, с. 90.
489. Там же.
490. См.: там же, с. 91.
491. Там же, с. 92.
492. Там же.
493. Былое, 1909, № 11-12, июль-август, с. 116.
494. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 93.
495. Там же, с. 95.
496. Былое, 1909, № 11-12, июль-август, с. 116.
497. Там же, с. 117.
498. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 95; Мстиславский С. Смерть Гапона. М., 1928, с. 17.
499. Там же, с. 20.
500. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 95.
501. Мстиславский С. Смерть Гапона, с. 18.
502. Там же.
503. Там же.
504. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 95.
505. Там же.

506. Там же.
507. Там же, с. 96.
508. Там же.
509. Познание России. Кн. I, Спб., 1909, с. 252.
510. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 220.
511. Там же, с. 221.
512. См.: Былое, 1909, № 11-12, июль-август, с. 117.
513. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 96.
514. Там же, с. 98, 99;
515. Там же, с. 103.
516. Былое, 1909, № 11-12, июль-август, с. 119.
517. Там же, с. 120.
518. Там же.
519. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 106-107.

Глава 4

1. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 107; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 36.
2. Былое, 1909, № 11-12, июль-август, с. 120.
3. Там же.
4. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 1.
5. Там же, с. 111-117.
6. Там же, с. 111.
7. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 111.
8. См.: Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 247.
9. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 113.
10. Там же.
11. Там же, с. 115.
12. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 208.
13. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 37.
14. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 208.
15. Там же, с. 208-209.
16. Там же, с. 209.
17. Там же, с. 215-216.
18. Там же, с. 212-215; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 37.
19. См.: Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 37.
20. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 63, 64; Красная летопись, 1925, № 2(13), с. 245.
21. Там же.
22. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 63, 64.
23. Там же, с. 63.
24. См.: Красная летопись, 1925, № 2(13), с. 244.
25. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 64.
26. Там же.
27. Шебуев Н. Дело об его рабочем величестве пролетарии всероссийском, с. 65.
28. Там же, с. 71.
29. Там же, с. 69.

30. Там же, с. 70.
31. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 225; Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 107.
32. См.: Красная летопись, 1925, № 2(13), с. 246.
33. Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 37.
34. См.: С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 226.
35. Там же; Галузо П.Г. Гапон и гапоновщина, с. 16; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 37.
36. См.: Былое, 1925, № 1(29), с. 64-65.
37. См.: Исторический вестник, Спб., 1909, т.118, с. 206.
38. Былое, 1925, № 1(29), с. 64.
39. Там же.
40. Там же, с. 65.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же.
47. См.: Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 178; Исторический вестник, 1912, № 3, март, с. 961.
48. Исторический вестник, т.118, с. 210.
49. Там же, с. 208.
50. Там же.
51. Исторический вестник, т.118, с. 209.
52. Там же.
53. Там же.
54. Минувшие годы, 1908, № 3, март, с. 104.
55. С-ский Н. Психология русского рабочего вопроса, с. 211-212.
56. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 149.
57. Там же, с. 150.
58. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 135; В.И.Ленин впервые вводит в свой лексикон слово "гапономиада" в июне 1912 года — см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21, с. 350.
59. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 151.
60. Там же.
61. См.: Былое, 1909, № 11-12, июль-август, с. 121; Сверчков Дм. Георгий Гапон. Опыт политической биографии, с. 177; Венедиктов-Безнюк Д. Георгий Гапон, с. 33.
62. См.: Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 151-152.
63. Там же, с. 117-118.
64. Там же, с. 119.
65. Убийство Гапона. Записки П.М.Рутенберга, с. 120.
66. Там же, с. 120-122.
67. Там же, с. 123, 124-125.
68. Там же, с. 152.
69. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 323.
70. См.: Познание России. Кн. I, с. 247.
71. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 323, 324.

72. Л. Дейч в своей книге "Провокаторы и террор" (Тула, 1927, с. 43) называет двух человек (неких Степана и Павла), участвовавших в убийстве Гапона.
73. Савинков Б. Воспоминания террориста, с. 323.
74. Красная летопись, 1922, № 1, с. 116.
75. См.: Былое, 1917, № 1(23), июль, с. 196.
76. См.: Там же, 1917, № 2(24), август, с. 190, 192.
77. Там же, с. 189.
78. См.: Познание России. Кн. I, с. 250.
79. Там же, с. 276; Речь, 1909, 3 февраля.
80. См.: Познание России. Кн. I, с. 275.
81. Там же, с. 252.
82. Там же, с. 276.
83. См.: Красная летопись, 1922, № 1, с. 116.
84. Там же.

Вместо эпилога

1. См.: Троцкий Л. 1905, с. 80.
2. Там же.
3. См.: Познание России. Кн. I, с. 280.
4. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. II, с. 43.
5. Там же. Т. 21, с. 350.
6. Там же. Т. 22, с. 85.
7. Там же, с. 209.
8. Там же. Т. 26, с. 263, 300; Т. 49, с. 93, 237.
9. Там же. Т. 37, с. 70; Т. 54, с. 479.
10. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, М., 1971, с. 195-196, 200, 202, 205, 218, 219, 223, 237.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕГО ЗНАЛИ НИКОЛАЙ II, ПЛЕХАНОВ,
ЛЕНИН, АЗЕФ, ЖОРЕС, КЛЕМАНСО 3

Глава первая
ВТОРОЙ ЗУБАТОВ? 6

Глава вторая
СВЯЩЕННИК НАЧИНАЕТ РЕВОЛЮЦИЮ 66

Глава третья
КОГДА ДОГОРАЮТ СВЕЧИ 154

Глава четвертая
КТО И ПОЧЕМУ УБИЛ ГАПОНА? 255

ВМЕСТО ЭПИЛОГА..... 273

Примечания..... 276

И.А. Ксенофонов

ГЕОРГИЙ ГАПОН

Художественное оформление А.Сорокин

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 16.08.1996.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 3000. Заказ № 243

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1. Тел. 181-00-13. Факс. 181-0113

Отпечатано с оригинал-макета в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6